

1911.

Годъ 19.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

→ 6 ←

АСТА

ET

COMMENTATIONES

IMP. UNIVERSITATIS JURJEVENSIS

(OLIM DORPATENSIS).

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1911.

Отъ редакціи.

Редакція „Ученыхъ Записокъ ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета“ взаменъ особыхъ извѣщеній симъ имѣетъ честь предложить всѣмъ учрежденіямъ, редакціямъ и лицамъ, съ коими она состоитъ въ обменѣ изданіями въ текущемъ 1911 году, продолжать этотъ обменъ и въ будущемъ 1912 году.

Редакторъ Д. Кудрявскій.

1911.

Годъ 19.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1911.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Юрьевскаго
Университета.

Юрьевъ, 12 ноября 1911 г.

№ 2647.

Ректоръ **В. Алексѣевъ.**

СОДЕРЖАНИЕ.

Приложенія.		Стр
Проф. М. Красноженъ. Толкователи каноническаго кодекса восточной церкви: Аристинъ, Зонара и Вальсамовъ		65—240
Проф. Н. К. Грунскій. Очерки по исторіи разработки синтаксиса славянскихъ языковъ		1—112

Дадимъ сперва общую характеристику древнихъ схолий, а затѣмъ, укажемъ на сколько воспользовались ими названные канонисты.

Хотя существовавшія до XII в. схолии не представляютъ собою систематическаго цѣлаго и являются отрывочными, но тѣ характеристическія черты и тѣ приемы, которые мы находимъ у позднѣйшихъ толкователей каноническаго кодекса греческой церкви, встрѣчаются уже и у ихъ предшественниковъ.

Большая часть древнихъ схолий представляетъ собою краткое изложеніе всего правила, или части его ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ толкователи входятъ въ болѣе подробное выясненіе смысла правила и высказываютъ свой взглядъ относительно того, какъ правило должно быть понимаемо ²⁾; объясняютъ значеніе употребленныхъ въ текстѣ правила отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ выраженій ³⁾; указываютъ мотивы, которыми могли руководствоваться отцы церкви при изданіи нѣкоторыхъ правилъ, и обстоятельства, вызвавшія появленіе того или другаго правила ⁴⁾; разрѣшаютъ вопросы, могущіе, возникнуть при примѣненіи правила на практикѣ, и указываютъ случаи, которые хотя и не предусмотрѣны правиломъ, но подлежатъ его дѣйствию ⁵⁾, а также и такіе,

1) Напр., толкованіе на пр. Апост. 34-е (Cod. Monac. № 380), 68-е (Cod. Monac. № 122); 1-го всел. 5-е (Cod. Vallic.), 19-е (№ 122); Халкид. 12-е (Vallic.); Антиох. 11-е (№ 122); Лаодик. 45-е (№ 122); Карѣ. 6-е (№ 122) и др.

2) Сардик. 4-е (№ 380); Карѣ. 4-е (Vallic.); Діонисія Алекс. къ Василиду (№ 122) и др.

3) Апост. 3-е (№ 122), 12-е (№ 122), 33-е (№ 380), 50-е (Vallic.); Антиох. 7-е (№ 380); Сардик. 7-е (Vallic.), 10-е (№ 122); св. Василия В. 7-е (№ 122), 88-е (№ 122) и мн. др.

4) 7-го всел. 1-е (№ 122); Лаодик. 50-е (№ 380); Карѣ. 58-е (Vallic.) и другія.

5) Св. Василия В. 81-е (№ 122) и другія.

къ которымъ правило примѣнимо быть не можетъ ¹⁾: отмѣчаютъ правила, потерявшія силу ²⁾. Если объ одномъ и томъ же предметѣ трактуется въ нѣсколькихъ правилахъ, то, объясняя одно изъ нихъ, схолиастъ дѣлаетъ ссылки и на другія ³⁾; въ случаѣ противорѣчія одного правила другому, отмѣчаетъ это противорѣчїе ⁴⁾; ссылается иногда въ подтвержденіе правила на св. Писаніе ⁵⁾. Въ толкованіяхъ на тѣ правила, въ которыхъ говорится о правахъ и преимуществахъ Константинопольскаго патріарха и Римскаго папы, можно замѣтить ревностную защиту правъ перваго и осужденіе (иногда въ суровой формѣ) притязаній послѣдняго, а также, вообще, обычаевъ римской церкви ⁶⁾.

Нѣкоторыя изъ древнихъ схолій отличаются такою обстоятельностью и разсматриваемые въ нихъ вопросы разрѣшены на столько удовлетворительно, что знаменитые толкователи каноническаго кодекса — Аристинъ, Зонара и Вальсамонъ — сочли нужнымъ воспользоваться ими вполнѣ, или отчасти. Надо, впрочемъ, замѣтить, что иногда эти канонисты не раздѣляютъ взглядовъ своихъ предшественникомъ, и высказываемыя ими по нѣкоторымъ вопросамъ мнѣнія являются несогласными съ мнѣніями этихъ послѣднихъ.

Мы приведемъ здѣсь какъ тѣ древнія схоліи, которыя легли въ основу толкованій канонистовъ XII в., такъ и тѣ изъ нихъ, которыя эти послѣдніе хотя имѣли въ виду, но съ высказанными здѣсь взглядами являются несогласными.

1) Апост. 20-е (Vallіc. и Монас. № 380), 31-е (Vallіc.).

2) Апост. 33-е (Vallіc.).

3) Апост. 25-е (№ 122), 80-е (№ 122); 1-го всел. 2-е (№ 122), 15-е (№ 380); Анкир. 10-е (№ 122); Лаодик. 50-е (№ 380) и др.

4) Апост. 80-е (№ 122); 1-го всел. 2-е (№ 122); Анкир. 10-е (№ 122) и другія.

5) Лаод. 35-е (№ 380); Карѳ. 113-е (Vallіc.); св. Василия В. 32-е (№ 122) и др.

6) 1-го всел. 2-е (№ 122); Сардик. 5-е (№ 122), 9-е (№ 380); Карѳ. 4-е (№ 122).

Въ толкованіи на 20-е пр. Апост. (Cod. Vallic.), по которому клирикамъ запрещается, подѣ страхомъ изверженія, давать поручительство за другихъ лицъ, предусматривается случай, составляющій исключеніе изъ этого правила, а именно, когда поручительство дается съ цѣлію освободить кого-либо отъ оковъ и темницы; давшій такое поручительство за ближняго не только не подлежитъ наказанію, но и достоинъ похвалы. Этотъ случай исключенія изъ правила приводятъ въ своихъ толкованіяхъ Аристинъ и Зонара. Вальсамонъ тоже говоритъ, что „не будетъ подлежать изверженію (клирикъ), если поручится за какого нибудь бѣднаго изъ состраданія и поставитъ себя за другаго по какой нибудь благочестивой причинѣ“ ¹⁾.

Еще болѣе богатою по содержанію является схолія на то же 20-е Апост. пр., находящаяся въ Cod. Monac. № 380 (стр. 154). Кромѣ сказаннаго въ предшествующей схоліи Cod. Vallic., здѣсь мы находимъ ссылку на 4-е дѣяніе Халкид. соб., на 39 и 40 главу IX тит. настоящаго собранія (Номоканона) и на 123 новеллу имп. Юстиніана. Первую изъ указанныхъ ссылокъ содержитъ толкованіе на это правило Аристина, послѣднія же двѣ — толкованіе Вальсамона²⁾.

1) Правила св. Апост. и т. д., въ русскомъ переводѣ, стр. 38.

2) Въ рукописи читаемъ: *καὶ ἐν τῇ τετάρτῃ πράξει τῶν ἐν Χαλκηδόνι πραχθέντων, καὶ ἡ ἁγία σύνοδος, καὶ οἱ συνεδρεύοντες αὐτῇ ἐνδοξότατοι ἄρχοντες διατάλησαν τοὺς Αἰγυπτίους ἐπισκόπους ἐγγύας προσεδρείας παρασχεῖν, ἢ τούτων ἀποροῦντας ἐξωμοσίᾳ καταπιστευθῆναι.*

Почти тоже самое читаемъ въ толкованіи Аристина на это правило: *... καὶ ἐν τῇ τετάρτῃ πράξει τῶν ἐν Χαλκηδόνι πραχθέντων, ἡ ἁγία σύνοδος, καὶ οἱ συνεδρεύοντες αὐτῇ ἐνδοξότατοι ἄρχοντες διέλαβον τοὺς Αἰγυπτίους ἐπισκόπους ἐγγύας προσεδρείας παρασχεῖν, καὶ τούτων ἀποροῦντας ἐξωμοσίᾳ καταπιστευθῆναι.* (Σ. II, 29).

Далѣ, въ рукописи читаемъ: *ὅσα ἐν τοῖς πολιτικοῖς νόμοις περὶ τούτου εἶρηται, εὐρήσεις ἐν τῇ λδ'. κεφαλαιῷ τοῦ θ' .τίτλου τοῦ παρόντος βιβλίου, εὐρήσεις δὲ καὶ ἐν νεαρᾷ ρκγ'. βιβλ. γ'. τῶν Βασιλικῶν τιτ. α' κεφ. λθ'. καὶ μ'.*

Въ толкованіи Вальсамона, между прочимъ, находимъ: *Ἀνάγνωθι*

Въ толкованіи на 25-е Апост. пр. (Монас. № 122, 2-я стр. 324 листа; № 380 стр. 155) есть ссылка на 3-е и 32-е пр. Василия Вел.; тѣже правила цитируетъ въ своемъ толкованіи на это Апост. правило Вальсамонъ.

Толкованія на 27-е Апост. правило Зонары и Вальсамона по мысли сходны съ толкованіемъ на то же правило, находящимся въ cod. Монас. (№ 122, на 2-ой стр. 324 л.; № 380 на стр. 155); и здѣсь приводится Евангельское изреченіе: „ударившему по правой щекѣ подставь лѣвую“, которое встрѣчаемъ у названныхъ двухъ канонистовъ. Толкованіе же Аристина почти дословно повторяетъ схолію ¹⁾.

Въ древней схоліи на 29-е Апост. прав. (Cod. Vallic.) написано: „Въ другомъ мѣстѣ сказано — не наказывай дважды

δὲ καὶ τὴν ριγ'. Ἰουστινιάνειον νεαράν, κειμένην ἐν βιβλίῳ γ'. τῶν βασιλικῶν τίτλῳ α'... Ζῆται καὶ τὸν θ'. τίτλον τοῦ παρόντος συντάγματος, κεφ. λδ'. καὶ κς'... (Σ. II, 28 и 29).

1) Схолія на означенное правило въ cod Монас. № 122 и № 380 читается такъ: Εἰς ἑαυτὸν δηλονότι ἀμαρτάνοντας, οὓς καὶ τύπτει, διὰ τοῦ ἐντεῦθεν φόβου τὸ μὴ καὶ ἑτέρους τὰ ὅμοια εἰς αὐτὸν πλημμελεῖν προδιορθούμενος, ὑπεναντία ποιῶν τῷ κελεύοντι νόμῳ παρέχειν καὶ τὴν λοιπὴν σιαγὸνα τοῦτῃ, ὅς ἐξ αὐθαδεῖας ἡμῖν κατακορῆς ἤνεγκεν ἀκατασχέτῳ θυμῷ ληφθεὶς τὴν πληγὴν. Ὁ τοιοῦτος οὖν ἔνοχος τῷ ἱερῷ νόμῳ, ἀλλ' οὐκ ἐκείνος, ὅς τὸν εἰς ἱερέα παρανομοῦντα σάφρονι μάλιστα καλῶς γε ποιῶν σωφρονίζει, ἔχων αὐτὸν τε τὸν Κύριον συμφωνοῦντα τῷ ἔργῳ, ὀπηνίκα τῷ ἐκ σχοινοῦ φραγελλίῳ τοὺς ἱεροκαπήλους ἀπήλασε τοῦ νομικοῦ ἱεροῦ, καὶ τὸν ἐπιστρέφουσιν τοῖς φοβουμένοις τὸν Κύριον καὶ γινώσκουσιν αὐτοῦ τὰ μαρτύρια προσευχόμενον, καὶ δὴ καὶ αὐτοὺς τοὺς ἐκκλησιαστικοὺς νομοφύλακας, οὓς ἐκδικίους λέγουσιν, ἄνωθεν ἐκ πατέρων ἐκδικεῖν τὰ τοιαῦτα τεταγμένους. (Pitra II, стр. 643).

Аристинъ пишетъ: Ὁ τὸν εἰς αὐτὸν ἀμαρτήσαντα πιστὸν, ἢ ἄπιστον τύπτων ἱερεὺς, καὶ διὰ τοῦ ἐντεῦθεν φόβου τὸ μὴ καὶ ἑτέρους εἰς αὐτὸν τὰ ὅμοια πλημμελεῖν διορθούμενος, ὡς ὑπεναντία ποιῶν τῷ κελεύοντι νόμῳ, παρέχειν τῷ τὴν σιαγὸνα τύπτοντι καὶ τὴν ἄλλην, καθαρεῖται, διὰ τὸ ἐξ αὐθαδεῖας, καὶ ἀκατασχέτου θυμοῦ ἐπενεγκεῖν τὴν πληγὴν. Ὁ δὲ τὸν εἰς τὰ ἱερά παρανομοῦντα σάφρονι μάλιστα σωφρονίζων, καθάπερ δὴ καὶ ὁ Κύριος τοῦ νομικοῦ ἱεροῦ τοὺς ἱεροκαπήλους τῷ ἐκ σχοινοῦ φραγελλίῳ ἀπήλαυεν, οὐ καθαιρηθήσεται· διὰ τοῦτο γὰρ οἱ ἐκκλησιαστικοὶ νομοφύλακες, καὶ ἐκδικιοὶ λέγονται, ὡς ἐκ πατέρων ἄνωθεν τεταγμένοι τὰ τοιαῦτα ἐκδικεῖν. (Σ. II, 35 и 36).

за одно и то же». И Зонара начинает свое толкование словами. «Въ 25 прав. (Апост.) сказано, что не должно дважды наказывать за одно и то же¹⁾».

Толкование (первое) Вальсамона на 31-е Апост. пр. въ концѣ почти дословно сходно съ толкованіемъ, помѣщеннымъ въ Cod. Vallic.²⁾

Къ 41-му Апост. правилу въ Cod. Monac. (№ 122, л. 400) приписана слѣдующая краткая схолія: „Необходимыя нужды — содержаніе и кровь, какъ говорить и св. Павелъ“. Ссылку на Ап. Павла находимъ также въ толкованіи на это правило Зонары.

Толкование Зонары на 50-е Апост. пр. весьма близко подходит къ схолии на то же правило Cod. Vallic.³⁾

Въ схолии на 80-е Апост. прав. (cod. № 122, 2-я стр. 114 л. ;

1) Правила св. Апост. и т. д., въ русскомъ переводѣ, съ толкованіями, стр. 52.

2) Здѣсь Вальсамонъ, между прочимъ, пишетъ...

Σημείωσαι τὸν παρόντα ἀποστολικὸν κανόνα διοριζόμενον ἀκινδύνως ἀποσχίζειν τοὺς κληρικοὺς ἀπὸ τῶν ἐπισκόπων αὐτῶν, καταγινώσκοντας τούτων ὡς ἀσεβούντων, ἢ ἀδικούντων, καὶ ἐστὶ καινὸν τὸ τῆς ἀδικίας. Ἐξ ἑτέρου δὲ τρόπου, κἂν τῶν χειρίστων πάντων ἐστὶν ὁ ἐπίσκοπος, ἢ ὁ ἱερεὺς, οὐκ ὀφείλει τις ἀποσχίζειν ἐξ αὐτῶν, μᾶλλον μὲν οὖν πιστεύειν διὰ τοῦ ἀμαρτωλοτάτου ἱερέως, ἢ ἐπισκόπου ἀγιάζεσθαι· πάντας γάρ, φησὶν, ὁ Θεὸς οὐ χειροτονεῖ, διὰ πάντων δὲ ἐνεργεῖ. (Σ. II, 41).

Въ Cod. Vallic. читаемъ: Σημείωσαι τὸν ἄνωθεν λα΄ κανόνα τῶν ἁγίων ἀποστόλων, διοριζόμενον ἀκινδύνως ἀποσχίζειν τοὺς κληρικοὺς ἀπὸ τῶν ἐπισκόπων αὐτῶν, καταγινώσκοντας τούτων ὡς ἀσεβούντων ἢ ἀδικούντων, κἂν ἢ τι καινὸν τὸ τῆς ἀδικίας· ἐξ ἑτέρου δὲ τροποῦ κἂν τῶν χειρίστων πάντων ἐστὶν, οὐκ ὀφείλει τις ἀποσχίζειν ἐκ τοῦ ἐπισκόπου αὐτοῦ ἢ τοῦ ἱερέως, μᾶλλον μὲν οὖν πιστεύειν διὰ τοῦ ἀμαρτωλοτέρου ἱερέως ἢ τοῦ ἐπισκόπου ἀγιάζεσθαι· πάντας γάρ, φησὶν, ὁ Θεὸς οὐ χειροτονεῖ, διὰ πάντων δὲ ἐνεργεῖ. (Pitra II, 657).

3) Толкование на это правило начинается такъ: Τρία βαπτίσματα ἐνταῦθα τὰς τρεῖς καταδύσεις φησὶν ὁ κανὼν, ἐν μιᾷ μυσίει, ἦτοι ἐν ἐνὶ βαπτίσματι. (Ὡστε τὸν βαπτίζοντα ἐκάστη τῶν καταδύσεων ἐν τῆς ἁγίας Τριάδος ἐπιλέγειν ὄνομα... Σ. II, 66).

А вотъ схолія Cod. Vallic. (Τρία βαπτίσματα) μιᾶς μυσίσεως ἀντὶ τοῦ τρεῖς καταδύσεις ἐν ἐνὶ βαπτίσματι ἐπιφημίζει, ἐκάστη καταδύσει ἐν τοῖς τῆς ἁγίας Τριάδος προσώποις Πατρὸς, Υἱοῦ καὶ Πνεύματος ἁγίου. (Pitra II, 657).

№ 380, стр. 160) древній схоліастъ ссылається на 2-е пр. 1-го Никейскаго собора и указываетъ на то, что 10-е пр. Сардикійскаго соб. противорѣчитъ (отчасти) 80-му Апост. правилу. Указаніе на 2-е пр. Никейскаго соб. мы находимъ также у Зонары и Вальсамона; но о 10-мъ правилѣ Сардикійскаго соб. первый изъ толкователей совершенно не упоминаетъ, а второй, указывая на это правило, не находитъ въ немъ никакого противорѣчія съ 80-мъ Апост. прав.

Въ толкованіи на 2-е пр. Никейскаго собора схоліастъ (cod. Monac. № 122, 1-я стр. 115 л.; № 380, стр. 161) полемизируетъ противъ римлянъ и говоритъ, что отцы перваго вселенскаго собора, слѣдуя 80-му Ап. прав., правильнѣе опредѣлили понятіе неопита, чѣмъ опредѣляютъ его по невѣжеству и неразумію римляне, ссылающіеся на 10-е пр. Сардикійскаго собора. Зонара и Вальсамонъ тоже ссылаются на 80-е Ап. прав., но о 10-мъ Сардикійскомъ совсѣмъ не упоминаютъ; а Аристинъ, не видя въ этомъ правилѣ никакого противорѣчія съ 2-мъ Никейскимъ, приводитъ его, какъ дополненіе къ этому послѣднему.

На 5-е прав. Никейск. соб. въ Cod. Vallis. находится слѣдующее толкованіе: „Не должно отлученнаго однимъ (епископомъ) другому разрѣшать. Ибо поранившій, по древней пословицѣ, будетъ и лечить“¹⁾. Эту пословицу приводитъ въ своемъ толкованіи на указанное правило и Аристинъ; онъ начинаетъ его такъ: „По притчѣ, кто нанесъ рану, тотъ долженъ подать и врачеваніе“²⁾.

Схолія къ 7-му пр. Никейск. соб. (cod. Monac. № 122, 1-я стр. 73 л.; № 380, стр. 162) говоритъ, что „нѣкоторые“ подъ упоминаемою въ этомъ правилѣ митрополіею подразумеваютъ Кесарію Палестинскую. Зонара въ своемъ толкованіи смотритъ на это мнѣніе тоже какъ на мнѣніе „нѣкото-

1) Pitra II, 658.

2) Правила св. вселен. соб., въ русск. переводѣ, съ толкованіями стр. 26.

рыхъ“, а Аристинъ и Вальсамонъ уже положительно утверждаютъ, что правило подъ митрополіею подразумѣваетъ Кесарію Палестинскую.

Въ толкованіи на 3-е прав. Константинопольская (2-го всел.) соб. (№ 122, 2-я стр. 73 л. и 1-я стр. 74 л.; № 380, стр. 183) схолиастъ разсматриваетъ, въ какомъ смыслѣ употребленъ въ текстѣ правила ¹⁾ предлогъ *μετά*. По его мнѣнію, предлогъ *μετά* здѣсь означаетъ время, а не умаленіе чести предъ древнимъ Римомъ; въ подтвержденіе своего взгляда онъ ссылается на 28-е пр. Халкид. соб., которое надѣляетъ Константинопольскаго патріарха одинаковыми преимуществами съ Римскимъ папою; „равнять же и вмѣстѣ различать по чести было бы, говоритъ онъ, неудобно и неразумно²⁾. — Противъ этого взгляда полемизируетъ Зонара и говоритъ, что предлогъ *μετά* здѣсь означаетъ умаленіе и уменьшеніе. Вотъ подлинныя слова Зонары: Нѣкоторые говорили, что предлогъ „по“ означаетъ время, а не умаленіе чести предъ древнимъ Римомъ. Для подтвержденія своего мнѣнія они пользуются 28 пр. Халкидонскаго собора, въ которомъ упоминается о настоящемъ правилѣ и присовокупляется: „тоже самое и мы постановляемъ о преимуществахъ святѣйшія церкви Константинополя, новаго Рима. Ибо престолу ветхаго Рима отцы прилично дали преимущества: поелику то былъ царствующій градъ. Слѣдуя тому же побужденію и сто пятьдесятъ боголюбивѣйшіе епископы предоставили равныя преимущества святѣйшему престолу новаго Рима, праведно рассудивъ, да градъ, получившій честь быти градомъ царя и синклита и имѣющій равныя преимущества съ ветхимъ царственнымъ Римомъ, и въ церковныхъ дѣлахъ возвеличенъ будетъ подобно тому, и будетъ второй по немъ“. И такъ,

1) Правило это читается такъ: *Τὸν μέντοι Κωνσταντινουπόλεως Ἐπίσκοπον ἔχειν τὰ προεβέβα τῆς τιμῆς μετὰ τὸν τῆς Ῥώμης Ἐπίσκοπον, διὰ τὸ εἶναι αὐτὴν νέαν Ῥώμην.* Прав. св. всел. соб., стр. 95.

2) Pitra II, 645.

говорятъ, если удостоиваютъ его равныхъ почестей, то какимъ образомъ можно думать, что предлогъ „по“ означаетъ подчиненность? Но 131-я новелла Юстиніана, находящаяся въ 5-й книгѣ Василикѣ, титулѣ 3-мъ, даетъ основаніе иначе понимать эти правила, какъ они и были понимаемы этимъ императоромъ. Въ ней говорится: „постановляемъ, согласно съ опредѣленіями святыхъ соборовъ, чтобы святѣйшій папа древняго Рима былъ первымъ изъ всѣхъ іереевъ, а блаженнѣйшій епископъ Константинополя, новаго Рима, занималъ второй чинъ послѣ Апостольскаго престола древняго Рима и имѣлъ преимущество чести предъ всѣми прочими“. И такъ отсюда ясно видно, что предлогъ „по“ означаетъ умаленіе и уменьшеніе. Да иначе и невозможно было бы сохранить тождество чести по отношенію къ обоимъ престоломъ. Ибо необходимо, чтобы, при возношеніи именъ предстоятелей ихъ, одинъ занималъ первое, а другой — второе мѣсто, и въ каедахъ, когда они сойдутся вмѣстѣ, и въ подписаніяхъ, когда въ нихъ будетъ нужда. И такъ, то объясненіе предлога „по“, по которому этотъ предлогъ указываетъ только на время, а не на умаленіе, насильственно и выходитъ не изъ правой и доброй мысли¹⁾. — Вальсамонъ точно также упоминаетъ о томъ, что „нѣкоторые понимали предлогъ „по“ не въ смыслѣ умаленія чести, а принимали его только въ значеніи позднѣйшаго времени“; но самъ не раздѣляетъ этого взгляда и, подобно Зонарѣ, ссылается на 131-ю новеллу Юстиніана и 36-е пр. Трульскаго соб., въ которомъ говорится, что Константинопольскій престолъ второй²⁾. — Напротивъ того, Аристинъ совершенно согласенъ съ древнимъ схолиастомъ. Предлогъ „по“ обозначаетъ здѣсь, говоритъ онъ³⁾, не честь, но время, подобно тому, какъ если бы кто сказалъ: по многому времени и епископъ Константинопольскій получилъ равную честь съ епископомъ Римскимъ.

1) Правила св. вселен. соб., стр. 95 и 96.

2) Тамъ же, стр. 97—98.

3) Тамъ же, стр. 97.

Въ толкованіи на 6-е пр. Константиноп. (всел.) соб. (Cod. Vallic.) о томъ, кто и въ какомъ дѣлѣ можетъ приносить обвиненіе на епископа, и о тѣхъ органахъ, которые компетентны въ разрѣшеніи этихъ обвиненій, древній схолиастъ указываетъ на извѣстный ему случай, относящійся къ настоящему правилу. О томъ же самомъ случаѣ и тѣми же самыми словами говорить въ своемъ толкованіи и Вальсамонъ ¹⁾).

Въ толкованіи на 9-е пр. Халкид. собора (cod. Monac. № 122, 1-я стр. 75 листа; № 380, 195-я стр.) древній схолиастъ говоритъ, что подъ экзархомъ діоцеза, о которомъ упоминается въ правилѣ, надо подразумѣвать патріарха, а въ толкованіи на 17-е пр. того же собора входитъ въ болѣе подробное разсмотрѣніе существовавшихъ въ то время мнѣній по этому предмету. Одни говорили, что подъ экзархами надо подразумѣвать митрополитовъ областей, въ доказательство чего ссылались на 6-е пр. Сардикійскаго собора; другіе въ экзархахъ видѣли посылаемыхъ патріархами въ подчиненныя имъ области съ порученіями особо уполномоченныхъ лицъ (оба эти мнѣнія схолиастъ оспариваетъ) и, наконецъ, третіе, къ числу которыхъ принадлежитъ схолиастъ, утверждали, что подъ экзархомъ надо подразумѣвать патріарха, подтвержденіемъ чего служить 39-е (48-е по изд. Общ. люб. дух. просв.) прав. Карфагенскаго собора, запрещающее патріархамъ называться экзархами. — Если мы обратимся къ толкованіямъ Аристина, Зонары и Вальсамона, то увидимъ, что первый изъ

1) Схолиа Cod. Vallic. гласитъ: Ἐπισκόπου δὲ τινος ἐλκυσθέντος χάριν ἐγκληματικῆς ὑποθέσεως εἰς τὴν ἐν Κωνσταντινουπόλει ἁγίαν σύνοδον καὶ ζητήσαντος τὴν κρίσιν τοῦ μητροπολίτου αὐτοῦ καὶ τῆς οικείας συνόδου, κατὰ τὸν παρόντα κανόνα, εἰπόν τινες ὡς ἐπεὶ ὁ μητροπολίτης παρουσιάσῃ θέλει τὸν ἐπίσκοπον αὐτοῦ τοῦ τῇ μεγάλῃ συνόδῳ κριθῆναι, καλῶς παρὰ ταύτης κριθήσεται· ἀντίθεντο δὲ ἕτεροι μὴ κεῖσθαι τὴν κρίσιν ταύτην παρὰ τῇ ἐξουσίᾳ τοῦ μητροπολίτου, ἀλλὰ παρὰ τῇ κατ' αὐτὸν συνόδῳ· ἔχειν δὲ καὶ μέγα διαφέρον, τὸν ἐπίσκοπον τὸ εἰς τὴν οικείαν δικάζεσθαι σύνοδον, καὶ μὴ σκῶλαι εἰς ἑτέραν σύνοδον, καὶ διὰ τοῦτο μὴδὲ ἔχειν χώραν τὴν τοῦ μητροπολίτου... Pitra II, 658.

Тоже самое читаемъ и у Вальсамона. (Σ. II, 185 и 186).

нихъ совершенно согласенъ съ древнимъ схолиастомъ. Въ толкованіи на 9-е пр. пр. Халкид. соб. онъ пишетъ: . . . „А если епископъ, или клирикъ имѣеть какое либо дѣло противъ митрополита, они должны судиться или у экзарха округа, т. е. патріарха, подъ властію котораго состоятъ митрополиты сихъ областей, или у патріарха Константинопольскаго“ ¹⁾ . . . — По мнѣнію же Зонары, экзархами правильнѣе считать митрополитовъ областей, слѣдуя 6-му пр. Сардик. соб.: Нѣкоторые, пишетъ онъ ²⁾, экзархами округовъ называютъ патріархсвъ и въ подтвержденіе своего мнѣнія пользуются 48 (42) пр. Кареаг. соб., въ которомъ говорится: „епископъ перваго престола да не именуется экзархомъ іереевъ, или верховнымъ священникомъ, или чѣмъ-нибудь подобнымъ, но только епископомъ перваго престола“. А другіе говорятъ, что экзархами называются митрополиты областей и приводятъ въ удостовѣреніе 6-е пр. Сардик. соб., въ которомъ говорится: „подобаетъ чрезъ посланіе экзарха области (разумѣю епископа митрополіи) вспомянути“. И лучше было бы экзархами считать митрополитовъ областей, какъ наименовало ихъ указанное правило Сардик. соб. Такимъ образомъ мысль сего правила о раздѣленіи судилищъ была бы такова: когда епископъ имѣеть дѣло съ соепископомъ или клирикъ съ епископомъ, тогда судьей ихъ поставляется митрополитъ котораго правило называетъ и экзархомъ округа, а когда епископъ имѣеть обвиненіе противъ своего митрополита, тогда правило поручаетъ судъ Константинопольскому патріарху . . . — Вальсамонъ въ своемъ толкованіи замѣчаетъ, что, вѣроятно, въ тѣ времена были какіе-нибудь другіе экзархи округовъ ³⁾.

Далѣе, въ толкованіи на тоже 17-е пр. Халкид. об. (cod. Monac. № 122, 1-я стр. 75 л.; № 380, 197-я стр.) заключается

1) Прав. св. всел. соб., стр. 193.

2) Тамъ же, стр. 224.

3) Тамъ же, стр. 195.

объясненіе того, что надо подразумѣвать подъ деревенскими и сельскими приходами. Деревенскими приходами, говорится здѣсь ¹⁾, называются приходы, лежащіе на окраинахъ епархіи, которые называются таже однодворными, а сельскими тѣ, которые прилегаютъ къ полямъ и селамъ. — Тоже самое опредѣленіе мы находимъ у Аристина, Зонары и Вальсамона, при чемъ Зонара повторяетъ слова схолии.

Въ толкованіи на 28-е пр. того же собора (cod. № 122, 2-я стр. 76 л. и 1-я стр. 77 л.; № 380, стр. 199), предоставившее Константинопольскому патріарху равныя преимущества съ Римскимъ первосвященникомъ, древній толкователь снова подтверждаетъ, что предлогъ *μετά* означаетъ время, а не умаленіе чести. Зонара и здѣсь оспариваетъ этотъ взглядъ: „Нѣкоторые, пишетъ онъ, въ толкованіи на это правило, усиливаются доказать, что Константинопольскій престолъ не меньшую имѣетъ честь въ сравненіи съ престоломъ древняго Рима, но имѣетъ равныя съ нимъ права. Объ этомъ было уже сказано въ 3-мъ пр. втораго собора и доказано, что таковые говорятъ несправедливо“ ²⁾. . .

Объясняя въ томъ же правилѣ слова *μετροπολίτας μόνους*, древній схолиастъ говоритъ, что митрополиты Македоніи, Иллиріи, Фессаліи, Аттики, Пелопонесса, древняго Эпира и другихъ народовъ поставляемы были въ то время отъ Рима. — То же повторяютъ въ своихъ толкованіяхъ Аристинъ и Зонара. Вальсамонъ же несогласенъ съ этимъ: „Хотя нѣкоторые, говоритъ онъ, ограничивали Фракію и простирали только до предѣловъ Македоніи, и говорили, что митрополиты Македоніи, Фессаліи, Эллады и Пелопонесса были нѣкогда рукополагаемы папою Римскимъ, и указывали, будто это открывается изъ того, что епископу Константинополя не дано право рукополагать и сихъ митрополитовъ; но ты не обра-

1) Pitra II, 645.

2) Правила св. всел. соборовъ, стр. 258.

щай вниманія на эти слова, ибо именемъ Θρακίи обнимаются всѣ митрополіи до Диррахіи и митрополіи самой Диррахіи“¹⁾...

Въ толкованіи на 90 (98) пр. Трул. соб. (Cod. Vallic.) приведены тексты изъ Св. Писанія: „*Понеже обидѣ жену ближняго*“ (Второз. 24, 24) и „*Не убойся пріяти Маріамъ жены твоея*“ (Мѳ 1, 20)²⁾. Тѣ же самые тексты приводятъ въ своихъ толкованіяхъ Зонара и Вальсамонъ.

Въ толкованіи на 2-е пр. Никейскаго 2-го (7-го всел.) соб. (cod. Monac. № 122, 1-я и 2-я стр. 62 л.; № 380, стр. 265) толкователь, объясняя, почему этотъ соборъ предъявилъ къ епископу такія незначительныя богословскія требованія, какъ знаніе псалтыри, указываетъ на упадокъ образованія и забвеніе божественнаго ученія въ правленіе исаврійской династіи, во время господства иконоборцевъ, какъ на причину этого. Объ огрубѣннй нравовъ вѣрующихъ по причинѣ ереси иконоборцевъ говоритъ и Вальсамонъ.

Въ толкованіи на 10-е пр. Анкирскаго соб. (cod. Monac. № 122, 2-я стр. 327 л.; № 380, стр. 167) приводится указаніе на противорѣчіе этого правила 6-му пр. Трулльскаго соб. То же указаніе находимъ у всѣхъ трехъ нашихъ канонистовъ.

Въ толкованіи на 17-е пр. того же собора (Cod. Vallic.) находится ссылка на законъ (Моисеевъ). — Ту же ссылку встрѣчаемъ у Аристина, Зонары и Вальсамона.

Въ толкованіи на 4-е пр. Неокесар соб. (cod. № 122, 1-я стр. 487 л.; № 380, стр. 169) есть указаніе на Василія Вел.; ссылку на 70-е пр. этого святаго мы находимъ и у нашихъ толкователей.

Въ толкованіи на 5-е пр. того же собора (cod. № 122, 1-я стр. 232 л.; № 380, стр. 166) древній толкователь говоритъ о двухъ видахъ оглашенныхъ, и даетъ опредѣленіе каждаго изъ нихъ. „Два вида оглашенныхъ, говоритъ онъ: одни только что приходятъ, почему, какъ менѣе совершенные въ

1) Тамъ же, стр. 262.

2) Pitra II, 661 и 662.

вѣрѣ, послѣ слушанія Писаній и божественныхъ Евангелій, тотчасъ же выходятъ; а другіе уже пришли и сдѣлались болѣе совершенными, чѣмъ только что пришедшіе, почему дожидаясь и молитвы объ оглашенныхъ, преклоняютъ во время ея колѣна“. — Зонара въ своемъ толкованіи также даетъ опредѣленіе каждаго изъ этихъ видовъ оглашенныхъ, а Аристинъ и Вальсамонъ повторяютъ въ своихъ толкованіяхъ вышеприведенную схолію почти дословно¹⁾.

Опредѣленіе мирной граматы въ толкованіи Аристина на 11-е пр. Халкид. соб. сходно съ опредѣленіемъ, даннымъ древнимъ толкователемъ въ схоліи къ 7-му пр. Антиох. соб. Cod. Monac. № 380, стр. 175; въ рукописи неправильно обознач. стр. 174²⁾.

Въ томъ же Cod. Monac. № 380 (на стр. 180) находится слѣдующая схолія къ 35 пр. Лаодик. соб.: „Упоминаетъ и святой Епифаній о какой то такъ-наз. ереси ангеликовъ или потому, что они величаютъ себя, якобы имѣютъ чинъ по

1) Δύο δὲ τούτων εἶδη· οἱ μὲν γὰρ ἄρτι προσέρχονται, διὸ καὶ ὡς ἀτελέστεροι μετὰ τὴν ἀκρόασιν τῶν γραφῶν καὶ τῶν θείων εὐαγγελίων εὐθὺς ἐξίστασιν· οἱ δὲ ἤδη προσῆλθον καὶ γεγονάσι τελειότεροι τῶν ἄρτι προσερχομένων, ὅθεν καὶ τὴν ἐπὶ τοῖς κατηχομένοις εὐχὴν ἀναμένοντες τὸ γόνυ κλίνουν ἐν αὐτῇ. (Pitra II, 648).

Вальсамонъ пишетъ: Δύο τάξεις τῶν κατηχομένων εἰσὶν· οἱ μὲν γὰρ ἄρτι προσέρχονται, καὶ, ὡς ἀτελέστεροι, μετὰ τὴν ἀκρόασιν τῶν Γραφῶν καὶ τῶν θείων Εὐαγγελίων εὐθὺς ἐξίστασιν· οἱ δὲ ἤδη προσῆλθον, καὶ γεγονάσι τελειώτεροι, ὅθεν καὶ τὴν ἐπὶ τοῖς κατηχομένοις εὐχὴν ἀναμένοντες, τὸ γόνυ κλίνουν ἐν ταύτῃ. (Σ. III, 77).

Еще ближе къ древней схоліи подходитъ толкованіе Аристина: Δύο εἶδη τῶν κατηχομένων εἰσὶν· οἱ μὲν γὰρ ἄρτι προσέρχονται· διὸ καὶ ὡς ἀτελέστεροι, μετὰ τὴν ἀκρόασιν τῶν Γραφῶν, καὶ τῶν θείων Εὐαγγελίων, εὐθὺς ἐξίστασιν· οἱ δὲ πρὸ καιροῦ προσῆλθον, καὶ γεγονάσι τελειώτεροι· ὅθεν καὶ μετὰ τὸ Εὐαγγέλιον, τὴν ἐπὶ τοῖς κατηχομένοις εὐχὴν ἀναμένουσι, καὶ ἐν τῇ προσφωνεῖσθαι τὸ, Οἱ κατηχούμενοι τὰς κεφαλὰς ὑμῶν τῷ Κυρίῳ κλίνατε, τὸ γόνυ κλινούσιν. (Σ. III, 78).

2) Въ схоліи Cod. Monac. № 380, читаемъ: Εἰρηνικὴ ἐπιστολὴ ἐστὶν ἡ ἄνευ σκανδάλου τινὸς τοῦ ἐπικομιζομένου ἐγχειριζομένη ὑπὸ τοῦ προέχοντος πρὸς τινα ἀποφέρεσθαι.

Аристинъ пишетъ: Εἰρηνικὴ ἐπιστολὴ ἐστὶν, ἡ ἄνευ σκανδάλου τινὸς τῇ ἐπικομιζομένῃ ἐγχειριζομένη. (Σ. II, 245).

праву ангеловъ, или потому, что безумно утверждаютъ, что міръ созданъ ангелами. Болѣе же всего подходитъ къ настоящему канону сказанное Ап. Павломъ въ посланіи къ Колоссяямъ: *никто же васъ да прельщаетъ изволеннымъ ему смиренномудріемъ и службою ангеловъ, яко не увѣдѣ уча, ибо были нѣкоторые, которые учили, что не должно говорить, что мы чрезъ Христа приводимся къ Богу и Отцу, ибо, говорятъ, Христосъ болѣе, чѣмъ для насъ, но чрезъ ангеловъ. Но это было отрицаніемъ божественнаго домостроительства подъ видомъ смиренномудрія“* ¹⁾. — Этою схоліею воспользовались въ своихъ трудахъ всѣ три позднѣйшіе толкователя — Аристинъ Зонара и Вальсамонъ. Болѣе другихъ пользуется ею Аристинъ; въ своемъ толкованіи онъ повторяетъ большую часть схоліи почти дословно ²⁾. Зонара тоже пользуется этою схоліею: въ своемъ толкованіи онъ выписываетъ слова Ап. Павла изъ посланія его къ Колоссяямъ, находящіяся въ рукописи, а также упоминаетъ о св. Епифаніи ³⁾. О св. Епи-

1) Μέμηται μὲν καὶ ὁ θεὸς Ἐπιφάνιος ἐν τῇ παναρίᾳ αἰρέσεως τινὸς τῶν ἀγγελικῶν λεγομένης, εἶτε διὰ τὸ ἑαυτοῦς, φησιν, σεμνύνειν, ὡς τάξιν ἀγγέλων κατὰ τὴν πολιτείαν ἐπέχοντας, εἶτε διὰ τὸ ληρεῖν ὑπ' ἀγγέλων ἐκτίσθαι τὸν κόσμον. Προσφύεστερον δὲ ἐστὶ μάλιστα τῷ κανόνι τῷδε τὸ ἐν τῇ πρὸς Κολοσσαεῖς ἐπιστολῇ παρὰ τοῦ Ἀποστόλου Παύλου δηλωθέν, ἐν οἷς φησὶ· Μηδεὶς ὑμᾶς καταβραβεύετω θέλων ἐν ταπεινοφροσύνῃ καὶ θρησκείᾳ τῶν ἀγγέλων, ἃ μὴ εἴωρακεν ἐμβατεῦων. Ἦσαν γάρ τινες διδάσκοντες, μὴ δεῖν λέγειν ἡμᾶς διὰ Χριστοῦ προσάγεσθαι τῷ Θεῷ καὶ Πατρὶ· μεῖζων γὰρ ἢ καθ' ἡμᾶς, φησιν, ὁ Χριστός, ἀλλὰ δι' ἀγγέλων. Ἄρνησις δὲ τοῦτο τῆς θείας οἰκονομίας ἐν προσχῆματι ταπεινοφροσύνης.

2) Ἔστι τις αἵρεσις τῶν Ἀγγελικῶν λεγομένη, ἣ διὰ τὸ ἑαυτοῦς σεμνύνειν, ὡς τάξιν ἀγγέλων καὶ πολιτείαν ἔχοντας· ἢ διὰ τὸ ληρεῖν ὑπ' ἀγγέλων ἐκτίσθαι τὸν κόσμον. Ἦσαν δὲ καὶ τινες διδάσκοντες, καθὼς ἐν τῇ πρὸς Κολοσσαεῖς ἐπιστολῇ ὁ μέγας Παῦλος ἐδήλωσε, μὴ δεῖν λέγειν ἡμᾶς διὰ Χριστοῦ προσάγεσθαι τῷ Θεῷ καὶ Πατρὶ· μεῖζων γὰρ ἢ καθ' ἡμᾶς, φησιν, ὁ Χριστός, ἀλλὰ δι' ἀγγέλων. Τοῦτο δὲ ἄρνησις ἦν τῆς θείας οἰκονομίας, ἐν προσχῆματι τῆς ταπεινοφροσύνης. (Σ. III, 203).

3) Въ толкованіи Зонары, между прочимъ, читаемъ: Ταύτης τῆς αἰρέσεως καὶ ὁ μέγας Παῦλος ἐν τῇ πρὸς Κολοσσαεῖς ἐπιστολῇ μέμηται, λέγων. Μηδεὶς ὑμᾶς καταβραβεύετω θέλων ἐν ταπεινοφροσύνῃ καὶ θρησκείᾳ τῶν ἀγγέλων, ἃ μὴ εἴωρακεν ἐμβατεῦων... Ἦσαν δὲ καὶ ἄλλοι αἰρετικοὶ Ἀγγελικοὶ, λεγόμενοι, ὡς ὁ ἅγιος Ἐπιφάνιος, περὶ αἰρέσεων γράφων, φησίν. (Σ. III, 201 и 202).

фаніи въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ упоминаеть и Вальсамонъ ¹⁾).

Въ толкованіи на 5-е пр. Сардик. соб. (cod. Monac. № 122, 1-я и 2-я стр. 78 л.; № 380, стр. 207), позволяющее осужденному епископу обращаться къ Римскому папѣ съ просьбою о новомъ пересмотрѣ дѣла, схолиастъ указываетъ на то, что настоящее правило, составленное Осіемъ и епископами подвластными Римскому престолу, есть правило мѣстное и не можетъ служить основаніемъ для распространенія власти папы на всю церковь. На Востокѣ, говоритъ онъ, этотъ обычай никогда не имѣлъ мѣста. Указываетъ и на попытку Римскихъ легатовъ на Карѣ. соборѣ выдать это правило за правило Никейскаго (1-го всел.) собора, въ чемъ, говоритъ онъ, „злодѣи и были уличены“ ²⁾. — На эту неудавшуюся попытку папскихъ легатовъ указываетъ и Зонара ³⁾. Вальсамонъ же, ничего не возражая противъ неосновательности притязаній Римскаго престола, говоритъ только, что преимущество, которымъ пользуется папа, въ равной степени принадлежитъ и Константинопольскому патріарху: . . . „Въ предыдущихъ правилахъ мы сказали, что опредѣленное относительно папы не составляетъ только особеннаго преимущества его одного, такъ чтобы каждый епископъ, въ случаѣ осужденія, по необходимости обращался къ престолу Рима, по должно отнести это и къ епископу Константинополя, это же самое мы утверждаемъ и опять“ ⁴⁾).

Въ схолии къ 7-му пр. Сардик. соб. (Cod. Vallic.) объясняется, что надо подразумѣвать подъ воинскимъ станомъ: „Воинскимъ станомъ, говорится здѣсь, древніе имѣли обык-

1) С. III, 203.

2) Ἐκ τούτου τοῦ κανόνος τὸ βωμαϊκὸν ἤρται εἰς ἀλαζονείαν· καὶ τοῦτον ὡς τῆς ἐν Νικαίᾳ συνόδου πάλαι προβαλλόμενοι, ὑπὸ τῆς ἐν Καρδαγένῃ συνόδου ἐάλωσαν κακοῦργοι οἱ τότε τῶν Ῥωμαίων προεδρεύοντες. . . (Pitra II, 648).

3) Пр. св. помѣст. соб., стр. 301.

4) Тамъ же, стр. 302.

новеніе называть мѣсто, гдѣ пребываетъ царь“. Тоже опредѣленіе находимъ и у Вальсамона.

Въ толкованіи на 10-е пр. Сардик. соб. (cod. Monac. № 122, 2-я стр 113 л. и 1-я 114 л.; № 380, стр. 209) толкователь указываетъ на то, что отцы этого собора неправильно разумѣли подѣ неофитомъ поступающаго въ клиръ, вопреки Ап. Павлу, который неофитомъ называетъ всякаго, только что принявшаго христіанскую вѣру. — О томъ, какъ понимаетъ слово „неофитъ“ Ап. Павелъ, говорятъ также въ своихъ толкованіяхъ Зонара и Вальсамонъ.

Въ толкованіи на 14-е пр. того же собора (cod. Monac. № 122, 2-я стр. 311 л.; № 380, стр. 211) древній схолиастъ указываетъ на противорѣчіе другимъ правиламъ настоящаго правила, позволяющаго клирику, отлученному епископомъ, склоннымъ къ гнѣву, въ отсутствіе митрополита области, прибѣгать къ сосѣднимъ епископамъ съ просьбою о новомъ разсмотрѣніи дѣла. — Зонара въ своемъ толкованіи высказываетъ мнѣніе, что это постановленіе Сардик. соб. никогда не дѣйствовало; „по крайней мѣрѣ, говоритъ онъ, нѣтъ этого нынѣ. Ибо какимъ образомъ убѣдить отлучившаго епископа къ тому, чтобы другимъ митрополитомъ которому онъ не подчиненъ, было изслѣдовано, справедливо онъ отлучилъ, или нѣтъ“ ?¹⁾ — Вальсамонъ, вопреки древнему толкователю, не находитъ въ постановленіи настоящаго правила Сардик. собора противорѣчія другимъ церковнымъ правиламъ: „Положи, говоритъ онъ, что или сосѣдній архіерей имѣетъ порученіе отъ находящагося въ отлучкѣ митрополита выслушивать подобныя церковныя дѣла, принадлежащія его области или онъ поставленъ избраннымъ (третейскимъ) судьей какъ со стороны епископа, такъ и со стороны клирика“²⁾.

Въ толкованіи на 4-е пр. Карѣ. соб. (cod. Monac. № 122, 1-я стр. 340 л.; № 380, стр. 217) древній схолиастъ объясняетъ,

1) Тамъ же, стр. 338 и 339.

2) Тамъ же, стр. 340.

что это правило, повелѣвающее епископамъ, пресвитерамъ, діаконамъ и всѣмъ прикасающимся къ святынѣ хранить цѣломудріе и воздерживаться отъ женъ, надо понимать не въ безусловномъ смыслѣ, а въ смыслѣ воздержанія въ тѣ дни, когда они совершаютъ богослуженіе и таинства; при этомъ указываетъ на незаконность требованія римскою церковью отъ пресвитеровъ безбрачія, и въ доказательство справедливости своего мнѣнія ссылается на Ап. Павла. — Зонара и Вальсамонъ точно также указываютъ на то, что римляне, требуя отъ пресвитеровъ безбрачія, „въ этомъ погрѣшаютъ также, какъ и въ другихъ предметах“¹⁾. — На несогласіе требованія римской церкви съ церковными канонами указываетъ и Аристинъ: . . . „А 13-е пр. 6-го (Трул.) собора, пишетъ онъ, даже порицаетъ предаваемое въ видѣ правила въ римской церкви, т. е., что имѣющіе принять рукоположеніе діаконы, или пресвитеры должны давать обѣщаніе, что они уже не будутъ совокупляться съ своими супругами, и постановляетъ, что законныя супружества посвященныхъ мужей не должны быть расторгаемы, но сохранять свою силу, и что они не должны отдаляться другъ отъ друга, но только въ свои опредѣленные времена воздерживаться отъ своихъ сожительницъ, какъ предастъ и Апостоль, и онять сходиться“²⁾.

Въ древней схолии къ 4-му пр. Діонисія Александр. (cod. Monac. № 122, 2-я стр. 225 л.; № 380, стр. 312) такъ разрѣшается вопросъ о томъ, могутъ ли лица, у которыхъ случилось непроизвольное истеченіе сѣмени, причащаться св. Таинъ: Если кто сознаетъ, что истеченіе сѣмени произошло вслѣдствіе страстнаго помысла и невоздержанія, по внушенію діавола, тотъ не долженъ приступать къ св. Тайнамъ; если же кто противодѣйствовалъ и всячески охранялъ себя отъ этого, тотъ пусть съ совершеннѣйшею надеждою

1) Тамъ же, стр. 378. Толкованіе на это правило имѣетъ общее надписаніе: „Зонара и Вальсамонъ“.

2) Тамъ же, стр. 380 и 381.

приближается къ Господу и причащается святыни его ¹⁾. — Тѣмъ же критеріемъ совѣтуютъ въ своихъ толкованіяхъ руководствоваться Зонара и Вальсамонъ.

Въ схолии къ 3-му пр. св. Василя Вел. (cod. Monac. № 122, 1-я стр. 334 л.; № 380, стр. 327) говорится, что подъ древнимъ правиломъ, о которомъ упоминаетъ святой, надо подразумѣвать 10-е пр. Анкирскаго соб. и 25-е пр. Апостолское. — О 25-омъ Апост. правилѣ упоминаютъ также Зонара и Вальсамонъ.

Въ схолии къ 7-му пр. того же святаго (Cod. Monac. № 122) объяснено, что употребленное въ правилѣ выраженіе „быть преданнымъ сатанѣ“ означаетъ быть на нѣкоторое время отдѣленнымъ отъ общенія съ вѣрными. — Такъ же понимаютъ это выраженіе Зонара и Вальсамонъ.

Въ толкованіи на 10-е пр. того же святаго древней схолиастъ (cod. № 122, 2-я стр. 113 л. и 1-я стр. 114 л.; № 380, стр. 329) объясняетъ, въ чемъ состояло дѣло Севира, Лонгина и Кириака, о которыхъ упоминаетъ правило. Зонара и Вальсамонъ въ своихъ толкованіяхъ тоже говорятъ объ этомъ дѣлѣ.

Толкованія на 32-е пр. св. Василя Вел., находящіяся въ Cod. Monac. № 122 (2-я стр. 334 л. и 1-я стр. 335 л.) и въ Cod. Vallic., содержатъ совершенно различныя объясненія того, что надо подразумѣвать подъ смертнымъ грѣхомъ, о которомъ говорится въ правилѣ. Схолиастъ Cod. Vallic. опредѣляетъ смертный грѣхъ такъ: Грѣхомъ къ смерти, говоритъ онъ, называется всякій грѣхъ, за который согрѣшившій, по гражданскимъ законамъ, подлежитъ смертной казни ²⁾. Въ схолии же Cod. Monac. дается иное опредѣленіе смертнаго грѣха: Смертнымъ грѣхомъ грѣшитъ тотъ, говорится здѣсь, кто остается нераскаявшимся и не избѣгаетъ грѣха. Ибо, говоритъ св. Писаніе, какъ тебя найду, такъ буду и судить.

1) Pitra II, стр. 651 и 652.

2) Тамъ же, стр. 662.

По отношенію же къ лицамъ, состоящимъ въ клирѣ, правило, по мнѣнію схолиаста, называетъ смертнымъ грѣхомъ всякій грѣхъ, влекущій за собою лишеніе священства, а не блудъ, какъ думаютъ нѣкоторые ¹⁾. — Взглядъ этихъ „нѣкоторыхъ“ раздѣлялъ впослѣдствіи Аристинъ, который въ своемъ толкованіи на это правило пишетъ: Грѣхъ, приводящій къ смерти, есть плотское наслажденіе. И такъ, если какой клирикъ учинитъ блудъ, то онъ низводится со степени священства, но не лишается божественнаго причащенія, а приобщается съ мірянами ²⁾. — Иначе опредѣляетъ смертный грѣхъ Зонара: Грѣхъ къ смерти, говоритъ онъ, есть тотъ, который простерся до исполненія ³⁾. Этотъ взглядъ Зонары оспариваетъ Вальсамонъ; онъ пишетъ: Грѣхомъ къ смерти нѣкоторые называютъ дѣйствіе, въ отличіе отъ пожеланія и намѣренія, которое, говорятъ, не есть грѣхъ. По моему же мнѣнію, грѣхъ къ смерти есть всякій грѣхъ, подвергающій того, кто согрѣшитъ, уголовному наказанію, т.-е. смерти . . . ⁴⁾. (Тоже опредѣленіе смертнаго грѣха, какъ мы видѣли, находится въ схолии Cod. Vallic.).

Въ толкованіи на 88-е пр. (посланіе къ Григорію пресвитеру) св. Василія Вел. (Cod. Monac. № 122, 2-я стр. 333 л.; № 380, стр. 342) указывается тотъ поводъ, по которому было написано это посланіе. О томъ же говорятъ въ своихъ толкованіяхъ Зонара и Вальсамонъ.

Далѣе, въ Cod. Monac. № 380 (на поляхъ рукописи) находятся замѣтки, содержащія указанія другихъ правилъ, относящихся къ тѣмъ правиламъ, къ которымъ эти замѣтки приписаны. Ссылки на тѣ же самыя правила, или на нѣкоторыя изъ нихъ находимъ у Аристина, Зонары и Вальсамона ⁵⁾.

1) Тамъ же, стр. 653.

2) Правила св. отецъ, стр. 272

3) Тамъ же, стр. 271.

4) Тамъ же, стр. 272.

5) Такъ, при 3-мъ Апост. правилѣ въ рукописи (стр. 153) при-

На основаніи этого подробнаго сравненія дошедшихъ до насъ древнихъ схолій съ позднѣйшими толкованіями, написанными Аристиномъ, Зонарою и Вальсамономъ, мы должны

писано: Смотри правила Трул. соб. 28-е, 32-е и 57-е. — На всѣ эти правила ссылается въ своемъ толкованіи Зонара, а на первыя два и Вальсамонъ.

При 9-мъ Апост. пр. (стр. 135) находится ссылка на 2-е пр. Антиох. собора. Ту же ссылку находимъ и у Зонары.

При 35-мъ Апост. пр. приписано (стр. 156): Смотри Антиох. соб. пр. 13-е и 22-е; Ефес. соб. пр. 8 е. — На первыя два правила ссылаются Зонара и Вальсамонъ.

При 54-мъ Апост. пр. (стр. 158) находится ссылка на 24-е пр. Лаодик. соб. и 49-е пр. Карѣ. соб. — На оба эти правила указываютъ въ своихъ толкованіяхъ Зонара и Вальсамонъ.

При 1-мъ пр. 1-го всел. соб. (стр. 161) приписано: Ищи Апост. пр. 21-е, 22-е, 77-е и 78-е. — Первыя два правила указаны также въ толкованіяхъ Зонары и Вальсамона; Аристинъ же ссылается на одно 22-е Апост. пр.

Къ 7-му пр. 1-го всел. соб. (стр. 162) приписано: 123-я новелла говоритъ о патріархѣ Іерусалимскомъ. — Ссылку на 123 новеллу Юстиніана находимъ и у Аристина.

При 14-мъ пр. того же собора (стр. 164) находится ссылка на 5-е пр. Неокес. соб.; 20-е пр. св. Василия Вел.; 4-е пр. Феофила Александр.; посланіе Кирилла Александр. къ епископамъ Ливіи. — На 5 е пр. Неокесар. соб. указываетъ и Аристинъ.

При 18-мъ пр. Анкир. соб. приписано (стр. 168): Смотри св. Апост. правило 36-е и Антиох. соб. пр. 18-е. — На оба эти правила ссылается, между прочимъ, Вальсамонъ.

При 24-мъ пр. того же соб. (стр. 168): Смотри Трул. соб. пр. 61-е и св. Григорія Нисскаго пр. 2-е — На 61-е пр. Трул. соб. указываютъ въ своихъ толкованіяхъ Аристинъ и Вальсамонъ.

При 15-мъ пр. Неокес. соб. (стр. 170) находится ссылка на 16-е пр. Трул. соб. — На это правило ссылаются всѣ три толкователя.

Къ 5-му пр. Антиох. соб. на поляхъ рукописи (стр. 174) приписана слѣдующая замѣтка: Объ отдѣлившихся отъ своей церкви и не желающихъ возвратиться говорятъ также 31-е Апост. пр.; 6-е пр. Гангрскаго соб.; 58-е Лаодик.; 31-е Трул.; 10-е Карѣ.; 12-е, 13-е, 14-е и 15-е Констант. въ храмѣ св. Апост. — На 31-е Апост. пр. ссылается

прійти къ тому заключенію, что всѣ три названные канониста XII вѣка хорошо были знакомы съ толкованіями отдѣльных каноническихъ правилъ, существовавшими задолго до нихъ,

также Зонара; на 31-е Апост. и 10-е Карѣ. Аристинъ; на 31-е Апост.; 31-е Трул.; 10-е Карѣ.; 12-е, 13-е, 14-е и 15-е въ храмѣ св. Апост. — Вальсамонъ.

При 19 мѣ пр. того же собора приписано (стр. 176): Смотри 1-е пр. св. Апост.; 4-е пр. 1-го всел. соб.; 12-е Лаодик.; 6-е Сардик.; 13-е, 49-е, 98-е Карѣ.; 2-е пр. 7-го всел. соб. То же находится въ 6-мъ пр. 1-го всел. соб. — На 1-е Апост. правило, 4-е и 6-е 1-го всел. соб. ссылается и Зонара; Вальсамонъ упоминаетъ о 4-мъ пр. 1-го всел. соб.

При 23-мъ пр. того же собора (стр. 177) находится ссылка на 76-е Апост. пр. — На это правило указываютъ также Зонара и Вальсамонъ.

При 46-мъ пр. Лаодик. соб. (стр. 180) приписано: Смотри 78-е пр. Трул. соб. — Объ этомъ правилѣ упоминаетъ въ своемъ толкованіи и Вальсамонъ.

При 49-мъ пр. того же соб. (стр. 181): Смотри 52-о пр. Трул. соб. — На это правило указываютъ всѣ три толкователя — Аристинъ, Зонара и Вальсамонъ.

При 57-мъ пр. того же соб. (стр. 181): Смотри 6-е пр. Сардик. соб. — Въ своемъ толкованіи на это правило Вальсамонъ, между прочимъ, пишетъ: „Прочти также 6-е пр. Сардик. соб.“

При 3-мъ пр. 2-го всел. соб. приписано (стр. 183): О каедряхъ Римской и Константинопольской смотри 28-е пр. Халкид. соб и 36-е Трул. — На тѣ же правила указываютъ въ своихъ толкованіяхъ Зонара и Вальсамонъ.

При 8-мъ пр. Ефес. соб. приписано (стр. 187): Ищи Апост. пр. 34-е, 1-го всел. пр. 4-е и 7-е; Антиох. 9-е; 2-го всел. пр. 2-е и 3-е; Халкид. 9-е, 17-е и 28-е; Сардик. 3-е, 4-е и 5-е; Карѣ. 17-е и 39-е; Трул. 36-е и 39-е. — Изъ указанныхъ здѣсь правилъ Зонара ссылается, между прочимъ, на 7-е пр. 1-го всел. соб., а Вальсамонъ на 2-е пр. 2-го всел. соб., 28-е Халкид. и 39-е Трул.

При 40-мъ (49) пр. Карѣ. соб. (стр. 225) находится ссылка на 54-е Апост. пр. и 24-е Лаодик. — На первое изъ этихъ правилъ указываютъ также Зонара и Вальсамонъ.

При 9-мъ пр. Трул. соб. приписано (стр. 268): Смотри св. Апост. пр. 54-е; Лаодик. соб. пр. 24-е; Карѣ. пр. 40-е. — На всѣ эти правила ссылается Вальсамонъ, а на первое изъ нихъ и Зонара.

и въ своихъ трудахъ нерѣдко пользовались ими. Но въ то же время надо отдать справедливость нашимъ толкователямъ въ томъ, что, пользуясь этимъ, уже существовавшимъ до нихъ, каноническимъ матеріаломъ, они относятся къ нему критически и въ своихъ толкованіяхъ высказываютъ часто мнѣнія несогласныя и даже прямо противорѣчащія взглядамъ своихъ предшественниковъ. Менѣе другихъ пользуется трудами древнихъ схолиастовъ Аристинъ, но за то гораздо чаще, нежели Зонара и Вальсамонъ, согласенъ со взглядами, высказанными въ нихъ.

При 27-мъ пр. того же соб. (стр. 272): Смотри 16-е пр. 7-го всел. соб. — На это правило указываютъ также Зонара и Вальсамонъ.

При 22-мъ пр. 7-го всел. соб. (стр. 299) приписано: Смотри 42-е и 43-е пр. Апост.; 60 (71)-ое Карѣ.; 62-е Трул. — На всѣ означенныя правила ссылается въ своемъ толкованіи Вальсамонъ.

При 3-мъ пр. св. Василия В. (стр. 327) находится такая замѣтка: Древнимъ правиломъ святыи называется 25-е Апост. правило. — На 25-е Апост. пр. указываютъ также Зонара и Вальсамонъ.

При 90-мъ пр. того же святаго (стр. 343) приписано: Смотри 29-е пр. св. Апост. 2-е и 22-е Халкид.; 23-е Трул.; 5-е и 19-е 7-го всел. — На 29-е Апост. пр.; 2-е пр. Халкид. соб.; 22-е Трул.; 5-е и 19-е 7-го всел. ссылается въ толкованіи на 90-е пр. св. Василия Вел. и Вальсамонъ.

Глава II.

Хронологическая послѣдовательность трудовъ Аристина, Зонары и Вальсамона.

Время составленія Вальсамономъ комментарія на Номоканонъ и Синтагму Фотія Два различныя мнѣнія о времени составленія толкованій Аристина и Зонары. Мнѣніе ученыхъ утверждающихъ, что комментарий Зонары на Синтагму церковныхъ правилъ былъ составленъ раньше комментарія Аристина на каноническій Синописисъ и основаніе этого мнѣнія. Критика этого мнѣнія проф. Павловымъ и противоположный взглядъ, по которому толкованія Аристина составлены раньше толкованій Зонары. Заключение.

Прежде чѣмъ перейти къ подробному разсмотрѣнію толкованій Аристина, Зонары и Вальсамона, необходимо обратить вниманіе на вопросъ о хронологической послѣдовательности ихъ трудовъ, такъ какъ для опредѣленія значенія каждаго изъ этихъ толкователей не безразлично, чей комментарий былъ болѣе раннимъ и чей позднѣйшимъ, работалъ ли авторъ совершенно самостоятельно, или имѣлъ передъ глазами трудъ своего предшественника.

Изъ трехъ комментаторовъ каноническаго кодекса Восточной церкви позднѣйшимъ, безспорно, былъ Вальсамонъ:

въ своихъ толкованіяхъ онъ прямо называетъ по имени своихъ предшественниковъ — Зонару и Аристина ¹⁾.

Но вопросъ о томъ, кто изъ этихъ послѣднихъ писалъ раньше — Аристинъ свои толкованія на Синописисъ, или Зонара на Синтагму церковныхъ правилъ, въ канонической литературѣ является спорнымъ, такъ какъ точныхъ біографическихкихъ свѣдѣній ни о томъ, ни о другомъ канонистѣ не имѣется.

Господствовавшее прежде между учеными мнѣніе, по которому комментарий Зонары былъ составленъ раньше комментарія Аристина (именно въ первой четверти XII в.)²⁾, въ послѣднее время нашло себѣ противниковъ, доказывающихъ, что Аристинъ писалъ раньше Зонары. Защитникомъ послѣдняго взгляда въ нашей литературѣ впервые выступилъ проф.

1) См. толкованія Вальсамона на 6-е и 36-е Апост. пр.; на 37-е пр. Трул. соб.; на посланіе св. Аѳанасія Вел. къ Аммуну; на 50-е пр. св. Василия Вел.

2) Такъ, Беверегій въ своихъ Prolegomen'ахъ говоритъ о Зонарѣ: „qui sub Alexio (et) Ioanno Compneo floruit“ (стр. XV); тоже повторяетъ Фабрицій (Bibl. graeca, vol. X, стр. 241 ed. 1721) и др. Арх. Іоаннъ (Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія. Т. 1, стр. 102) указываетъ предположительно на 1120 годъ, какъ на эпоху написанія Зонарою толкованій на Синтагму. Павловъ. Замѣчанія на программу изданія, въ русскомъ переводѣ, церковныхъ правилъ съ толкованіями. Одесса. 1875. Стр. 4, примѣч. 1-е. — Изъ русскихъ ученыхъ мнѣнія о старшинствѣ Зонары предъ Аристиномъ держался профессоръ церковнаго права въ Московской Духовной Академіи Александръ Ѳедоровичъ Лавровъ (скончавшійся, съ монашескимъ именемъ Алексѣя, въ санѣ архіепископа Литовскаго), представившій въ своемъ „печатномъ письмѣ“ къ А. С. Павлову доказательства этого мнѣнія. Къ нему присоединился также профессоръ Московской Духовной Академіи А. П. Лебедевъ. — Обстоятельную критику этого мнѣнія далъ профессоръ А. С. Павловъ въ статьѣ „Къ вопросу о хронологическомъ отношеніи между Аристиномъ и Зонарою, какъ писателями толкованій на церковныя правила“, помѣщенной въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“. 1896. I. Стр. 172—199.

Павловъ, представившій въ своей брошюрѣ¹⁾, написанной въ 1875 году (по поводу изданія Московскимъ Обществомъ любителей духовнаго просвѣщенія, въ русскомъ переводѣ, церковныхъ правилъ съ толкованіями²⁾, въ пользу своего мнѣнія весьма вѣскія доказательства. Взглядъ проф. Павлова раздѣляютъ и нѣмецкіе ученые — Гиршъ³⁾ и знаменитый Цахаріэ фонъ-Лингенталь — въ упомянутой нами выше статьѣ о каноническомъ Синописѣ⁴⁾, а изъ русскихъ ученыхъ профессора Н. С. Суворовъ⁵⁾ и М. А. Остроумовъ⁶⁾.

1) Брошюра эта позднѣе, въ переработанномъ видѣ, была напечатана въ Православномъ Обозрѣніи (1876 г. Апрель) подъ заглавіемъ: „О новомъ переводѣ толкованій на церковныя правила“.

2) Въ указанномъ изданіи, „чтобы точно выдержать хронологическую послѣдовательность“, толкователи расположены въ такомъ порядкѣ: сначала помѣщенъ Зонара, какъ древнѣйшій изъ толкователей, за нимъ Аристинъ и, наконецъ, Вальсамонъ, какъ самый младшій. Противъ этого новаго порядка размѣщенія (у Беверегія на первомъ мѣстѣ поставленъ Вальсамонъ, на второмъ Зонара и на третьемъ Аристинъ; въ Аѣинскомъ изданіи *Ῥάλλη καὶ Ποτλῆ* толкователи расположены такъ: Зонара, Вальсамонъ и Аристинъ), какъ не оправдываемаго ни точной хронологіей, ни внутреннимъ отношеніемъ между толкователями, возражаетъ въ упомянутой брошюрѣ проф. Павловъ и устанавливаетъ такую послѣдовательность между толкователями: на первомъ мѣстѣ онъ помѣщаетъ Аристина, на второмъ Зонару и на третьемъ Вальсамона.

3) *Bizantische Studien* von Ferd. Hirsch. Leipzig. 1876. S. 377, Anm. 1.

4) Надо, впрочемъ, замѣтить, что приводимое Цахаріэ, въ подтвержденіе своего взгляда, указаніе нѣкоторыхъ мѣстъ изъ комментарія Аристина, которыми будто бы пользовался Зонара, при составленіи своихъ толкованій, ничего не доказываетъ: знаменитый ученый забываетъ, что еще за долго до появленія толкованій Аристина и Зонары уже существовали, какъ мы знаемъ, схолии на нѣкоторыя церковныя правила и, между прочимъ, на тѣ, о которыхъ онъ говоритъ (47-е Апост. пр., 17-е Халкид., 3-е Констант. втор. всел. и др.); оба толкователя могли пользоваться этимъ общимъ источникомъ (чѣмъ и объясняется сходство ихъ толкованій), ничего не заимствуя одинъ у другаго.

5) Курсъ церковнаго права. Т. I. Ярославль. 1889, стр. 287.

6) Введеніе въ православное церковное право. Харьковъ. 1893, стр. 605—606.

Разсмотримъ доводы, приводимые тою и другою стороною.

Точныхъ хронологическихъ данныхъ, на основаніи которыхъ слѣдовало бы утверждать, что толкованія Зонары появились раньше комментарія Аристина, мы не имѣемъ. Объ Аристинѣ, на основаніи оглавленія лучшихъ списковъ Аристинова Синописа, можно сказать навѣрное только одно, — что онъ написалъ свои толкованія на сокращенный текстъ церковныхъ правилъ во времена и по непосредственному приказанію императора Іоанна Комнина (1118—1142)¹⁾. Правда, есть указанія и на то, что Аристинъ *жилъ* во второй половинѣ XII вѣка²⁾; но для насъ важно не то, до какого времени дожилъ тотъ или другой толкователь, а то, когда каждый изъ нихъ *писалъ* свои толкованія.

Ученые, утверждающіе, что Зонара писалъ свои толкованія на Синтагму раньше Аристина (около 1118 года), основываются единственно на томъ, что другой литературный трудъ Зонары, именно его хроника доведена имъ до 1118 года, т. е. до смерти императора Алексѣя Комнина, произвольно за-

1) Къ числу такихъ списковъ принадлежитъ находящійся въ Московскои Синодальной библиотекѣ № 227. Оглавленіе списка слѣдующее: Νομοκάνων σὺν Θεῶ, περιέχων συνοπτικῶς ὅλους τοὺς κανόνας τῶν ἁγίων καὶ οἰκουμενικῶν συνόδων καὶ τῶν ἁγίων Ἀποστόλων καὶ τοῦ μεγάλου Βασιλείου καὶ ἐτέρων θεοφόρων πατέρων, ἑρμηνευθὲν προτροπῇ τοῦ εὐσεβεστάτου βασιλέως, κυροῦ Ἰωάννου τοῦ Κομνηνοῦ, παρὰ τοῦ λογιωτάτου διακόνου τῆς τοῦ Θεοῦ μεγάλης ἐκκλησίας, καὶ νομοφύλακος κυροῦ Ἀλεξίου τοῦ Ἀριστηνοῦ. Павловъ. Прав. Обзорѣніе. 1876 г. Апрель, стр. 732.

2) Такъ, Вальсамонъ въ толкованіи на 37-е пр. Трул. соб. говорить, что Аристину было поручено Синодомъ разрѣшеніе жалобы, возбужденной противъ Іерусалимскаго патріарха Никифора (1156—1166). Есть и другое свидѣтельство, что Аристинъ жилъ еще въ 1116 году; именно, въ дѣяніяхъ собора этого года въ числѣ официаловъ Великой (Константинопольской) церкви на первомъ мѣстѣ упоминается пречестный великій экономъ Аристинъ (συνταγματάμενος καὶ τῶν θεοφιλεστάτων δεσποτικῶν ἀρχόνων, τοῦ ὑπερτίμου καὶ μεγάλου Ἀλεξίου). Павловъ. Замѣчанія на программу изданія, въ русскомъ переводѣ, церковныхъ правилъ съ толкованіями, стр. 4 прим.

ключая отсюда, что, по окончаніи этого труда, Зонара прожилъ недолго ¹⁾.

Проф. Павловъ доказываетъ ошибочность этого взгляда.

Изъ доводовъ, приводимыхъ почтеннымъ профессоромъ въ пользу того мнѣнія, что Аристинъ писалъ свои толкованія раньше Зонары, наиболѣе важными являются слѣдующіе:

1) То обстоятельство, что хроника Зонары доведена имъ до 1118 года, еще не доказываетъ, что авторъ не могъ продолжать ее дальше того года, на которомъ онъ остановился. Въ концѣ хроники Зонара говоритъ, что онъ находитъ безполезнымъ и несвоевременнымъ повѣствовать о дальнѣйшихъ событіяхъ (*δοῦναι γὰρ γραφήν καὶ τὰ λείποντα οὐ μοι λυσιτελεῖς οὐδ' εὐχαίρου κέρχεται*); значить онъ могъ бы, если бы захотѣлъ или находилъ удобнымъ, вести свой рассказъ и дальше ²⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хроники Зонара, дѣйствительно, выступаетъ за крайній предѣлъ своего труда и упоминаетъ мимоходомъ о лицахъ и событіяхъ послѣ 1118 года ³⁾.

2) Какъ хроника, такъ и всѣ другія сочиненія Зонары

1) На это обстоятельство съ особою рѣшительностію указываетъ Мортрель, предполагая, очевидно, что исторія написана Зонарою послѣ толкованій (*Hist. du droit byzant. t. III p. 481: „Zonaras écrivait encore en 1118, à la fin du regne de Alexius; mais on ignore l'époque où il a cessé de vivre*). — Чижманъ, въ виду того же 1118 года, говоритъ уже съ большею опредѣленностью, именно — что Зонара, писавшій еще въ этомъ году, составилъ свой комментарий на Синтагму Фотія въ послѣдніе годы правленія Алексѣя Комнина (*Zhishman. Das Eherecht der orient. Kirche. S. 71; cfr. 5, 46*). А. Павловъ. Замѣчанія etc. стр. 4, прим. 2.

2) На основаніи тѣхъ же заключительныхъ словъ хроники, Гиршъ высказываетъ мнѣніе, что Зонара окончилъ ее послѣ 1118 года, хотя и не позже первыхъ лѣтъ царствованія Мануила Комнина. *Hirsch. Byzant. Studien. Leipzig. 1876.* — Того же мнѣнія держится и Крумбахеръ въ своей „Исторіи византійской литературы“.

3) Указанія тому приведены проф. Павловымъ въ его статьѣ: „О новомъ переводѣ толкованій на церковныя правила“. Правосл. Обзор. 1876 г., апрѣль, стр. 733.

написаны имъ въ монашествѣ¹⁾; въ монашество же онъ поступилъ никакъ не при Алексѣѣ Комнинѣ: некрологъ этого императора онъ писалъ по личнымъ воспоминаніямъ, слѣдовательно, находился тогда еще при дворѣ; не могъ бы онъ описывать и современныхъ Алексѣю Комнину придворныхъ событій, если бы удалился уже тогда на уединенный островъ. Едва ли принялъ Зонара монашество и вскорѣ послѣ смерти Алексѣя Комнина, такъ какъ зналъ событія изъ временъ слѣдующаго императора. Можетъ даже быть, что Зонара не былъ монахомъ и въ 1156 году: по крайней мѣрѣ, на соборѣ этого года въ числѣ присутствовавшихъ придворныхъ чиновъ упоминается *μεγαλειφανέστατος πρωτοασηκρήτις Νικόλαος ὁ Ζωναράς*, а это, можетъ быть, и есть историкъ и канонистъ Зонара, подъ своимъ мірскимъ именемъ.

3) Хроника не была однимъ изъ послѣднихъ предсмертныхъ трудовъ Зонары; наоборотъ, это былъ *первый* литературный трудъ знаменитаго канониста, послѣ его постриженія въ монашество; указанія на то мы находимъ въ предисловіи къ самой хроникѣ, гдѣ авторъ говоритъ о потерѣ жены и дѣтей, какъ о причинѣ своего отшельничества, о томъ, что до сихъ поръ онъ находился въ бездѣйствіи и не чувствовалъ въ себѣ силы, по просьбѣ друзей, взяться за перо и книги. Это показываетъ въ писателѣ еще недавняго монаха, который въ первый разъ принимается за литературную работу. Если же считать доказаннымъ, что хроника была первымъ литературнымъ трудомъ Зонары, то необходимо предположить, что послѣ написанія ея онъ прожилъ еще довольно долго, потому что оставилъ кромѣ нея нѣсколько другихъ обширныхъ сочиненій (напр. лексиконъ, толкованія на Синтагму церковныхъ правилъ и др.)²⁾.

1) Надъ всѣми ими стоитъ типическое заглавіе: Ἰωάννου μοναχοῦ (иногда ἀσκητοῦ) τοῦ Ζωναρά, τοῦ γεγονότος μεγάλου δρουγγαρίου καὶ πρωτοασηκρήτις. См. предисловіе Дюканжа къ исторіи Зонары въ Боннскомъ изданіи 1841 года, стр. XXI—XXVI.

2) Дюканжъ высказываетъ догадку, что Зонара жилъ и писалъ

4) Зонара несомнѣнно жилъ и писалъ даже при Мануилѣ Комнинѣ, такъ какъ въ толкованіяхъ на Синтагму церковныхъ правилъ и въ другихъ сочиненіяхъ его встрѣчаются указанія на такія обстоятельства, которыя могутъ быть отнесены къ опредѣленнымъ годамъ правленія этого императора ¹⁾).

въ правленіе не только Іоанна, но и Мануила Комниновъ. Правосл. Обзор. 1876 г., апрѣль, стр. 732 примѣч.

1) Таково дополнительное толкованіе на 10-е правило Петра Александрійскаго озаглавленное: „ἐπεξηγήσεις φερομένη κατὰ τοῦ Μουζάλωνος ἄψασι“. Это дополнительное толкованіе направлено противъ патріарха Николая Музалона, возведеннаго, по свидѣтельству историка Киннама, на Константинопольскую кафедру Мануиломъ Комниномъ въ 1147 году. До патріаршества Музалонъ былъ Кипрскимъ архіепископомъ, но, за тѣмъ, покинулъ свою епархію и сталъ жить въ Константинополь; возведеніе его на патріаршество возбудило всеобщее неудовольствіе. Этотъ случай, очевидно, имѣлъ въ виду Зонара, доказывая въ дополнительномъ толкованіи, что епископъ, оставившій самовольно свою церковь, чуждъ священства, а потому не можетъ быть возведенъ на другую кафедру. Правда въ аѳинскомъ изданіи Синтагмы толкованіе, направленное противъ Музалона, приписывается Вальсамону; но за то по Беверегію оно принадлежитъ Зонарѣ. Этому послѣднему (и это особенно важно) приписываютъ его также тѣ списки Синтагмы, въ которыхъ содержатся толкованія одного только Зонары. Изъ осматрѣнныхъ нами рукописей такой списокъ содержитъ рукопись Вѣнской придворной бібліотеки, по каталогу Lambesii VIII. № 48; толкованіе, направленное противъ Музалона, находится здѣсь при 10-мъ пр. Петра Александрійскаго, на первой и второй страницахъ 316-го листа; оно безъ всякаго заглавія и вписано въ текстъ. Въ рукописяхъ Мюнхенской королевской бібліотеки (Hardt II) № 45 и № 46, а также въ Cod. Vatic. Palat. № 21, содержащихъ Синтагму также съ толкованіями одного I. Зонары, означенное толкованіе помѣщено тоже при 10-мъ пр. Петра Александрійскаго (безъ заглавія).

Далѣе, въ толкованіи на 7-е пр. Неокес. соб. Зонара, между прочимъ, пишетъ: „в и д а л и м ы и патріарха и разныхъ митрополитовъ, принимавшихъ участіе въ брачномъ пирѣ второбрачнаго императора“. Во второбрачномъ императорѣ здѣсь, по мнѣнію проф. Павлова, надо видѣть Мануила Комнина, вступившаго въ 1159 году во второй бракъ (этому доводу г. Павлова знаменитый Цахаріэ фонъ-Лингенталь придаетъ весьма важное значеніе).

Изъ всего сказаннаго видно, что нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ утверждать, что комментарий Аристина на Синописи церковныхъ правилъ появился позднѣе комментарія Зонары на Синтагму. Можно предположить, что оба толкователя работали одновременно, быть можетъ, даже не зная одинъ о трудѣ другаго ¹⁾, но представляется мало вѣроятнымъ, чтобы комментарий на Синописи — трудъ гораздо легче исполнимый и въ тоже время весьма нужный — появился уже послѣ истолкованія полного текста церковныхъ правилъ Зонарою.

Въ справедливости сказаннаго мы еще болѣе убѣдимся, обратившись къ содержанію самыхъ толкованій Аристина и Зонары. Аристинъ нигдѣ не пользуется Зонарою, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ, имѣя предъ глазами его комментарий — а комментарий этотъ, если считать Зонару старше Аристина, долженъ былъ появиться весьма незадолго передъ тѣмъ и, во всякомъ случаѣ, былъ бы извѣстенъ Аристину — по всей вѣроятности, не счелъ бы этого лишнимъ; наоборотъ, всякаго основательно ознакомившагося съ трудомъ того и другаго толкователя поражаетъ полная самостоятельность ихъ взя-

---

Наконецъ, ко времени того же Мануила Комнина относится трактатъ Зонары о недозволенности брака двухъ троюродныхъ братьевъ съ одною и тою же женщиною. Трактатъ этотъ написанъ по поводу возникшихъ споровъ, начало которыхъ должно быть отнесено ко времени Мануила Комнина, на основаніи свидѣтельствъ Вальсамона и Димитрія Хоматина. (Павловъ. Православн. Обзор. 1876 г., апрѣль, стр. 736 и 737.)

Возраженія противъ того, что упомянутыя здѣсь обстоятельства должны быть отнесены къ эпохѣ царствованія Мануила Комнина, были сдѣланы въ „Печатномъ письмѣ къ А. С. Павлову“, напечатанномъ въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“; но доводы, приведенные въ этомъ письмѣ, не ослабляютъ мнѣнія, высказаннаго проф. Павловымъ.

1) Тѣмъ болѣе, что работа каждаго изъ толкователей представляется весьма обширною и трудною, исполнимою лишь въ весьма продолжительный промежутокъ времени.

довъ; иногда встрѣчаются даже противорѣчія во мнѣніяхъ, высказываемыхъ ими по нѣкоторымъ вопросамъ¹⁾, при чемъ дѣлаемая Зонарою возраженія противъ „нѣкоторыхъ“ могутъ быть отнесены къ Аристину²⁾).

Все это даетъ намъ право положительно утверждать, что толкованія Зонары не были извѣстны до Аристина и были написаны имъ послѣ комментарія послѣдняго на Синописисъ церковныхъ правилъ, или одновременно съ послѣднимъ.

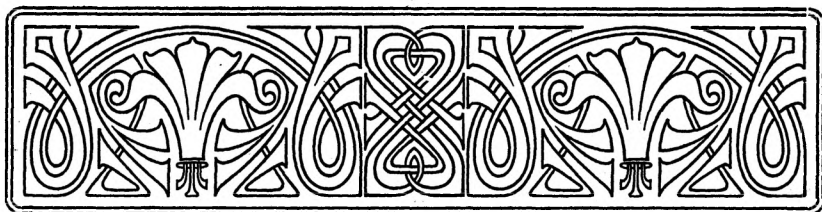
---

1) Такъ, напр., Аристинъ думаетъ, что 13-е пр. Лаодик. соб.: „Да не будетъ позволяемо сборищу народа избирати имѣющихъ произвестися въ священство“ говоритъ объ епископахъ; Зонара же полагаетъ, что правило имѣетъ въ виду священниковъ.

Въ толкованіи на 32-е пр. св. Василия Вел.: „Тѣ изъ клира, которые согрѣшили грѣхомъ смертнымъ“... опредѣленіе смертнаго грѣха у обоихъ толкователей, какъ мы видѣли (см. стр. 83), совершенно различно. Аристинъ пишетъ: Грѣхъ, приводящій къ смерти, есть плотское наслажденіе; Зонара же даетъ иное опредѣленіе смертнаго грѣха: Грѣхъ къ смерти, говорятъ, есть тотъ, который простерся до исполненія; а простершійся до пожеланія и намѣренія — не къ смерти, т е духовный.

2) Такъ, напр., въ толкованіи на 17-е пр. Анкир. соб.: „Ското-ложникамъ и прокаженнымъ, или опроказившымъ, святой Соборъ повелѣлъ молиться съ обуреваемыми“ Аристинъ пишетъ: „А обуреваемые, по великому Діонисію, суть одержимые злымъ духомъ, которые не были допускаемы молиться вмѣстѣ съ вѣрными, но имѣли отдѣльныя мѣста и молились на сихъ мѣстахъ“. Зонара не согласенъ съ этимъ взглядомъ... „а обуреваемыми, говоритъ онъ, *нѣкоторые* называютъ бѣсноватыхъ, но я не думаю, чтобы о такихъ говорили здѣсь отцы собора“...

Глава III.

Толкованія Аристина.

I.

Биографическія свѣдѣнія объ Алексѣѣ Аристинѣ.

Биографическія данныя относительно личности Алексѣя Аристина весьма скудны ¹⁾. Изъ писемъ къ Аристину его современника Θεодора (въ монашествѣ Иларіона) Продрома или Птохопродрома ²⁾, жившаго при Іоаннѣ и Мануилѣ Комнинахъ, оказывается, что онъ былъ уроженецъ древней Эллады, гдѣ получилъ блестящее образованіе (между прочимъ, юридическое) и состоялъ въ какой то высокой гражданской должности; онъ былъ вызванъ императоромъ (по всей вѣроятности, Іоанномъ Комниномъ) въ столицу и, въ санѣ діакона, проходилъ, вѣроятно, послѣдовательно слѣдующія высшія церковно-политическія должности: номофилакса ³⁾, про-

1) Они тщательно собраны проф. Павловымъ въ брошюрѣ: „Замѣчанія на программу изданія, въ русскомъ переводѣ, церковныхъ правилъ съ толкованіями“, стр. 2 и слѣд.

2) О Θεодорѣ Продромѣ и его сочиненіяхъ см. Krumbacher: Geschichte der byzantinischen Literatur, S. 359—368.

3) Самъ Аристинъ въ толкованіи на 27-е Апост. пр. говоритъ о ἐκκλησιαστικῆς νομοφύλαξος. Титуль θεοφιλέστατος, стоящій предъ словомъ νομοφύλαξ въ надписаніяхъ комментарія Аристина на каноническій Синописисъ, доказываетъ также, что эта должность (номофилакса) была церковная.

тэкдика, орфанотрофа и, наконецъ, великаго эконома патріаршей (великой) церкви ¹⁾; по этимъ должностямъ Аристинъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ дворцомъ и сенатомъ. По свидѣтельству Вальсамона, „святой синодъ онаго великаго эконома Аристина въ теченіе 30 дней, чрезъ троекратное напоминаніе, приглашалъ удержаться отъ (свѣтской) судейской должности“ ²⁾. Это показываетъ, что сдѣлавшись экономомъ, онъ продолжалъ удерживать за собою одну изъ прежнихъ должностей, именно должность номофилакса, что подтверждается и надписью одного письма Продрома, адресованнаго Аристину, какъ номофилаксу и великому эконому (*πρὸς τὸν νομοφύλακα καὶ μέγαν οἰκονόμον τὸν Αριστηνὸν*) ³⁾. Для успѣшнаго исполненія сложныхъ и трудныхъ обязанностей, соединенныхъ съ отправленіемъ перечисленныхъ должностей, надо было, конечно, обладать выдающимися способностями, которыми, дѣйствительно, былъ одаренъ Аристинъ, какъ видно изъ дошедшихъ до насъ отзывовъ его современниковъ (напр. упомянутаго Птохопродрома).

Кромѣ многосложной служебной дѣятельности, Аристинъ, по приказанію императора Іоанна Комнина ⁴⁾ исполнилъ трудъ, въ который онъ могъ вложить и свои познанія, и пріобрѣтенную опытность ⁵⁾, именно написалъ толкованія

1) См. указанное выше оглавленіе въ рукописи Московской Синодальной бібліотеки № 227, описанной проф. Павловымъ.

2) Толкованіе Вальсамона на 6-е Апост. правило. Ῥάλλη. Σ II, стр. 9.

3) Migne. CXL, col. 1279, nota 56.

4) ... ἐρμενεύθην προτροπῇ τοῦ εὐσεβεστάτου βασιλέως κυροῦ Ἰωάννου τοῦ Κομνηνοῦ . . . См. Павлова: „Замѣтки о греческ. рукописяхъ Московск. Синод. библ., стр. 22 и Mortreuil III, p. 414, not. 9.

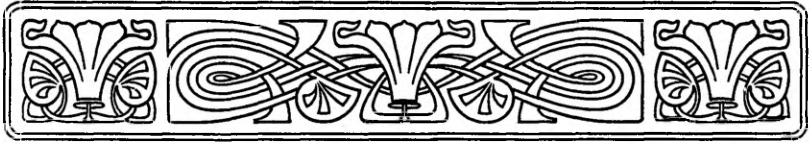
5) Голосъ его въ патріаршемъ синодѣ имѣло большое значеніе. Вальсамонъ сообщаетъ, что когда возникъ вопросъ о томъ, могутъ ли патріархъ антиохійскій и іерусалимскій и другіе, не успѣвшіе отправиться къ своимъ мѣстамъ, участвовать въ синодальныхъ разсужденіяхъ о церковныхъ дѣлахъ, рукополагать и вообще совершать архіерейскія дѣйствія, и когда нашлись люди, утверждавшіе, что не могутъ,

на каноническій Синописъ, потребность въ которыхъ могла живо чувствоваться имъ самимъ, такъ какъ ему чаще, нежели кому другому, приходилось имѣть дѣло съ каноническимъ матеріаломъ и сокращеннымъ изложеніемъ его — Синописомъ, не всегда яснымъ и понятнымъ. Этотъ трудъ доставилъ Аристину одно изъ первыхъ мѣстъ между канонистами восточной церкви¹⁾.

Годъ смерти Аристина неизвѣстенъ. Можно только утверждать, что Аристинъ жилъ еще во второй половинѣ XII вѣка, при императорѣ Мануилѣ Комнинѣ. Такъ, напр., упомянутый іерусалимскій патріархъ Никифоръ II, противъ котораго Аристинъ выставилъ 37-е пр. Трул. соб. былъ рукоположенъ между 1156—1166 гг.; далѣе, въ дѣяніяхъ константинопольскаго собора 1166 г. въ числѣ присутствовавшихъ официаловъ великой церкви упоминается, какъ мы знаемъ, великій экономъ Алексѣй.

то Аристинъ приводилъ 37-е правило Трулльскаго собора противъ патріарха іерусалимскаго Никофора II, очевидно, въ доказательство той мысли, что могутъ. Толкованіе Вальсамона на 37-е пр. Трул. соб. М. Остроумовъ. Введеніе въ православное церковное право. Т. I. Харьковъ 1893, стр. 595—596.

1) Надо обратить вниманіе на ту замѣчательную особенность, что Синописъ съ толкованіями Аристина въ лучшихъ рукописяхъ (упомянутой выше Москов. Синод. библ. № 227, Cod. Bodlej. № 221) называется всегда *Νομοκάνων*, хотя въ немъ вовсе нѣтъ гражданскихъ законовъ.

II.

Характеристика толкованій Аристина.

Цѣль, которую преслѣдовалъ Аристинъ, при изъясненіи Синописа церковныхъ правилъ. Отличительныя черты комментарія Аристина. Догматическій методъ. Разнаго рода свѣдѣнія и замѣчанія, сообщаемыя Аристиномъ въ его толкованіяхъ. Достоинства толкованій Аристина. Нѣкоторыя неправильности въ нихъ встрѣчающіяся.

Обращаясь къ характеристикѣ толкованій Аристина, отвѣтимъ на слѣдующіе три вопроса :

- 1) какую цѣль поставилъ себѣ этотъ канонистъ, при изъясненіи Синописа церковныхъ правилъ ;
- 2) какими пособіями онъ при этомъ пользовался,
- и 3) какъ выполнилъ онъ поставленную себѣ задачу.

Въ отвѣтахъ на эти вопросы и будетъ заключаться характеристика толкованій, написанныхъ Аристиномъ на канонической Синописи.

Цѣль, которую поставилъ себѣ Аристинъ, предпринявши свой трудъ, была вызвана соображеніями чисто практическаго характера ; она обусловливалась требованіями и нуждами современной Аристину канонической практики. Выше мы указывали на достоинства и недостатки, присущіе Синопису церковныхъ правилъ. Источникомъ тѣхъ и другихъ является, главнымъ образомъ, природа Синописа — краткій, афористическій текстъ его правилъ. Послѣдствіемъ этой крат-

кости была неясность и неточность нѣкоторыхъ правилъ каноническаго Синописа, а иногда и неполнота сокращеннаго текста, не обнимавшаго всего смысла правила, а передававшаго въ сокращеніи только часть его. Кромѣ этихъ, можно сказать, неизбѣжныхъ недостатковъ Синописа, въ немъ встрѣчаются иногда и болѣе или менѣе важныя ошибки и неправильная передача содержанія правилъ ¹⁾).

Принявши во вниманіе распространенность Синописа, какъ наиболѣе краткаго руководства въ церковной практикѣ, легко понять, какимъ благотворнымъ и въ тоже время необходимымъ трудомъ было устраненіе указанныхъ недостатковъ Синописа, съ сохраненіемъ при этомъ и главнаго его преимуществъ — незначительности объема.

Попытки удовлетворить этой потребности были еще до Аристина: задолго до XII в. существовали уже, какъ указано нами выше, толкованія или схоліи на нѣкоторыя церковныя правила, и этими толкованіями руководствовались въ церковной практикѣ; далѣе, кромѣ писанныхъ схолій, были устные толкованія или мнѣнія о разныхъ каноническихъ вопросахъ, быть можетъ, иногда ошибочныя, но весьма распространенныя ²⁾).

Прежде чѣмъ приступить къ исполненію своего труда, Аристинъ, очевидно, долженъ былъ изучить основательно весь этотъ матеріаль, имѣвшій прямое отношеніе къ предпринятой имъ работѣ и послужившій важнымъ пособіемъ при ея исполненіи. Въ справедливости сказаннаго можно убѣ-

1) Примѣры этихъ недостатковъ каноническаго Синописа указаны нами выше. (См. стр. 59—61, примѣч.).

2) Такъ, Вальсамонъ въ толкованіи на 1-е Апост. пр., утверждая, что хиротонія здѣсь означаетъ посвященіе, бывающее въ церкви, а не избраніе, замѣчаетъ, что нѣкоторые держатся и того мнѣнія, будто здѣсь говорится объ избраніи, *послѣдовавъ неписаннымъ сказаніямъ* объ этомъ. . . καθώς τινες εἶπον ἀκαλουθήσαντες τοῖς ἀγράφως λεγομένοις . . . 'Ράλλη καὶ Ποτλή. Σύνταγμα. II, стр. 3).

диться посредствомъ сравненія толкованій Аристина со старою схолією. При этомъ обнаруживается, что Аристинъ не только пользуется, при составленіи своего комментарія, этою старою схолією и заимствуетъ изъ нея нѣкоторыя выраженія¹⁾, но иногда, какъ мы показали раньше, повторяетъ ее почти дословно.

Особенно же обильнымъ источникомъ для толкованій Аристина послужилъ полный текстъ правилъ, на что иногда указываетъ онъ самъ. Такъ, въ толкованіи на 72-е пр. Апост. Аристинъ, имѣвшій Синописисъ и полный текстъ правила, не согласные между собою (въ Синописисѣ было написано . . . μετὰ τοῦ καὶ πενταπλοῦν . . ., а въ полномъ текстѣ . . . καὶ τὸ ἐπίπεπτον), указываетъ на это несогласіе и, отдавая предпочтеніе полному тексту правила, пишетъ: „*Полный текстъ правилъ* требуетъ, чтобы возвращаемо было не впятеро противъ похищенного, а только самое похищенное и еще пятая часть онаго“²⁾. Въ толкованіи на 72-е пр. св. Василия Вел. говоритъ: „А кто вѣритъ волхвователямъ и вводитъ ихъ въ свой домъ для изысканія и приготовленія врачествъ (суевѣрныхъ) или для открытія чего-нибудь неизвѣстнаго, подвергается епитиміи на шесть лѣтъ, какъ говоритъ 61-е правило Трулльскаго шестаго собора и 83-е сего, *что въ рукахъ у насъ, третьяго посланія Василия Вел.*“³⁾. Нѣкоторыя изъ толкованій Аристина представляютъ собою лишь извлеченіе изъ полного текста правилъ⁴⁾. Еще же чаще Аристинъ въ своемъ ком-

1) Ср. 20-е пр. Апост., 5-е пр. Никейск. 1-го всел. соб., 3-е пр. 2-го всел. соб., 17-е и 28-е Халк. и др.

2) Σύνταγμα. II, 92.

3) Σ. IV, 233.

4) Полный текстъ 36 пр. Апост. гласитъ:

„Аще кто, бывъ рукоположенъ во Епископа, не приметъ служенія и попеченія о народѣ, ему порученнаго: да будетъ отлученъ, доколѣ не приемень онаго. Также и пресвитерь и діаконъ. Аще же пойдетъ туда, и не будетъ принять не по своей волѣ, но по злобѣ народа: онъ да пребываетъ Епископъ, клиръ же града того да будетъ отлученъ за то, что таковаго непокориваго народа не учили“.

ментаріи повторяетъ полный текстъ правилъ дословно или съ незначительными измѣненіями ¹⁾).

Надо замѣтить, впрочемъ, что, заимствуя матеріалъ для своихъ толкованій изъ полного текста правилъ, Аристинъ дѣлаетъ при этомъ иногда отъ себя нѣкоторыя добавленія. Такъ, напр., въ толкованіи на посланіе Ефес. соб. къ соб.

Аристинъ пишетъ :

„Вновь рукоположенный епископъ, если не соглашается принять на себя врученное ему попеченіе о народѣ, долженъ быть отлученъ, доколѣ не приметъ. Если же онъ пойдетъ, но народомъ не будетъ принятъ не за свое паденіе, но по злобѣ ихъ ; то онъ пусть пребудетъ епископомъ, а клиръ отлучается за то, что не училъ непокорливаго народа“. См. также толкованіе Аристина на пр. Апост. 64-е, 81-е ; 1-го всел. 12-е ; посланіе Ефес. соб. къ соб. Памфилійскому ; Халк. 4-е, 15-е, 22-е ; Трул. 43-е, 84-е, 90-е.

1) Апост. 5-е, 45-е, 46-е, 79-е ; Ефес 6-е ; Халк. 25-е ; Трул. 9-е, 21-е, 41-е, 42-е, 45-е, 58-е, 60-е, 75-е, 79-е, 83-е, 99-е ; Анкир. 4-е : св. Василия Вел. 13-е, 56-е.

Выпишемъ для примѣра полный текстъ 25-го пр. Халкид. соб. и толкованіе на него Аристина.

Полный текстъ читается такъ :

„Поелику нѣкоторые Митрополиты, яко же намъ содѣлалось гласнымъ, небрегутъ о вѣреннхъ имъ паствахъ, и отлагаютъ поставленіе Епископовъ : того ради опредѣлили святой Соборъ, чтобы поставленія Епископовъ совершаемы были въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ : развѣ неизбѣжная нужда заставитъ продлить время отлагательства. Не творящій сего подлежитъ церковной епитиміи. Между тѣмъ доходы вдовствующія Церкви да сохраняются въ цѣлости икономъ ея“.

Аристинъ пишетъ :

„Поелику нѣкоторые митрополиты не заботились о вѣреннхъ имъ паствахъ и медлили рукоположеніями епископовъ, то опредѣлено, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ послѣ смерти епископа, рукополагать другаго, если не представится необходимымъ по какой-либо неизбѣжной нуждѣ продлить этотъ срокъ. А если долѣе трехъ мѣсяцевъ будетъ вдовствовать церковь безъ епископа, безъ неизбѣжной какой-нибудь нужды, то митрополитъ долженъ быть подвергнутъ епитиміи. Доходъ вдовствующей церкви за промежуточное время долженъ быть сохраненъ экономомъ въ цѣлости“.

Памфилійскому Аристинъ объясняетъ, что надо подразумѣвать подъ выраженіемъ „аще же положите о немъ какой болѣе благосклонный совѣтъ“ : „это значило, говорить онъ, или принять его въ праздную церковь, или иначе какъ поступить съ нимъ“ ¹⁾. Въ толкованіи на 5-е пр. св. Василия Вел., повторивши почти дословно полный текстъ правила, Аристинъ говоритъ относительно словъ правила . . . „Явно же есть, яко приимати (еретиковъ) не безъ разсужденія, но съ испытаніемъ, истинное ли показываютъ покаяніе, и имѣютъ ли плоды, свидѣтельствующіе тщаніе о спасеніи“ — „Какіе именно? — если онъ обличаетъ свою ересь со слезами и сокрушеннымъ сердцемъ исповѣдуетъ свои грѣхи, творитъ милостыню и показываетъ другія подобныя спасительныя дѣла“ ²⁾.

Что касается гражданскаго законодательства, то Аристинъ пользуется имъ весьма рѣдко; еще рѣже дѣлаетъ онъ при этомъ точныя ссылки на гражданскіе законы и приводитъ ихъ содержаніе; такія ссылки сдѣланы имъ въ толкованіяхъ на правила Апост. 67-е³⁾, Никейск. 1-го 7-е⁴⁾, Халкид 3-е⁵⁾, 7-е⁶⁾, Трул.

1) С. II, 215.

2) С. IV, 107.

3) . . . „А 8-я статья, помѣщенная въ 81 гл. 36 тит. 60 книги Василия, предписываетъ таковому носъ отсѣчь, и третью часть его имѣнія отдать насилуванной имъ и растлѣнной дѣвицѣ“.

4) „123 новелла, находящаяся въ 1 тит. 1 книги, епископа Іерусалима, который называется Эліею, именуется патриархомъ“.

5) . . . „А епископамъ или монахамъ не дозволяется быть опекунами или попечителями даже родственниковъ ихъ. Но распорядителями имѣній, оставляемыхъ кѣмъ-либо послѣ смерти для раздачи на поминъ души, всѣ эти лица могутъ быть; и называются въ этомъ случаѣ попечителями и они, по 8-ой новеллѣ императора господина Льва Философа“.

6) . . . „Съ настоящимъ правиломъ согласна и 8-я новелла императора господина Льва Философа, которая не дозволяетъ монашествующимъ опять одѣваться въ одежду мірскаго человѣка, хотя 11-е постановленіе, содержащееся въ 62-ой гл. 1 тит. 4 книги Василия, противорѣчитъ и настоящему правилу, и этой новеллѣ“.

93-е ¹⁾, Анкир. 11-е ²⁾, 16-е ³⁾, Карѳаг. 13-е ⁴⁾, (131-е) 146-е ⁵⁾);

1) „Съ настоящимъ правиломъ согласуется и 117-я Юстиніанова новелла, помѣщенная въ 7 тит. 28 книги Василикъ. Ибо и она повелѣваетъ, что если жена имѣетъ мужемъ война, отправившагося въ походъ, и потомъ получить свѣдѣніе, что онъ скончался, не иначе можетъ вступить въ другой бракъ, какъ когда получить удостовѣреніе отъ начальниковъ того полка, въ которомъ служилъ ея мужъ, которые предъ святыми евангеліями и при официальномъ письменномъ удостовѣреніи дадутъ показаніе, что дѣйствительно мужъ ея умеръ; и когда получить такое удостовѣреніе, и послѣ этого извѣщенія должна дожидаться въ теченіи одного года. А если вступить въ другой бракъ безъ этой предосторожности, то и она, и тотъ, кто возьметъ ее, наказываются, какъ прелюбодѣи. А если, и по соблюденіи сей предосторожности, окажется, что тѣ, которые съ клятвою удостовѣрили ее, дали ложное показаніе; то, по предписанію новеллы, таковыя исключаются изъ военной службы и уплачиваютъ пеню въ десять литръ золота тому, о кончинѣ котораго сдѣлали ложное показаніе; а ему новелла не возбраняетъ взять опять свою супругу, если пожелаетъ“.

2) „... А 58 тит. 60 книги Василикъ подвергаетъ великимъ наказаніямъ того, кто учинилъ похищеніе женщины и кто помогаль ему въ семь похищеніи, и прочихъ, кто какимъ бы то ни было образомъ оказалъ этому содѣйствіе, и не дозволяетъ похищенной женщинѣ сочетаться бракомъ съ похитителемъ, хотя бы она желала этого, хотя бы родители ея; но родители, если согласятся на такое сожителство, подвергаются ссылкѣ“.

3) „81-я гл. 37 тит. 60 книги Василикъ словомъ *ἀλογοῦσάμενοι* называетъ скотоложниковъ (*κτηνοβάται*), у каковыхъ и повелѣваетъ отсѣкать членъ, какъ и у тѣхъ, которые дѣлаютъ срамъ съ мужчинами“.

4) „... и законъ давшихъ ложное или само себѣ противорѣчащее свидѣтельство наказываетъ чрезъ подлежащія начальства, какъ говорить 14-я гл. 1 лит. 21 книги“.

5) 131-е (146)-е пр. Карѳ. (ссылаясь на правила Карѳ. соб., мы цитируемъ ихъ по Синтагмѣ *Ῥάλλη καὶ Πιστῆ* — число всѣхъ правилъ этого собора здѣсь равняется 133, — въ скобахъ же обозначаемъ, какимъ по порядку считается это правило въ Книгѣ Правилъ и т. д., съ толкованіями, изд. Моск. Общ. Люб. Дух. Просв., по которой всѣхъ правилъ 147) въ Синонцесѣ раздѣлено на два. Въ толкованіи на первое изъ нихъ Аристинъ, между прочимъ, пишетъ: „2-я же статья 17-ой гл. 1 тит. 21 книги (Василикъ) не допускаетъ къ свидѣтельству кого-

св. Василія Вел. 22-е ¹⁾, 36-е ²⁾). Нѣкоторыя изъ этихъ указаній касаются общеизвѣстныхъ юридическихъ вопросовъ и часто не отличаются особою точностью (иногда указаны только книга и титулъ Базиликъ, глава же не обозначена), такъ что Аристинъ, какъ хорошій юристъ, могъ сдѣлать ихъ прямо по памяти.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнiю самыхъ толкованiй Аристина.

Въ своихъ толкованiяхъ Аристинъ держится метода строго догматическаго: въ большинствѣ случаевъ онъ изъясняетъ только буквальный смыслъ правилъ, указывая при этомъ, какъ должны быть понимаемы нѣкоторыя неточныя и неясныя слова и выраженiя, встрѣчающiяся въ Синописи правилъ ³⁾).

нибудъ въ преступленiи — и того, кому меньше 20-ти лѣтъ“. Въ толкованiи на второе: „свидѣтельства домашнихъ не принимаются и по законамъ; ибо 21-я гл. 1 тит. 21 книги (Василикъ) говоритъ буквально такъ: обвиняющiй не можетъ приводить своихъ домашнихъ во свидѣтели; и 25-я гл. того же титула и книги: „свидѣтельства домашнихъ отвергаются“; въ концѣ толкованiя ссылается также на 15-ю гл. того же 1 тит. 21 книги.

1) ... „А 58 тит. 17 книги Василикъ не позволяетъ сдѣлать этого (сочетаться бракомъ съ похитителемъ), хотя бы похищенная и ея родители и хотѣли такого брака; напротивъ, повелѣваетъ даже ограничивать родителей, которые соглашаются на такой бракъ“.

2) ... „А какимъ образомъ жены воиновъ, узнавъ, что мужья ихъ скончались, должны производить изслѣдованiе относительно смерти ихъ, объ этомъ говоритъ Юстинiанова 117-я новелла, содержащаяся въ 7 тит. 28 книги Василикъ, сила которой изложена и въ 91-мъ пр. Трул. 6-го собора“.

3) Такъ, въ толкованiи на 11-е пр. Халкид. соб. Аристинъ объясняетъ, что такое мирныя и представительныя грамоты, о которыхъ упоминаетъ Синописи: „мирная грамота, говоритъ онъ, та, которая вручается для путешествiя лицу, съ которымъ не случилось никакого соблазна; а представительная — та, которая свидѣтельствуется о безукоризненности жизни и вѣры имѣющаго ее при себѣ“.

24-е пр. Трул. соб. въ сокращенiи передано неточно. Здѣсь говорится, что „клирикъ или монахъ, если является на конскихъ риста-

Нѣкоторыя толкованія его не представляютъ даже ничего

лишахъ, или если на бракъ не уходитъ прежде, чѣмъ начнутся позо-
рищныя игры, да будетъ изверженъ. Замѣтивъ неточность, Аристинъ
исправляетъ ее, говоря: „не тотчасъ извергается клирикъ (ὅχι εὐθὺς
καθαιρείται ὁ κληρικός), если онъ, будучи приглашенъ на бракъ, не
встанетъ и не удалится прежде начатія игръ, служащихъ къ оболь-
щенію; но тогда, когда, дѣлая это, не соглашается оставить, и если
не оставляетъ, извергается. Точно также и тотъ, кто является на
конскихъ ристалищахъ“.

Въ толкованіи на Синописисъ 13-го пр. Анкир. соб. „Хорепископъ
не рукополагаетъ безъ дозволенія епископа“ пишетъ: „...А хоре-
пископы суть такъ называемые нынѣ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ и стра-
нахъ протопопы“.

Въ толкованіи на Синописисъ (весьма неяснаго даже въ полной
редакціи) 4-го пр. Неокес. соб.: „вождедѣвшій, но не совершившій
избавленъ Богомъ“, Аристинъ передаетъ, по возможности, ясно это
правило, но нѣсколько ограничиваетъ его мысль (въ полномъ текстѣ
оно выражено безъ ограниченій): „кто имѣлъ вождедѣніе, прости-
шееся только до одного намѣренія преспать съ женою, но не сдѣ-
лалъ ничего такого, что показывало бы его стараніе о томъ, и вожде-
дѣніе его не перешло въ дѣло, явно, что тотъ избавленъ благодатію
свыше, ибо если и вождедѣніе имѣлъ и старался, и воспользовался
какими-нибудь средствами для достиженія своей цѣли, но его стараніе
не имѣло успѣха по какимъ-нибудь встрѣтившимся препятствіямъ
извнѣ, въ такомъ случаѣ подлежитъ епитиміямъ“.

Относительно 15-го пр. Неокес. соб., которое, по Синописису, чи-
тается такъ: „Семь діаконовъ, по Дѣяніямъ, должны быть и въ вели-
комъ городѣ“ замѣчаетъ, что правило это говоритъ не о мужахъ, слу-
жащихъ при таинствахъ, но о тѣхъ мужахъ, „коимъ ввѣряется устро-
еніе человѣколюбиваго и полезнаго для нуждающихся“.

Въ толкованіи на Синописисъ 33-го пр. Лаодик. соб. „Съ ерети-
ками, или съ раскольниками не молись“ говоритъ: „А раскольники
суть авдіане, которые вѣру содержатъ какъ и католическая церковь,
но живутъ большею частью въ монастыряхъ и молятся не со всѣми.
Они порицаютъ и нашихъ епископовъ за ихъ богатство и другихъ
за другое; и пасху совершаютъ отдѣльно съ іудеями; имѣютъ также
и нѣкоторыя другія свои особенности, противъ которыхъ должно во-
оружаться, ибо они нѣкоторыя мѣста божественнаго Писанія толкуютъ
самымъ строгимъ образомъ“.

Неточно передана мысль 14-го правила Сардик. соб.: „осужден-

новаго сравнительно съ Синописомъ и являются повторе-

ный склоннымъ къ гнѣву, говорится въ Синописѣ, если просить защиты, долженъ быть выслушанъ, но до защиты, очевидно, долженъ быть внѣ общенія“. Аристинъ излагаетъ ту же мысль несравненно точнѣе: „клирикъ говоритъ онъ, отлученный епископомъ, легко раздражающимся, если обратится къ митрополиту, которому подчиненъ этотъ епископъ, для изслѣдованія причины отлученія, — законна она, или нѣтъ, долженъ быть принять; но до изслѣдованія и рѣшенія, справедливо ли былъ отлученъ, или нѣтъ, онъ не долженъ быть допускаемъ до общенія, но долженъ быть подъ епитимію“.

Въ толкованіи на Синописъ 16-го пр. Сардик. соб. „Опредѣленія относительно промедленія епископовъ имѣютъ силу и въ отношеніи пресвитеровъ и діаконовъ“ указываетъ, въ чемъ состояли эти опредѣленія: „Опредѣлено, пишетъ онъ, чтобы епископъ не оставлялъ своей паствы и не проводилъ въ другомъ городѣ болѣе трехъ седмицъ“.

Неяснымъ является въ сокращеніи и 40-пр. Каре. соб.: „отвергающій высшую честь теряетъ и ту, какую имѣеть“. Аристинъ не только передаетъ ясно заключающуюся въ этихъ словахъ мысль, но кромѣ того иллюстрируетъ ее примѣромъ: „кто отъ своего епископа почитается достойнымъ большей части и призывается къ возведенію на такую честь по необходимой церковной причинѣ, но не повинуется не изъ благоговѣнія, а изъ пренебреженія, тотъ долженъ быть удаленъ и изъ той степени, въ которой служить и долженъ лишиться оной; на примѣръ, если былъ иподіакономъ и признаваемъ былъ достойнымъ прозводства во діакона“ и такъ далѣе.

Въ толкованіи на Синописъ 32-го пр. св. Василія Вел. „Клирикъ, если согрѣшитъ грѣхомъ къ смерти, причащается вмѣстѣ съ мірянами, лишаясь степени“.; объясняетъ, что грѣхъ, приводящій къ смерти, есть плотское наслажденіе.

Въ толкованіи на 50-е пр. того же святаго (Синописъ этого правила читается такъ: „Треобращный внѣ закона; но подобныя дѣла оставляются безъ вниманія, какъ нечистоты въ церкви и не придаются всенародному позору, потому что признаются лучшими нежели распутное любодѣяніе“) объясняетъ, какъ должно быть понимаемо выраженіе „не придаются всенародному позору“: „это значитъ, говоритъ онъ, что троеребенокъ не ставится вмѣстѣ съ плачущими и не подвергается всенародному позору, какъ осужденный; а иначе несетъ епитимію въ теченіи пяти лѣтъ, именно: два или три года удостоиваясь слушанія божественныхъ писаній, стоя въ царскихъ дверяхъ, другіе два — стоя вмѣстѣ съ вѣрными и участвуя вмѣстѣ съ

ніемъ этого послѣдняго¹⁾): иногда же комментарій Аристина служить продолженіемъ Синописиса, какъ бы прибавкою къ нему²⁾). Весьма часто, какъ мы видѣли, Аристинъ передаетъ въ своихъ толкованіяхъ полный текстъ правилъ почти буквально (измѣняя только порядокъ словъ), или въ извлеченіи; иногда же, заимствуя изъ полного текста правила матеріалъ

ними въ молитвахъ, и такимъ образомъ возвращаясь въ мѣста причащающихся божественныхъ таинъ.

1) Апост. 10-е, 11-е, 17-е, 18-е, 32-е, 33-е. 35-е, 60-е, 82-е; 1-го всел. 20-е; Халкид. 22-е, 23-е, 29-е; Лаодик. 3-е, 51-е, 55-е; Карѣ. 69-е (80-е); св. Василя Вел. 49-е, 65-е.

Вотъ Синописисъ нѣкоторыхъ изъ этихъ правилъ и толкованія на нихъ Аристина.

11-е Апост. пр.

Синописисъ: „Молящійся вмѣстѣ съ изверженнымъ подлежитъ тому же осужденію“.

Толкованіе Аристина: „Молящійся или служащій вмѣстѣ съ изверженнымъ да будетъ извержень и самъ“.

17-е Апост. пр.

Синописисъ: „Не священъ всякій двоебрачный или содержащій наложницу“.

Толкованіе Аристина: „Ни одинъ двоебрачный не принимается во священство, а тѣмъ паче содержащій наложницу“.

60-е Апост. пр.

Синописисъ: „Читающій въ церкви книгу нечестиваго извергается“.

Толкованіе Аристина: „Читающій въ церкви книги нечестивыхъ, какъ святыхъ, долженъ подлежать изверженію“.

2) Синописисъ 1-го Апост. пр. гласитъ: „Два или три епископа рукополагаютъ епископа“. Аристинъ въ своемъ толкованіи продолжаетъ: „А избирать епископа непременно должны три, а не менѣе того, если затруднительно всѣмъ епархіальнымъ епископамъ собраться для этого“...

Къ тексту Синописиса 70-го пр. Трул. соб.: „Женщинамъ не дозволено разговаривать въ церквахъ“ Аристинъ прибавляетъ: „ибо если захотятъ чему научиться, пусть спрашиваютъ своихъ мужей дома“.

См. также комментарій Аристина на правила Трул. соб. 88-е. 93-е; Лаод. 11-е, 12-е; Карѣ. 21-е (30-е), 41-е (50-е), 61-е (72-е) св. Василя Вел. 14-е, 39-е.

для своего толкованія, дѣлаеть при этомъ нѣкоторыя дополненія отъ себя ¹⁾).

Если объ одномъ и томъ же предметѣ говорится въ нѣсколькихъ правилахъ, Аристинъ даетъ на всѣ эти правила одно общее толкованіе. Одно общее толкованіе Аристинъ даетъ на Апост. пр. 21-е, 22-е, 23-е и 24-е; 77-е и 78-е; на 1-е, 2-е, 3-е, 4-е, 5-е пр. Ефес. соб.; на 14-е и 15-е Трул. соб.; на всѣ правила Гангр. соб.; на 53-е и 54-е Лаод. соб.; на 109-е (123-е), 110-е (124-е) и 113-е (127-е) Карѳ. соб.

Держась строго догматическаго метода, Аристинъ иногда выходитъ за предѣлы своей задачи и дѣлаеть въ своихъ толкованіяхъ замѣчанія, не относящіяся къ изъясненію буквальнаго смысла каноническаго Синописа, но весьма важныя въ практическомъ отношеніи. Онъ указываетъ на причины и обстоятельства, вызвавшія появленіе нѣкоторыхъ правилъ, и объясняетъ мотивы, которыми руководствовались отцы соборовъ, издавая нѣкоторыя постановленія ²⁾; отмѣчаетъ пра-

1) Сардик. 13-е, св. Василия Вел. 5-е и др.

2) Такъ, въ толкованіи на Синописъ 3-го Апост. пр.: „Священникъ, приносящій въ алтарь молоко или медъ, или сикеру, или животныхъ, или овощи — кромѣ новыхъ колосьевъ, винограда, еля и оиміама, да будетъ изверженъ“ Аристинъ пишетъ: „Приносить въ алтарь исчисленное запрещено — иное потому, что это обычай эллинскій, а иное потому, что это обычай іудейскій. А приносить во время земледѣлія начатки новыхъ плодовъ, или овощей и винограда, какъ благодареніе дающему Богу, дозволено“.

Въ толкованіи на 21-е пр. Халкид. соб.: „Клирикъ или мірянинъ, обвиняющій епископа, не долженъ быть принимаемъ безъ изслѣдованія“ Аристинъ указываетъ на причину изданія настоящаго правила въ слѣдующихъ словахъ: ... „Ибо многіе изъ таковыхъ, желая смѣшати и извратить церковное благочиніе, сплетаютъ ложные доносы противъ безупречныхъ и православныхъ епископовъ и клириковъ“.

Въ толкованіи на Синописъ 85-го (96) пр. Карѳ. соб.: „Рѣшено, что исходящія отъ собора граматы должны быть писаны и подписаны кареагенскимъ епископомъ отъ имени всѣхъ“ Аристинъ пишетъ: ... „А это принято потому, что было трудно и положительно тягостно,

вила, утратившія свою силу, или потерпѣвшія измѣненія въ позднѣйшихъ церковныхъ правилахъ ¹⁾); обращаетъ вниманіе на исключенія изъ правилъ (Апост. 6-е, 20-е, 61-е; Трул. 20-е ²⁾); относительно нѣкоторыхъ правилъ замѣчаетъ, что

чтобы всѣ отцы собора подписывались къ граматамъ, посылаемымъ отъ нихъ къ императорамъ, или къ (мѣстнымъ) гражданскимъ начальникамъ“.

См. также толкованія на правила Апост. 44-е, 68-е; Халкид. 30-е; Трул. 18-е, 48-е; Лаод. 11-е, 17-е, Карѳ. 41-е (50-е), 45-е (54-е), 59-е (70-е), 61-е (72-е), 63-е (74-е), 64-е (75-е), 68-е (79-е), 83-е (94-е), 89-е (100-е), 100-е (113-е), 125-е (139-е), 128-е (143-е), 131-е (146-е); Конст. помѣст.; св. Василия Вел. 3-е, 46-е.

1) Такъ, напр., въ толкованіи на 14-е Апост. пр. Аристинъ пишетъ: „Не должно епископу оставлять свою область и переходить на другой престоль, если онъ не будетъ испытанъ и признанъ болѣе полезнымъ для тамошнихъ христіанъ, какъ болѣе учительный. И то по разсужденію и убѣжденію многихъ епископовъ. *Но это правило утратило силу.* Ибо 16-е пр. Антиох. соб. допускаетъ, чтобы епископъ, не имѣющій своей церкви, былъ поставляемъ въ церковь, не имѣющую епископа, только съ утвержденіемъ совершеннаго собора, въ присутствіи и епископа митрополи“.

Въ толкованіи на 31-е пр. Трул. соб.: „58-е пр. Лаодиц. соб. возбраняетъ епископу или пресвитеру совершать божественную литургію въ молитвенной храминѣ, находящейся внутри дома. *А настоящее правило отменяетъ сіе* и предписываетъ, съ дозволенія мѣстнаго епископа, священникамъ священнодѣйствовать въ молитвенныхъ храминахъ, находящихся внутри дома, а совершающаго сіе безъ его дозволенія извергаетъ“. См. также толкованія на правило Апост. 85-е, Халкид. 19-е, Сард. 6-е, Карѳ. 70-е (81-е), св. Василия Вел. 9-е, 18-е.

2) Въ толкованіи на 6-е Апост. пр. Аристинъ пишетъ: „Не дозволено епископу, или пресвитеру, или діакону принимать на себя мірскія попеченія для пріобрѣтенія постыдной прибыли себѣ, исключая того, если кто законами призывается къ управленію дѣлами несовершеннолѣтнихъ, или инымъ какимъ образомъ вызывается принять на себя попеченіе о вдовицахъ, сиротахъ и больныхъ“.

Въ толкованіи на 20-е Апост. правило, запрещающее клирику, подъ страхомъ изверженія, быть поручителемъ, Аристинъ указываетъ на случаи, когда поручительство не только не наказуемо, но даже похвально: „... Если же клирикъ встрѣтитъ челоуѣка въ бѣдѣ, со-

они представляют собою не общія церковныя нормы, а являются правилами особенными, изданными для извѣстнаго времени и мѣста ¹⁾). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, такъ сказать, мимоходомъ, Аристинъ дѣлаетъ ссылки на гражданскіе законы, при чемъ цитируетъ ихъ точно ²⁾, или же, не указывая относящійся къ данному случаю гражданскій законъ опредѣленно, заявляетъ только, что случай этотъ предусматривается и законами гражданскими ³⁾). Если объ одномъ и томъ же предметѣ рѣчь идетъ въ нѣсколькихъ правилахъ, то Аристинъ часто или указываетъ точно, въ какихъ правилахъ, кромѣ изъясняемаго, можно найти матеріалъ, относящійся

держимаго подъ стражею, который оттуда можетъ выдти не иначе, какъ если дать какого-либо поручителя въ томъ, что онъ не убѣжитъ, и если клирикъ изъ состраданія и человѣколюбія возьметъ такого и поручится, что онъ явится въ судъ, когда его потребуютъ, — въ такомъ случаѣ не только не будетъ подлежать изверженію, но и будетъ признанъ достойнымъ похвалы, какъ положившій душу свою за ближняго. А когда отъ клириковъ, подлежащихъ суду, требуется поручительство въ томъ, что они явятся, это не дѣлаетъ ихъ подлежащими изверженію, потому что и въ четвертомъ дѣяніи халкидонскихъ актовъ св. соборъ и засѣдавшіе на немъ славнѣйшіе сановники требовали, чтобы египетскіе епископы представили поручительство въ томъ, что они останутся, а отъ тѣхъ изъ нихъ, которые не могли представить поручительства, требовали клятвеннаго удостовѣренія“.

По поводу 20-го пр. Трул. соб., гласящаго въ Синописи: „Епископъ не долженъ учить всенародно въ другомъ городѣ; а если будетъ усмотрѣнъ, да престанетъ отъ епископства, совершая дѣла пресвитеровъ“, Аристинъ говоритъ: „Замѣть, что и епископъ иногда низводится на мѣсто пресвитера; ибо 29-е пр. Халк. соб. прямо называетъ святотатствомъ низводить епископа на степень пресвитера, и считай настоящее правило исключеніемъ изъ того общаго правила“.

1) Трул. 39-е; Синописи прочитаннаго Осіемъ на Карѣ. соб. 14-го пр. Сард.; Карѣ. 55-е (66-е).

2) Толкованія Аристина, въ которыхъ находятся точныя ссылки на гражданское законодательство, перечислены нами выше.

3) Халкид. 27-е; Карѣ. 81-е (92-е), 96-е (108-е), 129-е (144-е), св. Василия В. 50-е.

къ данному правилу¹⁾, или-же просто замѣчаетъ, что о томъ же самомъ, о чемъ трактуетъ комментируемое правило, говорится и во многихъ другихъ правилахъ²⁾, но при этомъ, въ случаѣ кажущагося или дѣйствительнаго противорѣчія одного правила другому, не разрѣшаетъ, а только указываетъ на него³⁾; исключеніе составляетъ толкованіе на Синописи 22-го пр. св. Василія Вел.

Тамъ гдѣ текстъ Синописиса ясенъ и правиленъ, Аристинъ пишетъ „σαφής“ (καλόν), т. е. правило ясно само по себѣ⁴⁾,

1) Апост. 1-е, 5-е, 14-е, 15-е, 37-е, 64-е (по Кн. пр. 65-е), 85-е; 1-го, Ник. 1-е, 2-е, 3-е, 4-е, 5-е, 6-е, 14-е, 15-е, 17-е; 2-го всел. 2-е, 3-е; Халкид. 2-е, 3-е, 14-е, 16-е, 19-е, 27-е; Трул. 3-е, 4-е, 5-е, 6-е, 12-е, 19-е, 20-е, 28-е, 31-е, 44-е, 49-е, 52-е, 54-е, 59-е, 78-е, 92-е; Анкир. 10-е, 13-е, 14-е, 15-е, 17-е, 19-е, 20-е, 22-е, 23-е, 24-е Неокес. 2-е, 3-е, 4-е, 11-е, 12-е, 15-е; Антиох. 1-е, 3-е, 4-е, 5-е, 9-е, 10-е, 16-е, 20-е, 22-е; Лаодик. 44-е, 49-е, 58-е; Сардик. 6-е, 10-е, 13-е; толкованіе на Синописи памят. записки. Зосимы, папы римскаго; Карѳ. 4-е, 5-е, 7-е, 8-е, 13-е, 16-е (19-е—23-е), 20-е (29-е), 24-е (33-е), 33-е (42-е), 42-е (51-е), 47-е (57-е и 58-е), 51-е (62-е), 54-е (65-е), 70-е (81-е), 80-е (91-е), 82-е, (93-е), 96-е (107-е и 108-е), 97-е (109-е), 102-е (115-е), 106-е (119-е и 120-е), 107-е (121-е), 119-е (133-е), 123-е (137-е), 125-е (139-е), 126-е (140-е); св. Василія Вел. 6-е, 13-е, 18-е, 22-е, 25-е, 30-е, 35-е, 43-е, 47-е, 67-е, 68-е, 72-е.

По провѣркѣ нами указанныхъ ссылокъ, всѣ онѣ оказались вѣрными, за исключеніемъ ссылки сдѣланной Аристиномъ въ толкованіи на 6-е пр. 1-го всел. соб.: „...Ищи еще 8-е пр. Ефее. соб., 34-е Апост. пр., 2-е и 3-е пр. Антиох. соб. и 3-е пр. Сардик. соб.“ 2-е пр. Антиох. соб. ничего общаго съ 6-мъ пр. 1-го всел. соб. не имѣетъ.

2) Антиох. пр. 13-е — πολλοὺς κανόνας ἐβρήσαίς; того же собора пр. 19-е; Сардик. 3-е — ἐν διαφοραῖς κανόσιν εὑρηται; Карѳ. 71-е (82-е), 73-е (84-е), 122-е (136-е); св. Василія В. 12-е.

3) Такъ, въ толкованіи на 15-е пр. 1-го всел. соб. читаемъ: „Это правило не только совсѣмъ уничтожаетъ перемѣщенія епископовъ, но и пресвитеровъ, и діаконівъ; а тѣхъ, которые предприняли сдѣлать что-нибудь такое, опять возвращаетъ церквамъ, къ которымъ они рукоположены. Между тѣмъ 1-е и 2-е правила Сардик. соб. наказываютъ сихъ строже, подвергая епитиміи лишенія общенія“.

4) Такое замѣчаніе сдѣлано Аристиномъ въ 43 случаяхъ, а именно: на Синописи правилъ Апост. 2-е, 7-е, 41-е, 59-е, 69-е; 2-го всел. 5-е;

или же совершенно не дѣлаетъ никакихъ замѣчаній¹⁾. —

Стараясь быть, по возможности, краткимъ, Аристинъ въ то же время не забываетъ, что его комментарий на каноническій Синописисъ долженъ былъ удовлетворить практическимъ потребностямъ тѣхъ, которые къ нему обращались, и долженъ былъ дать отвѣты на интересовавшіе ихъ вопросы; поэтому онъ старается, насколько возможно, при небольшомъ объемѣ комментарія, сообщить читателю необходимыя и полезныя для него свѣдѣнія. Такъ, въ толкованіяхъ на правила, налагающія за какое-либо преступленіе епитимію на виновнаго, Аристинъ указываетъ, въ чемъ должна состоять эта епитимія и какъ должно проходить ее (Трул. 44-е, 54-е, 61-е; Анкир. 21-е, 24-е; Неокес. 3-е; св. Василия Вел. 2-е, 4-е, 18-е, 19-е, 22-е, 61-е, 80-е), руководствуясь при этомъ, главнымъ образомъ, правилами св. Василия Вел., а (по отношенію къ Синописису правилъ этого святаго полнымъ текстомъ правилъ²⁾).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда Синописисъ передаетъ неполно или совершенно опускаетъ санкцію, Аристинъ въ

Трул. 10-е, 22-е, 23-е, 27-е, 47-е, 50-е, 57-е, 67-е, 77-е, 85-е, 86-е, 87-е, 94-е, 98-е; 7-го всел. 8-е, 9-е, 16-е; Лаодик. 48-е, 52-е; Карѣ. 46-е (56-е), 77-е (88-е), 88-е (99-е), 92-е (103-е); св. Василия Вел. 7-е, 11-е, 23-е, 31-е, 33-е, 57-е, 58-е, 59-е, 60-е, 62-е, 63-е, 64-е, 76-е, 83-е.

1) Апост. 43-е, 49-е, 53-е, 55-е, 56-е, 63-е, 66-е (по Синтагмѣ 65-е); 2-го всел. 1-е; Халкид. 1-е; Трул. 1-е, 34-е, 56-е; 7-го всел. 17-е; Лаод. 9-е, 10-е, 16-е, 23-е, 53-е, 60-е; Карѣ. 3-е, 22-е (31-е), 36-е (45-е), 50-е (61-е), 110-е (123-е), 112-е (124-е). Нѣтъ также толкованій на правила Констант. двукр. (17 пр.) и Констант. въ храмѣ св. Софіи (3 пр.); изъ правилъ св. Отецъ комментированы правила одного св. Василия В., за исключеніемъ правилъ — 42-го, 52-го, 66-го, 78-го и 79-го.

2) Напр., въ Синописисѣ 44-го пр. Трул. соб. написано: „Монахъ, сочетавшійся бракомъ, или блудодѣйствующій, пусть приметъ епитимію блудодѣйствующаго“. Аристинъ объясняетъ... „А епитимія блудодѣйствующимъ простирается на семь лѣтъ, по 59-му пр. Василия В.; ибо два года онъ плачетъ, два слушаетъ, два припадаетъ, одинъ стоитъ съ вѣрными и на осьмомъ принимается въ общеніе.“

толкованіяхъ восполняетъ этотъ недостатокъ ¹⁾. Въ толкованіяхъ правилъ, касающихся той или другой ереси, даетъ краткія свѣдѣнія о томъ, въ чемъ состояла эта ересь ²⁾;

1) Такъ, въ Синописѣ 8-го пр. Анкир. соб. сказано, что поставленный въ епископа, если дѣлаетъ возмущенія противъ другихъ епископовъ, „лишается и чести пресвитеровъ“. Аристинъ, согласно съ полнымъ текстомъ, добавляетъ, что таковой подвергается, кромѣ указанного въ Синописѣ наказанія, и *отлученію*.

Въ Синописѣ на 36-е пр. Лаод. соб. санкція совершенно опущена. Здѣсь говорится: „давшій обѣтъ священства не долженъ быть волшебникомъ, или обаятелемъ, или числогадателемъ, или астрологомъ, или дѣлателемъ хранилищъ“. О наказаніи здѣсь ничего не сказано, но оно добавлено въ толкованіи Аристина: „если окажется, что кто либо изъ посвященныхъ лицъ занимается какимъ-нибудь подобнымъ злохудожествомъ, таковой *извергается изъ церкви*“.

Въ Синописѣ 10 пр. Карѣ. соб. хотя и сказано, что осужденный епископомъ, потомъ отдѣлившійся отъ него и водрузившій алтарь, или совершившій приношеніе, подлежитъ наказанію, но каково должно быть наказаніе не сказано. Аристинъ восполняетъ этотъ пробѣлъ, дополнивъ: „таковой *долженъ быть преданъ анафемѣ*“.

Въ Синописѣ 3-го пр. 7-го всел. соб. сказано только, что „всякое избраніе, совершаемое мірскими начальниками, да будетъ недействительно“, тогда какъ по полному тексту (что Аристинъ и добавляетъ въ своемъ толкованіи) „употребленіе къмъ либо свѣтскихъ начальниковъ и полученіе чрезъ нихъ епископской въ какой либо церкви власти *не только дѣлаетъ это полученіе недействительнымъ, но и подвергаетъ изверженію и отлученію* того, кто получилъ священство такимъ образомъ“.

2) Въ толкованіи на 19-е пр. 1-го всел. соб. Аристинъ говоритъ объ ереси павлианитовъ: „... Павлианиты ведутъ происхожденіе отъ Павла самосатскаго, который уничижительно мыслилъ о Христѣ и училъ, что онъ обыкновенный человекъ и получилъ начало отъ Маріи“.

Въ толкованіи на 30-е пр. Халкид. соб. между прочимъ, пишетъ: „... Сей святой соборъ собрался въ Халкидонѣ во дни благочестивѣйшаго императора Маркіана противъ бывшаго въ то время архіепископомъ Александріи нечестиваго еретика Діоскора, который баснословилъ, будто Господь носилъ призрачное тѣло и имѣетъ единое естество, и приписывалъ страданіе Божеству“...

Въ толкованіи на 7-е пр. Лаодик. соб. читаемъ... „Новатіане, и

иногда для большей наглядности поясняетъ правило на примѣрѣ ¹⁾.

четыренадесятники, и фотиніане имѣютъ нужду въ святомъ и спасительномъ крещеніи потому именно, что глава ихъ Фотинъ возобновилъ многія ереси: Павла самосатскаго и Савеллія ливійца и Монтана, утверждая, что Слово Божіе не есть безначально и не есть творецъ всѣхъ вѣковъ, и не существовало прежде всякой твари, но новое и недавнее и получило начало отъ рожденія по плоти изъ дѣвы. А ересь четыренадесятниковъ состоитъ въ томъ, что они празднуютъ воскресеніе Спасителя нашего Іисуса Христа въ четыренадесятый день луны, хотя бы случилось это въ понедѣльникъ, или во вторникъ, или въ среду. Они, подобно новатіанамъ, также не принимаютъ и покаянія обращающихся; пользуются и подложными книгами и мыслятъ нѣчто другое подобное“.

Въ толкованіи на 8-е пр. того же собора указываетъ, въ чемъ состояла ересь фриговъ: „... А эти фриги приняли свою ересь отъ Монтана и Прискиллы; а Монтанъ этотъ прозвалъ себя параклитомъ, имѣлъ блуднымъ образомъ двухъ женъ: Прискиллу и Максимиλλу которыхъ и назвалъ пророчицами; одинъ фригійскій городокъ Пезусу называлъ Іерусалимомъ; позволялъ расторгать браки и воздерживаться отъ яствъ; низвергнулъ пасху и три ипостаси единосущнаго Божества совокупилъ въ одно лицо слитное; училъ смѣшивать кровь съ мукой и давать это въ причастіе, но принимающихъ это причастіе училъ скрывать это изъ стыда“.

Въ толкованіи на 35-е пр. того же собора приводитъ извѣстныя ему мнѣнія объ ереси ангеликовъ: „Есть нѣкоторая ересь, говоритъ онъ, которую называютъ ересью ангеликовъ или потому, что они величаютъ себя, якобы имѣютъ чинъ и житіе ангеловъ или потому, что безумно утверждаютъ, будто міръ созданъ ангелами. А были нѣкоторые и такіе, которые учили, какъ показалъ великій Павелъ въ посланіи къ Коллосаямъ, что не должно говорить, что мы чрезъ Христа приводимся къ Богу и Отцу (ибо, говорятъ, Христось болѣе нежели для насъ), но чрезъ ангеловъ“.

Въ толкованіи на 1-е пр. св. Василия В. объясняетъ, въ чемъ состояли ереси пепузіанъ, манихеевъ, валентиніанъ и миркіонитовъ, повторяя отчасти сказанное объ нѣкоторыхъ изъ этихъ ересей прежде.

1) Такъ, въ толкованіи на 20-е Апост. пр. Аристинъ пишетъ: „Не должно клирику брать на себя дѣла и хлопоты въ судахъ изъ-за какой-либо корысти. Ибо если на примѣръ, Павелъ заключаетъ дого-

При случаѣ Аристинъ сообщаетъ и нѣкоторыя чисто юридическія свѣдѣнія. Именно, въ толкованіи на 17-е пр. Халк. соб. указываетъ на различіе срока давности, въ случаѣ спора о недвижимомъ имуществѣ, смотря потому, будетъ ли это споръ между церковью и частными лицами, или же между двумя церквами (въ послѣднемъ случаѣ церковь имѣетъ право отыскивать имущество въ теченіи 30 лѣтъ, тогда какъ въ первомъ срокъ давности 40 лѣтъ). — Въ толкованіи на 96-е (108) пр. Карѣ. соб. приводитъ постановленіе гражданскаго законодательства относительно третейскихъ судей: „Гражданскій законъ, пишетъ онъ, такъ разсуждаетъ о третейскихъ судьяхъ, что третейскій судъ составляется не иначе, какъ если каждый изъ судящихся предварительно представитъ залогъ въ томъ, что если одинъ изъ нихъ не останется при рѣшеніи избраннаго ими судьи, то онъ долженъ потерять этотъ залогъ въ пользу другаго, принимающаго рѣшеніе; ибо ни одна изъ сторонъ не будетъ принуждаема къ принятію рѣшенія, напротивъ, это останется въ ихъ власти. Поэтому и право перенесенія дѣла въ новый судъ не имѣетъ мѣста по отношенію къ третейскому приговору, такъ какъ, и безъ перенесенія дѣла въ новый судъ, недовольный можетъ отказаться отъ него, потерявши только залогъ. Но законъ прибавляетъ, что обыкновенный (*πρωτοφωρος*) судья для сторонъ, который можетъ судить ихъ въ силу своей власти, не бываетъ третейскимъ судьей“. — Въ толкованіи на 38-е пр. св. Василия В. пишетъ: „Подвластные не могутъ заключать брака безъ соизволенія тѣхъ, которые имѣютъ ихъ въ своей власти; если-же и заключать, то ничего этимъ не сдѣлаютъ, такъ какъ союзъ ихъ не имѣетъ силы“. —

воръ съ казною или съ частнымъ лицомъ, и если ему не вѣрятъ, а требуютъ отъ него поручительства, и поручится за него клирикъ, таковой окажется виновнымъ и долженъ подлежать изверженію, потому что сдѣлался презрителемъ сего запрещенія изъ-за какой-либо корысти“. См. также толкованія на правила Апост. 34-е, 80-е, св. Василія Вел. 1-е, 51-е.

Въ толкованіи на 50-е того же святаго указываетъ въ общихъ чертахъ на отношеніе гражданскаго законодательства къ третьему браку: „Гражданскій законъ, говоритъ онъ, признаетъ третій бракъ и дѣтей, родившихся отъ него, почитаетъ законными и призываетъ къ наслѣдству, а (церковными) правилами третій бракъ не принимается“ . . .

Отличительною чертою толкованій Аристина является ихъ краткость: у двухъ другихъ толкователей — Зонары и Вальсамона — мы находимъ довольно подробныя историческія указанія о времени созванія соборовъ, о причинахъ ихъ вызвавшихъ; такого рода указанія въ толкованіяхъ Аристина встрѣчаются очень рѣдко и носятъ случайный характеръ¹⁾. Исключеніе составляетъ лишь комментарий къ Синопису Карѣ. соб. (на которомъ присутствовали и представители отъ римскаго папы — епископъ Фавстинъ и пресвитеры Филиппъ и Азеллъ). Здѣсь Аристинъ рассказываетъ объ извѣстномъ недоразумѣніи, бывшемъ между римскимъ папою и соборомъ по поводу правила, которое папа ошибочно приписывалъ Никейскому собору, тогда какъ оно было издано Сардикійскимъ. Аристинъ замѣчаетъ, что, на требованіе мѣстоблюстителей папы утвердить названное правило, отцы Карѣагенскаго собора отвѣтили, что не знаютъ такого Никейскаго правила и не имѣютъ подписанныхъ и утвержденныхъ дѣяній этого вселенскаго собора. Мѣстоблюстители просили папу обратиться къ Константинопольскому и Александрійскому епископамъ съ просьбою прислать утвержденныя правила Никейскаго собора для разрѣшенія недоразумѣній. Аристинъ передаетъ затѣмъ и то, что было послѣ полученія просимыхъ списковъ: „Послѣ того какъ эти списки были присланы къ намъ святымъ Кирилломъ, архіепископомъ Александрійскимъ, и Аттикомъ, архіепископомъ Константинопольскимъ, и они не нашли въ нихъ правила, что Римскій епи-

---

1) 7-го вселен. пр. 1-е (нѣсколько словъ о 7-мъ всел. соб.); Гангр. пр. 21-е.

скопъ можетъ посылать своихъ клириковъ и чрезъ нихъ изслѣдовать по отзыву изверженія епископовъ, они написали къ бывшему тогда въ городѣ римлянъ папою Келестину, что съ этого времени они не хотятъ такъ дѣлать и дозволять, чтобы посылаемы были его клирики для переизслѣдованія приговоровъ и изверженій епископовъ, дабы не ввести въ церковь смрадную мірскую надменность“¹⁾).

Ссылки на св. Писаніе также очень рѣдки; онъ дѣлаетъ ихъ преимущественно тогда, когда текстъ св. Писанія помѣщенъ въ правилѣ, на Синописисъ котораго Аристинъ даетъ толкованіе²⁾; только въ 3 случаяхъ (толк. на пр. Карө. 102-е (115)-е; св. Василия В. 37-е, 45-е) Аристинъ, кромѣ текстовъ св. Писанія, помѣщенныхъ въ полномъ текстѣ правила, приводитъ и нѣкоторые другіе.

За то, Аристинъ даетъ толкованія и на такія правила, которыя по своему содержанію сходны съ изъясненными раньше (о чемъ иногда заявляетъ самъ Аристинъ)³⁾, и лишь въ 3 случаяхъ не даетъ новаго толкованія, а отсылаетъ къ предшествующимъ толкованіямъ (Карө. пр. 82-е (93)-е; св. Василия Вел. 75-е, 77-е).

Мы уже говорили, что Синописисъ церковныхъ правилъ не всегда вѣрно передаетъ полный текстъ правила. Работа надъ изъясненіемъ Синописиса, Аристинъ, конечно, не могъ не замѣтить этихъ ошибокъ; въ своихъ толкованіяхъ онъ въ трехъ мѣстахъ отмѣчаетъ ошибки, допущенныя въ сокращеніи полного текста (Апост. пр. 72-е, 75-е; Анкир. соб. 19-е)⁴⁾; большею же частью, не указывая на неправильности Синописиса,

1) Правила св. помѣст. соб., въ русскомъ переводѣ съ толкованіями, стр. 367—368.

2) Апост. 52-е; Ник. 1-го 17-е; Трул. 12-е, 41-е, 43-е, 58-е, 60-е, 83-е, 89-е, 100-е; 7-го всел. 2-е, 15-е, 18-е; Карө. 115-е (129-е); св. Василия Вел. 28-е, 41-е, 55-е, 84-е.

3) Трул. 36-е; Антиох. 9-е и др.

4) Въ толкованіи на Синописисъ 72-го пр. Апост.: „Похищающій воскъ, или елей церковный отлучается, съ возвращеніемъ впятеро

органичивается тѣмъ, что въ своихъ толкованіяхъ избѣгаетъ ихъ и слѣдуетъ полному тексту правилъ (1-го всел. 12-е, 17-е; 2-го всел. 6-е)¹⁾; въ толкованіи же на 113-е (127) пр. Карѳ. соб., какъ увидимъ ниже, самъ впадаетъ въ ошибку, при-
сущую Синописису.

Замѣчательная ясность толкованій, заключающихъ въ не-
многихъ словахъ все важное и необходимое для правильнаго
пониманія сокращеннаго текста правилъ, даетъ Аристину
право на выдающееся положеніе между толкователями кано-
ническаго кодекса, а правильное пониманіе имъ церковныхъ

противъ похищеннаго“ Аристинъ пишетъ: „Полный текстъ правилъ
требуетъ, чтобы возвращаемо было не пятеро противъ похищеннаго,
а только самое похищенное и еще пятая часть онаго“.

Въ толкованіи на 75-е пр. Апост., гласящее въ Синописисѣ: „Ере-
тикъ не обвиняетъ епископа, не обвиняетъ и вѣрный одинъ“, гово-
рить: „Сдѣлавшій сокращеніе настоящаго правила неправильно пони-
малъ его. То, чтобы еретикъ не обвинялъ епископа или не свидѣтель-
ствовалъ противъ него, истинно; а то, что вѣрный одинъ не можетъ
предъявить обвиненіе на епископа, ложно. Ибо не принимается сви-
дѣтельство одного противъ кого-нибудь, а обвиненіе можетъ быть
предъявлено и однимъ, и многими.“

Въ толкованіи на Синописисъ 19-го пр. Анкир. соб. указываетъ
на несогласіе сокращеннаго текста съ полнымъ. „Сдѣлавшій сокраще-
ніе настоящаго правила, пишетъ онъ, опустилъ положенное въ про-
странномъ текстѣ для нарушившаго обѣтъ дѣвства отлученіе двоебрач-
ныхъ, а прибавилъ епитимію, положенную таковому Василиемъ Вел.,
то есть епитимію блудниковъ“.

1) По Синописису 12-го пр. 1-го всел. соб., „... тѣ, которые были при-
нуждаемы и показали, что противятся, но, потомъ, уступили нечестію
и снова вступили въ воинскій чинъ, должны быть отлучены на десять
лѣтъ“. (Полный текстъ правила требуетъ, чтобы они были отлучены
на тринадцать лѣтъ: „...таковые десять лѣтъ да припадаютъ въ
Церкви, прося прощенія, по трехлѣтнемъ времени слушанія писаній
въ притворѣ“). Аристинъ исправляетъ эту ошибку Синописиса (онъ
пишетъ „... три года должны стоять въ числѣ слушающихъ, десять
лѣтъ въ числѣ припадающихъ и такимъ образомъ должны быть удо-
стоены прощенія“), но не указываетъ на нее.

правиль заставляеть позднѣйшихъ толкователей церковныхъ правилъ (напр., арх. Іоанна въ „Опытѣ курса церков. законовѣдѣнія“) отдавать ему иногда предпочтеніе даже предъ знаменитымъ Вальсамономъ¹⁾. Этой ясности способствовало, главнымъ образомъ, правильное пониманіе Аристиномъ своей задачи; онъ никогда не отвлекается въ сторону, не скажетъ ничего лишняго, не относящагося къ дѣлу. Задумавши написать комментарий на канонической Синописи и вѣрно понимая подъ канонами только дисциплинарныя постановленія церкви, Аристинъ замѣчаетъ, напр., относительно 15-го и 16-го пр. св. Василія В., что правила эти „не могутъ быть предметомъ каноническаго толкованія, такъ какъ они скорѣе содержатъ въ себѣ толкованія мѣстъ св. Писанія“ (чѣмъ дисциплинарныя постановленія), и этимъ мѣткимъ замѣчаніемъ избавляетъ себя отъ лишней работы.

Но и такой выдающійся канонистъ, какимъ былъ Аристинъ, не могъ избѣжать въ своемъ трудѣ нѣкоторыхъ противорѣчій, недосмотровъ и даже неправильностей.

Попытаемся указать на такого рода промахи Аристина, и съ этою цѣлью послѣдуемъ за нимъ по всему его комментарийю.

Въ толкованіи на 3-е пр. 2-го всел.; 28-е Халк. и 36-е Трул. соб.²⁾ Аристинъ едва-ли удачно объясняетъ значеніе предлога „μετά“. Второй вселенскій соборъ, трактуя о преимуществахъ чести Константинопольскаго патріарха, въ 3-мъ своемъ правилѣ говоритъ слѣдующее: „Константинопольскій Епископъ да имѣетъ преимущество чести по (μετά) Римскомъ Епископѣ, потому что градь оный есть новый Римъ.“ Въ

1) Такое предпочтеніе Аристину предъ Вальсамономъ арх. оаннъ отдаеть, напр., въ пониманіи значенія слова „обуреваемыя“ *χερμαζόμενοι* (Анкир. соб. пр. 17-е). Іоаннъ. Опытъ курса церк. законовѣд. Вып. I, стр. 346 и 347.

2) 28-е пр. Халк. и 36-е Трул. являются лишь подтвержденіемъ 3-го пр. 2-го всел. соб.

толкованіи на это правило Аристинъ, слѣдую старой схолии, пишетъ: предлогъ „по“ здѣсь означаетъ не честь, но время, подобно тому, какъ если бы кто сказалъ: по многомъ времени и епископъ Константинопольскій получилъ равную честь съ епископомъ Римскимъ. Критическій разборъ этого мнѣнія Аристина и указаніе на ошибочность его взгляда мы находимъ у другаго толкователя каноническаго кодекса — Зонары. На основаніи 131-й новеллы Юстиніана, находящейся въ 5 книгѣ 3 тит. Базиликъ, въ которой, между прочимъ, говорится: „постановляемъ, согласно съ опредѣленіями святыхъ соборовъ, чтобы святѣйшій папа древняго Рима былъ первымъ изъ всѣхъ іереевъ, а блаженнѣйшій епископъ Константинополя, новаго Рима, занималъ второй чинъ послѣ Апостольскаго престола древняго Рима и имѣлъ преимущество чести предъ всѣми прочими“, Зонара выводитъ заключеніе, что предлогъ „по“ означаетъ умаленіе и уменьшеніе. Такое пониманіе въ настоящемъ случаѣ предлога *μετά*, раздѣляемое и Вальсамономъ, является болѣе основательнымъ, чѣмъ заимствованное изъ старой схолии изъясненіе Аристина.

Въ толкованіи на первыя пять правилъ 3-го всел. соб. (присоединенномъ къ послѣднему 5-му правилу) Аристинъ поправляетъ ошибку Синописиса (въ Синописисѣ 1-го и 4-го пр. этого собора ошибочно говорится о Целестинѣ, вмѣсто Целестія), но самъ впадаетъ въ погрѣшность, считая Целестія епископомъ Римскимъ (*...καὶ τοῦ Κελεστίου, τοῦ τῆς Ῥώμης ἐπισκόπου*)¹⁾; между тѣмъ Целестій былъ ученикъ Пелагія, послѣдователи котораго перешли на 3-мъ всел. соборѣ на сторону несторіанъ; папою же Римскимъ былъ Целестинъ. Въ толкованіи Вальсамона эта ошибка Аристина исправлена: „А ты, если встрѣтишь въ нѣкоторыхъ спискахъ ошибку писца относительно Целестія (ибо вмѣсто Целестія упомянуто о Целестинѣ), не принимай написанное такимъ образомъ за вѣрное; ибо Целестинъ, папа Римскій, былъ православный,

1) *Σύνταγμα* II, 199.

какъ выше сказано, а Целестій — единомышленникъ Несторія, то есть, еретикъ“¹⁾).

Толкованіе Аристина на 6-е пр. Халк. соб. является противорѣчащимъ содержанію самаго правила. Правило требуетъ, чтобы никто не былъ рукополагаемъ ни въ какую церковную степень, безъ назначенія къ опредѣленной церкви: „Рѣшительно никого, читаемъ мы здѣсь, ни во пресвитера, ни во діакона, ниже въ какую степень Церковнаго чина, не рукополагати иначе, какъ съ назначеніемъ рукополагаемого именно къ Церкви градской, или сельской, или къ мученическому храму, или къ монастырю“. Между тѣмъ Аристинъ въ своемъ толкованіи на Синописисъ этого правила приходитъ къ ошибочному заключенію, что для допущенія къ рукоположенію необходимо пребываніе въ какой либо церковной степени; онъ пишетъ: „имѣющій быть пресвитеромъ, или діакonomъ, или вообще быть причисленнымъ къ церковному чину, не иначе долженъ быть допущенъ до рукоположенія, какъ если окажется, что онъ прежде состоялъ въ какой-либо церковной степени въ церкви городской или сельской, или въ монастырѣ и служилъ въ ней. Если же кто, не будучи причисленъ и не состоя въ церкви ни въ какой степени, будетъ рукоположенъ во пресвитера, или въ діакона, то не будетъ для него отъ того пользы, а бывшее надъ нимъ рукоположеніе будетъ не дѣйствительно“²⁾).

Въ толкованіи на 72-е пр. Трул. соб. Аристинъ, стараясь устранить неточность Синописиса, невѣрно передалъ самую мысль правила или выражаясь точнѣе, мысль почитованнаго въ правилѣ текста изъ Апостольскихъ посланій. Въ Синописисѣ оно редактировано такъ: „Бракъ съ еретиками не имѣетъ силы, но заключившіе оный прежде присоединенія къ вѣрѣ могутъ оставаться въ бракѣ, *если пожелаютъ*“. Аристинъ, желая, очевидно, передать мысль правила

1) Правила св. всел. соб., въ русскомъ переводѣ, съ толкованіями, стр. 127.

2) Тамъ же, стр. 183.

точнѣе, выразилъ его слѣдующимъ образомъ: „Не должно быть дозволено православному сочетаться съ женою еретическою, или обратно. Если же нѣкоторые, будучи невѣрными, соединились законнымъ бракомъ, а потомъ одинъ присоединился къ вѣрѣ, а другая остается еще въ заблужденіи, и *вѣрный благоволитъ жить съ невѣрною, или обратно* (καὶ εὐδοκεῖ ὁ πιστὸς συνοικεῖν τῇ ἀπίστῃ, ἢ ἀνάπαλιν), они не должны быть разлучены, по божественному апостолу Павлу. 1) Но апостолъ Павелъ говоритъ совершенно противоположное: „Если какой братъ имѣетъ *жену невѣрующую, и она согласна жить съ нимъ*, то онъ не долженъ оставлять ее. И жена, которая имѣетъ *мужа невѣрующаго, и онъ согласенъ жить съ нею*, не должна оставлять его“ (I Кор. VII, 12—13). Эта мысль изложена въ полномъ текстѣ правильно.

Комментируя 95-е пр. Трул. соб., Аристинъ говоритъ, что Манихеи, Валентиніане и Маркониты, наравнѣ съ Севирианами, принимаются въ церковь, давши рукописанія предать анаѳемѣ свою ересь 2). Но такое толкованіе правила является ошибочнымъ. Обращаясь къ полному тексту этого правила мы читаемъ: „... Также (мы крестимъ) и Манихеевъ, Валентиніанъ, Марконитовъ и имъ подобныхъ еретиковъ“ 3). Да и самъ Аристинъ въ толкованіи на 1-е пр. св. Василія Вел. относительно способа принятія этихъ еретиковъ въ церковь говоритъ тоже самое, что сказано въ полномъ текстѣ 95-го пр. Трул. соб., въ разрѣзъ со сказаннымъ въ толкованіи на Синописисъ этого правила. Указавши въ чемъ состоитъ ересь Манихеевъ, Валентиніанъ и Марконитовъ, онъ заканчиваетъ свое толкованіе на 1-е пр. св. Василія Вел. слѣ-

1) Тамъ же, стр. 677.

2) ... Καὶ Μανιχαίους δὲ, καὶ Οὐαλεντιανούς, καὶ Μαρκωνιστάς, καὶ Σεβηριανούς, καὶ τοὺς ἐκ τῶν ὁμοίων αἱρέσεων, χρῆ, λιβέλλου διδόντας, ἀναθεματίζειν πᾶσαν αἴρεσιν, καὶ οὕτω μεταλαμβάνειν τῆς ἁγίας κοινωνίας (Σ. II, 533).

3) ... Καὶ τοὺς Μανιχαίους δὲ, καὶ τοὺς Οὐαλεντιαναναούς, καὶ Μαρκωνιστάς, καὶ τοὺς ἐκ τῶν ὁμοίων αἱρέσεων προδερχομένους, ὡς Ἑλλήνας δεχόμενοι, ἀναβαπτίζομεν. (Σ. II, 530 и 531.)

дующими словами: „Итакъ всѣ эти (еретики), если оставятъ свою ересь и обратятся къ непорочной вѣрѣ, *крестятся, потому что ихъ крещеніе отвергается нами*“ ¹⁾. А вотъ правильное толкованіе 95-го пр. Трул. соб. арх. Іоанна: „Трульскій соборъ, говоритъ онъ, дополняетъ прежнія постановленія опредѣленіемъ, какъ принимать надобно было Манихеевъ, Валентиніанъ, Маркіонитовъ, Несторіанъ, Евтихіанъ и др., имъ подобныхъ. Первыя три секты имѣли происхожденіе языческое и совершенно но отвергали самыя основанія христіанства; потому и принимать ихъ въ Церковь правила повелѣвали не иначе, какъ язычниковъ“ ²⁾ . . .

Комментируя 15-е пр. Лаодик. соб., Аристинъ даетъ весьма неудачное значеніе слову *διφθέρα* (собств. кожа), думая, что оно употреблено здѣсь для обозначенія священной одежды — фелони. Вотъ толкованіе Аристина въ этомъ мѣстѣ: . . . *μη ἄλλως ψάλλειν ἐπ' ἄμβωνος, εἰ μή μετὰ διφθέρας, ἧτοι φελωνίου* ³⁾. Болѣе удовлетворительное значеніе этому слову даютъ другіе толкователи Зонара и Вальсамонъ, полагая, что *διφθέρα* въ данномъ случаѣ обозначаетъ книгу, написанную на кожѣ (пергаментѣ); съ ними согласенъ и новѣйшій толкователь каноническаго кодекса уже упомянутый нами арх. Іоаннъ ⁴⁾. Если бы Аристинъ, комментируя Синописисъ этого правила, обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что въ полномъ текстѣ правила передъ словомъ *διφθέρα* стоитъ предлогъ *ἀπό* ⁵⁾, то онъ, конечно, не далъ бы слову *διφθέρα* указаннаго значенія (что, наоборотъ, легко могло случиться, когда предъ его глазами былъ Синописисъ, гдѣ это правило

1) . . . *Ὅσοι γοῦν πάντες τῆς αἵρέσεως αὐτῶν μεταστραφέντες, καὶ τῇ ἀμωμῆτῳ πίστει προσελθόντες, βαπτίζονται διὰ τὸ ἀθετεῖσθαι παρ' ἡμῶν τὸ βάπτισμα αὐτῶν* (Σ. IV, 95).

2) Арх. Іоаннъ. Вып. II, стр. 496.

3) Σ. III, 185.

4) Вып. I, стр. 436.

5) . . . *ἀπὸ διφθέρας ψαλλόντων*. Σ. III, 184. Въ значеніи „съ“ предлогъ *ἀπό* никогда не употребляется.

сокращено такъ : „Εἰ μὴ μετὰ διφθέρας, οὐδεὶς ἀμβωνίζεται“¹⁾. Употребленный здѣсь предлогъ μετὰ, вѣроятно, и послужилъ причиною истолкованія слова διφθέρα въ значеніи фелонь.

Въ толкованіи на 43-е (52-е пр.) Карѣ. соб. Аристинъ перенесъ невѣрно мысль правила. Синописисъ этого правила гласитъ : „Кающимся епископъ долженъ опредѣлить покаяніе смотря по грѣхамъ ; а пресвитеръ безъ воли его *даже и по требованію нужды* не долженъ разрѣшать кающагося.“ Въ толкованіи Аристина читаемъ : „Принявшіе отъ Бога власть вязать и рѣшить должны опредѣлять епитиміи, смотря по качеству грѣховъ и обращенію согрѣшившаго. А пресвитеръ, безъ воли епископа, не можетъ ни увеличивать, ни уменьшать ихъ, ни разрѣшать кающихся и удостоивать ихъ Божественныхъ таинъ, *хотя бы епископъ находился и въ отсутствіи* (καὶ ἀποδημῆ ὁ ἐπίσκοπος). Въ полномъ текстѣ : „εἰ μὴδ' ἂν ἀνάγκης συνωδοῦσης ἐν τῇ ἀπουσίᾳ τοῦ Ἐπισκόπου“ — смыслъ совершенно иной (εἰ μὴδ' = кромѣ, исключая, развѣ, только). Въ „Книгѣ правилъ“ читаемъ : „развѣ во время надлежащія нужды, въ отсутствіи епископа“. Такъ понимаютъ это мѣсто Зонара и Вальсамонъ²⁾.

Въ толкованіи на 113-е (127-е) пр. Карѣ. соб. Аристинъ, вмѣсто Целестія, неправильно называетъ послѣдователемъ Несторія Целестина, (который, какъ мы сказали выше, былъ римскимъ папою). Онъ пишетъ : „Такъ какъ Пелагій и *Целестинъ* были единомысленны суемудрому Несторію и, кромѣ того, раздѣляли мнѣнія и ученія нечестивыхъ манихеевъ ; то никто, держащійся мнѣній, которыя соборъ анаѳематствуетъ, не долженъ быть соприсчисляемъ къ христіанамъ, но, какъ чуждый, долженъ быть изгнанъ изъ церкви и принять въ удѣлъ отлученіе отъ нея и отъ Бога. Нѣкоторые говорятъ, что эти несчастные, то есть *Целестинъ* и Пелагій, не были

1) С. III, 185.

2) Правила св. помѣст. соб., въ русскомъ переводѣ, съ толкованіями, стр. 504—505. Ср. С. III, стр. 409—410

ни епископами, ни пресвитерами, ни вообще изъ священническаго чина, но были будто бы монахами и обходили города, соумышляли противъ истины; а возстали они противъ церкви при Теофилѣ, Александрійскомъ епископѣ, и Иннокентіи Римскимъ, и, послѣ многихъ споровъ, этими епископами были осуждены письменно“¹⁾.

Въ толкованіи на 125-е (139-е) пр. Карѣ. соб., объясняя мотивы, побудившіе этотъ соборъ издать постановление, запрещающее обращаться за пересмотромъ дѣла за море, т. е. апеллировать въ Римъ, Аристинъ выставляетъ на видъ весьма незначительныя и ничего не говоритъ о болѣе важныхъ соображеніяхъ, которыя могли руководить соборомъ: „А запрещено это, думаю (говоритъ онъ въ концѣ своего толкованія), и по причинѣ опасности на морѣ, и потому, чтобы стороны не принимали на себя тягостей и расходовъ вслѣдствіе долговременной отлучки на чужбину“²⁾. Быть можетъ, при постановленіи настоящаго правила, соборъ и имѣлъ въ виду интересы тяжущихся, но всего больше, конечно, имъ руководило побужденіе всячески позаботиться объ охраненіи правъ мѣстныхъ соборовъ отъ посягательства римскихъ епископовъ, къ которымъ духовенство того времени, дѣйствительно, весьма часто обращалось за рѣшеніемъ дѣлъ, помимо законной инстанціи, что было причиною многихъ церковныхъ безпорядковъ, ибо случалось, что справедливо осужденные въ Африкѣ и изверженные изъ своего сана приходили въ Римъ, получали здѣсь хорошій пріемъ и продолжали носить священный санъ, а также отправлять сопряженныя съ нимъ функціи, къ общему соблазну вѣрующихъ и къ посрамленію мѣстныхъ соборовъ, на которыхъ они были осуждены (дѣло Агалия, о которомъ говорится въ посланіи Карѣ. соб. къ Бонифацію и Целестину).

1) Правила св. помѣст. соб., въ русскомъ переводѣ, съ толкованіями, стр. 702.

2) Тамъ же, стр. 738.

Въ толкованіи на 32-е пр. св. Василя Вел. понятіе Аристина о грѣхѣ, приводящемъ къ смерти, является очень узкимъ: подъ смертнымъ грѣхомъ, по его мнѣнію, надо понимать одно плотское наслажденіе. Если бы св. Василій Вел. имѣлъ здѣсь въ виду только одинъ этотъ видъ смертнаго грѣха, то и въ правилѣ сказалъ бы опредѣленно: „Тѣ изъ клира, которые согрѣшили грѣхомъ блудодѣянія“; но онъ распространяетъ правило на болѣе широкой кругъ лицъ, согрѣшившихъ вообще грѣхомъ смертнымъ, какъ сказано въ правилѣ. Вальсамонъ вѣрнѣе истолковалъ это правило, понимая подъ смертнымъ грѣхомъ вообще всякій тяжкій грѣхъ.

Въ толкованіи на 81-е пр. того же святаго Аристинъ дѣлаетъ слѣдующія ошибки: 1) Говоря отъ епитиміи, которой подлежатъ отступившіе отъ вѣры вслѣдствіе мукъ, онъ пишетъ: „... таковыя, въ случаѣ раскаянія и обращенія со слезами и сокрушеніемъ сердца, должны быть въ теченіи трехъ лѣтъ со слушающими и другихъ трехъ лѣтъ съ припадающими и такимъ образомъ быть принятыми въ общеніе“ (слѣд. подлежатъ 6-лѣтней епитиміи). Между тѣмъ Синописисъ гласитъ: „Отступившіе отъ вѣры вслѣдствіе мукъ должны подлежать 8-лѣтней епитиміи“; а по полному тексту правила, эта епитимія, распредѣляется такъ: „... три лѣта да будутъ непринятными въ Церковь, по истеченіи коихъ, два лѣта да слушаютъ Писанія, три да припадаютъ, и тогда могутъ приняты быти къ общенію“. 2) Относительно добровольно отступившихъ отъ вѣры Аристинъ пишетъ, что они „должны три года плакать, два слушать, три года провести въ припаданіи и другіе три стоять вмѣстѣ съ вѣрными на молитвѣ, и такимъ образомъ въ десятый годъ участвовать въ причащеніи Таинъ“¹⁾. Слѣдовало бы сказать не „въ десятый годъ“, а „по истеченіи одиннадцати лѣтъ“.

Наконецъ, въ толкованіи на 82-е пр. св. Василя Вел.

---

1) Правила св. Отець, въ русскомъ переводѣ, съ толкованіями, стр. 369.

Аристинъ дѣлаетъ весьма важный пропускъ. Онъ пишетъ: „... А если безъ всякаго насилія нарушилъ то, въ чемъ поклялся, то долженъ въ теченіи двухъ лѣтъ (стоять) со слушающими, пять лѣтъ — съ припадающими, и въ два другіе долженъ быть принятъ вмѣстѣ съ вѣрными и участвовать съ ними въ молитвахъ; и затѣмъ уже, послѣ 11-го года, долженъ удостоиться тѣла Христова“ ¹⁾. По счету Аристина, выходитъ всего 9 лѣтъ, а не 11; онъ пропускаетъ стадію покаянія въ разрядѣ плачущихъ. Въ полномъ текстѣ правила читаемъ: „... Безъ нужды же предавшіе вѣру свою, два лѣта да будутъ плачущими, и два слушающими, въ пятое да молятся съ припадающими, и еще на два лѣта да будутъ приняты къ общенію въ молитвѣ, безъ причащенія, и тако показавъ достойное покаяніе, наконецъ возведутся къ приобщенію Тѣла Господня“ ²⁾.

Эти недостатки, встрѣчающіеся въ нѣкоторыхъ толкованіяхъ Аристина, конечно, не умаляютъ указанныхъ выше достоинствъ его труда.

---

1) Тамъ же, стр. 372.

2) Тамъ же, стр. 371 - 372.

Глава IV. Толкованія Зонары.

I.

Біографическія свѣдѣнія объ Іоаниѣ Зонарѣ.

Біографическихъ свѣдѣній относительно І. Зонары до насъ дошло немного. Какъ мы видѣли, опредѣленно нельзя сказать даже того, когда жилъ этотъ толкователь каноническаго кодекса и когда именно написалъ онъ свои толкованія. Достоверно извѣстно только то, что въ правленіе Алексѣя Комнина Зонара занималъ должность великаго друнгарія (*μέγας δρουγγάριος τῆς βίβλης*), т. е. вице-предсѣдателя императорскаго трибунала, предсѣдателемъ котораго былъ самъ императоръ ¹⁾, и перваго секретаря Имперіи (*πρωτοσηκρήτις*). Далѣе, нѣкоторыя свѣдѣнія о Зонарѣ мы находимъ въ предисловіи къ написанной имъ самимъ исторической хроникѣ ²⁾. Отсюда мы узнаемъ, что удрученный горемъ, по случаю

1) О значеніи друнгарія, какъ судьи, см. Ducange. Glossarium Graecit. Appendix II, стр. 61 и 62.

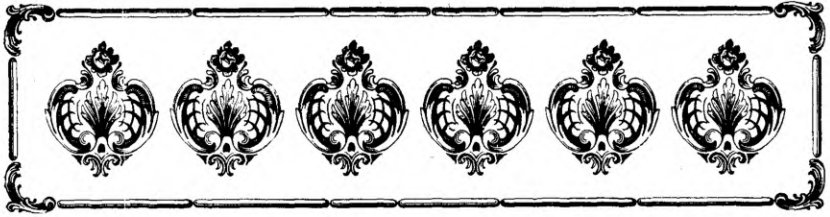
2) Хроника Зонары представляетъ руководство ко всемірной исторіи или сокращенное ея изложеніе, составленное по лучшимъ источникамъ, изъ коихъ нѣкоторые теперь затеряны. Въ сравненіи съ предшествовавшими хрониками, по обширности своихъ источниковъ, исторія Зонары представляетъ выдающіяся достоинства; она заключаетъ въ себѣ описаніе событій, начиная съ сотворенія міра и кончая смертію Алексѣя Комнина и вступленіемъ на престолъ Іоанна Комнина.

смерти дорогихъ его сердцу жены и дѣтей, онъ рѣшилъ удалиться отъ свѣта и принять монашество. Мѣстомъ его монастырскаго уединенія и покоя былъ какой-то удаленный отъ столицы островокъ, гдѣ трудно было доставать книги ¹⁾; здѣсь, вдали отъ шумной придворной жизни съ ея неизбѣжными интригами, Зонара посвятилъ себя литературнымъ занятіямъ.

Кромѣ упомянутой выше хроникки, Зонара написалъ свой знаменитый комментарий на церковныя правила, трактатъ о томъ, что два троюродныхъ брата не должны вступать въ бракъ съ одной и той же женщиной, трактатъ о произвольномъ ночномъ оскверненіи, толкованіе на воскресные каноны Іоанна Дамаскина, канонъ Пресвятой Богородицы, замѣчательный тѣмъ, что каждая стихира въ немъ кратко излагаетъ ереси, отвергнутыя помощью Богородицы, начиная съ Арія, Савеллія, Манихеевъ, Маркіонитовъ и оканчивая Италами (Латинянами), слово на крестопоклоненіе, житіе св. Сильвестра, воспоминаніе на срѣтеніе Спасителя и на Софронія Іерусалимскаго ²⁾.

1) Обыкновенно утверждаютъ, что Зонара былъ аѳонскимъ монахомъ. Это мнѣніе повторяется со словъ довольно поздняго свидѣтеля (Andreas Thevetus — XVI в.), который говоритъ, что видѣлъ на Аѳонѣ, въ монастырѣ св. Іліи, надгробный памятникъ Зонары, съ надписью: *εις τὸ παρὸν μνημεῖον ὁ σοφὸς Ζωναρὰς κειται*. Но вѣроятнѣе свидѣтельство, находящееся въ нѣкоторыхъ спискахъ толкованій Зонары, гдѣ онъ называется монахомъ монастыря св. Гликеріи (Moutreuil. Hist. du droit byzant. Т. III, стр. 480). Монастырь и островъ св. Гликеріи упоминается въ одной изъ новеллъ Мануила Комнина, на ряду съ Оксіей и другими, лежавшими въ Пропонтидѣ (Zachariae, Jus graeco-romanum. Т. VII, стр. 500). Павловъ. Правосл. Обзор. 1876. Апрѣль, стр. 734. — Монахомъ монастыря св. Гликеріи І. Зонара названъ, между прочимъ, въ рукописи Вѣнской придворной бібліотеки Lambesii VIII. № 51. Толкованія его на 32-е пр. св. Василя В., 4-е пр. Неокесар. соб., 70-е и 71-е пр. св. Василя В. (помѣщенные, въ видѣ отдѣльной статьи, на 322-мъ листѣ этой рукописи) носятъ такое заглавіе: *Ἐξήγησις Ἰωάννου μοναχοῦ τῆς μόνῆς τῆς ἁγίας Γλικερίας τοῦ Ζωναρᾶ*.

2) Проф. М. Остроумовъ. Введеніе въ православное церковное право. Харьковъ. 1893, стр. 607.

II.

Характеристика толкований I. Зонары на Синтагму церковныхъ правилъ.

Предварительныя замѣчанія: 1) Порядокъ расположенія церковныхъ правилъ, которому слѣдуетъ Зонара въ своемъ трудѣ. 2) Толкованія, имѣющія общее надписаніе: „Зонара и Вальсамонъ“. Внѣшняя сторона толкованій Зонары. Характеристика самаго содержанія толкованій Зонары. Историческая сторона комментарія. Догматическая сторона его. Объясненіе встрѣчающихся въ текстѣ правилъ неясныхъ словъ и выраженій и другіе способы, къ которымъ прибѣгаетъ Зонара, чтобы сдѣлать правила болѣе понятными для читателя. Разрѣшеніе и примиреніе противорѣчій между канонами; принципъ, котораго держится Зонара, въ случаѣ дѣйствительнаго несогласія между канонами. Практическая сторона комментарія Зонары. Богатство свѣдѣній, сообщаемыхъ въ его трудѣ. Ссылки на гражданскіе законы и нѣкоторыя юридическія свѣдѣнія, встрѣчающіяся въ толкованіяхъ Зонары. Раздѣленіе церковныхъ правилъ по сферѣ ихъ дѣйствія. Нѣкоторыя другія особенности комментарія Зонары.

Изъ многихъ оставшихся послѣ Зонары сочиненій особенно важнымъ является его комментарий на полный текстъ церковныхъ правилъ, носящій слѣдующее заглавіе: Ἐξήγησις τῶν ἱερῶν καὶ θείων κανόνων τῶν τε ἀγίων καὶ σεπτῶν Ἀποστόλων, καὶ τῶν ἱερῶν οἰκουμενικῶν συνόδων, ἀλλὰ μὴν καὶ τῶν τοπικῶν ἤτοι μερικῶν, καὶ τῶν λοιπῶν ἀγίων πατέρων, πονηθεῖσα Ἰωάννη μοναχῷ τῷ Ζωναρᾷ,

τῷ γεγονότι μεγάλῳ Δρουγγαρίῳ τῆς βίβλης καὶ πρωτοασηκρήτις¹⁾
 Въ предисловіи къ этому труду, начинающемуся словами:
 Ἦ δὴ λῶσις τῶν λόγων . . . , авторъ, между прочимъ, говоритъ,
 что онъ взялся за это дѣло не по своей волѣ, а по прика-
 занію свыше, почему считаетъ себя неподлежащимъ упре-
 камъ въ необдуманности и поспѣшности при исполненіи этой
 работы²⁾.

Прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ толкованій
 Зонары, необходимо сдѣлать два слѣдующія замѣчанія.

1) Въ своемъ трудѣ Зонара избралъ порядокъ располо-
 женія церковныхъ правилъ отличный отъ того, которому
 слѣдовалъ Аристинъ: соборныя правила у него расположены
 не въ хронологическомъ порядкѣ (какъ у Аристина), но по
 ихъ относительной важности, по значенію издававшего ихъ
 авторитета; на первомъ мѣстѣ онъ поставилъ правила семи
 вселенскихъ соборовъ, на второмъ — правила помѣстныхъ
 соборовъ (относительно ихъ хронологическое начало прове-
 дено не вполне строго), на третьемъ — каноническія посла-
 нія св. Отецъ (въ строго хронологическомъ порядкѣ). Авто-
 ромъ такого преобразования внѣшняго вида Синтагмы извѣст-
 ный Бинеръ считаетъ самого Зонару: „Что Зонара первый
 отступилъ отъ этого (прежняго хронологическаго) порядка,
 пишетъ онъ, въ томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія,
 потому что въ рукописяхъ нѣтъ и слѣда предшественниковъ
 названному канонисту въ этомъ отношеніи“³⁾. Но мнѣніе
 знаменитаго ученаго ошибочно. Такъ, Мортрейль въ своей
 „Исторіи византійскаго права“ (Т. II, стр. 487 и 488) указы-

1) Такое надписаніе находится, между прочимъ, въ рукописяхъ
 Вѣнской бібліотеки Lambecii VIII №№ 48, 49, 50, 51 и Мюнхенской
 бібліотеки (Hardt I) №№ 45 и 46.

2) . . . μή τις δέ μου καταγνοίη προπέπειαν· οὐ γάρ ἀφ' ἑαυτοῦ τῷ πονήματι
 ἐγχειρῶ, ἀλλὰ παρακλήθεις ὑπέκυφα, καὶ τῷ πόνῳ δέδωκα ἑμαυτὸν, ἵνα μὴ δι'
 ἀνηκίοιαν κατακριθῶ. (Σ. II, стр. 1 и 2).

3) Biener. Das canon. Recht d. griech. Kirche, стр. 202.

ваетъ нѣсколько греческихъ списковъ Синтагмы, въ которыхъ правила, еще не имѣющія толкованій Зонары, расположены уже въ принятой имъ системѣ¹⁾, а проф. Павловъ, своими замѣчаніями на нашъ синодальный списокъ Синтагмы № 227²⁾, не оставляетъ уже сомнѣнія, что этотъ порядокъ расположенія правилъ примѣнялся еще задолго до Фотія, поэтому авторомъ его никоимъ образомъ нельзя считать Зонару; да и самъ онъ въ предисловіи къ своему комментарію ни слова не говоритъ о какой либо перемѣнѣ, произведенной имъ въ первоначальномъ порядкѣ правилъ.

2) Въ печатныхъ изданіяхъ толкованій Аристина, Зонары и Вальсамона (*Beveregii. Synodicon sive Padenctae canonum, Ράλλη καὶ Ποτλῆ. Σύνταγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων* и т. д. и Правила св. апостолъ, св. соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и св. Отецъ, съ толкованіями, изд. Москв. Общества духов. просвѣщ.) нѣкоторыя изъ толкованій имѣютъ общее надписаніе „Зонара и Вальсамонъ“ на томъ основаніи, что эти толкованія помѣщены какъ въ рукописяхъ, содержащихъ комментарий одного Зонары³⁾, такъ и въ рукописяхъ, въ которыхъ помѣщены толкованія одного Вальсамона⁴⁾. Имѣя въ виду, что Вальсамонъ, при составленіи своего комментарія на каноническую Синтагму, безъ всякаго сомнѣнія, пользовался трудомъ своего предшественника, а это, между прочимъ, видно изъ того, что нѣкоторыя изъ толкованій Вальсамона являются дословнымъ повтореніемъ толкованій Зонары⁵⁾, мы, давая характеристику трудовъ того и другого толкователя,

1) Синописисъ съ именемъ Симеона Магистра (*Woelli. Bibl. iuris canon. vet. стр. 710—748*) представляетъ такой же порядокъ.

2) Павловъ. Первоначальный славяно-русскій Номоканонъ, стр. 48 и 49.

3) Напр., въ рукописяхъ Вѣнской бібліотеки *Lambecii VIII №№ 49, 50 и 51*, въ рукописяхъ Мюнхенской бібліотеки (*Hardt I №№ 45 и 46*).

4) Напр., въ рукописи Вѣнской бібліотеки *Lambecii VI. ч. 1 № 15*.

5) Эти толкованія мы укажемъ впоследствии.

всѣ толкованія, съ общимъ надписаніемъ „Зонара и Вальсамонъ“ ¹⁾, будемъ считать принадлежащими Зонарѣ и рассмотримъ въ настоящемъ отдѣлѣ нашего изслѣдованія.

Обращаясь къ характеристикѣ самыхъ толкованій Зонары, рассмотримъ ихъ съ двухъ сторонъ: а) со стороны внѣшней и б) со стороны внутренняго ихъ содержанія.

Языкъ, которымъ написаны толкованія, отличается замѣчательною ясностью и простотою; но эта простота не мѣшаетъ формѣ рѣчи Зонары быть весьма красивою и образною. Иногда Зонара начинаетъ толкованіе словами, которыя служатъ къ нему какъ-бы эпиграфомъ (Апост. пр. 31-е, 64-е, 82-е; Карѣ. 31-е (40-е) и др.) ²⁾; любитъ прибѣгать къ сравненіямъ и сопоставленіямъ ³⁾; пользуется случаемъ привести обще-приз-

1) Въ греческой Синтагмѣ Ῥάλλη καὶ Ποτλή такое надписаніе имѣютъ историческія замѣтки къ правиламъ соборовъ Константинопольскаго (2-го всел.), Халкидонскаго, Неокесарійскаго, Гангрскаго, Антиохійскаго, Сардикійскаго, Карѣагенскаго; историческая замѣтка ко второму дѣянію Карѣагенскаго соб. и толкованія на правила: 8-е и 21-е Гангрскаго соб.; 2-е, 4-е, 18-е, 53-е, 57-е, 87-е, 94-е, 109-е, 110-е, 112-е и 114-е Карѣаг.; 92-е св. Василия В.; 1-е и 3-е Григорія Нисскаго.

2) Такъ, толкованіе на 31-е Апост. пр. Зонара начинаетъ словами: „Порядокъ поддѣрживаеъ небесное и земное“. — Толкованіе на 31-е (40) пр. Карѣ. соб. начинается текстомъ св. Писанія: „*Повинуйтесь наставникамъ вашимъ и покарайтесь*“.

3) Такъ напр., въ толкованіи на 34-е Апост. пр. Зонара пишетъ: „Какъ тѣла движутся неправильно, или даже и совсѣмъ дѣлаются бесполезными, если голова не сохраняетъ своей дѣятельности въ здоровомъ состояніи, такъ и тѣло церковное будетъ двигаться безпорядочно и неправильно, если первенствующій въ немъ членъ, занимающій мѣсто головы, не будетъ пользоваться подобающею ему честью“. — Въ толкованіи на 58-е (69) пр. Карѣ. соб., сравнивая язычество со змѣемъ, Зонара говоритъ: „И по распространеніи евангельской проповѣди, змѣй еще двигалъ своимъ хвостомъ, хотя голова его и была сокрушена: ибо въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще оставались идолы и сохранялись капища ихъ“. — Подобнаго рода сравненія мы встрѣчаемъ также въ толкованіяхъ Зонары на 56-е Апост. пр., 15-е пр. Гангр. соб. и др.

нанныя истины нравственнаго характера, заимствуя ихъ иногда у поэтовъ и мудрецовъ (Трул. 27-е, 70-е; Гангр. 14-е; въ хр. св. Софії 3-е; Карø. 108-е (122-е), и др. ¹⁾), и особенно часто ищетъ доказательства справедливости своихъ словъ въ св. Писаніи (преимущественно въ посланіяхъ Ап. Павла); цитатами св. Писанія наполнена большая часть его толкованій ²⁾; доказывая необходимость строгаго соблюденія того или другого правила, замѣчаетъ, что содержащееся въ немъ постановленіе соблюдалось и Ветхомъ Завѣтѣ ³⁾.

1) Въ толкованіи Зонары на 27-е пр. Трул. соб. читаемъ: „... человекъ зрѣтъ на лице, а Богъ на сердце“. — Толкованіе на 3-е пр. соб. въ хр. св. Софії начинается словами: „Никогда въ жизни не было недостатка во злѣ; значить, справедливо и непогрѣшительно мнѣніе мудреца, который сказалъ, что злыхъ больше“.

2) Апост. пр. 27-е, 34-е, 36-е, 41-е, 43-е, 44-е, 47-е, 49-е, 52-е, 54-е, 58-е, 63-е, 65-е, 70-е, 75-е, 80-е; 1-го всел. 2-е, 18-е; 4-го всел. 2-е, 3-е, 4-е, 11-е, 15-е, 18-е, 26-е; Трул. 12-е, 19-е, 27-е, 32-е, 58-е, 60-е, 64-е, 74-е, 75-е, 76-е, 77-е, 82-е, 84-е, 88-е, 89-е, 96-е, 98-е, (второе толкованіе), 102-е; 7-го всел. 2-е, 22; Анкир 3-е; Неокес. 14-е; Гангр. 1-е, 2-е, 3-е, 11-е, 13-е, 14-е, 15-е, 17-е; Лаод. 12-е, 15-е, 33-е, 36-е, 53-е; Карø. 5-е, 15-е (15-е—18-е), 16-е (19-е—23-е), 18-е (въ рус. переводѣ это правило не имѣтъ обозначенія), 27-е (36-е), 31-е (40-е), 36-е (45-е), 45-е (55-е), 59-е (70-е), 101-е (114-е), 102-е (115-е), 112-е (125-е и 126-е), 114-е (128-е); въ хр. св. Апост. 2-е; въ храмѣ св. Софії 3-е; Діонис. Алекс. 3-е; Аванас. Алекс. къ Аммуно; св. Василия Вел. 2-е, 7-е, 24-е, 32-е, 34-е, 45-е, 77-е.

3) Такъ въ толкованіи на 18-е Апост. пр., запрещающее желающимъ вступить въ клиръ сочетаться бракомъ съ нѣкоторыми лицами, Зонара пишетъ: „И у іудеевъ ветхимъ закономъ запрещено было священникамъ ихъ вступать въ бракъ съ блудницами, или съ плѣнными, или съ рабами и съ такими женщинами, которыя приобрѣтаютъ средства къ жизни содержаніемъ корчемницъ или постоялыхъ домовъ, а равно и съ разведенными отъ мужей. Если же для нихъ было такъ постановлено закономъ, то тѣмъ болѣе для имѣющихъ священнодѣйствовать по евангелію. Ибо вотъ, говорить, *церкви болѣе есть здѣ*. — Толкованіе на 17-е пр. 1-го всел. соб. начинается слѣдующими словами: „Давать взаймы за проценты запретилъ всѣмъ и ветхій законъ, ибо говорить: *да не даси брату твоему въ лихву сребра твоего* (Втор. 23, 19). А если такъ узаконилъ менѣе совершенный (законъ); то тѣмъ паче

Желая быть, по возможности, краткимъ, Зонара иногда на нѣсколько однородныхъ, по содержанию, правилъ даетъ одно общее толкованіе (именно, на правила Апост. 21-е, 22-е, 23-е и 24-е — одно толкованіе; а также, по одному толкованію на пр. Апост. 29-е и 30-е; 42-е и 43-е; 55-е и 56-е; 72-е и 73-е; 77-е и 78-е; Трул. 14-е и 15-е; Лаод. 31-е, 32-е, 33-е; 37-е, 38-е и 39-е; 41-е и 42-е; 46-е и 47-е; Карѳ. 117-е (131-е) и 118-е (132-е); Григорія Неокес. 1-е и 2-е; св. Василия Вел. 56-е и 57-е; 58-е и 59-е; 67-е и 68-е; 84-е и 85-е); далѣе, въ тѣхъ случаяхъ, когда правило повторяетъ сказанное въ другомъ болѣе раннемъ и уже истолкованномъ, онъ не даетъ новаго толкованія, а отсылаетъ къ прежде написанному¹⁾; на нѣкоторыя же правила считаетъ совершенно лишнимъ писать толкованія (именно, на 89-е (99-е) Карѳ., потому, что это правило не представляетъ собою общей нормы, а есть правило личное; на 94-е (105-е) Карѳ., какъ ненужное для практики; на 117-е (131-е) и 118-е (132-е) Карѳ., потому что правила эти временныя и мѣстныя и, кромѣ того, ясны сами по себѣ; на 62-е, 63-е и 64-е св. Василия В., потому что правила эти ясны сами по себѣ; на 12-е пр. Григорія Неокес., потому что Зонара не зналъ еще и самаго этого правила; кромѣ того, нѣтъ толкованій, безъ указанія причины того, — на 10-е пр. Гангр., на 51-е и 52-е Лаод., на 58-е, 67-е, 76-е, 79-е и 86-е св. Василия В.), и только два раза на одно и то же правило Зонарою написаны два толкованія (на 98-е Трул. и 10-е Петра Александрійскаго.)²⁾.

совершеннѣйшей и духовнѣйшей. Ибо *се церкви боль есть здѣ*“. — Ссылки на Ветхій Заветъ мы встрѣчаемъ также въ толкованіяхъ Зонары на 44-е Ап. пр.; 65-е Трул.; 3-е Діонис. Алекс.

1) Апост. 45-е; Халк. 5-е, 19-е, 20-е, 21-е; Трул. 5-е, 10-е, 25-е, 34-е, 35-е, 36-е, 49-е и др.

2) Установивши въ первомъ толкованіи на 98-е пр. Трул. соб. различіе между обрученіемъ и простымъ сговоромъ (*бездои*), Зонара во второмъ толкованіи дополняетъ сказанное въ первомъ перечисленіемъ причинъ, по которымъ можетъ быть уничтожено обрученіе. — Допол-

Въ выраженіяхъ Зонара всегда любитъ быть точнымъ; поэтому тамъ, гдѣ въ текстѣ, по его мнѣнію, употреблено выраженіе не точное, онъ спѣшитъ исправить неточность и замѣнить его выраженіемъ болѣе подходящимъ къ данному случаю. Такъ, въ толкованіи на 19-е пр. 1-го всел. соб. онъ говоритъ, что слово „да извержется“ употреблено въ текстѣ правила, вмѣсто слова „да изгонится изъ клира“, ибо того, кто рукоположенъ не истинно, не откуда и низвергать. — Въ толкованіи на 74-е пр. Трул. соб. старается путемъ сопоставленія разныхъ мѣстъ изъ св. Писанія и Базиликъ доказать, что союзъ *ἤ* употребленъ въ текстѣ правила не въ раздѣлительномъ смыслѣ, а въ изъяснительномъ, вм. *ἤτοι*, и т. п. — Надо замѣтить, что эта, на первый взглядъ слишкомъ педантичная, точность для того времени, когда вслѣдствіе неясности того или другаго слова возникали недоразумѣнія и жаркіе споры, не была излишнею.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію содержанія толкованій Зонары на Синтагму церковныхъ правилъ.

Изъясненіе правилъ каждаго собора Зонара начинаетъ съ историческихъ указаній относительно времени мѣста и цѣли составленія соборовъ¹⁾. Самыя правила Зонара изъясняетъ

нительное толкованіе къ 10-му пр. Петра Александр. имѣетъ, какъ мы уже говорили, слѣдующее заглавіе: *Ἐπεξηγήσεις φερομένη κατὰ τοὺς Μουζάλωνος ἀπάσα.*

1) Таковы историческія замѣтки, содержащіяся въ предисловіяхъ къ правиламъ соборовъ: всел. 1-го, 2-го, 3-го, 4-го, 5-го, 6-го, такъ наз. 6-го (Трул.), 7-го; помѣстныхъ — Анкир., Неокес., Гангр., Антиох., Сардик., Карѳ., Констант. въ хр. св. Апост. Такія же замѣтки находимъ въ толкованіи на 5-е пр. 2-го всел. соб. (все толкованіе на это правило состоитъ въ изложеніи краткой исторіи Сардикійскаго собора), а также въ толкованіяхъ на 1-е и 6-е пр. Ефес. соб. (въ толкованіяхъ на эти правила Зонара говоритъ о событіяхъ, слѣдовавшихъ за Ефесскимъ соборомъ).

съ трехъ точекъ зрѣнія — исторической, догматической и практической. Разсматривая извѣстный институтъ церковнаго права, онъ, большею частью, дѣлаетъ историческія указанія относительно его возникновенія и сравниваетъ современное его положеніе съ положеніемъ болѣе раннимъ. Такого рода указанія мы находимъ въ толкованіяхъ Зонары на 1-е Апост. пр., 6-е пр. 1-го всел. соб. и 12-е пр. Лаодик. соб. (объ избраніи епископовъ); 5-е Апост. пр. и 87-е пр. Трул. соб. (о бракѣ и разводѣ)¹⁾; 74-е Трул. соб. и 11-е пр. Ганг. соб. (объ агаціяхъ или трапезахъ любви)²⁾; 98-е пр. Трул. соб. (о значеніи обрученія); 12-е пр. Анкир. соб. (о принявшихъ христіанство, но еще не крестившихся³⁾); 11-е пр. Лаод. соб. (о пресвитери-

1) Въ древности, говоритъ Зонара въ толкованіи на 5-е Апост. пр. позволялось разводиться сожительствующимъ (супругамъ) и безъ вины, когда бы ни захотѣли, но Господь, какъ написано въ евангеліяхъ, отвергнулъ сіе. Въ 87 пр. Трул. соб. Зонара повторяетъ тоже самое, дополнивъ болѣе подробными свѣдѣніями о бракѣ у евреевъ и объ ученіи Христа о разводѣ. Въ названномъ 5-мъ Апост. пр. упоминаются жены епископовъ; разъясняя его, Зонара указываетъ на измѣнившійся въ церкви порядокъ и на самое время, когда это измѣненіе произошло. „Правило, говоритъ онъ, упоминаетъ объ епископахъ, имѣющихъ женъ, потому что тогда епископы безпрепятственно жили въ законномъ супружествѣ съ женами. Соборъ Трулльскій, называемый 6-ой, запретилъ это въ 12-мъ своемъ правилѣ“.

2) Былъ древній обычай, по приобщеніи божественныхъ таинъ, учреждать общіе трапезы, на которыхъ предлагалась пища и питіе, при чемъ нужно для сего доставляли богатые и приглашали бѣднѣйшихъ. Объ этомъ упоминаетъ и великій Павелъ въ посланіи къ коринѳянамъ*. О томъ же предметѣ и почти тѣми же словами сказано въ толкованіи на 11-е пр. Гангр. соб.

3) О принявшихъ христіанство, но еще не крестившихся, Зонара говоритъ въ поясненіе 12-го пр. Анкир. соб., которое, подобно многимъ другимъ, стало непонятно при измѣнившихся условіяхъ церковной жизни: „Въ древности, многіе принимали проповѣдь и вѣровали во Христа, но крещеніе отлагали. Почему и Григорій Богословъ и Василій Великій написали слова, побуждающіе ко святому крещенію. Такимъ образомъ во времена гоненій было много такихъ, которые были христіанами, но еще не были крещены“.

дахъ) ¹⁾ и др.). — Тамъ, гдѣ правило касается какой либо ереси, Зонара указываетъ на ея характерныя черты, а иногда сообщаетъ и нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія объ ея основателѣ ²⁾).

Такъ какъ въ Синтагмѣ содержался каноническій матеріалъ, образовавшійся въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, то въ немъ было много непонятнаго для современниковъ Зонары; даже самый языкъ, на которомъ были написаны правила, не былъ для нихъ достаточно ясенъ; въ текстѣ правилъ часто встрѣчались не только отдѣльныя слова, но и цѣлыя выраженія, требовавшія объясненій; попадались въ нихъ также юридическіе термины для неспеціалистовъ совершенно непонятные. Зонара старается наполнить эти пробѣлы: большая часть его толкованій заключаетъ въ себѣ точное и ясное объясненіе того или другого слова или выраженія изъясняемаго правила, того или другаго термина или технического слова, въ немъ встрѣчающагося.

Въ виду невозможности вслѣдствіе обширности привести здѣсь весь этотъ матеріалъ, составляющій значительную долю труда знаменитаго канониста ³⁾, мы ограничимся лишь не-

1) По поводу 11-го пр. Лаод. соб. Зонара дѣлаетъ общее замѣчаніе, что „у древнихъ были нѣкоторые обычаи, исполняемые въ церквахъ, изъ которыхъ одни съ теченіемъ времени измѣнились, а другіе и совершенно прекратились, а нѣкоторые запрещены и правилами. Изъ сихъ обычаевъ, продолжаетъ онъ одинъ былъ такой, что нѣкоторыхъ старыхъ женщинъ поставляли въ церковь пресвитеридами и называли предсѣдательницами, которыя начальствовали надъ входящими въ церковь женщинами, какъ бы учительницами, и наставляли ихъ въ благочиніи и научали, какъ и гдѣ имъ должно стоять“.

2) Предис. къ 1-му всел. соб., 1-го всел. соб. пр. 8-е; 2-го всел. 1-е, 4-е, 7-е; Ефес. 7-е; Лаод. 35-е; Карѳ. 57-е (68); св. Василия Вел. 1-е.

3) Такія объясненія словъ и отдѣльныхъ выраженій мы встрѣчаемъ въ толкованіяхъ Зонары на прав. Апост. 1-е, 3-е, 11-е, 12-е, 32-е, 66-е, 80-е, 83-е; 1-го всел. соб. 2-е, 4-е, 12-е, 16-е, 17-е, 19-е; 2-го всел. 2-е, 5-е, 6-е; 3-го всел. 2-е, 5-е; Халкид. 8-е, 11-е, 17-е,

многими примѣрами, изъ которыхъ будетъ видно, какими глубокими и разносторонними знаніями долженъ былъ онъ обладать и какъ искусно и добросовѣстно исполнилъ онъ эту часть своей работы ¹⁾.

Такъ, напр., въ толкованіи на 83-е Апост. пр.: „Епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, въ воинскомъ дѣлѣ упражняющійся и хотящій удержати обое, то есть, Римское начальство и священническую должность: да будетъ изверженъ изъ священнаго чина. Ибо Кесарева Кесареви и Божія Богови“ Зонара пишетъ: „думаю, что здѣсь воинскимъ дѣломъ правило называетъ не ношеніе и дѣйствованіе оружіемъ, или начальство надъ воинами, но распоряженіе воинскимъ имуществомъ, напр., раздачу воинскаго жалованья, или выдачу опредѣленнаго воинамъ провіанта, или наборъ войска, или другія какія-нибудь должности, которыя и въ гражданскихъ

18-е, 22-е, 27-е, 28-е; Трул. 9-е, 30-е, 46-е, 62-е, 65-е, 76-е, 97-е, 99-е; 7-го всел. 1-е, 6-е, 9-е, 10-е, 12-е, 16-е, 20-е; соб. въ хр. св. Апост. 4-е, 7-е, 9-е, 15-е; въ хр. св. Софіи 2-е, 3-е; Анкир. 4-е, 16-е, 19-е, 25-е; Неокес. 3-е, 4-е; Гангр. 6-е, 11-е, 12-е, 19-е, 21-е; Антиох. 2-е, 4-е, 7-е, 8-е, 16-е, 19-е, 21-е, 25-е; Лаодик. 5-е, 8-е, 9-е, 11-е, 15-е, 22-е, 33-е, 36-е, 40-е, 41-е, 43-е, 53-е, 57-е, 59-е; Сардик. 8-е, 10-е, 11-е, 12-е, 17-е, 20-е; Каро. 5-е, 6-е, 8-е, 13-е, 15-е (15-е—18-е), 18-е (безъ обозначенія), 21-е (30-е), 23-е (32-е), 25-е (34-е), 31-е (40-е), 32-е (41-е), 33-е (42-е), 34-е (43-е), 35-е (44-е), 38-е (47-е), 41-е (50-е), 43-е (52-е), 44-е (53-е), 45-е (55-е), 47-е (57-е и 58-е), 48-е (59-е), 53-е (64-е), 55-е (66-е), 59-е (70-е), 62-е (73-е), 64-е (75-е), 66-е (77-е), 67-е (78-е), 68-е (79-е), 92-е (103-е), 93-е (104-е), 94-е (105-е), 97-е (109-е), 99-е (112-е), 100-е (113-е), 103-е (116-е), 120-е (134-е), 123-е (137-е), 129-е (144-е), 131-е (146-е), 132-е (147-е); посл. къ Бониф.; Діонис. Алекс. 2-е; Петра Алекс. 1-е, 3-е, 9-е, 12-е; Григор. Неокес. 1-е и 2-е, 3-е, 6-е, 8-е, 9-е; Аванас. Алекс. къ Аммуноу, къ Руфиніану изъ 39-го посл. о праздникахъ; св. Василия В. 1-е, 2-е, 3-е, 4-е, 6-е, 7-е, 10-е, 11-е, 20-е, 23-е, 26-е, 29-е, 30-е, 32-е, 36-е, 38-е, 44-е, 50-е, 52-е, 65-е, 66-е, 69-е, 70-е; посл. къ Діодору (вступл.), 87-е, 88-е, 90-е, 91-е; Григор. Нисскаго 1-е, 3-е, 6-е.

1) Мы увидимъ въ послѣдствіи, что другому толкователю каноническаго кодекса — Вальсамону — въ этомъ отношеніи не осталось ничего другого, какъ слѣдовать своему предшественнику и повторять имъ сказанное.

законахъ называются воинскими“. — Въ толкованіи на 5-е пр. 2-го всел. соб. : „Относительно свитка западныхъ ; пріемлемъ и сушихъ въ Антиохіи, исповѣдающихъ едино Божество Отца, и Сына, и Святаго Духа“ Зонара подробно объясняетъ, что такое „свитокъ западныхъ“, о которомъ говоритъ правило : „Императоръ Констанцій, сынъ Константина В., совратившись въ арианство, стремился уничтожить первый соборъ. Папа древняго Рима извѣстилъ объ этомъ Константа, брата Констанціева. Константъ въ письмѣ угрожалъ брату войною, если онъ не перестанетъ колебать правую вѣру. Вслѣдствіе сего оба императора согласились, чтобы составилъ соборъ и чтобы онъ разсудилъ о никейскихъ опредѣленіяхъ. И такъ, въ Сардикѣ собрались 341 епископъ, которые и изложили опредѣленіе, утверждающее святой символъ никейскихъ отцевъ и отлучающее мыслящихъ противное. Это именно опредѣленіе Второй соборъ называетъ свиткомъ западныхъ и принимаетъ принявшихъ сей свитокъ въ Антиохіи. Западными соборъ называетъ епископовъ, собравшихся въ Сардикѣ. Сардика называется Тріадица. Опредѣленіе назвалъ соборъ свиткомъ западныхъ потому, что одни западные епископы изложили иное : ибо 70 восточныхъ епископовъ сказали, что они не примутъ участія въ соборѣ, если изъ собранія не выйдутъ св. Павелъ Исповѣдникъ и Аѳанасій Вел. А когда западные не допустили этого сдѣлать, то восточные епископы тотчасъ оставили соборъ. Почему одни западные и утвердили никейское опредѣленіе, предали анаѳемѣ ересь аномеевъ и осудили восточныхъ епископовъ“¹⁾. — Въ тол-

1) Въ примѣчаніи къ „Книгѣ правилъ св. Апостолъ, св. соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и св. Отецъ“, изд. Св. Синодомъ (стр. 61), подъ „свиткомъ западныхъ“, согласно съ Зонарою (и Вальсамономъ), подразумѣвается также постановленіе Сардикійскаго собора, которымъ былъ признанъ и подтвержденъ Никейскій символъ вѣры. — Иное толкованіе словамъ „свитокъ западныхъ“ даютъ извѣстный нашъ канонистъ арх. Іоаннъ и знаменитые западные канонисты — Питра и Гелле. „Не задолго до второго вселенскаго собора, пишетъ арх. Іоаннъ

кованіи на 3-е пр. Неокес. соб.: „Время покаянія, опредѣленное для впадающихъ во многобрачіе, извѣстно: впрочемъ, обращеніе и вѣра ихъ сокращаютъ время“ Зонара пишетъ: „Василій Вел. въ 4-мъ пр. говоритъ, что троебрачные отлучаются на 5 лѣтъ; и этотъ срокъ, по его словамъ, не отъ правила, но отъ обычая и послѣдованія предшественникамъ. И троебрачіе онъ возводитъ въ многобрачіе. Но какое время настоящее правило называетъ опредѣленнымъ, неизвѣстно; ибо этотъ соборъ былъ много ранѣе Василія Вел., и конечно, еслибы прежде сего собора опредѣлено было время покаянія для троебрачныхъ, оно не осталось бы неизвѣстнымъ мудрому во всемъ Василію; развѣ и этотъ соборъ опредѣленнымъ временемъ называетъ обычай“. — Въ толкованіи на посланіе св. Аѳанасія о праздникахъ Зонара объясняетъ слово *κλῦδον*; онъ пишетъ: „...Канонизованными же назвалъ святой книги отъ слова *κλῦδον*, которое означаетъ деревянный инструментъ, употребляемый мастерами для выравниванія дерева и камня; ибо, наложивъ этотъ канонъ на приготовляемое издѣліе, при его помощи выравниваютъ находящіяся на матеріалѣ кривизны, углубленія и возвышенія, и такимъ образомъ даютъ стройный видъ работъ. То же самое сдѣлать по отношенію къ этимъ книгамъ разумъ, какъ канонъ,

„Опытъ курса церков. законовѣд.“, вып. 1, стр. 503 и 504), западные епископы, составивъ свой соборъ въ Римѣ, изложили исповѣданіе вѣры и отправили его на Востокъ, а папа Дамасъ послалъ еще отъ себя къ Павлину, епископу Антиохійскому, письменное обличеніе на всѣ, волновавшія тогда Востокъ, ереси. Эти посланія были приняты и утверждены согласіемъ восточныхъ отцевъ на соборѣ Антиохійскомъ который былъ въ 378 году, за три года до II вселенскаго. Отцы этого послѣдняго собора, въ свою очередь, разсмотрѣвъ и посланія западныхъ (*τόμον δι' ἡμῶν*), и рѣшенія антиохійскихъ отцевъ, опредѣлили своимъ правиломъ сохранить свое общеніе съ тѣми и другими, какъ православными, какъ исповѣдавшими единосушіе св. Троицы“. Соборное посланіе папы Дамаса подразумѣваетъ подъ „свиткомъ западныхъ“ также Питра (*Juris eccles. graecorum historia et monumenta. T. I, стр. 513 и 514*) и Гефеле (*Conciliengeschichte. T. II, стр. 21–24*).

отдѣливъ ихъ отъ неправильныхъ и развращенныхъ, именно: однѣ изъ нихъ испыталъ, одобрилъ и предложилъ для чтенія благочестивымъ, другія — отвергнулъ и запретилъ читать“. — Наконецъ, все толкованіе Зонары на 32-е пр. св. Василія Вел. состоитъ въ объясненіи того, что должно подразумѣвать цодъ смертнымъ грѣхомъ, о которомъ говорится въ этомъ правилѣ. Аристинъ и Вальсамонъ въ своихъ толкованіяхъ тоже занимаются разрѣшеніемъ этого, повидимому, весьма спорнаго вопроса; неудивительно, что и Зонара останавливается на немъ подробно; онъ пишетъ „... Грѣхъ къ смерти, говорятъ, есть тотъ, который простерся до исполненія: а простершійся до пожеланія и намѣренія — не къ смерти, т. е. духовной: ибо не можетъ быть признанъ блудникомъ тотъ, кто намѣренъ былъ учинить блудъ, но удержался отъ исполненія...“ (далѣе Зонара приводитъ рядъ доказательствъ въ пользу этого опредѣленія).

Тамъ, гдѣ это представляется нужнымъ, Зонара указываетъ на обстоятельства, вызвавшія то или другое правило, объясняетъ мотивы, руководившіе его составителями, такъ что, при подобномъ освѣщеніи, становится болѣе понятнымъ самое содержаніе правила (толков. на Апост. пр. 6-е, 10-е, 20-е, 30-е, 35-е, 54-е; 1-го всел. соб. 15-е, 20-е; Халкид. 30-е; Трул. 52-е, 87-е; 7-го всел. 10-е; въ хр. св. Ап. 16-е; Лаодиц. 5-е, 16-е, 35-е, 57-е; Карѣ. 16-е (19-е—23-е), 27-е (36-е), 39-е (48-е), 78-е (89-е), 89-е (100-е), 90-е (101-е), 100-е (113-е), 106-е (119-е и 120-е), 117-е, 118-е (131-е и 132-е) ¹⁾,

1) Такъ, напримѣръ, по поводу 54-го пр. Апост.: „Аще кто изъ клира въ корчемницѣ ядушій усмотренъ будетъ: да отлучится, кромѣ случая, „когда на пути по нуждѣ въ гостинницѣ отдыхаетъ“, Зонара замѣчаетъ: „призванные быть жребіемъ Божиимъ должны быть и для мірянъ образцомъ скромной жизни и во всемъ безукоризненными, дабы изъ за нихъ не хулилось имя Божіе. А посѣщеніе корчемницъ показываетъ, что дѣлающіе это ведутъ жизнь нескромную, и что нравы ихъ испорчены не только въ отношеніи къ пици и питію, но и въ отношеніи ко всему прочему поведенію. Ибо въ корчемницахъ собираются нескромные мужчины и женщины, и потому находящійся въ обществѣ

иногда старается объяснить правило на отдѣльномъ при-
 съ ними не останется не причастнымъ ихъ порочности. Ибо „*тлѣтъ
 обычаи благи бѣсъды злы* (I Кор. 15, 33). Посему правило повелѣваетъ
 отлучать таковыхъ клириковъ“.

Въ толкованіи на 52-е пр. Трул. соб. : „Во всѣ дни поста святыхъ
 четырдесятницы, кромѣ субботы и недѣли и святаго дня Благовѣ-
 щенія, святая литургія да бываетъ не иная, какъ преждеосвященныхъ
 даровъ“ Зонара подробно объясняетъ тѣ основанія, которыми руко-
 водствовались отцы Трул. соб., при постановленіи настоящаго правила :
 „Установлено, пишетъ онъ, чтобы дни постовъ были днями плача и
 сокрушенія для умилоствленія Бога о грѣхахъ каждаго человѣка. А
 приношеніе Богу жертвъ есть празднованіе; празднованіе же есть вы-
 раженіе радости. Какимъ же образомъ возможно въ одно и тоже
 время и плакать и веселиться? Посему во всѣ дни четырдесятницы
 бываетъ литургія преждеосвященныхъ даровъ; ибо тогда безкровной
 жертвы не бываетъ; но предлагается вновь жертва уже принесенная
 и совершенная. А въ субботы и въ воскресные дни, поелику въ эти
 дни запрещено поститься, дозволяется приносить и жертву и служить
 совершенную литургію. Подобнымъ образомъ и въ день Благовѣще-
 нія; ибо мы чтимъ оный, какъ начало и главизну нашего спасенія,
 и празднуемъ въ этотъ день. Поелику въ дни постовъ, по 51-му пр.
 Лаодик. соб., не дозволено совершать и памяти святыхъ, исключая
 субботы и воскреснаго дня. Ибо и памяти святыхъ суть радостныя
 празднованія; а во дни постовъ должно плакать, а не радоваться“.

Кратко мотивированное 30-е пр. Лаод. соб. : „Не подобаетъ освя-
 щенному лицу, или причетнику, или монаху мыться въ банѣ съ же-
 нами, ниже всякому христіанину или мірянину: ибо сіе есть первое об-
 виненіе отъ язычниковъ“ Зонара дополняетъ слѣдующимъ замѣчаніемъ:
 „мыться, вмѣстѣ съ женщинами есть и дѣло вредное для души, и при-
 чина всякаго другого безобразія. Ибо созерцаніе мужчинами нагихъ
 женщинъ и равнымъ образомъ обратно женщинами мужчинъ разжи-
 гаетъ плотскую любовь и воспламеняетъ огонь плоти (а для плоти доста-
 точно возбужденія отъ природы; для чего же нужно больше вещества
 для пламени?) и выходитъ изъ предѣловъ всякаго безстыдства, такъ
 что и язычники осуждаютъ дѣлающихъ это, какъ невоздержныхъ“.

Въ толкованіи на 90-е (101-е) пр. Карѣ. соб. „Положено и сіе :
 кто хотя единожды читалъ въ Церкви, тотъ другою Церковію да не
 пріемлется въ клиръ“ Зонара дѣлаетъ слѣдующее предположеніе о
 причинахъ, побудившихъ отцевъ собора издать настоящее правило :
 „Есть множество правилъ, говоритъ онъ, запрещающихъ клирикамъ

мѣрѣ¹⁾, и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ самомъ правилѣ находится ссылка на постановленіе другого болѣе ранняго правила, безъ точнаго обозначенія какого именно, въ своемъ толкованіи указываетъ это правило точно²⁾, а также указываетъ, откуда заимствованы слова св. Писанія, если таковыя находятся въ текстѣ правила³⁾.

Конечная цѣль комментарія Зонары состояла въ томъ, чтобы извлечь изъ объясняемыхъ источниковъ общія догматическія положенія и показать, какъ они должны быть примѣняемы къ современной практикѣ. Для этого Зонара сравниваетъ одни правила съ другими и старается примирить встрѣчающіяся въ нихъ мнимыя или дѣйствительныя противорѣчія. Онъ весьма искусно доказываетъ, что мысль о противорѣчій между церковными правилами можетъ возникнуть у читателя въ однихъ случаяхъ вслѣдствіе неточности употребленныхъ въ текстѣ правилъ выраженій, такъ что на са-

---

оставлять свои церкви и переходить въ другія. Тоже опредѣляетъ и настоящее правило съ однимъ прибавленіемъ; а прибавленіе состоитъ въ томъ, что, хотя кто однажды читалъ въ церкви, какъ поставленный въ нее, не долженъ быть принимаемъ въ другія церкви. Повидимому, нѣкоторые ссылались въ свое оправданіе на то, что правило говоритъ о тѣхъ, кто провелъ въ клирѣ какое-нибудь продолжительное время, а если кто разъ читалъ въ церкви, тому позволительно удалиться оттуда, такъ какъ въ семъ случаѣ не можетъ быть рѣчи ни о какомъ времени. Но соборъ, не соглашаясь съ этимъ, постановилъ, что, хотя кто однажды читалъ въ церкви, не долженъ быть принимаемъ въ другую церковь“.

1) Апост. пр. 20-е, 39-е, 60-е, 73-е, 76-е, 82-е; 2-го всел. соб. 6-е; 4-го всел. 12-е, 17-е, 18-е; Трул. 21-е; 7-го всел. 8-е; Сардик. 17-е; Карф. 5-е, 16-е (19-е — 23-е), 56-е (67-е); св. Василія Вел. 13-е, 18-е, 27-е, 33-е, 72-е, 74-е.

2) 3-го всел. соб. пр. 8-е; 4-го всел. 22-е; Трул. 12-е, 24-е, 25-е, 26-е, 29-е, 30-е, 34-е, 40-е, 49-е, 54-е; 7-го всел. 3-е, 11-е; въ хр. св. Ап. 9-е, 10-е, 12-е; св. Василія Вел. 3-е, 12-е, 54-е.

3) Трул. соб. пр. 67-е; 7-го всел. 5-е; Петра Александр. 11-е; св. Василія Вел. 29-е; Григ. Нис. 1-е.

момъ дѣлѣ, при болѣе глубокомъ анализѣ правилъ, никакого противорѣчія не оказывается; въ другихъ — вслѣдствіе того, что правила, въ дѣйствительности предусматривающія совершенно различные случаи, только кажутся говорящими объ одномъ и томъ же. Согласно кажущіяся противорѣчія, Зонара выходитъ, очевидно, изъ того предположенія, что правила содержащіяся въ одномъ кодексѣ, основанныя на однихъ и тѣхъ же религіозно-нравственныхъ принципахъ, не могутъ стоять въ противорѣчій другъ другу. Зонара ясно высказываетъ эту мысль въ 14-мъ Апост. пр., говоря: „не должно думать, что каноны даютъ противорѣчивыя опредѣленія“.

На этой сторонѣ труда Зонары мы считаемъ необходимымъ остановиться болѣе подробно.

Такъ, въ толкованіи на 79-е Апост. пр.: „Аще кто демона имѣеть: да не будетъ принять въ клиръ, но ниже съ вѣрными да молится. Освободясь же, да принять будетъ съ вѣрными, и аще достоинъ, то и въ клиръ“ Зонара пишетъ: „... А 3-е пр. Тимоѳея, патріарха Александрійскаго, составляющее отвѣтъ вопросившему: „аще вѣрный одержимъ бѣсомъ долженъ ли пріобщаться св. таинъ?“ говоритъ: „аще не нарушаетъ тайны, ниже хулитъ инымъ какимъ либо образомъ: то да причащается“. И такъ, повидимому, это противорѣчитъ настоящему правилу? Не думаю. Должно допустить, что Апостольское правило говоритъ о постоянно бѣсноватомъ и не имѣющемъ свѣтлыхъ промежутковъ: какимъ же образомъ таковой будетъ допущенъ до молитвы? А отвѣтъ Тимоѳея имѣеть въ виду страждущаго съ свѣтлыми промежутками. Ибо таковой, когда не страдаетъ, долженъ быть удостоенъ святыни. А когда освободится отъ власти демона, можетъ быть принять въ клиръ, если признанъ будетъ достойнымъ“.

Въ толкованіи на 4-е пр. 1-го всел. соб. Зонара доказываетъ, что противорѣчіе между настоящимъ правиломъ и 1-мъ Апост. пр. только кажущееся: „Повидимому, говоритъ онъ, настоящее правило противорѣчитъ 1-му пр. св. Апосто-

ловъ; ибо то предписываетъ, чтобы епископъ, былъ рукополагаетъ двумя или тремя епископами, а настоящее — тремя, съ соизволенія и согласія и отсутствующихъ, выраженнаго чрезъ граматы. Но они не противорѣчатъ одно другому. Ибо правило св. Апостоловъ рукоположеніемъ (*χειροτονία*) называетъ посвященіе и возложеніе рукъ (*χειροθεσία*), а правило сего собора поставленіемъ и рукоположеніемъ называетъ избраніе, и опредѣляетъ, чтобы избраніе архіерея совершалось не иначе, какъ если сойдутся вмѣстѣ три архіерея, имѣя согласіе и отсутствующихъ, изъясняемое посредствомъ граматъ, въ которыхъ они свидѣлствуютъ, что и они послѣдуютъ избранію, имѣющему совершиться тремя епископами, собравшимися вмѣстѣ“.

Въ толкованіи на 16-е пр. того же соб., искуснымъ изъясненіемъ словъ настоящаго правила: „чуждымъ быти общенія“, устраняетъ видимое противорѣчіе этого правила 15-му Апост. пр.; онъ пишетъ: „Предшествующее (т. е. 15-е) правило опредѣляетъ удаляющихся изъ своихъ церквей и входящихъ въ другія возвращать въ ту церковь, къ которой рукоположенъ каждый. А это узаконяетъ, чтобы не соглашающіеся возвратиться были лишены общенія. Это, повидимому, противорѣчитъ 15-му пр. св. Апостоловъ, ибо оно клирикамъ, оставившимъ свои епархіи и безъ воли своего епископа совѣмъ перешедшимъ въ другую епархію, не дозволяетъ уже служить, но дозволяетъ имъ тамъ быть въ общеніи, какъ мірянамъ. Думаю, что въ настоящемъ правилѣ слова „чуждымъ быти общенія“ должны быть понимаемы такъ: не имѣть съ ними общенія священнослужачимъ, но удалять таковыхъ отъ совмѣстнаго съ ними священнодѣйствія. Общеніемъ святыя отцы здѣсь назвали не пріобщеніе святыхъ таинъ, а участіе, общее дѣйствованіе и сослуженіе съ тѣми, къ которымъ пришли. При такомъ изъясненіи, настоящее правило никому не покажется противорѣчающимъ Апостольскому правилу“.

Въ толкованіи на 15-е пр. Халк. соб.: „Въ діакониссы

поставляти жену, не прежде четырехдесяти лѣтъ возраста, и притомъ по тщательномъ испытаніи . . .“ объясняетъ, почему настоящій соборъ, а также и Трульскій (въ 14-е и 15-е пр.) установилъ для рукополагаемой въ діакониссу 40-лѣтній возрастъ, тогда какъ Ап. Павелъ въ посланіи къ Тимоѳею говоритъ: „*вдовица да причисляется не меньшеи лѣтъ шестидесятихъ*“. . . . Говорятъ, пишетъ Зонара, что Апостоль опредѣлили о вдовахъ, а этотъ соборъ о дѣвахъ. Та женщина, которая до 40-лѣтняго возраста соблюла себя въ чистотѣ и пребыла не испытавшею удовольствія отъ сообщенія съ мужемъ, и приняла служеніе діакониссы, кажется, не легко можетъ склониться къ браку и придти къ желанію смѣшенія, котораго еще не испытала. А вдова, наслаждавшаяся ложемъ мужа и вкусившая удовольствія съ мужемъ, можетъ быть болѣе склонна къ этой страсти . . .“

Въ толкованіи на 7-е пр. Трул. соб. Зонара указываетъ, какъ можно объяснить то обстоятельство, что въ настоящемъ правилѣ, повидимому, за одно и тоже преступленіе, которое предусматривается и въ 18-мъ пр. 1-го всел. соб., положено иное наказаніе, чѣмъ въ этомъ послѣднемъ. Вотъ подлинныя слова Зонары: „18-е пр. перваго Никейскаго соб. повелѣваетъ, чтобы діаконы не сидѣли среди пресвитеровъ, а не повинующіеся должны прекратить свое діаконство. А настоящее правило тѣмъ, которые дерзновенно и безстыдно садятся выше пресвитеровъ, въ наказаніе за ихъ дерзость полагаетъ не лишеніе діаконства, а пониженіе въ собственной ихъ степени. Ибо если, напр., оказавшій подобное безстыдство и занявшій мѣсто выше пресвитеровъ состоялъ въ высшей степени между остальными діаконами; то долженъ быть низведенъ на послѣднее мѣсто и быть ниже всѣхъ . . . Итакъ, какимъ же образомъ первое изъ сихъ правилъ наказываетъ строже того, кто сѣлъ среди пресвитеровъ, такъ какъ оставляетъ его отъ діаконства, а это назначаетъ болѣе легкое наказаніе тому, кто сѣлъ выше пресвитера, и только низводитъ его на послѣднее мѣсто въ собственной его степени? Гово-

рятъ, что правило перваго собора говоритъ о тѣхъ, которые садятся среди пресвитеровъ въ алтарѣ во время священнодѣйствія, когда они въ особенности обязаны исполнять обязанности диакона и служить священникамъ и предстоять предъ ними; а правило этого собора говоритъ о тѣхъ, которые внѣ алтаря, на какомъ нибудь сѣдалищѣ займутъ мѣсто выше пресвитеровъ, ибо хотя и повсюду діаконы обязаны воздавать честь священникамъ, но особенно при священнослуженіи“.

Въ толкованіи на 20-е пр. того же соб.: „Да не будетъ позволено Епископу во иномъ градѣ, не принадлежащемъ ему, всенародно учить. Аже же кто усмотренъ будетъ творящій сіе: да престанетъ отъ Епископства, и да совершаетъ дѣла пресвитерства“ Зонара, между прочимъ, говоритъ: „... А иной можетъ придти къ недоумѣнію, какимъ образомъ 29-е пр. 4-го соб. говоритъ, что низводитъ изъ епископа въ достоинство пресвитера есть святотатство; а настоящее правило утверждаетъ: аще кто усмотренъ будетъ творящій сіе: да престанетъ отъ епископства и да совершаетъ дѣла пресвитерства? На это можно отвѣчать, что тамъ (въ правилѣ 4-го соб.) говорится объ изверженіи законномъ, или не законномъ; ибо или изверженъ изъ епископства по какому-нибудь обвиненію и за грѣхъ и въ такомъ случаѣ не долженъ быть и пресвитеромъ, или изверженъ изъ епископства безвинно, и въ такомъ случаѣ не долженъ быть низведенъ на степень пресвитера, но опять долженъ быть епископомъ. А здѣсь епископъ не допустилъ грѣха, возбраняющаго ему священство, а погрѣшилъ славолубіемъ и желаніемъ похвалы, и потому, чтобы онъ получилъ наказаніе, соотвѣтствующее его паденію и научился смиренномудрію, онъ престаеетъ отъ епископства и низводится на мѣсто пресвитера“.

Въ толкованіи на 87-е пр. того же соб. относительно словъ этого правила: „...Но законно сопряженную себѣ жену оставляющій, и иную поемлющій, по слову Господа, повиненъ суду прелюбодѣянія“ замѣчаетъ: „... Повидимому, сіи отцы допускаютъ противорѣчіе съ Василиемъ В.; ибо онъ

жену, при существованіи брака, совокупляющуюся съ другимъ, называетъ прелюбодѣйцею и говоритъ, что мужъ можетъ изгнать ее изъ своего дома; а жена должна принять мужа своего, обращающагося отъ блуда; ибо, говоритъ, не имѣемъ права „подвергати его винѣ прелюбодѣянія, аще грѣхъ содѣянъ съ свободною отъ брака“. Но эти правила не противорѣчатъ одно другому; ибо Великій Василій говоритъ о впадшемъ въ блудъ, при существованіи брака, и совокупившемся съ другою, свободною отъ мужа; а настоящее правило — о томъ, кто безъ причины выслалъ свою жену и ввелъ въ свой домъ другую, какъ законную супругу. Таковаго и Господь въ Евангеліяхъ назвалъ прелюбодѣемъ“.

Комментируя 19-е пр. 7-го всел. соб.: „Мерзость сребролюбія толико возобладала водителями Церквей, яко нѣкіе изъ глаголемыхъ благоговѣйныхъ мужей и женъ, забывъ Господни заповѣди, заблудилися, и въ священный чинъ, и въ монашеское житіе вступающихъ пріемлютъ за злато... Сего ради, аще усмотренъ будетъ кто либо сіе творящій: то Епископъ, или игумень, или кто либо изъ священническаго чина, или да престанетъ или да будетъ изверженъ, по второму правилу Халкидонскаго святаго собора: а игуменія да изгонится изъ монастыря, и да предастся во иной монастырь въ послушаніе: равно какъ и игумень, не имѣющій пресвитерскаго рукоположенія...“ Зонара говоритъ: „... Какимъ образомъ, когда правило 4-го соб., о которомъ сіи отцы упомянули, немедленно извергаетъ за деньги рукоположившаго и рукоположеннаго, это правило повелѣваетъ тому, кто опредѣляетъ въ клиръ за деньги, или престать или подвергнуться изверженію? Мы желали бы сказать, что это правило говоритъ не о рукополагаемыхъ, какъ то, но о тѣхъ, которые принимаютъ рукоположенныхъ уже и опредѣляютъ ихъ въ клиръ...“

Въ толкованіи на 25-е пр. Анкир. соб., гласящее: „Нѣкто, обручившій себѣ отроковицу, сперва растлилъ ее сестру, яко и беременной быти ей: а потомъ оженился обрученною, а растленная удавилася. Совиновныхъ повелѣно, въ продол-

женіи десяти лѣтъ, по установленнымъ степенямъ покаянія, пріяти въ число стоящихъ на молитвѣ съ вѣрными“ Зонара пишетъ: „... А 78-е пр. Василія Вел. опредѣляетъ, чтобы взявшій въ сожительство двухъ сестеръ одну послѣ другой, годъ находился въ разрядѣ плачущихъ два въ числѣ слушающихъ, три съ припадающими, и въ седьмой стоялъ вмѣстѣ съ вѣрными и такимъ образомъ былъ удостоиваемъ причащенія, если кается со слезами. Итакъ, иной можетъ сказать, почему здѣсь отцы собора совиновныхъ подвергли болѣе тяжкому наказанію? Думаю, что тамъ, гдѣ одинъ и тотъ же поемлетъ въ бракъ двухъ сестеръ, совершается только недозволенный бракъ. А въ настоящемъ случаѣ было много дерзновеннаго: растлѣніе дѣвицы, неправильный бракъ одного и того же, смѣсившагося съ двумя сестрами, и случившееся по этой причинѣ убійство; и потому-то опредѣлена болѣе тяжкая епитимія“.

Въ толкованіи на 4-е пр. Антіох. соб. читаемъ: „... изъ этого правила и изъ вышеупомянутыхъ ¹⁾ видно, что осуждаемому епископу, который почитаетъ себя несправедливо осужденнымъ, дозволяется искать, чтобы произнесенный противъ него приговоръ былъ пересмотрѣнъ другими. Но 15-е правило этого собора, повидимому, противорѣчитъ настоящему правилу, когда говоритъ „аще который епископъ, будучи обвиняемъ въ нѣкоторыхъ проступкахъ, судимъ будетъ отъ всѣхъ епископовъ той области, и всѣ они согласно произнесутъ на него единый приговоръ: таковой другими епископами отнюдь да не судится, но согласное рѣшеніе епископовъ области да пребываетъ твердымъ“. И такъ, хотя, кажется, что эти правила противорѣчатъ одно другому, какъ сказано, а на самомъ дѣлѣ не такъ: но 4-е пр. говоритъ объ осужденномъ отъ собора, т. е. отъ нѣкоторыхъ епископовъ области, собравшихся и произнесшихъ приговоръ, почему и позволя-

---

1) Зонара имѣетъ въ виду 6-е пр. настоящаго собора и 3-е и 5-е пр. Сардик. собора.

еть почитающему себя несправедливо осужденнымъ искать и втораго изслѣдованія; а 15-е говоритъ о рѣшеніи, произнесенномъ согласно всѣми епископами областей...“

Въ толкованіи на 26-е пр. Лаодик. соб. 1) слѣдующимъ образомъ примиряетъ кажущееся несогласіе этого правила съ 10-мъ пр. Антиох. соб. „На основаніи 10-го пр. Антиох. соб., хорепископамъ предоставлено, между прочимъ, производить и заклинателей. Какимъ же образомъ здѣсь правило говоритъ, что не должны дѣлать заклинаній тѣ, которые не произведены епископами? И такъ, говорятъ, что и хорепископы имѣють чинъ епископовъ, почему и 14-е пр. Неокес. соб. говоритъ, что они представляютъ образъ 70 Апостоловъ, а 8-е пр. Антиох. соб. дозволяетъ имъ давать мирныя письма, что принадлежитъ епископамъ“.

Въ толкованіи на 12-е пр. Карѳ. соб.: „Аще который Епископъ, (еже да не будетъ), подвергнется нѣкому обвиненію, и, по великимъ затрудненіямъ, не можно будетъ собраться многимъ Епископамъ: то, дабы онъ не оставался долго подъ обвиненіемъ, да слушаютъ его на судѣ дванадцать Епископовъ, пресвитера шесть Епископовъ и свой: а діакона три“ Зонара говоритъ: „... Это правило, повидимому, противорѣчитъ 4-му пр. Антиох. соб., которое говоритъ, что епископъ извергается соборомъ; а пресвитеры и діаконы своими епископами. Но, можетъ быть, кто нибудь для согласенія этихъ правилъ скажетъ, что правило Антиох. соб. изслѣдованія обвиненій противъ пресвитеровъ и діаконѳвъ возложило первоначально на епископа и ему предоставило вмѣстѣ постановлять объ нихъ рѣшеніе; а настоящее правило назначаетъ для пресвитера шесть епископовъ — судей, а для діакона — трехъ на тотъ случай, если осужденный своимъ епископомъ думаетъ, что онъ потерпѣлъ несправедливость“.

Въ толкованіи на 14-е пр. св. Василія Вел.: „Вземлю-

---

1) Правило это читается такъ: „Не произведеннымъ отъ Епископа, не должно заклинати ни въ церквахъ, ни въ домахъ“.

щій лихву, аще восхошетъ неправедную корысть истощити на нищихъ, и впредь отъ недуга любостыжанія свободенъ быти, можетъ принять быти въ священство“ пишетъ: „17-е пр. 1-го Никейскаго собора повелѣваетъ извергать посвященныхъ, дающихъ въ долгъ съ лихвою; а сей великій отецъ говорить: „если корысть отъ лихвы истощитъ на нищихъ и впредь будетъ воздерживаться отъ взиманія лихвы, можетъ быть принять во священство“. Ктонибудь усмотритъ, пожалуй, противорѣчіе между правиломъ никейскихъ отцевъ и настоящимъ; но этого нѣтъ. Ибо первое дѣлаетъ постановленіе о посвященныхъ лицахъ, взимающихъ ростъ, а это — о мірянахъ и говоритъ, что мірянинъ, который воздержится отъ взиманія роста и раздастъ нищимъ ту прибыль, какую получилъ чрезъ это, не можетъ быть устраняемъ отъ производства во священство“.

Въ толкованіи на 20-е пр. того же святаго: „Аще которыя изъ женскаго пола, бывши въ ереси, дали обѣтъ дѣвства, но потомъ избрали бракъ: о такихъ мню, яко не подобаетъ осуждати ихъ: елико бо законъ глаголетъ, сущимъ въ законѣ глаголетъ. Но тѣ, которыя еще не взяли на себя иго Христова, не знаютъ и законоположенія Господня. Посему онѣ могутъ со всѣми пріемлемы быти въ Церковь, и получаютъ въ семъ случаѣ прощеніе, чрезъ принятіе вѣры во Христа, и вообще все, содѣланное въ житіи оглашенныхъ, не подвергается истязанію. Явно же есть, яко Церковь не пріемлетъ такихъ безъ крещенія: посему необходимѣйшую для нихъ потребность составляютъ преимущества возрожденія“ пишетъ: „... Но, можетъ быть, ктонибудь скажетъ, что Василій Вел. настоящимъ правиломъ противорѣчить 5-му пр. Неокес. соб., въ которомъ говорится слѣдующее: „оглашенный, входящій въ церковь и стоящій въ чинѣ оглашенныхъ, обличенъ бывъ въ грѣхѣ, аще сопрічисленъ былъ къ преклоняющимъ колѣна, да низведется въ разрядъ слушающихъ писанія, преставъ отъ грѣха. Аще же и пребывая слушающимъ согрѣшитъ: да изгонится изъ церкви“. Но противорѣчія нѣтъ; ибо соборное

правило говоритъ о согрѣшающихъ, а Василий Вел. — о согрѣшившихъ и уже переставшихъ грѣшить; и онъ не говоритъ того, что таковыя совершенно не должны быть подвергаемы епитиміи за это, но что не должны подвергаться истязаніямъ. Ибо крещаемому отпускаются всѣ грѣхи, содѣланные до св. крещенія, значить — и тѣ, какіе онъ совершилъ, будучи оглашеннымъ: и за нихъ онъ не долженъ подлежать суду“.

Въ толкованіи на 46-е пр. того же святаго ¹⁾, примиряя кажущееся несогласіе настоящаго правила съ 9-мъ пр. Василия Вел., Зонара пишетъ: Въ 9-мъ правилѣ святой, давая постановленіе о женѣ, оставившей своего мужа, говоритъ: „оставившая своего мужа есть прелюбодѣйца, аще прешла къ другому мужу: а мужъ оставленный достоинъ снисхожденія, и сожительствующая съ нимъ не осуждается“. А здѣсь говоритъ, что сочетавшаяся съ оставленнымъ на время своею женою и, по возвращеніи первой жены, отпущенная блудодѣйствовала чрезъ таковой союзъ, впрочемъ, по невѣдѣнію. Какимъ же образомъ тамъ не осуждаетъ сожительствовавшую съ мужемъ, оставленнымъ женою, а здѣсь говоритъ, что она блудодѣйствовала по невѣдѣнію? Если та блудница, то послѣдовательно было бы полагать, что блудодѣйствовалъ и тотъ мужъ, который женился на ней; какимъ же образомъ онъ достоинъ снисхожденія? Я думаю, что въ 9-мъ пр. Василий Вел. говоритъ объ оставленномъ женою совершенно, когда она отказалась возвратиться къ нему; а потому и снисходитъ къ нему и вступившую съ нимъ въ соительство по второму браку не осуждаетъ; а въ настоящемъ правилѣ говоритъ объ оставившей своего мужа по причинѣ какой либо скорби, потому и прибавилъ: *на время*. И такъ, если вступившая съ нимъ въ соительство по второму браку знала о

1) 46-е пр. Василия Вел. читается такъ: „Съ оставленнымъ на время своею женою сочетавшаяся по невѣдѣнію, потомъ, по причинѣ возвращенія къ нему первой жены, отпущенная, блудодѣйствовала чрезъ таковой союзъ, впрочемъ по невѣдѣнію. Посему бракъ ей не возбранится: но лучше, аще пребудетъ тако“.

временномъ удаленіи (жены) отъ своего мужа и такимъ образомъ жила съ оставленнымъ мужемъ, то она есть прелюбодѣйца, потому что присвоила себѣ чужаго мужа, какъ говорится въ концѣ 9-го правила; а если не знала объ этомъ (ибо была, можетъ быть, изъ чужой страны и не знала его обстоятельствъ), а послѣ нѣкотораго времени возвратилась къ мужу та, которая оставила его, и поэтому бракъ его со второю женою былъ нарушенъ, — то, говоритъ святой, эта жена блудодѣйствовала, впрочемъ, по невѣдѣнію. А говоритъ, что она блудодѣйствовала потому, что прежній бракъ не былъ расторгнутъ; а когда первый не былъ расторгнутъ, то какимъ образомъ сожитіе со второю женою могло быть принято за второй бракъ? Если же это не бракъ, то, конечно, долженъ быть блудомъ...

Въ толкованіи на 59-е пр. того же святаго: „Блудникъ семь лѣтъ да не причастится святыхъ Таинъ: два лѣта да плачетъ, два да слушаетъ, два да припадаетъ и едино лѣто да стоитъ токмо съ вѣрными, въ осмое допущенъ будетъ до святаго причастія“ Зонара пишетъ: „Въ 22-мъ пр. сей св. отецъ, постановляя о растлившихъ женъ чрезъ похищеніе, въ концѣ говоритъ: „наказаніе за блудъ опредѣлено на четыре года; въ первый надлежитъ удаляти отъ молитвы и плакать ему у дверей церковнымъ; во второй — примати къ слушанію писаній; въ третій — къ покаянію; въ четвертый — къ стоянію съ народомъ, но удерживати отъ причастія; потомъ допускать его до причащенія св. Таинъ“. А здѣсь опредѣляетъ въ епитимію за блудъ седмилѣтіе. Итакъ, повидимому, онъ самъ себѣ противорѣчитъ, но я этого не думаю. Ибо о четырехлѣтій онъ упомянулъ, какъ о постановленіи прежнихъ отцевъ, что ясно изъ словъ его: „наказаніе за блудъ *опредѣлено* на четыре года“, т. е. установлено бывшими прежде насъ; а седмилѣтіе ввелъ, какъ собственное мнѣніе, наказывая блудъ строже, какъ и многіе другіе грѣхи.

Въ толкованіи на 73-е пр. того же святаго: „Отрекшійся отъ Христа и содѣлавшійся преступникомъ противъ таинства

спасенія, все время жизни своея долженъ быти въ числѣ плачущихъ, и обязанъ исповѣдаться: а при концѣ жизни удостоится причастія Святыхъ, по вѣрѣ въ Божіе человеколюбіе“ говоритъ: „... А священномученикъ Петръ, архіепископъ Александрійскій, дѣлаетъ въ своихъ правилахъ много разграниченій между отречшимися отъ вѣры и опредѣляетъ для нихъ различные сроки епитимій; на всю же жизнь не отлучаетъ отъ общенія никого. Точно также и Анкирскій соборъ, будучи древнѣе и священномученика св. Петра, дѣлаетъ много различеній между принесшими жертву идоламъ и опредѣляетъ разные для разныхъ лицъ сроки епитимій, но до смерти не опредѣлилъ отлучать отъ общенія никого. Но кто нибудь скажетъ, что отцы положили епитиміи соотвѣтственно своему времени; ибо одни были во времена сильныхъ гоненій, когда еще и вѣра не была утверждена, и поэтому относились умѣреннѣе къ тѣмъ, которые падали, снисходя по причинѣ нужды гоненій; а Василій Вел., такъ какъ онъ жилъ въ такое время, когда вѣра распространилась и сдѣлалась тверже, а язычество пришло въ крайне стѣснительное положеніе, строже относился къ тѣмъ, кои отрекались отъ вѣры, такъ какъ они падали добровольно и безъ насилія, и поэтому опредѣлилъ, чтобы они оставались внѣ общенія на всю жизнь“.

Въ толкованіи на 80-е пр. Василія Вел.: „О многобрачїи Отцы умолчали, какъ о дѣлѣ скотскомъ и совершенно чуждомъ роду человѣческому. Намъ же сей грѣхъ представляется тягчайшимъ блуда. Посему благоразсудно будетъ подвергати таковыхъ епитиміи по правиламъ, то есть, да будутъ едино лѣто плачущими, три лѣта припадающими, и потомъ могутъ быти приняты“ Зонара старается объяснить кажущееся противорѣчіе съ словахъ святаго; онъ говоритъ: „... Но какимъ образомъ святой, назвавъ многобрачїе тягчайшимъ блуда, опредѣлилъ за него какъ будто одно и то же время (епитиміи), такъ какъ и блудъ наказывается, по отцамъ, четырехлѣтіемъ? Я думаю, что здѣсь составляется число лѣтъ больше четырехъ, ибо соблюдившему опредѣлено быть годъ въ числѣ

плачущихъ, во второй слушать, а въ третій каяться, т.-е. быть въ припаданіи и выходить съ оглашенными; въ четвертый стоять вмѣстѣ съ вѣрными, и послѣ того удостоиваться божественныхъ даровъ, по 22-му пр. А кто согрѣшилъ многобрачіемъ, тому опредѣлено быть годъ въ числѣ плачущихъ, въ теченіи трехъ лѣтъ припадать, что значитъ стоять съ оглашенными и выходить вмѣстѣ съ ними, и такимъ образомъ быть принятымъ, т.-е. только въ общее стояніе, такъ чтобы, послѣ того какъ и тутъ проведетъ столько времени, сколько присудитъ держащій его подъ епитимією, былъ, наконецъ, допущенъ къ причащенію Таинъ“.

Въ толкованіи на 81-е пр. Василия Вел., къ которомъ онъ говоритъ, что отрекшіеся отъ Христа вслѣдствіе мукъ, по изданнымъ уже Отцами законамъ и правиламъ, подлежатъ восьмилѣтней епитиміи, а „безъ великія нужды вѣру въ Бога предавшіе, и коснувшіеся трапезы бѣсовскія, и клявшіеся языческими клятвами“ — одиннадцатилѣтней, Зонара пишетъ: „...А въ 73-мъ пр. святой опредѣлилъ, что отрекшійся отъ Христа и содѣлавшійся преступникомъ противъ Таинства спасенія долженъ быть въ числѣ плачущихъ во всю жизнь, а при смерти удостоиться причастія святыхъ Таинъ. И такъ, можно сказать, что ни одно и то же — отречься отъ Христа и принести жертву демонамъ, и вкусить идоложертвеннаго и поклясться еллинскими клятвами; ибо первое есть совершенное отступничество отъ вѣры, а второе — оскверненіе и кажушееся отступничество; поэтому первое наказывается строже. Или (нужно допустить), что въ томъ правилѣ (св. отецъ) далъ постановленіе о добровольно пришедшихъ къ отреченію и отвергнувшихъ вѣру безъ нужды, а въ этомъ — о тѣхъ, которые побѣждены были жестокостію мученій и, потерпѣвъ насиліе, хотя бы и не весьма сильное, уступили, и потому назначилъ имъ болѣе умѣренныя епитиміи“.

Наконецъ, въ толкованіи на 83-е пр. того же святаго: „Волхвующіе и послѣдующіе обычаемъ языческимъ, или вводящіе нѣкихъ въ дома свои, ради очищенія, да подлежатъ

правилу шестилѣтія: лѣто да будутъ плачущими, лѣто слушающими, три лѣта припадающими, и едино да стоятъ съ вѣрными, и тако да пріимутся“ читаемъ: „Въ 65-мъ пр. (св. отецъ) подвергаетъ волшебниковъ, или покаявшихся въ отравленіи епитиміи убійцъ; а тѣхъ, о которыхъ говоритъ здѣсь, отлучаетъ на шесть лѣтъ, и не противорѣчитъ себѣ; ибо тамъ онъ далъ постановленіе о тѣхъ, которые сами производятъ волхованія и приготавливаютъ зелья во вредъ людямъ, или о тѣхъ, которые пользуются ими для такихъ цѣлей; а здѣсь — о тѣхъ, которые вѣрятъ волхованіямъ и пользуются волхователями для изысканія лекарствъ, или для очищенія отъ происходящаго отъ нихъ оскверненія, или для отвращенія вреда отъ таковыхъ средствъ и для уврачеванія страданій, происходящихъ такимъ образомъ“.

Въ случаѣ дѣйствительнаго несогласія канонѳвъ другъ съ другомъ, Зонара рѣшаетъ вопросъ по относительной важности и хронологической послѣдовательности источниковъ, именно: правиламъ вселенскихъ соборовъ даетъ переваъ надъ правилами соборовъ помѣстныхъ; правила позднѣйшихъ соборовъ, если они не согласны съ правилами болѣе раннихъ соборовъ, принимаетъ за отмѣну этихъ послѣднихъ, на основаніи юридическаго положенія: „lex posterior derogat priori“. Такъ, въ толкованіи на 44-е пр. Трул. соб.: „Монахъ обличенный въ любодѣянніи, или поемлющій жену въ общеніе брака и сожитіе, да подлежить по правиламъ епитиміи блудодѣйствующихъ“ Зонара, приведя содержаніе другихъ правилъ, говорящихъ о томъ же самомъ (16 пр. 4-го всел. соб.; 19 пр. Анкирскаго соб. и 60 пр. св. Василія Вел.), несогласныхъ съ настоящимъ правиломъ, пишетъ: „... я думаю, что это (44-е Трул.) правило должно имѣть болѣшую силу, какъ позднѣйшее прочихъ. — Въ толкованіи на 10-е пр. Анкир. соб. 1), указавши на несогласіе этого правила съ 26-мъ Апост. пр. и

1) 10-е пр. Анкир. соб. читается такъ: „Поставляемые во діако, новъ, аще при самомъ поставленіи засвидѣтельствовали, и объявили-

6-мъ пр. Трул. соб., позволяющими діаконамъ вступать въ бракъ только до рукоположенія, а не послѣ, замѣчаетъ: „... и такъ, поелику сіи правила, очевидно, противны одно другому, то должно имѣть силу правило 6-го соб., какъ позднѣйшее и согласное съ Апостольскимъ“¹⁾. — Въ толкованіи на 1-е пр. Неокес. соб.: „Пресвитеръ, аще оженится, да извержень будетъ отъ своего чина. Аще же блудъ или прелюбодѣйство сотворить: да будетъ совсѣмъ изгнанъ отъ общенія церковнаго, и низведенъ въ разрядъ кающихся“ читаемъ: „... А Василій В. въ 32-мъ пр. говоритъ буквально слѣдующее: „тѣ изъ клира, которые согрѣшили грѣхомъ смертнымъ, со степени своего низводятся, но не лишаются причастія купно съ мірянами. Ибо *не отмстиши за едино дважды*“ (Наум. 1, 9). Тоже самое, что Василій Вел., постановляетъ и Карфагенскій соборъ въ своемъ 27-мъ (36-мъ) правилѣ. Но я думаю, что правила Василя Вел. и Карф. соб. болѣе имѣютъ силы, какъ позднѣйшія и какъ согласующіяся съ Апостол. правиломъ, которое говоритъ, что посвященные, обличенные въ любодѣянніи, извергаются отъ священнаго чина, но не отлучаются отъ общенія церковнаго“. — 20-е пр. Карф. соб. гласитъ; „чтецовъ приходящихъ съ совершенный возрастъ, должно побуждать или по вступленіе съ супружество, или къ обѣту цѣломудрія“. Зонара по поводу этого постановленія замѣчаетъ: „чтобы чтецы, достигающіе совершеннаго возраста, то есть до 14 года, были побуждаемы или вступить съ бракъ, или дать обѣтъ безбрачія, я не знаю, соблюдалось ли въ Африкѣ; а въ прочихъ церквахъ не соблю-

---

что они имѣютъ нужду ожениться, и не могутъ безъ того пребыти: таковыя послѣ сего ожившись, да пребываютъ въ своемъ служеніи, поелику сіе позволено было имъ отъ Епископа. Аще же которые, умолчавъ о семъ и принявъ рукоположеніе съ тѣмъ, чтобы пребыти безъ женитбы, послѣ вступили въ бракъ; таковымъ престати отъ діаконскаго служенія“.

1) Надо замѣтить, что Зонара съ особымъ уваженіемъ относится къ Апостольскимъ правиламъ.

дается; да думаю что никогда не соблюдалось, потому что противорѣчить 26-му Апостольскому правилу, которое опредѣляютъ, что чтецы и пѣвцы могутъ вступать въ бракъ и послѣ вступленія въ клиръ и не опредѣляетъ имъ времени для брака и не требуетъ, чтобы они давали обѣтъ воздержанія“. — Въ толкованіи на 1-е пр. св. Василия Вел., въ которомъ онъ говоритъ, что по вопросу о томъ, должно ли крестить наватіанъ (каваровъ), или нѣтъ, „подобаетъ послѣдовати обычаю каждой страны, потому что о ихъ крещеніи различно думали разсуждавшіе о семъ предметѣ въ свое время“, — замѣчаетъ, что вопросъ этотъ уже разрѣшенъ 2-мъ всел. соборомъ, постановленіе котораго и должно имѣть силу: „... А послѣднее правило 2-го собора говоритъ, что не должно снова крестить ихъ, а только помазывать св. мѣромъ. Безъ сомнѣнія, должно дѣйствовать это послѣднее правило, такъ какъ оно есть позднѣйшее и соборное, и притомъ — вселенскаго собора“. — Тоже самое повторяетъ Зонара въ своемъ толкованіи на 47-е пр. того же святаго.

По приведеннымъ здѣсь толкованіямъ Зонары можно судить, какими выдающимися способностями обладалъ этотъ канонистъ восточной церкви, умѣвшій такъ искусно разрѣшать самые трудные вопросы. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ Зонара оставляетъ вопросъ о противорѣчій правилъ, трактующихъ объ одномъ и томъ же предметѣ, неразрѣшеннымъ, или совершенно умалчивая о существующемъ противорѣчій между канонами, или же только констатируя это противорѣчіе, но не разрѣшая его (Апост. пр. 31-е, 62-е; Халк. 2; Анкир. 19-е, 20-е, 22-е, 23-е, 24-е; Карѣ. 10-е; Аванас. Алекс. изъ 39-е посл. о праздн.; св. Василия Вел. 78-е, 83-е)¹⁾.

1) Такъ, напр., въ толкованіи на 31-е Апост. пр.: „Аще который пресвитеръ, презрѣвъ собственнаго Епископа, отдѣльно собранія творити будетъ, и алтарь иной водрузитъ, не обличивъ судомъ Епископа

Если правило является въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ неполнымъ (напр. не заключаетъ въ себѣ санкціи) ¹⁾, Зонара дополняетъ содержащееся въ немъ постановленіе на основаніи другихъ правилъ [4-го всел. соб. пр. 3-е, 26-е; Анкир. 11-е; Лаодик. 1-е; Сардик. 15-е; Карѳ. 16-е (19-е—23-е), 71-е (82-е)], или дѣлаетъ эти дополненія отъ себя (Трул. 61-е; св.

ни въ чемъ противномъ благочестію и правдѣ: да будетъ *изверженъ* яко любоначальный...“ читаемъ: „...А Гангрскаго собора 6-е пр. тѣхъ, которые, безъ вѣдома своего епископа, не въ католической церкви, а особо устрояютъ собранія, *подвергаетъ и анаемъ*. Подобно и 10-е пр. Карѳагенскаго собора“. Такимъ образомъ, вопросъ о томъ, какому изъ указанныхъ правилъ должно быть отдано предпочтеніе, остается открытымъ.

Въ толкованіи на 20-е пр. Анкир. соб.: „Аще чія жена прелюбодѣйствовала, и кто либо прелюбодѣйствовалъ: таковымъ надлежитъ въ *седмь* лѣтъ пріити въ совершенное общеніе, по степенямъ къ тому ведущимъ“ совершенно не упоминаетъ о 58-мъ пр. св. Василя Вел., въ которомъ послѣдній говоритъ: „Прелюбодѣйствовавшій *пятнадесять* лѣтъ да не пріобщается святыхъ Таинъ...“

1) Различіе санкціи въ однопредметныхъ правилахъ Зонара объясняетъ въ толкованіи на 73-е пр. св. Василя Вел., опредѣляющее наказаніе „падшимъ“ (т. е. отрекшимся отъ христіанства). Но о „падшихъ“ же даютъ постановленія и другія правила, притомъ съ назначеніемъ различныхъ наказаній. „Святый, говоритъ по этому поводу Зонара, повелѣваетъ, что бы безъ ограниченія всѣ, отрeksiеся отъ христіанства, были внѣ общенія во всю жизнь и находились въ числѣ плачущихъ. А священномученикъ Петръ, архіепископъ Александрійскій, дѣлаетъ въ своихъ правилахъ много разграниченій между отрекшимися отъ вѣры и опредѣляетъ для нихъ различныя сроки епитимій: на всю же жизнь не отлучаетъ отъ общенія никого. Точно также и Анкирскій соборъ, будучи древнѣе и священномученика св. Петра дѣлаетъ много различеній между приносящими жертву идоламъ, и опредѣляетъ разные для разныхъ лицъ сроки епитимій, но до смерти не опредѣлил отлучать отъ общенія никого. Но кто нибудь скажетъ, что *отцы положили епитиміи соответственно своему времени; ибо одни были во времена сильныхъ гоненій, когда еще и вѣра не была утверждена, и поэтому относились умѣреннѣе къ тѣмъ, которые падали, снисходя по причинѣ нужды гоненій, а Василій Великій, такъ какъ онъ*

Василія Вел. 27-е)¹⁾; указываетъ на исключенія изъ правилъ (Апост. пр. 20-е, 64-е; Трул. 9-е, 64-е, 68-е; 7-го всел. 21-е²⁾) и отмѣчаетъ правила, утратившія свою силу, или потерпѣвшія ограниченіе въ позднѣйшихъ правилахъ (Апост. пр. 5-е, 85-е; Трул. 16-е, 39-е; въ хр. св. Софіи 1-е; Сардик. 6-е, 14-е; Карѳ. 16-е (19-е—23-е), 37-е (46-е); св. Василія В. 55-е). Наконецъ, въ случаѣ несогласія относительно пониманія того или другого правила, или отдѣльныхъ выраженій въ правилѣ, Зонара входитъ въ подробное разсмотрѣніе спорнаго вопроса и приводитъ существующія по этому вопросу мнѣнія [Апост. пр. 7-е, 65-е; 1-го всел. 2-е; 2-го всел. 3-е; посл. Ефес. соб. къ собору въ Памф.; 4-го всел. 9-е, 17-е, 28-е; Анкир. 17-е;

жилъ въ такое время, когда въѣра распространялась и дѣлалась тверже, а язычество пришло въ крайне стѣсненное положеніе, строже относился къ тѣмъ, кои отрелись отъ вѣры, такъ какъ они падали добровольно и безъ насилія, и поэтому опредѣлялъ, чтобы они оставались внѣ общенія на всю жизнь.

1) Такъ, напр., въ толкованіи на 1-е пр. Лаодик. соб.: „Свободно и законно соединившимся вторымъ бракомъ, а не тайно совокупившимся, по прошествіи непродолжительнаго времени, и по упражненіи въ молитвахъ и постѣ, должно, по снисхожденію, даровати общеніе“ Зонара замѣчаетъ: „Время въ этомъ правилѣ оставлено неопредѣленнымъ. А Василій Вел., въ своемъ 4-мъ пр., говоритъ, что время епитиміи — годъ; а другіе, по его словамъ, опредѣляютъ для второбрачныхъ два года. Но оно должно быть — годъ, когда вступившіе во второй бракъ прежде сего не имѣли предварительно тайнаго совокупленія...“ — Къ 27-му пр. св. Василія Вел.: „О пресвитерѣ, по невѣдѣнію обязавшемся неправильнымъ бракомъ...“ дѣлаетъ дополненіе: „... Но это въ томъ случаѣ, если онъ оставитъ такой бракъ“.

2) Напримѣръ, въ толкованіи на 64-е Апост. пр.: „Аще кто изъ клира усмотренъ будетъ постящимся въ день Господень, или въ субботу, кромѣ единый токмо (великія субботы): да будетъ изверженъ. Аще же мірянинъ, да будетъ отлученъ“ читаемъ: „... Но если кто постится въ опредѣленные дни, можетъ быть, въ продолженіи десяти или восьми дней ради подвига воздержанія, въ такомъ случаѣ къ опредѣленнымъ днямъ причисляются и субботы, и дни Господни. Такъ дѣлали и многіе святые отцы, когда постились и до сорока дней“.

Лаодик. 1-е; Карѣ. 37-е (46); Петра Алекс. 10-е (дополнит. толк.); Аванас. Алекс. къ Аммуну; св. Василия В. 7-е, 70-е¹⁾).

Установивши такимъ образомъ каноническую догму, Зонара входитъ въ разъясненіе казусовъ канонической практики и разрѣшаетъ, согласно съ установленною имъ догмою, разнаго рода вопросы, имѣющіе тѣсную связь съ изъясняемыми правилами и требующіе отвѣта, въ виду современнаго толкователю ихъ практическаго значенія, а также сообщаетъ иногда свѣдѣнія, хотя и не имѣющія непосредственной связи съ изъясняемымъ правиломъ, но весьма полезныя въ практической жизни. Такъ, въ толкованіи на 61-е Апост. пр. „Аще вѣрный обвиняемъ будетъ въ любодѣйствѣ, или въ прелюбодѣйствѣ, или во иномъ какомъ запрещенномъ дѣлѣ, и обличенъ будетъ: да не вводится въ клиръ“ Зонара дѣлаетъ замѣчаніе относительно того, кто не допускается къ обвиненію епископовъ и клириковъ: „... А къ обвиненію епископовъ и клириковъ не должны быть допускаемы ни еретики, кто бы они ни были, ни раскольники, имѣющіе свои особыя собранія, ни отверженные отъ церкви за преступленія, или находящіеся внѣ общенія, если не очистятъ прежде возникшія противъ нихъ обвиненія, будутъ-ли это клирики или міряне; не допускаются также находящіеся подъ судомъ, доколѣ не окажутся непричастными преступленіямъ, по 6-му пр. 2-го всел. собора, бывшаго въ Константинополѣ“.

Относительно 75-го Апост. пр. „Во свидѣтельство противъ Епископа не примати еретика: но и вѣрнаго единаго не довольно...“ замѣчаетъ: „... А я думаю, что нынѣ при

---

1) Напр., въ толкованіи на посланіе Ефес. соб. къ собору въ Памфилии Зонара весьма пространно опровергаетъ мнѣніе „нѣкоторыхъ“ возводившихъ исключеніе, сдѣланное Ефесскимъ соборомъ по отношенію къ Евстафію, въ общее правило и говорившихъ, что епископамъ дано право отречься отъ своихъ церквей, а архіерейство удерживать. Толкованіе Зонары представляетъ цѣлый трактатъ по этому вопросу.

обвиненіяхъ, вслѣдствіе которыхъ священнослужители подлежатъ лишенію ихъ степени, и двухъ свидѣтелей недостаточно, хотя бы они были вѣрные и безукоризненные“.

Въ толкованіи на 8-е пр. 4-го всел. соб. „Клирики при богадѣльняхъ, монастыряхъ и храмахъ мученическихъ, да пребываютъ, по преданію Святыхъ отецъ, подъ властію Епископовъ каждаго града и да не исторгаются, по дерзости, изъ подъ управленія своего Епископа. А дерзающіе нарушати сіе постановленіе, какимъ бы то ни было образомъ, и не подчиняющіеся своему Епископу, аще будутъ клирики, да подлежатъ наказаніямъ по правиламъ: аще же монашествующіе, или міряне, да будутъ отлучены отъ общенія Церковнаго“ Зонара объясняетъ, почему настоящее правило упоминаетъ о мірянахъ; онъ пишетъ: „. . . А какимъ образомъ, разсуждая о клирикахъ, правило упомянуло о мірянахъ? Думаю, что мысль отцевъ была такова: они полагали, что клирики не сами по себѣ осмѣливаются безстыдно возставать противъ архіереевъ и исторгаться изъ подъ власти ихъ, а по вліянію, можетъ быть, какихъ либо сильныхъ людей, которые своимъ могуществомъ внушаютъ имъ смѣлость, или лучше дерзость на такое самовольство; и такихъ то мірянъ правило подвергаетъ отлученію“.

Въ толкованіи на 17-е пр. того же собора Зонара объясняетъ, что такое деревенскіе и сельскіе приходы, при чемъ излагаетъ, повидимому, не свое, но общепринятое мнѣніе: „говорять, что деревенскими приходами называются приходы, лежащіе на окраинахъ епархіи и имѣющіе небольшое число обитателей, которые называются также однодворными (*μονοδμοια*), а сельскими тѣ, которые прилегаютъ къ полямъ и селамъ и имѣютъ больше жителей“.

Въ толкованіи на 87-е пр. Трул. соб. относительно словъ этого правила: „. . . Аще убо усмотрѣно будетъ, яко (жена) оставила мужа безъ вины: то онъ достоинъ снисхожденія, а она епитиміи“ замѣчаетъ: „. . . Такимъ образомъ, по противоположенію, можно заключать, что, если она не безъ основа-

нія удалилась отъ мужа, который можетъ быть не въ мѣру раздражителенъ былъ противъ нея, или худо обращался съ нею, или имѣла какія либо другія причины къ тому со стороны мужа, въ такомъ случаѣ она будетъ невиновна, если сдѣлалась женою другого, а мужъ долженъ быть подвергнутъ епитиміи, потому что самъ былъ виновникомъ грѣха своей жены“.

Въ толкованіи на 4-е пр. Антиох. соб. указываетъ порядокъ суда надъ епископами, пресвитерами и діаконами: „Для суда надъ епископами, подвергшимися обвиненію въ преступленіяхъ, требуется соборъ, который судить и рѣшаетъ; а пресвитеры и діаконы, и прочіе клирики судятся своимъ епископомъ и ему дана власть произносить судъ. А если осужденные говорятъ, что потерпѣли несправедливость, въ такомъ случаѣ приговоръ разсматривается митрополитомъ и соборомъ той области, по 6-му пр. сего собора и по 3-му и 5-му пр. собора Сардикійскаго“.

Относительно 5-го пр. Сардик. соб. (говорящаго, между прочимъ, объ аппелляціи къ римскому престолу) замѣчаетъ: „... На основаніи этого правила, архіереи древняго Рима съ надменностію утверждаютъ, что имъ предоставлено, чтобы всѣ отзывы епископовъ представляемы были къ нимъ, ложно говоря, что это правило принадлежитъ первому вселенскому Никейскому собору. Это было предложено на соборѣ, собравшемся въ Карфагенѣ, и было обличено въ невѣрности, какъ показываетъ запись, предваряющая правила этого собора. И такъ, это правило и не принадлежитъ Никейскому собору, и не всѣ отзывы епископовъ предоставляетъ ему, но подчиненныхъ ему...“

О 25-мъ (34) пр. Карф. соб. „... иподіаконы священнымъ тайнамъ прикасающіеся, и діаконы и пресвитеры, также и Епископы, по свойственному каждой изъ сихъ степеней правилу, да воздерживаются отъ женъ своихъ, и да будутъ, яко не имѣющіе ихъ: и аще сего не сотворять, то да будутъ извержены отъ церковнаго чина...“ говорить: „... Если это

правило понимать такъ, что посвященные должны воздерживаться отъ своихъ женъ во время совершенія Св. Таинъ, то оно должно имѣть силу и у насъ, а если оно говоритъ о томъ, что они должны совершенно разлучаться отъ своихъ сожительницъ, то оно должно быть выдѣлено изъ числа правилъ, какъ противорѣчащее и апостольскимъ, и соборнымъ правиламъ“.

Въ толкованіи на 28-е (37) пр. того же собора, въ которомъ, между прочимъ, говорится: „... переносящіе дѣло къ судамъ по ту сторону моря (въ Римъ), никѣмъ въ Африкѣ да не пріемлются въ общеніе“ замѣчаетъ: „...Этимъ унижается надменность римской церкви, которая величается тѣмъ, что ей дано право разсматривать всѣ апелляціи. Ибо если не дозволяется ей разсматривать жалобы африканскихъ клириковъ, такъ какъ и Римъ по отношенію къ Африкѣ лежитъ за моремъ, то тѣмъ паче они не должны имѣть такого права надъ другими странами“.

Въ толкованіи на 3-е пр. Діонисія Александр.: „Вступившіе же въ бракъ сами себѣ должны быти довлѣющими судіями. Ибо они слышали Павла пишушаго, яко подобаетъ воздерживатися другъ отъ друга, по согласію, до времени, дабы упражнятся въ молитвѣ, и потомъ паки купно быти“ Зонара предостерегаетъ противъ неправильнаго пониманія настоящаго правила: „... Можетъ быть, пишетъ онъ, кто скажетъ, что такъ какъ Апостоль говоритъ: *непрестанно молитесь*, то и сожительствующіе должны всегда воздерживаться другъ отъ друга, когда молятся. Но Апостоль здѣсь говоритъ не о всякой молитвѣ, а только о молитвѣ усерднѣйшей, каковая должна быть въ слезахъ и стенаніяхъ; ибо не всегда, конечно, они будутъ такъ молиться, а говоря о постѣ, разумѣетъ тотъ, который бываетъ въ опредѣленные времена или когда кто изъ супруговъ намѣренъ причаститься таинъ“.

Въ толкованіи на 2-е пр. св. Василия В. „Умышленно погубившая зачатый во утробѣ плодъ, подлежитъ осужденію смертоубійства . . .“ объясняетъ, какъ развивается зародышъ;

онъ пишетъ: „... сѣмя, повергаемое въ утробу, сначала обращается въ кровь, потомъ сгущается въ безформенную плотъ, затѣмъ начинаетъ принимать образъ и слагаться въ члены и суставы“.

Въ толкованіи на 10-е пр. того же святаго подробно объясняетъ, въ чемъ состояло дѣло Севира, о которомъ упоминаетъ правило.

Въ толкованіи на 13-е пр. того же святаго: „Убіеніе на брани Отцы наши не вмѣнили за убійство, извиняя, какъ мнится мнѣ, поборниковъ цѣломудрія и благочестія. Но можетъ быть добро было бы совѣтовати, чтобы они, какъ имѣющіе нечистыя руки, три года удержались отъ пріобщенія токмо святыхъ таинъ“ Зонара указываетъ на ту пользу, какую оказалъ изложенный въ настоящемъ правилѣ совѣтъ Василія В. (не имѣвшій, впрочемъ, примѣненія въ церковной практикѣ) тѣмъ, кто защищалъ церковныя преданія: „... когда императоръ Никифоръ Фока сталъ требовать, чтобы убиваемые на войнѣ причислялись къ мученикамъ и, подобно имъ, были чтимы и прославляемы, тогдашніе архіереи представляли съ своей стороны, что такое чествованіе было бы несправедливо, и, не бывъ выслушаны, воспользовались наконецъ словами Василія В., какъ правиломъ, говоря: какимъ образомъ мы можемъ причислить къ мученикамъ падшихъ на войнѣ, когда Василій В. отлучилъ ихъ на трехлѣтіе отъ таинствъ, какъ имѣющихъ нечистыя руки“.

Относительно 69-го пр. того же святаго: „Чтець, аще прежде брака смѣсится съ своею обручницею, по отлученіи на едино лѣто отъ служенія, пріимется въ чтеца, но да пребудетъ безъ производства въ высшія степени. Если же безъ обрученія тайно смѣсится, да престанетъ служити. Такожде и иподіаконъ“ замѣчаетъ: „... А опредѣленіе объ иподіаконѣ, именно то—что онъ лишается служенія, если тайно смѣсится, должно отнести къ одному факту, такъ какъ иподіакону не позволяется послѣ рукоположенія обручаться съ женою и заключать бракъ“.

Поставивши своею задачею изъясненіе канонической Синтагмы, Зонара обращается къ гражданскимъ законамъ вообще довольно рѣдко, причеиъ обыкновенно не дѣлаетъ точныхъ ссылокъ на дѣйствующій гражданскій кодексъ — Базилики (какъ это встрѣчаеиъ у Вальсамона), а, истолковавши правило, прибавляетъ только, что и гражданскіе законы запрещаютъ или постановляютъ тоже самое ¹⁾; болѣе опредѣленныя ссылки на гражданскіе законы, съ точнымъ обозначеніеиъ мѣстъ Базиликъ цифрами, мы находимъ у Зонары въ толкованіяхъ на слѣдующія правила: Апост. 84-е; 2-го всел. 3-е; 4-го всел. 10-е, 18-е, 24-е; Трул. 16-е, 93-е, 94-е, 97-е; Антиох. 4-е; Лаод. 1-е; Карѳ. 15-е (15-е—18-е), 22-е (31-е), 56-е (70-е), 71-е (82-е), 81-е (92-е), 102-е (115-е), 106-е (119-е и 120-е), 122-е (136-е); въ хр. св. Апост. 1-е, 6-е; св. Василія В. 9-е, 22-е, 50-е, 87-е; Григорія Нисскаго 7-е ²⁾.

Изрѣдка Зонара сообщаетъ нѣкоторыя юридическія свѣдѣнія, изъ которыхъ можно заключить, что этотъ толкователь былъ основательно знакомъ съ дѣйствовавшимъ тогда свѣтскимъ правомъ (заключеніе тѣмъ болѣе вѣроятное, что и самая должность великаго друнгарія, которую онъ занималъ, несомнѣнно требовала основательнаго теоретическаго и практическаго знакомства съ правомъ страны).

Такъ, напр., въ толкованіи на 6-е пр. 2-го всел. соб. Зонара устанавливаетъ различіе между частными дѣлами (*δίκαι ιδιωτικάι*) и дѣлами о преступленіяхъ, т. е. уголовными (*δίκαι ἐγκληματικάι*), подразумѣвая подъ первыми дѣла о денежномъ убыткѣ, а подъ вторыми тѣ, которыя причиняютъ ущербъ правамъ состоянія обвиняемаго. Это различіе имѣло весьма важное значеніе въ вопросѣ о требованіяхъ, предъявляемыхъ

1) Апост. пр. 5-е, 6-е, 19-е, 20-е, 24-е, 67-е, 82-е; 1-го всел. 6-е; 4-го всел. 3-е, 27-е; Трул. 86-е; 7-го всел. 8-е; Анкир. 16-е; Неокс. 9-е; Гангр. 21-е; Лаод. 29-е; Карѳ. 32-е (41-е), 92-е, (103-е), 96-е (107-е), 124-е (144-е), 131-е (146-е); въ хр. св. Апост. 8-е; св. Василія В. 25-е, 31-е, 46-е.

2) Въ толкованіи на 50-е пр. св. Василія В. Зонара ссылается на новеллу Константина Порфиророднаго.

къ обвинителю лица духовнаго званія; по дѣламъ перваго рода обвинителемъ могъ быть всякій, даже невѣрный или еретикъ, также отлученный; по дѣламъ же втораго рода никто изъ этихъ лицъ (неправославныхъ) обвинителемъ быть не могъ; кромѣ того, въ такихъ дѣлахъ отъ обвинителя требовалась полная безукоризненность прежняго его поведенія.

Въ толкованіи на 3-е пр. 4-го всел. соб. Зонара даетъ понятіе объ опекаѣ и попечительствѣ.

Въ толкованіи на 18-е пр. того же собора даетъ опредѣленіе соумышленія и скопища (не совсѣмъ, впрочемъ, удовлетворительное).

Въ толкованіи на 98-е пр. Трул. соб. устанавливаетъ различіе между обрученіемъ и простымъ сговоромъ (*δευροί*), безъ поцѣлуя и передачи задатка; въ первомъ случаѣ, лицо вступившее въ бракъ съ обрученною, при жизни перваго ея обручника, подлежало обвиненію въ прелюбодѣянніи; во второмъ такого обвиненія быть не могло.

Въ толкованіи на 87-е (98) пр. Карѣ. соб. высказываетъ мысль, что обвиняемый только послѣ судебного приговора лишается своихъ правъ и преимуществъ; въ частности, относительно епископа говоритъ, что хотя бы онъ попалъ подъ обвиненіе, но пока не будетъ оконченъ судъ противъ него, онъ остается епископомъ и не лишается своей каѳедры.

Что касается самыхъ церковныхъ правилъ, то Зонара различаетъ ихъ по сферѣ дѣйствія: такъ о 17-мъ (24-мъ), 117-мъ и 118-мъ (131-мъ и 132-мъ) пр. Карѣ. соб. говоритъ, что правила эти мѣстныя и имѣютъ силу только въ той странѣ, для которой изданы; о 3-мъ пр. Трул. соб., — что оно „утратило силу, какъ временное и опредѣленное по снисхожденію для тогдашняго времени, но не долженствовавшее сохранять силу и на послѣдующее время“¹⁾; о 88-мъ (99-мъ) пр. Карѣ. соб. замѣчаетъ, что это правило личное.

1) Правила св. всел. соб., стр. 292 и 293.

Критики правилъ Зонара себѣ почти не позволяютъ. Только въ толкованіи на 13-е пр. св. Василия Вел., въ которомъ воинамъ, убившимъ на полѣ брани, совѣтуется три года удерживаться отъ приобщенія, онъ замѣчаетъ, находя, что „этотъ совѣтъ представляется тяжкимъ“; онъ можетъ, по словамъ Зонары вести къ тому, что воины никогда не будутъ имѣть возможность причащаться божественныхъ даровъ, и въ особенности лучшіе тѣ, которые отличаются отвагою: ибо они никогда не будутъ имѣть возможность въ теченіе трехъ лѣтъ прожить въ мирѣ... Зачѣмъ считать имѣющими нечистыя руки тѣхъ, которые подвизаются за государство и за братьевъ, чтобы они не были захвачены непріятелями, или чтобы освободить тѣхъ, которые находятся въ плѣну? Ибо если они будутъ бояться убивать варваровъ, чтобы чрезъ это не оскверняютъ своихъ рукъ, то все погибнетъ и варвары всѣмъ овладѣютъ“. — Болѣе краткія критическія замѣчанія сдѣланы также Зонарой въ толкованіяхъ: на 10-е пр. Сардикійскаго собора, 55-е и 91-е пр. св. Василия Вел., 8-е пр. Григорія Нисскаго.

Разсматривая извѣстный поступокъ, Зонара обсуждаетъ его съ точки зрѣнія мотивовъ, смотря по которымъ одно и тоже дѣйствіе можетъ быть въ однихъ случаяхъ осуждаемымъ, а въ другихъ даже похвальнымъ ¹⁾, и высказываетъ въ выс-

1) Въ толков. на 20 Апост. пр. „Поручительство, говоритъ Зонара, даютъ или за себя, или за другаго; кто даетъ поручительство за другаго, дѣлаетъ это или изъ за прибыли или изъ любви, по которой намъ заповѣдано и души наши полагать за братій нашихъ. И такъ запрещено вмѣсто другаго поставить себя, или сдѣлать себя повиннымъ, напр., за мытаря. Быть мытаремъ — древнее зло; а мытарями называются тѣ, которые берутъ на откупъ собраніе народныхъ податей. Если они не имѣютъ наличнаго имущества, то отъ нихъ требуютъ поручительства и они приводятъ кого нибудь, кто закладываетъ за нихъ имущество. И такъ это и подобное этому запрещено клирикамъ, дабы они не вдавались въ безпокойныя дѣла, избѣгали придирокъ и судебныхъ кляузъ: ибо въ такомъ случаѣ они даютъ подозрѣніе, будто при-

шей степени гуманное положеніе: „лучше оставлять грѣхъ ненаказаннымъ, чѣмъ наказывать кого либо безъ вины“¹⁾.

Поставивъ себѣ задачу написать толкованія только на Синтагму церковныхъ правилъ, а не на Номоканонъ, Зонара въ своемъ трудѣ совершенно не входитъ въ разсмотрѣніе вопроса объ отношеніи каноновъ къ законамъ.

Въ заключеніе, для полноты характеристики толкованій Зонары, укажемъ еще на слѣдующія особенности его комментарія.

Обладая обширными знаніями, Зонара, гдѣ представляется возможность, спѣшитъ подѣлиться ими съ читателемъ; въ своихъ толкованіяхъ онъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія по исторіи гражданской и церковной²⁾, знакомитъ съ древними

нимають это на себя изъ за корысти, а корыстолюбивыми клирикамъ быть не должно. Посему таковыя и подвергаются изверженію. Но если клирикъ, кѣмъ либо привлекаемый къ суду, будетъ просить за себя поручительства въ томъ, что онъ явится въ судъ къ судебному за-сѣданію, въ такомъ случаѣ давшій поручительство не будетъ самъ подлежать епитиміи; поелику и божественные отцы, собравшіеся на четвертомъ вселенскомъ соборѣ, и бывшіе съ ними царскіе совѣтники требовали отъ египетскихъ епископовъ поручательства въ томъ, что они явятся на судъ, или, если такового кто изъ нихъ не имѣетъ и проситъ дать отсрочку, призывали дать клятву. Но если клирикъ встрѣтитъ чело-вѣка, котораго влекутъ къ суду и который проситъ поручительства въ томъ, что явится, — или о чемъ либо другомъ, или чело-вѣка, котораго сажаютъ въ тюрьму за то, что не можетъ представить поручительства, и, умилосердившись надъ страждущимъ, себя самого предложить пору-кою за него, бывъ преклоненъ несчастіемъ страждущаго; въ томъ слу-чаѣ, не думаю, чтобы онъ былъ извергнутъ, но будетъ принять отъ Бога и благомыслящихъ людей, какъ исполнившій евангельскую запо-вѣдь. И свѣтскій законъ повелѣваетъ, чтобы клирики, подлежащіе суду, давали за себя поручительство“.

1) Прав. св. помѣст. соб., стр. 91.

2) 2-го всел. соб. пр. 4-е, 5-е и др. Изъ церковныхъ историковъ Зонара два раза называетъ Евсевія, сына Памфилова (1-го всел. соб. пр. 8-е и предис. къ Антиох. соб.).

церковными обычаями; иногда описывает нравы и обычаи современнаго ему общества, будничную и праздничную жизнь его; порицает нѣкоторые виды зрѣлищъ и увеселеній, на которыя были весьма падки его современники; жалуется на упадокъ церковной дисциплины и на несоблюденіе церковныхъ правилъ, неудовлетворительное состояніе нравовъ духовенства, суевѣрія и предрасудки общества, и рисуетъ, такимъ образомъ, въ своихъ толкованіяхъ картину общественной жизни XII вѣка (1-го всел. соб. 5-е; 4-го всел. 3-е, 12-е, 26-е; Трул. 51-е, 96-е; Неокес. 7-е; Лаодик. 36-е, 40-е; въ хр. св. Апост. 5-е)¹⁾.

Нельзя при этомъ не поставить въ заслугу знаменитому канонисту той независимости въ сужденіяхъ, которая проглядываетъ въ его толкованіяхъ; въ смѣлыхъ выраженіяхъ высказывается онъ о царской власти того времени: „царская власть, говоритъ онъ, перешла въ тираннію, а сенатъ стѣс-

---

1) Въ толкованіи на 96-е пр. Трул. соб. Зонара, развивая мысль правила, запрещающаго суетное украшеніе волосъ, осуждаетъ и обличаетъ тѣхъ, кто „нынѣ подкрашиваетъ и убираетъ волосы, прилагая все стараніе къ тому, чтобы волосы были длинные и чтобы подобно женщинамъ имѣть кудри, спускающіяся до пояса. . .“ „А это дѣлается, продолжаетъ Зонара, не у простыхъ только людей, но и людей высшаго состоянія. Почему это зло, распространившись, сдѣлалось все-народнымъ и, какъ какая-нибудь эпидимическая болѣзнь, заразившая носящихъ Христово имя, пожираетъ почти всѣхъ“. Далѣе обличается слабость духовныхъ лицъ, допускающихъ нарушить настоящее правило: „отцы сего собора, заключаетъ свое толкованіе Зонара, отечески наказываютъ дѣлающихъ то, о чемъ они выше сказали, и подвергаютъ отлученію. А нынѣшніе отцы не только оставляютъ безъ наказанія тѣхъ, которые дѣлаютъ съ волосами на головѣ и бородѣ исчисленное выше и допускаютъ еще большее безстыдство и въ такомъ видѣ входятъ въ церкви, но и преподаютъ имъ благословеніе (и верхъ не умѣстности!) даже преподаютъ святыя тайны, если кто изъ нихъ желаетъ причаститься. И этого не возбраняетъ никто, ни патріархъ, ни другіе архіереи, ни монахи, которыхъ имѣютъ духовными отцами люди такъ безстыдно поступающіе“.

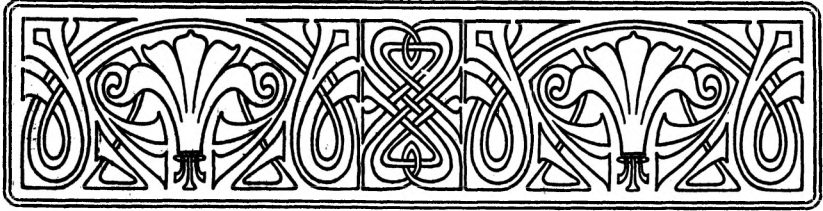
ненъ и потерялъ свое значеніе“¹⁾, и открыто порицаетъ нарушителей церковныхъ правилъ, не обращая вниманія на важность занимаемаго ими положенія въ обществѣ. Такъ, въ толкованіи на 3-е пр. Халкид. соб. онъ пишетъ: „... и до нынѣ это зло (занятіе духовныхъ лицъ мірскими дѣлами) бываетъ, и никто онаго не пресѣкаетъ, ни патріархъ, ни царь, ни епископъ: въ пренебреженіи оставляется толикое количество правилъ, и съ лицами, подлежащими въ силу этихъ правилъ изверженію, вмѣстѣ служатъ и имѣютъ общеніе патріархи и епископы“; въ толкованіи на 7-е пр. Неокес. соб., воспрещающее пресвитеру пиршествовать на бракѣ двоюженца, говоритъ: „... но такъ на письмѣ; а мы видѣли и патріарха, и различныхъ митрополитовъ, пиршествовавшихъ съ царемъ, вступившимъ во второй бракъ“.

Заслуживаетъ особаго вниманія и та добросовѣстность, съ которою Зонара относится къ своему труду. Въ своихъ выводахъ и заключеніяхъ онъ весьма остороженъ и тамъ, гдѣ разрѣшеніе какого либо вопроса вслѣдствіе недостатка матеріала или какихъ либо иныхъ причинъ было ему не по силамъ, откровенно заявляетъ объ этомъ²⁾.

Вообще, задача, поставленная Зонарою — комментированіе канонической Синтагмы, — была исполнена имъ такъ удачно, что даже знаменитый Вальсамонъ нерѣдко ограничивается только буквальнымъ повтореніемъ его толкованій.

1) Правила св. вселен. соборовъ, стр. 245.

2) Прав. св. помѣст. соб., стр. 51.

Глава V.

Комментарій Вальсамона.

I.

Биографическія свѣдѣнія о Теодорѣ Вальсамонѣ и обстоятельства, вызвавшія появленіе его труда.

Ὁ σοφὸς νομοφύλαξ . . . Βαλσαμών, ὁ ἐν νόμοις τε καὶ κά-
νοσι μάλιστα πολυμαθέστατος καὶ σοφώτατος. (Отзывъ о
Вальсамонѣ патриарха Филовея. См. Frehegus. Jug.
gtaesogom. I, стр. 288. Ῥάλλη. Σύσταγμα. V, стр. 128).

Теодоръ Вальсамонъ является послѣднимъ по времени, но первымъ по важности, между толкователями каноническаго кодекса Восточной церкви. Онъ былъ родомъ изъ Константинополя, и, въ дополнительномъ толкованіи на 28-е пр. Халкид. соб., самъ называетъ себя „чистѣйшимъ“ гражданиномъ этого города¹⁾).

Здѣсь же, вѣроятно, онъ началъ свое церковное служеніе и, пройдя въ короткое время лѣстницу низшихъ духов-

---

1) Вальсамонъ говоритъ здѣсь: „... А я, съ своей стороны, будучи *чистѣйшимъ гражданиномъ Константинополя*, и, по благодати Божіей, сдѣлавшись частію святѣйшаго престола Константинопольскаго благопотребнѣйшею, хочу и молюсь, чтобы Константинопольскій патриархъ безъ соблазна имѣлъ всѣ преимущества, дарованныя ему божественными правилами“. Правила св. всел. соб. съ толков., въ русскомъ переводѣ, стр. 249.

ныхъ должностей, при императорѣ Мануилѣ Комнинѣ, былъ уже патріаршимъ номофилаксомъ и хартофилаксомъ¹⁾. Должность хартофилакса Константинопольскаго патріарха была одною изъ самыхъ почетнѣйшихъ въ Восточной церкви; уже одно призваніе къ этой должности указывало на признаніе въ призываемомъ духовномъ лицѣ особенныхъ способностей, обширныхъ знаній и практической опытности²⁾.

Громкая извѣстность, какъ величайшаго знатока церковнаго и свѣтскаго права, открыла Вальсамону доступъ къ высшимъ іерархическимъ званіямъ, и въ 1193 году, при императорѣ Исаакѣ Ангелѣ, онъ возведенъ былъ въ санъ патріарха Антиохійскаго, но оставался жить въ Константинополѣ, такъ какъ Антиохія въ то время была занята крестоносцами, которые поставили тамъ своего латинскаго патріарха, а греческаго не пустили³⁾. По свидѣтельству Никиты Хоніата, тотъ же Исаакъ Ангелъ хотѣлъ возвести Вальсамона даже на Константинопольскій патріаршій престолъ⁴⁾.

1) Такъ называется онъ въ надписаніи его комментарія. Патріархъ Филофей въ опроверженіи анаематизмовъ, написанныхъ Арменопуломъ, называетъ Вальсамона мудрымъ номофилаксомъ (Freherus. I, стр. 288). Въ своемъ толкованіи на 1-е правило 1-го вселенскаго Нікейскаго собора Вальсамонъ говоритъ, что онъ исполнялъ должность хартофилакса (Правила св. всел. соб., стр. 9). Въ одномъ же изъ своихъ размышленій онъ прямо говоритъ, что былъ хартофилаксомъ въ то время, когда патріархомъ Константинопольскимъ былъ Θεодосій, который занималъ кафедру съ 1178 по 1183 годъ (Freherus. I, стр. 469).

2) О должностяхъ хартофилакса и протѣкдика Вальсамонъ составилъ также особую книгу, о которой упоминаетъ въ толкованіи на 75-е (86-е) пр. Карѣ. соб. Книга эта напечатана у *Ῥάλλη καὶ Ποτλή* (Σ. IV, стр. 530—541), подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Τοῦ αὐτοῦ μελέτη χάριν τῶν δὲο ἀρφηκίων, τοῦ τε χαρτοφύλακος καὶ τοῦ πρωτεκδικου*, т. е. сочиненіе того же самаго (Вальсамона) о двухъ должностяхъ хартофилакса и протѣкдика.

3) Предшественникъ Вальсамона патріархъ Христофоръ былъ отравленъ латинянами.

4) Ersch und Gruber. Allgem. Encyclopaedie. Ч. 86, стр. 391

Относительно обстоятельствъ, при которыхъ это происходило, Никита Хоніатъ даетъ подробныя свѣдѣнія, весьма интересныя для ха-

Вальсамонъ оставилъ много важныхъ каноническихъ со-

рактистики Θεодора Вальсамона и объясняющія ту тенденціозность, какую, какъ увидимъ ниже, мы замѣчаемъ въ нѣкоторыхъ его толкованіяхъ по вопросу объ отношеніи между государствомъ и церковью.

Свергнувъ съ патріаршаго престола нѣсколькихъ патріарховъ, Императоръ Исаакъ Ангелъ рѣшилъ возвести на Константинопольскую кафедру Іерусалимскаго патріарха Досіея (который вошелъ въ великую честь у императора, послѣ того какъ, будучи еще инокомъ, предсказалъ Исааку, еще до полученія имя верховной власти, императорскую корону, и предсказаніе это исполнилось). Но зная, что церковные каноны этого не дозволяютъ, читаемъ мы у Никиты Хоніата, царь лукаво обратился къ занимавшему въ то время патріаршій престолъ града Божія, великой Антіохіи, Θεодору Вальсамону, знаменитѣйшему изъ всѣхъ тогдашнихъ законовѣдовъ. Въ бесѣдѣ съ нимъ, наединѣ, онъ притворился горюющимъ о томъ, будто церковь такъ оскудѣла въ людяхъ благочестивыхъ и разумныхъ, и монашескія доблести стали такъ рѣдки и незамѣтны, что уже нѣтъ по прежнему такого свѣтила, которое бы, какъ солнце, имѣло постоянство въ своемъ движеніи, или челоуѣка, который бы могъ сѣсть у кормила священнаго престола и твердою рукою направлять путь всего сонма вѣрующихъ. Печально выставивъ на видъ и другія подобныя наблюденія, царь прибавилъ, что давно уже имѣлъ намѣреніе съ кафедры Антіохійской вознестъ его (Вальсамона) на вселенскую высоту, какъ свѣтильникъ, сіяющій лучами законовъ, но удерживался только потому, что подобныя перемѣщенія издревле воспрещены канонами и считаются противорѣчущими церковнымъ законоположеніямъ; а если бы Θεодоръ, какъ досконально изучившій законы и каноны, могъ доказать, что такое перемѣщеніе, какъ прежде когда нибудь имѣло мѣсто, такъ можетъ быть умѣстно и теперь, и счумѣлъ бы склонить на это мысли большинства, то онъ, царь, счелъ бы такое дѣло истинною находкою для себя и немедленно, безъ всякихъ разбирательствъ, распорядился бы его производствомъ. Такимъ то образомъ подступилъ царь къ Θεодору (Вальсамону) Антіохійскому, и тотъ нашелъ, что все это очень можно уладить. На другой же день начались собранія архіереевъ по разнымъ священнымъ палатамъ, соборы, розысканія о перемѣщеніи; тотчасъ же было все разрѣшено; послѣдовало опредѣленіе съ изъявленіемъ высочайшаго соизволенія, и — Θεодоръ Антіохійскій остался по прежнему Антіохійскимъ, на Константинопольскую кафедру былъ переведенъ съ Іерусалимской Досіея, при такой пышной и многолюдной процессіи, что она не уступала царскимъ триумфамъ, а архіереи, омороченные

чинений¹⁾; замѣчательнѣйшимъ изъ нихъ являются его толкованія на полный составъ церковныхъ правилъ (на Синтагму) и на Номоканонъ Фотія.

Порученіе написать комментарий на упомянутыя части труда Фотія Вальсамонъ получилъ отъ императора Мануила Комнина еще до своего патріаршества²⁾.

Объ этомъ порученіи, обстоятельствахъ, которыми оно

и понапрасну нарушившіе каноны, только разинули рты отъ изумленія". (Истор. Никиты Хон. II, стр. 67—69.)

1) Во время своего патріаршества (Mortreuil. Hist. du dr. byz. T. III, стр. 490) Вальсамонъ написалъ размышленія о разныхъ каноническихъ предметахъ, о правахъ патріарховъ, о бракѣ и проч. Въ 1195 г. (Mortreuil. III, стр. 490) онъ написалъ отвѣты на 64 вопроса Марка, патріарха Александрійскаго. Кромѣ того, Вальсамонъ написалъ толкованія на „вопросы нѣкоторыхъ монаховъ, подвизавшихся внѣ города, и отвѣты на нихъ патр. Николая и Константинопольскаго собора“. (Всѣ эти статьи изданы у Migne. Patrol. curs. compl. ser. gr., т. 138 и у *Ῥάλλη καὶ Ποτλῆ* въ ихъ *Σύνταγμα κανόνων*. Т. IV.) Долгое время Вальсамону неправильно приписывали также составленіе *Collectio constitutionum ecclesiasticarum*.

2) Этотъ комментарий надписывается такими словами: *Ἐξηγήσις τῶν ἱερῶν καὶ θεῶν κανόνων τῶν τε ἁγίων καὶ πανευφήμων Ἀποστόλων, καὶ τῶν ἱερῶν οἰκουμενικῶν συνόδων, ἀλλὰ μὴν καὶ τῶν τοπικῶν ἤτοι μερικῶν, καὶ τῶν λοιπῶν ἁγίων πατέρων πρὸς δὲ καὶ δήλωσις τῶν ἐνεργούντων, τῶν ἀναταττομένων ἐν τοῖς δέκα πρὸς τοὺς τέσσαρσι τίτλοις τοῖς κατ' ἀρχὴν τῶν κανόνων κειμένοις, πονηθεῖσα κατὰ πρόσταξιν βασιλικὴν καὶ πατριαρχικὴν Θεοδόρου τῷ εὐτελεῖ διακόνῳ τῆς ἁγιωτάτης τοῦ Θεοῦ μεγάλης ἐκκλησίας, Νομοφύλακι, χαρτοφύλακι, καὶ πρώτῳ τῶν Βλαχερνῶν τῷ Βαλσαμών, τῷ μετὰ χρόνους τινὰς γεγονότι Πατριάρχῃ Θεουπόλεως μεγάλης Ἀντιοχείας, καὶ πάσης Ἀνατολῆς — Изъясненіе священныхъ и божественныхъ правилъ, — святыхъ и всехвальныхъ Апостоловъ, и священныхъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ или частныхъ, и прочихъ святыхъ отцевъ; и кромѣ того, указаніе законовъ дѣйствующихъ и не дѣйствующихъ, содержащихся въ 14 титулахъ, помѣщенныхъ предъ правилами, составленное по повелѣнію царскому и патріаршему Θεодоромъ, смиреннымъ діакономъ святѣйшей Божіей великой церкви, номофилаксомъ, хартофилаксомъ и игуменомъ Влахернскимъ, Вальсамономъ, бывшимъ спустя нѣсколько времени патріархомъ града Божія, великой Антіохіи и всего Востока“.*

было вызвано, а также и о цѣли своихъ толкованій Вальсамонъ говоритъ довольно подробно самъ въ предисловіи къ комментарію Номоканона и въ толкованіи на 9 главу I тит. Номоканона. Сказанное Вальсамономъ передадимъ здѣсь вкратцѣ.

Начавши свое предисловіе съ изреченія Ап. Павла: „Повинуйтесь наставникамъ вашимъ и покоряйтесь“ и указавши на безусловное повиновеніе царямъ и патріархамъ, какъ на необходимое послѣдствіе, вытекающее изъ упомянутыхъ словъ Апостола, Вальсамонъ говоритъ далѣе, что, слѣдуя этому Апостольскому повелѣнію, смѣло принялъ онъ на себя порученіе императора Мануила Комнина и патріарха Михаила Анхіала — комментировать Синтагму и Номоканонъ патріарха Фотія. При комментированіи канонической Синтагмы, онъ долженъ былъ восполнить недостатокъ толкованій Зонары — именно, указать на отношеніе между канонами и гражданскими законами, а при объясненіи Номоканона, точно отмѣчать, какіе изъ содержащихся въ немъ законовъ Юстиніана приняты въ Базилики и какіе не приняты, такъ какъ эти послѣдніе, утративъ практическое значеніе, производили только недоразумѣніе и пререканія въ церковной практикѣ. Такого рода пререканіе произошло по дѣлу Амасійскаго митрополита Льва; дѣло это, о которомъ Вальсамонъ подробно рассказываетъ въ толкованіи на 9 гл. I тит. Номоканона, и послужило главнымъ поводомъ къ комментированію Номоканона по указанной программѣ. Именно, упомянутый митрополитъ въ продолженіи цѣлаго года, не смотря на внушенія патріарха, не замѣщаль вакантной епископской каѳедры. Тогда патріархъ, на основаніи 123-ей новеллы Юстиніана, приведенной въ указанномъ мѣстѣ Номоканона, счелъ себя въ правѣ рукоположить епископа на эту каѳедру, помимо митрополита. Однако митрополитъ протестовалъ на томъ основаніи, что эта новелла Юстиніана не принята въ Базилики, и, слѣдовательно, потеряла всякое значеніе. Патріархъ отвѣтилъ, что ему нѣтъ дѣла до Базиликъ, что церковь управляется Номоканономъ, законы котораго, издревле принятые и кано-

низованные церковью, не могут быть отмѣнены позднѣйшимъ законодательствомъ. Съ этимъ не согласился синодъ. Дѣло перешло въ совѣтъ императора и рѣшено было неблагоприятно для патріарха. Послѣдній уступилъ, но, видя необходимость устранить поводы къ дальнѣйшимъ подобнымъ пререканіямъ, поручилъ Вальсамону комментировать Номоканонъ по Базиликамъ, однако съ условіемъ не выкидывать изъ него ни одной буквы, а писать только что принято и что не принято въ Базилики и, если принято, то въ какой редакціи. — Кромѣ того, ко времени Вальсамона вышло не мало и новыхъ постановленій — императорскихъ и патріаршихъ —, которыя уничтожали силу нѣкоторыхъ древнихъ постановленій Юстиніанова права, помѣщенныхъ въ Номоканонѣ. Все это и заставило пересмотрѣть гражданскую часть Номоканона, — опредѣлить отношенія между церковными правилами, законами Юстиніана и Базиликами. 1)

Вальсамонъ приступилъ къ исполненію этого порученія въ промежутокъ времени отъ 1169 до 1177 года. (Мануилъ I Комнинъ царствовалъ то одинъ, то съ Алексѣемъ II Комниномъ, отъ 1143 до 1180 г., а Михаилъ Анхіаль былъ Константинопольскимъ патріархомъ отъ 1169 до 1177 года)²⁾. Но несомнѣнно, что онъ работалъ и позднѣе, пополняя и усовершенствуя свой трудъ. Такъ, въ толкованіи на 73-е (84-е) пр. Карѳаг. соб. Вальсамонъ учитъ отыскивать Пасху „текущаго“ 1178 (6686) года; въ толкованіяхъ на 12-е пр. 7-го всел. соб. и на 1-е пр. соб. въ храмѣ св. Апост. ссылается на хрисовуллы императора Алексѣя II, сына Мануила Комнина (царствов. 1180—1184), въ толкованіяхъ на 12-е пр. Халкид. соб. и 48-е пр. Трул. соб. упоминаетъ о постановленіяхъ слѣдующаго императора Исаака Ангела (1185—1195); наконецъ, толкованіе на 1-е пр. 1-го всел. собора было написано Вальсамономъ

1) Нарбековъ В. Толкованіе Вальсамона на Номоканонъ Фотія. Казань 1889 г., стр. 12.

2) Zhishman. Das Eherecht der orient. Kirche, стр. 72.

уже въ то время, когда онъ былъ патріархомъ Антиохійскимъ, т.-е. не раньше 1193 г. ¹⁾).

Вальсамонъ писалъ, комментарий на Номоканонъ и Синтагму, быть можетъ, въ одно время, или даже сперва комментарий на Синтагму, а потомъ на Номоканонъ. Изъ его толкованій на 31-ю главу I тит. и 24-ю главу IX тит. видно, что въ это время уже существовали его толкованія на 14-е прав. седьмого вселенскаго собора и на 20-е Апостольское правило.

Свой трудъ Вальсамонъ посвящаетъ святѣйшему вселенскому патріарху Георгію Ксифилу (1193—1198), какъ видно изъ обращенія (въ стихахъ) Вальсамона къ этому послѣднему ²⁾

Когда умеръ Вальсамонъ, въ точности неизвѣстно. Только въ 1195 году онъ еще былъ живъ, такъ какъ въ этомъ году, по мнѣнію Мортрейля и Геймбаха, онъ написалъ отвѣты на вопросы Марка Александрійскаго ³⁾.

1) Въ толкованіи на означенное правило читаемъ: „...если кто оскосленъ съ церковнаго дозволенія и послѣ вступленія въ клиръ, тотъ, какъ мнѣ кажется, не будетъ подлежать осужденію, хотя я и не зналъ, чтобы кому либо изъ посвященныхъ было разрѣшено быть оскосленнымъ по причинѣ болѣзни, и это тогда, какъ многіе просили о семъ Синодъ, и въ то время, когда я исполнялъ должность хартофилакса, и послѣ, во время патріаршества, изъ опасенія, что исполненіе сего врачеванія соединено съ опасностью“. (Правила св. всел. соб., стр. 9).

2) Ῥάλλη καὶ Ποτλή, Σ. I, стр. 3 и 4. Обращеніе заканчивается словами: „...θεοδώρος σοι Βαλσαμῶν ταῦτα γράφω,

Ὁ πατριάρχης τῆς θεωνομούμενης

Ἀντιόχου γῆς, ἀλλὰ καὶ πάσης Ἑῶ.“

„Пишу это тебѣ я — Θεодоръ Вальсамонъ, патріархъ славной Антиохіи и всего Востока“ (стр. 4).

3) Mortreuil. Histoire du droit byzan. T. III, стр. 490. Ersch und Gruber. Allgem. Encyclopädie. Ч. 86, стр. 391.

При разсмотрѣніи труда Вальсамона, мы будемъ держаться слѣдующаго порядка изложенія: сначала дадимъ отдѣльно характеристику его комментарія на каноническую Синтагму и на Номоканонъ Фотія; затѣмъ, въ виду богатства юридическаго матеріала, содержащагося въ его толкованіяхъ, посвятимъ особый отдѣлъ этой сторонѣ его работы и, наконецъ, сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній о трудѣ этого знаменитаго канониста Восточной церкви.

II.

Характеристика толкованій Вальсамона на каноническую Синтагму.

Взаимное отношеніе между толкованіями Зонары и Вальсамона. Заимствованія изъ толкованій Зонары, встрѣчающіяся въ комментаріи Вальсамона. Бѣльшее совершенство комментарія Вальсамона, сравнительно съ комментаріемъ Зонары. Критика Вальсамономъ нѣкоторыхъ толкованій его предшественника. — Внѣшняя сторона толкованій Вальсамона. Языкъ, которымъ они написаны. Способъ разрѣшенія возникающихъ у читателя вопросовъ. Дополнительные толкованія на нѣкоторыя правила. — Характеристика содержанія комментарія Вальсамона. Разрѣшеніе и примиреніе противорѣчій между канонами и гражданскими законами. Принципы, которыхъ держится Вальсамонъ при разрѣшеніи дѣйствительнаго несогласія между канонами. Ссылки на гражданскіе законы. Богатство каноническаго и юридическаго матеріала въ толкованіяхъ Вальсамона. Замѣчанія относительно характера и сферы дѣйствія церковныхъ правилъ. Нѣкоторыя другія особенности комментарія Вальсамона.

Сравниваемому толкованію на каноническую Синтагму Зонары съ толкованіями Вальсамона прежде всего бросается въ глаза замѣчательное сходство труда послѣдняго толкователя съ трудомъ перваго. Толкованія Вальсамона сходны съ толкованіями его знаменитаго предшественника не только по мысли, но и по самой формѣ изложенія. Объясненіе встрѣчающихся въ правилахъ неясныхъ словъ и выраженій ¹⁾;

1) Апост. пр. 3-е, 13-е, 83-е; 1-го всел. 16-е, 17-е, 19-е; 2-го всел. 3-е; Ефес. 4-е; Халкид. 18-е, 27-е, 30-е; Трул. 7-е, 9-е, 29-е, 46-е, 65-е,

ссылки на св. Писаніе ¹⁾ и на другія правила ²⁾; указаніе исключеній изъ общихъ нормъ ³⁾; примиреніе кажущихся противорѣчій ⁴⁾, приведенные въ нѣкоторыхъ толкованіяхъ примѣры ⁵⁾ — все это часто заимствовано Вальсамономъ изъ комментарія Зонары. Въ толкованіяхъ Вальсамона часто можно встрѣтить даже тѣ же самыя выраженія, которыя находятся въ толкованіяхъ Зонары ⁶⁾; иногда же Вальсамонъ почти буквально переписываетъ толкованія своего предшественника, дѣлая по мѣстамъ лишь нѣкоторыя сокращенія или (сообразно съ поставленною задачею — не только комментировать каноны, но и согласовать ихъ съ законами гражданскими) дополненія, состоящія преимущественно изъ выписокъ Базиликъ, относящихся къ изъясняемому правилу ⁷⁾. Тамъ,

74-е; 7-го всел. 1-е, 6-е, 10-е; Анкир. 6-е; Лаодик. 33-е, 40-е, 41-е, 45-е; Сардик. 8-е; Карѣ. 5-е, 6-е, 15-е (15-е—18-е), 18-е, (26-е), 21-е (30-е), 23-е, (32-е), 32-е, (41-е), 34-е, (43-е), 38-е (47-е), 59-е (70-е), 66-е (77-е), 68-е (79-е); Константиноп. въ хр. св. Софіи 2-е; Діонис. Алекс. 2-е; св. Василя В. 6-е, 7-е, 10-е, 20-е, 30-е, 50-е, 69-е, 88-е, 90-е; Григ. Нисск. 6-е.

1) Апост. 48-е, 52-е, 80-е, 84-е; 1-го всел. 18-е; Трул. 65-е, 67-е, 70-е и мн. др.

2) Апост. 1-е, 10-е, 27-е, 42-е и 43-е, 44-е, 70-е, 79-е, 81-е, 83-е; 1-го всел. 3-е, 6-е и мн. др.

3) Трул. 9-е, 64-е; 7-го всел. 21-е; Василя В. 33-е.

4) Апост. 79-е; Трул. 7-е, 20-е; Анкир. 25-е; св. Василя В. 81-е, 83-е.

5) Апост. 73-е; Трул. 21-е; св. Василя В. 13-е.

6) Апост. 3-е, 29-е и 30-е, 38-е, 58-е, 73-е, 79-е, 80-е, 81-е, 83-е; 1-го всел. 8-е, 11-е; 2-го всел. 2-е, 3-е, 7-е; Ефес. 4-е, 8-е; Халкид. 1-е, 25-е; Трул. 7-е, 20-е, 54-е; 7-го всел. 6-е, 21-е; Анкир. 6-е; Неокес. 5-е; Гангр. 12-е, 16-е; Антиох. 5-е, 23-е; Лаодик. 35-е; Сард. 8-е, 20-е; Карѣ. 5-е, 6-е, 15-е (15-е—18-е), 16-е (19-е—23-е), 24-е (33-е), 28-е (37-е), 32-е (41-е), 34-е (43-е), 41-е (50-е), 66-е (77-е), 76-е (87-е), 117-е и 118-е (131-е и 132-е), 133-е (147-е); Константиноп. въ хр. св. Софіи 2-е, 3-е; Петра Алекс. 5-е, 10-е, 11-е, 13-е; Григ. Неокес. 4-е, 8-е; Аванасія Алекс. къ Рафиніану; св. Василя В. 2-е, 3-е, 6-е, 13-е, 17-е, 20-е, 30-е, 73-е, 81-е, 88-е и 90-е.

7) Такое заимствованіе изъ толкованій Зонары мы находимъ въ

гдѣ нѣтъ толкованій у Зонары, нѣтъ ихъ большею частью и у Вальсамона¹⁾. Тамъ, гдѣ Зонара считаетъ умѣстнымъ на два или болѣе правила дать одно толкованіе — тоже самое дѣлаеть и Вальсамонъ²⁾. Онъ даже заимствуетъ у Зонары наиболѣе красивыя мѣста толкованій послѣдняго, хотя при этомъ, видимо, избѣгаетъ буквальнаго подражанія и помѣщаетъ ихъ не въ тѣхъ толкованіяхъ, въ которыхъ они находятся у Зонары³⁾. Да и самъ Вальсамонъ не скрываетъ того, что онъ въ своемъ комментарий канонической Синтагмы дѣлалъ заимствованія у Зонары. Въ своемъ толкованіи на посланіе Аѳанасія Вел. къ Аммуну онъ пишетъ: „... *А толкованіе Зонары не помѣщено здѣсь* потому, что оно болѣе относится къ изъясненію изреченій Писанія, а не къ каноническому ученію“⁴⁾.

Но пользуясь трудомъ своего предшественника, Вальсамонъ, обладавшій большими свѣдѣніями и большимъ знакомствомъ съ церковною практикою, приобрѣтеннымъ имъ во время занятія должности хартофилакса Констанстинопольской церкви, имѣлъ полную возможность, гдѣ нужно, допол-

---

предисловіяхъ Вальсамона къ правиламъ соборовъ, а также въ его толкованіяхъ на слѣдующія правила: 1-го всел. 2-е; 2-го всел. 1-е, 4-е, 5-е; Халкид. 30-е; Трул. 47-е, 52-е; Неокес. 4-е; Гангр. 1-е, 2-е, 3-е, 15-е, 17-е; Лаодик. 31-е, 32-е и 33-е (одно толкованіе), 45-е; Карѣ. 21-е (30-е), 69-е (80-е), 98-е (111-е), 115-е (129-е), 116-е (130-е); Діонис. Алекс. 2-е, 3-е, 4-е; Петра Алекс. 7-е, 8-е, 9-е; Григор. Неокес. 2-е, 3-е; св. Василя В. 10-е; Григор. Ниссаго 2-е, 4-е, 5-е, 6-е, 7-е, 8-е.

1) Халкид. 19-е, 21-е; Трул. 25-е и др.

2) Толков. на Апост. пр. 29-е и 30-е; 42-е и 43-е; 55-е и 56-е; 77-е и 78-е; Трул. 14-е и 25-е и др.

3) Такъ слова: „Порядокъ поддерживаетъ все небесное и земное“, употребленныя Зонарою въ толкованіи на 31-е Апост. пр., мы находимъ въ толкованіи Вальсамона на 34-е Апост. пр. („*Τὰ ἐπίγειά συνέχει πάντα καὶ τὰ οὐράνια, ἀλλὰ καὶ τὰ ἐπίγεια*“ пишетъ здѣсь Вальсамонъ. Σ. II. 46), а также въ толкованіи на 14-е пр. 7-го всел. соб.

4) Правила св. Отець съ толкованіями, стр. 124 и 125.

нять и исправлять написанное Зонарою, что онъ на самомъ дѣлѣ часто и дѣлаеть. Комментарій Вальсамона является, такимъ образомъ, болѣе совершеннымъ, чѣмъ комментарий Зонары.

Укажемъ примѣры.

Въ толкованіи на 7-е Апост. пр. 1) Зонара приводитъ различныя мнѣнія о томъ, когда бываетъ весеннее равноденствіе, но самъ не разрѣшаетъ этого вопроса. Онъ пишетъ: „Нѣкоторые весеннимъ равноденствіемъ считаютъ 25 Марта, а другіе 25 Апрѣля. А я думаю, что правило не говорить ни того, ни другого. Ибо чаще Пасха празднуется прежде 25 Апрѣля, а бываетъ, когда празднуется и прежде 25 Марта, такъ что (если такимъ образомъ понимать весеннее равноденствіе) будетъ случаться, что Пасха празднуется несогласно съ этимъ правиломъ. И такъ, кажется, что досточтимые апостолы называютъ весеннимъ равноденствіемъ нѣчто иное...“ 2) Вальсамонъ сумѣлъ разрѣшить этотъ вопросъ: „Весеннее равноденствіе, пишетъ онъ, бываетъ не 25 Марта мѣсяца, какъ нѣкоторые говорятъ, или 20, или въ другой какой опредѣленный день, но когда случится. Ибо отъ круговаго вычисленія солнечнаго и луннаго теченія такъ и иначе бываетъ весеннее равноденствіе“ 3).

Въ толкованіи на 75-е Апост. пр.: „Во свидѣтельство противъ Епископа не примати еретика: но и вѣрнаго единого не довольно. На устахъ бо двоихъ, или тріехъ свидѣтелей твердо станетъ всякъ глаголь“ Зонара замѣчаетъ: „... я думаю, что нынѣ при обвиненіяхъ, вслѣдствіе которыхъ священнослужители подлежатъ лишенію ихъ степени, и двухъ свидѣтелей недостаточно, хотя бы они были вѣрные и безу-

1) Правило это читается такъ: „Аще кто, Епископъ, или пресвитерь, или діаконъ святой день Пасхи прежде весенняго равноденствія съ Іудеями праздновати будетъ: да будетъ изверженъ отъ священнаго чина“.

2) Правила св. Апост. съ толков., стр. 12.

3) Тамъ же, стр. 12 и 13.

коризненные“¹⁾. Вальсамонъ же точно указываетъ, сколько требуется противъ епископа свидѣтелей въ гражданскомъ и уголовномъ дѣлѣ: „... по точному смыслу закона, пишетъ онъ, скажи, что если будетъ искъ денежный и простирается до одной литры, довольно будетъ, если противъ епископа будутъ свидѣтельствовать подъ присягою два свидѣтеля вѣрные и честные; если до пятидесяти литръ, — три, если больше того, — пять. Если же будетъ не денежный искъ, а обвиненіе въ преступленіи, то такое обвиненіе противъ епископа доказывается пятью свидѣтелями вѣрными и честными подъ присягою ...“²⁾.

Въ 19-мъ пр. Никейскаго 1-го вселенскаго соб. надо было объяснить, кто были павлианиты (павликіане) — вопросъ довольно трудный и разрѣшаемый различно. Зонара въ своемъ толкованіи на это правило обходитъ его молчаніемъ; Вальсамонъ же ищетъ „въ различныхъ книгахъ“ отвѣта на этотъ вопросъ и разрѣшаетъ его въ своемъ толкованіи: „... О павлианитахъ, говоритъ онъ, былъ вопросъ: кто они? И разные говорили разно. А я въ различныхъ книгахъ нашель, что павликіанами послѣ названы были манихеи, отъ нѣкоего Павла Самосатскаго, сына жены манихейки, по имени Каллиники. Самосатскимъ же онъ названъ потому, что былъ епископомъ Самосатъ³⁾. Онъ проповѣдывалъ, что одинъ Богъ, и что одинъ и тотъ же называется Отцемъ и Сыномъ, и Святымъ Духомъ. Ибо, говоритъ, одинъ есть Богъ, и Сынъ Его въ Немъ, какъ слово въ чловѣкѣ. Это слово, пришедши на землю, вселилось въ чловѣкѣ, именуемомъ Иисусомъ, и, исполнивъ домостроительство, взшло къ Отцу. А сей Иисусъ низшій есть Иисусъ Христось, какъ получившій начало отъ Маріи. Сего Павла Самосат-

1) Тамъ же, стр. 139.

2) Тамъ же, стр. 140.

3) „Онъ былъ родомъ изъ Самосатъ, а епископомъ въ Антиохіи“. Замѣтка на поляхъ 1-го изданія настоящей книги, сдѣланная профессоромъ А. С. Павловымъ.

скаго извергли въ Антиохіи святой Григорій чудотворецъ и нѣкоторые другіе...“¹⁾

Въ толкованіи на 50-е пр. Трулльскаго собора Зонара ссылается на 42-е и 43-е Апост. пр., но ничего не говоритъ о томъ, что 50-е правило Трулльскаго соб. противорѣчитъ означеннымъ Апостольскимъ правиламъ. Вальсамонъ входитъ въ разсмотрѣніе этого противорѣчія и отдаетъ Апостольскимъ правиламъ преимущество передъ правиломъ Трулльскаго собора. Онъ говоритъ: „Въ 42 и 43 правилахъ св. Апостоловъ написано, что предающіеся предосудительной игрѣ должны оставить это, въ противномъ случаѣ они извергаются, или отлучаются. А настоящее правило опредѣляетъ немедленно извергать посвященныхъ, предающихся предосудительной игрѣ, а мірянъ — отлучать... Но спрашивается: такъ какъ настоящее правило не опредѣляетъ, въ соотвѣтствіе съ правилами Апостольскими, предающихся предосудительнымъ играмъ наказывать послѣ вразумленія, то чему мы должны слѣдовать? Конечно, кажется мнѣ, Апостольскимъ правиламъ и потому, что они болѣе человѣколюбивы, и потому, что настоящій соборъ въ своемъ 9-мъ правилѣ, излагая постановленіе касательно содержащаго корчемницу клирика, не тотчасъ наказываетъ такового, но говоритъ: или пусть перестанетъ, или да будетъ изверженъ“²⁾.

Въ толкованіи на 17-е пр. Анкирскаго соб.³⁾ Вальсамонъ даетъ отвѣтъ на вопросъ, котораго не могъ разрѣшить его предшественникъ. Изъясняя это правило, Зонара откровенно заявляетъ: „Что значитъ молиться съ обуреваемыми, этого я не могу сказать“⁴⁾. Вальсамонъ же объясняетъ, что „обуреваемыми собственно должны быть названы тѣ, которые

1) Правила св. вселен. соб. съ толкованіями, стр. 79—80.

2) Тамъ же, стр. 615.

3) Правило это гласитъ: „Скотоложникамъ и проказеннымъ, или опроказившимъ, святой Соборъ повелѣлъ молиться съ обуреваемыми“.

4) Правила св. помѣстныхъ соборовъ съ толкованіями, стр. 51.

стоять въ притворѣ и слушаютъ божественныя Писанія, занимая мѣсто обуруемыхъ и не имѣя дозволенія войти въ церковную пристань спасенія...“¹⁾).

Въ толкованіи на 1-е пр. Антиохійскаго соб., которымъ было утверждено опредѣленіе Никейскаго 1-го соб. относительно празднованія Пасхи²⁾, Зонара замѣчаетъ: „... въ правилахъ перваго собора не находится никакого опредѣленія о Пасхѣ; а внѣ правилъ установлено ли что либо, не знаю, ибо не имѣю дѣяній сего собора“³⁾. (На недостатокъ нужныхъ книгъ Зонара, какъ мы знаемъ, высказываетъ жалобу и въ своей хроникѣ). Вальсамонъ отыскалъ это опредѣленіе въ дѣяніяхъ 1-го вселенскаго соб.; въ толкованіи его на настоящее правило, между прочимъ, читаемъ: „... святые отцы настоящаго собора говорятъ о томъ, что было опредѣлено объ этомъ праздникѣ первымъ соборомъ. Но въ правилахъ никейскихъ отцевъ этого не находится, а находится это въ дѣяніяхъ перваго собора“⁴⁾).

Въ толкованіи на 10-е пр. Кареаг. соб. Зонара только указываетъ на несогласіе этого правила и 6-го прав. Гангрскаго соб. съ 31-мъ Апостол. пр.; Вальсамонъ же показываетъ, какъ это противорѣчіе можетъ быть примирено; онъ пишетъ: „31-е Апост. пр. устрояющихъ незаконныя собранія клириковъ подвергаетъ изверженію, мірянъ опредѣляетъ отлучать, впрочемъ, послѣ перваго, втораго и третьяго увѣщанія; а настоящее правило и 6-е пр. Гангрскаго собора предають таковыхъ анаемѣ. И такъ предлежитъ вопросъ: чему мы должны слѣдовать? — Думаю, что то и другое бу-

1) Тамъ же, стр. 52.

2) Правило это читается такъ: „Всѣ дерзающіе нарушати опредѣленіе святаго и великаго Собора, въ Никеи бывшаго, въ присутствіи благочестивѣйшаго и Благолюбивѣйшаго царя Константина, о святомъ праздникѣ спасительныя Пасхи, да будутъ отлучены отъ общенія и отвержены отъ Церкви, аще продолжать любопытельно возставати противу добраго установленія“... .

3) Правила св. помѣст. соборовъ, стр. 141.

4) Тамъ же.

детъ согласно съ правиломъ. Ибо прежде всего, по Апостольскому правилу, произведшіе раздѣленіе должны быть приглашены удалиться отъ зла и, если не послушаютъ, должны подвергнуться изверженію или отлученію. А если и послѣ сего пребудутъ въ надменіи, то-есть въ тщеславіи и непослушаніи, должны быть преданы анаемѣ, какъ гнилые члены, отсѣченные отъ здороваго тѣла церкви. Ибо тотчасъ предавать анаемѣ тѣхъ, которые учинили погрѣшность не въ дѣлѣ, касающемся догматовъ, но по тщеславію и легкомыслію произвели безчинство противъ церковнаго устройства, весьма жестоко, какъ мнѣ кажется. . .“¹⁾

Наконецъ, при изъясненіи 126-го (140-го) пр. Карѳаген. соб. Вальсамонъ входитъ въ разсмотрѣніе несогласія относительно требуемаго для постриженія въ монашество возраста между этимъ правиломъ (требующимъ отъ желающаго принять иноческій образъ достиженія 25-лѣтняго возраста) и 40-мъ правиломъ Трулльскаго соб. (по которому постричься въ монашество можетъ достигшій только 10-лѣтняго возраста), отдавая предпочтеніе послѣднему правилу — болѣе позднему²⁾. Между тѣмъ, Зонара этого вопроса вовсе не касается.

Точно также надо замѣтить, что опредѣленія нѣкоторыхъ терминовъ, встрѣчающихся въ правилахъ, у Вальсамона являются болѣе совершенными, чѣмъ у Зонары. Болѣе совершеннымъ, напр., является опредѣленіе, сдѣланное Вальсамономъ, относительно того, что именно надо понимать подъ представительными и отпустительными грамотами (толков. на 11-е пр. Халкид. соб.); болѣе удачнымъ у Вальсамона является также опредѣленіе соумышленія и скопа (толков. на 18-е пр. Халкид. соб.).

Не будучи, такимъ образомъ, простымъ подражателемъ своего предшественника, Вальсамонъ по нѣкоторымъ вопросамъ совершенно расходится съ нимъ во взглядахъ, такъ что

1) Тамъ же, стр. 396.

2) Тамъ же, стр. 742.

нѣкоторыя изъ толкованій Вальсамона являются критическимъ разборомъ толкованій Заноры.

Приведемъ здѣсь эти толкованія, характеризующія Вальсамона, какъ весьма искуснаго критика и глубокаго мыслителя и знатока церковныхъ правилъ.

Толкованіе Вальсамона на 11-е Апост. пр. 1) всецѣло представляетъ собою критическій разборъ толкованія на это правило Заноры. Послѣдній говоритъ: „Нѣкоторымъ изверженнымъ запрещается только священнодѣйствіе; но не запрещается общеніе съ ними или присутствіе вмѣстѣ съ ними въ церкви; а другіе вмѣстѣ съ изверженіемъ лишаются и общенія и подлежатъ отлученію. И такъ, это правило должно быть изъясняемо объ изверженномъ и вмѣстѣ отлученномъ, и кто молится вмѣстѣ съ таковымъ, тотъ долженъ подлежать изверженію. Или выраженіе „молиться вмѣстѣ“ должно принять вмѣсто выраженія „священнодѣйствовать вмѣстѣ“. Ибо хотя бы изверженный и не былъ отлученъ, но если кто священнодѣйствовалъ съ нимъ вмѣстѣ, долженъ подлежать изверженію“ 2). Вальсамонъ несогласенъ съ этимъ толкованіемъ; „Нѣкоторые, пишетъ онъ, употребленное здѣсь выраженіе: „молиться вмѣстѣ“ принимали вмѣсто выраженія: „священнодѣйствовать вмѣстѣ“. Но я не такъ думаю. Ибо правило дано о всякомъ клирикѣ, а не объ одномъ священникѣ. А другіе говорили, что здѣсь изверженный подлежитъ и отлученію, и что по сему запрещена молитва съ нимъ. А мнѣ думается, что цѣль правила здѣсь та, чтобы подвергаемъ былъ наказанію всякій клирикъ, молившійся вмѣстѣ, когда бы ни было, съ какимъ бы ни было клирикомъ, изверженнымъ и послѣ изверженія совершавшимъ что либо священнослужебное. По сему и изверженію онъ подвергается; между тѣмъ какъ тотъ, кто молился вмѣстѣ съ

1) „Аще кто, принадлежа къ клиру, съ изверженнымъ отъ клира молиться будетъ: да будетъ изверженъ и самъ“.

2) Правила св. Апост., стр. 18 и 19.

какимъ-либо отлученнымъ, подвергается не изверженію, а отлученію, какъ повелѣваетъ 10-е (Апост.) правило¹⁾.

Въ толкованіи на 36-е Апост. пр.: „Аще кто, бывъ рукоположенъ въ Епископа, не приметъ служенія и попеченія о народѣ, ему порученнаго: да будетъ отлученъ, доколѣ не приметъ онаго. Такжеже и пресвитеръ и діаконъ...“ Вальсамонъ, между прочимъ, говоритъ: „... А знаменитый (βερφυής)²⁾ Зонара въ толкованіи этого правила хиротонію принималъ и за рукоположеніе, и за избраніе. Мнѣ же кажется вѣрнымъ то мнѣніе, что правило хиротонію здѣсь называетъ рукоположеніе, ибо упоминаетъ о пресвитерахъ и діаконахъ, посылаемыхъ, по древнему обычаю, въ другія страны для наученія народа. Что діаконы рукополагаются, т. е. запечатлѣваются (φραγίσσονται), это мы знаемъ, но никогда не слышали, чтобы они были избираемы, какъ избираются епископы...“³⁾.

Какъ ревностный защитникъ царской власти даже по отношенію къ церковнымъ дѣламъ, Вальсамонъ въ толкованіи на 12-е пр. Халкидонскаго собора⁴⁾ не высказываетъ никакого сомнѣнія относительно права императора возводить епископіи въ митрополіи и основываетъ это право на данной императору власти свыше. Зонара, наоборотъ, не считаетъ этого права законнымъ и въ возведеніи посредствомъ цар-

1) Тамъ же, стр. 19.

2) Сенаторскій титулъ, собственно: превосходительный. Замѣтка профессора А. С. Павлова.

3) Правила св. Апост., стр. 68 и 69.

4) Правило это гласитъ: „Дошло до насъ, яко нѣкіе, вопреки Церковнымъ постановленіямъ, прибѣгнувъ ко властямъ, посредствомъ прагматическихъ грамотъ, единую область на двѣ разсѣкли, яко быти отъ сего во единой области двумъ Митрополитамъ. Посему опредѣлилъ святой Соборъ, да ничто такое творити впредь не дерзаетъ Епископъ. Ибо покусившійся на то низверженъ будетъ со своего степени. Градъ же, который по Царскимъ грамотамъ почтенъ именованіемъ Митрополіи, единою честію да довольствуется, такъ какъ и Епископъ, управляющій его Церковію, съ сохраненіемъ собственныхъ правъ истинной митрополіи“.

сихъ грамотъ епископій въ митрополіи видить нарушеніе настоящаго правила Халкидонскаго соб. Онъ заканчиваетъ свое толкованіе слѣдующими словами: „...Но и это правило не соблюдается; ибо и у насъ нѣкоторые епископы царскими грамотами возведены въ достоинство митрополита“¹⁾.

Въ толкованіи на 13-е пр. того же собора²⁾ Вальсамонъ расходится съ Зонарою по вопросу о томъ, что такое представительныя грамоты, о которыхъ упоминаетъ правило. Зонара пишетъ: „...А какъ здѣсь упомянуто о представительныхъ посланіяхъ, то изъ этого открывается, что клирики, удалившіеся изъ своего прихода, были въ чемъ нибудь и обвиняемы; ибо представительныя посланія, какъ уже показано (толков. Зонары на 11-е пр. Халкид. соб.), даются лицамъ, подвергшимся обвиненію, когда они окажутся невинными, или тѣмъ, которые были отлучены своимъ епископомъ“³⁾. На это Вальсамонъ возражаетъ: „... другіе говорили, что это правило говорить о представительныхъ грамотахъ, даваемыхъ людямъ, подвергшимся обвиненію и, по изслѣдованіи дѣла, оправданнымъ. А мнѣ кажется, что это правило даетъ опредѣленіе о такихъ представительныхъ грамотахъ, которыя свидѣтельствуютъ о рукоположеніи клирика и разрѣшаютъ ему священнодѣйствовать и въ другомъ мѣстѣ; ибо представительныя грамоты, свидѣтельствующія о добромъ поведеніи каждаго, даются и мірянамъ, о которыхъ и здѣсь не было никакого упоминанія“⁴⁾.

Въ толкованіи на 28-е пр. того же собора, трактующее о преимуществахъ Константинопольскаго патріарха и Римскаго папы, Зонара между прочимъ, говоритъ: „... прочіе округи, то-есть округи Македоніи и Фессаліи, Эллады и Пе-

1) Правила св. вселенск. соб., стр. 206.

2) Правило это читается такъ: „Клирикамъ чужымъ и незнакомымъ въ другомъ градѣ, безъ представительной грамоты собственнаго ихъ Епископа, отнюдь нигдѣ не служить“.

3) Правила св. вселенск. соб., стр. 211.

4) Тамъ же, стр. 211 и 212.

лопоннесса, и такъ называемаго Эпира и Иллирика подвѣдомы были тогда епископу древняго Рима¹⁾. Относительно этихъ словъ Вальсамонъ замѣчаетъ слѣдующее: „... Хотя нѣкоторые ограничивали Фракію и простирали только до предѣловъ Македоніи, и говорили, что митрополиты Македоніи, Фессалии, Эллады и Пелопоннесса были нѣкогда рукополагаемы папою Римскимъ, и указывали, будто это открывается изъ того, что епископу Константинополя не дано права рукополагать и сихъ митрополитовъ; но ты не обращай вниманія на эти слова; ибо именемъ Фракіи обнимаются всѣ митрополіи до Диррахіи²⁾ и митрополіи самой Диррахіи“³⁾.

Въ толкованіи на 27-е пр. Трулльскаго соб.: „Никто изъ числящихся въ клирѣ да не одѣвается въ неприличную одежду, ни пребывая во градѣ, ни находясь въ пути: но всякій изъ нихъ да употребляетъ одежды, уже опредѣленныя для состоящихъ въ клирѣ. Аще же кто учинить сіе: на едину седмицу да будетъ отлученъ отъ священнослуженія“ Зонара объясняетъ, что подъ неприличными для клириковъ одеждами должно подразумѣвать всякія свѣтлыя пестрыя и дорогія одежды, а также тѣ одежды, которыя носятъ воины. Вальсамонъ возражаетъ на это: „... А одежда несвойственная клирику не есть та, какую носятъ воины, — ибо клирикъ, когда-нибудь надѣвшій такую, подвергнется строгому наказанію, но дорогія златотканныя одежды, такъ называемые въ народѣ перловые узоры и бахрамы (*μαργέλια γράμματα καὶ ἀντίπανα*) и пурпурныя одежды⁴⁾; ибо клирики должны

1) Тамъ же, стр. 260.

2) „Ибо именемъ Фракіи обнимаются всѣ митрополіи *вплоть до самой Диррахіи* (подлинникъ: *αὶ μέχρι καὶ αὐτοῦ τοῦ Διρραχίου μητροπόλεως*)“. Замѣтка на поляхъ 1-го изданія настоящей книги, сдѣланная профессоромъ А. С. Павловымъ.

3) Правила св. вселенск. соб., стр. 262.

4) Профессоръ А. С. Павловъ отмѣчаетъ въ своей замѣткѣ на поляхъ 1-го изданія моей книги неправильность въ этомъ мѣстѣ русскаго перевода: послѣ слова *μαργέλια* должна стоять запятая; *μαργέλια* = цвѣтныя обшивки; *γράμματα* = узоры; *ἀντίπανα* = бахрамы.

быть примѣромъ добродѣтели и благообразія, а не роскоши и неблаговидной жизни“¹⁾).

Въ толкованіи на 44-е пр. того же собора: „Монахъ обличенный²⁾ въ любодѣяніи, или поемлющій жену въ общеніе брака и сожитіе, да подлежитъ по правиламъ епитиміи блудодѣйствующихъ“ Зонара, указавши на несогласіе, относительно наказанія, настоящаго правила съ другими правилами, говорящими о томъ же (16-е пр. Халкид. соб., 19-е пр. Анкир. соб. и 60-е пр. св. Василия В.), отдаетъ преимущество правилу Трулльскаго соб., какъ позднѣйшему. Напротивъ того, Вальсамонъ не находитъ никакого противорѣчія между указанными правилами. „... Ищи, говоритъ онъ, также 16-е пр. 4-го соб. и прочти 19-е пр. Анкирскаго соб. и 60-е пр. Василия Вел., которыя говорятъ, что монахи, давшіе обѣтъ дѣвства и не сохранившіе его, подвергаются болѣе тяжкому наказанію, и скажи, что правила не противорѣчатъ одно другому, потому что первое, т. е. настоящее правило дѣлаетъ постановленія касательно монаховъ, которые сами исповѣдали свой грѣхъ, а послѣднія — касательно тѣхъ, которые обличены по суду, которые поэтому строже и наказываются“³⁾).

Въ толкованіи на 74-е пр. того же собора⁴⁾ Вальсамонъ, въ противоположность Зонарѣ, старается доказать, что союзъ *ἡ* въ текстѣ этого правила употребленъ въ смыслѣ раздѣлительномъ, а не въ изъяснительномъ. Зонара пишетъ: „...Имя дома Господня много разъ встрѣчалось въ правилахъ въ значеніи церкви, но одно это правило различаетъ церковь и домъ Господень. Думаю, что союзъ *ἡ*, или, поставленъ здѣсь не въ раздѣлительномъ смыслѣ, но въ изъ-

1) Правила св. вселенск. соб., стр. 533.

2) „*ἄλοος* = ятый“. Замѣтка профессора А. С. Павлова.

3) Правила св. вселенск. соб., стр. 596 и 597.

4) „Не должно въ мѣстахъ, посвященныхъ Господу, или (*ἡ*) въ Церквахъ, совершати такъ называемыя трапезы братолюбія, и внутри храма ясти, и ложе постилати. Сіе же творити дерзающіе, или да престануть, или да будутъ отлучены“.

яснительномъ, вмѣсто ἤτοι, *то-есть*. Ибо и въ божественномъ Писаніи находимъ, что союзъ καί и принимается не въ смыслѣ союза соединительнаго, но какъ причинный союзъ вмѣсто ἄρ̄ ибо...¹⁾“ (далѣе, Зонара приводитъ въ подтвержденіе сказаннаго рядъ примѣровъ). Съ этимъ несогласенъ Вальсамонъ: „Нѣкоторые, говоритъ онъ, пытались утверждать, что мѣсто Господне и церковь одно и тоже, и объясняли, что союзъ ἦ или здѣсь соединительный, а не раздѣлительный. А я думаю объ этомъ не такъ; ибо, сказавъ, что трапезы братолюбія не должны быть въ мѣстахъ посвященныхъ Господу, или въ церквахъ, правило запрещаетъ ѣсть и ложе постилать въ однихъ домахъ, т. е. въ церквахъ. Такимъ образомъ есть различіе между церквами, и притворами и другими Господними мѣстами“²⁾).

Въ толкованіи на 87-е пр. того же собора: „Жена оставившая мужа, аще пойдетъ за инаго, есть прелюбодѣйца, по священному и божественному Василию, который весьма прилично изъ пророчества Іереміи привелъ сіе: аще жена будетъ мужу иному, не возвратится къ мужу своему, но оскверненіемъ осквернена будетъ. И паки: держай прелюбодѣйцу, безуменъ и нечестивъ. Аще убо усмотрено будетъ, яко оставила мужа безъ вины: то онъ достоинъ снисхожденія, а она епитиміи. Снисхожденіе же будетъ ему оказано въ томъ, да будетъ онъ въ общеніи съ Церковію...“ Зонара замѣчаетъ: „... Такимъ образомъ, по противоположенію можно заключать, что, если она не безъ основанія удалилась отъ мужа, который, можетъ быть, не въ мѣру раздражителенъ былъ противъ нея, или худо обращался съ нею, или имѣла какія либо другія причины къ тому со стороны мужа, въ такомъ случаѣ она будетъ невиновна, если сдѣлалась женою другаго, а мужъ долженъ быть подвергнутъ епитиміи, потому что самъ былъ виновникомъ грѣха своей жены³⁾...“

1) Правила св. вселенск. соб., стр. 682.

2) Тамъ же, стр. 684.

3) Тамъ же стр. 719.

Вальсамонъ возражаетъ противъ этого мнѣнія Зонары: „...А какъ правило говоритъ, что наказывается, какъ прелюбодѣйца, та жена, которая удалилась отъ мужа безъ законной причины, то иной можетъ сказать, что удалившаяся отъ мужа по законной причинѣ не подвергается наказанію. Но это невѣрно; ибо ни по законной причинѣ, ни безъ законной причины жена не можетъ удалиться отъ мужа безъ судебного дозволенія, какъ говоритъ объ этомъ 9-е пр. святаго Василия и различныя новеллы Юстиніана, содержащіяся въ 7-мъ титулѣ 28-й книги (Василикъ). Почему и содержаніе правила мы должны изяснить въ болѣе широкомъ смыслѣ или сказать, что удаленіе жены отъ мужа безъ судебного дозволенія есть удаленіе неправильное“¹⁾

Въ толкованіи на 20-е пр. 7-го вселенск. соб.²⁾ Вальсамонъ совершенно расходится съ Зонарою по вопросу о томъ, что такое двойные монастыри, о которыхъ упоминаетъ правило. Это правило — такъ начинается Зонара свое толкованіе — запрещаетъ двойные монастыри. Но не вмѣстѣ пребывали монахини съ монахами въ такихъ монастыряхъ, а жили весьма близко другъ отъ друга, такъ что, обѣ стороны слышали другъ друга³⁾...“ Какъ разъ противоположное говоритъ Вальсамонъ: „Двойными монастырями, по мнѣнію нѣкоторыхъ, читаемъ мы въ его толкованіи, называются не тѣ, въ которыхъ живутъ вмѣстѣ и мужчины, и женщины,

1) Тамъ же, стр. 721.

2) Правило это гласитъ: „Опредѣляемъ не быти отнынѣ монастырямъ двойнымъ, потому что сіе бываетъ соблазномъ и преткнове-ніемъ для многихъ. Аще же восхотятъ нѣкоторые со сродниками отрещися отъ міра, и монашескому житію послѣдовати: то мужамъ отходити въ мужскій монастырь, а женамъ входити въ женскій монастырь: ибо симъ благоугождается Богъ. А обрѣтающіеся доннынѣ двойные монастыри да будутъ управляемы, по правилу Святаго отца нашего Василия, и по заповѣди его, законополагающей тако: да не живутъ во единомъ монастырѣ монахи и монахини: потому что соводвореніе даетъ посредство къ прелюбодѣянію“...

3) Правила св. вселенск. соб., стр. 888.

но такіе, которые построены вблизи и рядомъ и считаются за одинъ, какъ бы по причинѣ большаго единенія. Но изъ правила открывається, что не поэтому монастыри называются двойными, а потому, что въ одномъ и томъ же монастырѣ нѣкогда, какъ кажется, жили мушины и женщины, ибо опредѣляется, чтобы родственники удалялись въ мужскіе и женскіе монастыри, такъ какъ жительство ихъ въ одномъ и томъ же монастырѣ запрещается. Точно также повелѣвается не водворяться, то-есть не жить вмѣстѣ, въ одномъ и томъ же монастырѣ, мужамъ и женамъ ¹⁾...“

Въ толкованіи 16-го пр. Анкирскаго соб.: „О скотоложствовавшихъ, или скотоложствующихъ... Пребывшіе же долго въ семь грѣхѣ, долго да удержатся въ разрядѣ припадающихъ...“ Вальсамонъ несогласенъ съ Зонарою относительно того, что продолжительнымъ временемъ здѣсь надо считать 20 лѣтъ, „потому что продолжительнымъ временемъ называется и десятилѣтнее“ ²⁾, и говоритъ, что правильнѣе подъ таковымъ подразумѣвать то, какое назначено будетъ епископомъ.

Вальсамонъ несогласенъ съ своимъ предшественникомъ также и относительно пониманія словъ 18-го пр. того же собора: „лишати ихъ и пресвитерскія чести, и быти имъ отрѣшеннымъ“ ³⁾. Въ толкованіи Зонары, между прочимъ, читаемъ: „...А если будутъ возбуждать возмущенія противъ находящихся тамъ епископовъ, въ такомъ случаѣ должны лишиться и пресвитерской чести и быть отрѣшенными (ἐκκη-

1) Тамъ же, стр. 890.

2) Прав. св. помѣстныхъ соб., стр. 49.

3) Правило это читается такъ: „Аще которые, бывъ поставлены во Епископовъ, но не бывъ приняты епархією, въ которую наречены, восхотятъ на иныя епархіи наступати, и поставленныхъ тамо утѣснити, и воздвигати противъ ихъ возмущенія: таковыхъ отлучати отъ общенія церковнаго. Аще же восхотятъ съ пресвитерами сидѣти, гдѣ прежде были пресвитерами: не отымати отъ нихъ сея чести. Аще же будутъ воздвигати смятенія противу поставленныхъ тамо Епископовъ: лишати ихъ и пресвитерскія чести, и быти имъ отрѣшеннымъ“.

ρύχτους), т. е. изпадшими и изъ церкви“¹⁾). Вальсамонъ замѣчаетъ на это: „...А объ отнятіи чести пресвитерства у того, кто поступаетъ не согласно съ симъ, и объ отрѣшеніи таковаго не подумай, что это должно понимать въ смыслѣ изверженія, но только въ смыслѣ умаленія чести его, то-есть, что онъ не долженъ быть удостоенъ сидѣнія и съ пресвитерами“²⁾).

Въ толкованіи на 2-е пр. Антиох. соб.³⁾ Вальсамонъ пишетъ: „...отвращающимся отъ св. причащенія должны почитаться не отвергающіе его, или, какъ нѣкоторые (Зонара)⁴⁾ говорили, избѣгающіе по благоговѣнію и смиренномудрію (ибо первые должны быть не только отлучены, но и изгнаны изъ церкви, какъ еретики, а вторые удостоены будутъ прощенія ради благоговѣнія и подобающаго святынѣ страха), но тѣ, которые изъ презрѣнія и гордости безчинно уходятъ изъ церкви прежде св. причащенія и не ожидаютъ, что бы видѣть божественное причащеніе св. таинъ“⁵⁾).

Въ толкованіи на 19-е пр. того же соб.: „Епископъ да не поставляется безъ Собора и присутствія Митрополита области“ Зонара понимаетъ выраженіе „безъ присутствія Митрополита области“ въ буквальномъ смыслѣ („...Итакъ, когда имѣеть быть хиротонія, т. е. избраніе епископа, то, по словамъ правила, непременно долженъ присутствовать митро-

1) Прав. св. помѣст. соб., стр. 54.

2) Тамъ же, стр. 55—56.

3) 2-е пр. Антиох. соб. гласитъ: „Всѣ входящіе въ Церковь. и слушающіе священныя Писанія, но по нѣкому уклоненію отъ порядка, не участвующіе въ молитвѣ съ народомъ, или отвращающіеся отъ причащенія святыхъ Евхаристіи, да будутъ отлучены отъ Церкви до толѣ, какъ исповѣдаются, окажутъ плоды покаянія, и будутъ просити прощенія, и такимъ образомъ возмогутъ получить оное...“

4) Въ толкованіи Зонары, между прочимъ, читаемъ: „...А уклоненіемъ отцы назвали здѣсь не то, если кто ненавидитъ божественное причащеніе и по этому не приступаетъ къ пріобщенію, но то, если кто избѣгаетъ его, можетъ быть, изъ благоговѣнія и какъ бы по смиренномудрію“. Прав. св. помѣст. соб., стр. 144.

5) Прав. св. помѣст. соб., стр. 145.

полить области...“) 1); между тѣмъ Вальсамонъ пишетъ: „...Когда слышишь слова правила, что не бываетъ избранія безъ присутствія митрополита, не скажи, что и онъ долженъ присутствовать при избраніи, ибо это запрещено, какъ объяснено въ другихъ правилахъ; но присутствіемъ назови здѣсь его дозволеніе (προτροπή), безъ котораго невозможно быть избранію“ 2).

Комментируя 14-е пр. Сардик. соб.: „Аще обрящется нѣкій Епископъ, склонный ко гнѣву (что въ такомъ мужѣ не должно имѣти мѣста), и внезапно бывъ раздраженъ на пресвитера, или діакона, восхощетъ изринуть нѣкоего изъ Церкви: подобаеть предохраненіе употребити, да не тотчасъ таковой будетъ осуждаемъ и лишаемъ общенія. Всѣ Епископы рекли: извергаемый да имѣеть право прибѣгнуть къ Епископу митрополи тоя же области. Аще же Епископа митрополи нѣтъ на мѣстѣ, прибѣгнуть къ сосѣдственному Епископу и просити, да со тщаніемъ изслѣдуется дѣло...“ Зонара замѣчаетъ: „...А то постановленіе правила, чтобы въ отсутствіе митрополита области отлученный прибѣгалъ къ сосѣднему, я думаю, никогда не дѣйствовало; по крайней мѣрѣ, нѣтъ этого нынѣ. Ибо какимъ образомъ убѣдить отлучившаго епископа къ тому, чтобы другимъ митрополитомъ, которому онъ не подчиненъ, было изслѣдовано, справедливо онъ отлучилъ, или нѣтъ?“ 3). Вальсамонъ, напротивъ, допускаетъ возможность такого обращенія къ сосѣднему епископу: „...положи, говоритъ онъ, что или сосѣдній архіерей имѣеть порученіе отъ находящагося въ отлучкѣ митрополита выслушивать подобныя церковныя дѣла, принадлежащія его области, или онъ поставленъ избраннымъ (третейскимъ) судьей какъ со стороны епископа; такъ и со стороны клирика...“ 4).

1) Тамъ же, стр. 191.

2) Тамъ же, стр. 192.

3) Тамъ же, стр. 338 и 339.

4) Тамъ же, стр. 340.

Въ толкованіи на 25-е (34-е) пр. Карѳаг. соб. „... иподіаконы священнымъ тайнамъ прикасающіеся (*ψηλαφώντες*), и діаконы и пресвитеры, такожде и Епископы, по свойственному каждой изъ сихъ степеней правилу, да воздерживаются отъ женъ своихъ, и да будутъ, яко не имѣющіе ихъ: и аще сего не сотворятъ, то да будутъ извержены отъ церковнаго чина...“. Вальсамонъ, на основаніи болѣе подробнаго анализа слова *ψηλαφῶν*, доказываетъ, что слова правила; „иподіаконы священнымъ тайнамъ прикасающіеся“ не противорѣчатъ, какъ думаетъ Зонара ¹⁾, 21-му пр. Лаодик. соб.: „замѣтъ, пишетъ онъ, что и иподіаконы совершаютъ святыя тайны, и не скажи, что настоящее правило противорѣчитъ 21-му правилу Лаодик. соб., которымъ опредѣляется, что иподіаконы не имѣютъ мѣста въ діаконикѣ и не прикасаются къ священнымъ сосудамъ, но скажи, что одно значеніе имѣетъ греческое слово *ψηλαφῶν*, а другое слово *ἅπτεσθαι* (употребленное въ текстѣ 21-го пр. Лаодик. соб.); ибо *ψηλαφῶν*, т.-е. представлять съ мѣста на мѣсто, означаетъ служеніе, и дѣлать это не воспрещается служителю (*διάκονος*), а *ἅπτεσθαι* (прикасаются) предоставлено однимъ священникамъ и служащимъ при жертвѣ, т.-е. діаконамъ“ ²⁾.

Вальсамонъ расходится съ Зонарою также и въ толкованіи на 121-е (135-е) пр. Карѳаг. соб. ³⁾; онъ пишетъ: „Иные относили это правило къ епископамъ, небрегущимъ о возвратѣ мѣстъ, принадлежащихъ церквамъ ихъ по праву соб-

1) Въ своемъ толкованіи на это правило Зонара, между прочимъ, пишетъ: „... А противорѣчитъ оно, т.-е. 25-е (34-е) пр. Карѳаг. соб., и въ иномъ отношеніи другому правилу; ибо 21-е пр. Лаодик. соб. повелѣваетъ, что иподіаконы не должны прикасаться къ священному“. Тамъ же, стр. 459.

2) Тамъ же, стр. 460.

3) „Постановлено и сіе: аще нѣкоторые небрегутъ о пріобрѣтеніи Каѳолическому единенію мѣстъ принадлежащихъ къ престолу ихъ: да обличатся отъ сосѣднихъ тщательныхъ Епископовъ, дабы не отлагали сего дѣла...“

ственности (Вальсамонъ подѣ нѣкоторыми имѣлъ въ виду Зонару, который такъ понималъ это правило), а я толкую его по надписанію (надъ греческимъ текстомъ правила стоитъ такое надписаніе: *Περὶ τῶν ἀμελοῦντων τῶν αὐτοῖς ἀνηκόντων λαῶν*¹⁾, т.-е. объ епископахъ нерадящихъ о принадлежащихъ имъ людяхъ) и утверждаю, что отцамъ было угодно, чтобы, если какіе епископы не радятъ объ ученіи людей, находящихся въ ихъ епархіяхъ, или о пріобрѣтеніи душъ ихъ, должны быть призываемы на судъ предъ каѳолическое единство, т.-е. на ежегодный соборъ, на которомъ должны получить увѣщаніе отъ сосѣднихъ заботливыхъ епископовъ, чтобы не нерадѣли, а учили подчиненныхъ имъ людей...“²⁾).

Въ толкованіи на слѣдующее 122-е (136-е) пр. того же собора: „Отъ судей же, по общему согласію избранныхъ, да не будетъ позволено приносить дѣло въ высшій судъ...“ Зонара говоритъ, что „...это предписываетъ и гражданскій законъ въ 7 кн. 2 тит. 19 главѣ (Базиликъ), говоря: избранный судья рѣшаетъ по своему усмотрѣнію, и претору нѣтъ дѣла до его рѣшенія...“³⁾. Вальсамонъ же замѣчаетъ, что сдѣланная Зонарою ссылка на Базилики не подходитъ къ настоящему правилу: „...Въ виду этого правила, пишетъ онъ, нѣкоторые говорили, что такъ дѣлается согласно 19 главѣ 2 тит. 7 книги (Василикъ), гдѣ сказано: избранный судья рѣшаетъ по своему усмотрѣнію, и претору нѣтъ дѣла до его рѣшенія; а мнѣ кажется, что правило говоритъ не о такихъ избранныхъ судьяхъ (которые, т.-е., будучи частными лицами, дѣлаются только вслѣдствіе дачи залога), но объ епископахъ, имѣющихъ право производить судъ, что бываетъ въ частности и единственно въ церковныхъ дѣлахъ, какъ и многое другое; ибо гражданскіе законы позволяютъ

1) *Ῥάλλη καὶ Ποτλῆ*. Σ. III, стр. 580.

2) Правила св. помѣст. соб., стр. 728 и 729.

3) Тамъ же, стр. 731.

апеллировать противъ всякаго судьи, хотя бы кто былъ поставленъ и по избраніи сторонъ“¹⁾.

Въ толкованіи на 3-е пр. Петра Александрійскаго Вальсамонъ, въ противоположность Зонарѣ (впрочемъ, также и тексту правила), говоритъ, что тѣ, „которые только по причинѣ страха и малодушія добровольно отбѣжали, потомъ обратились къ покаянію“²⁾, наказываются трехлѣтнею епитиміею (вм. 4-хъ лѣтъ, какъ у Зонары и въ текстѣ правила).

Въ толкованіи на 32-е пр. Василия Вел.: „Тѣ изъ клира, которые согрѣшили грѣхомъ смертнымъ, со степени своего низводятся, но не лишаются причастія купно съ мірянами. Ибо не отмстиши за едино дважды“ Вальсамонъ расходится съ Зонарою относительно пониманія слова „смертный грѣхъ“. „Грѣхомъ къ смерти, говоритъ онъ, нѣкоторые (Зонара) называютъ дѣйствіе, въ отличіе отъ пожеланія и намѣренія, которое, говорятъ, не есть грѣхъ. По моему же мнѣнію, грѣхъ къ смерти есть всякій грѣхъ, подвергающій того, кто согрѣшитъ, уголовному наказанію“³⁾. Свою мысль Вальсамонъ подтверждаетъ, между прочимъ, ссылкой на Базилики.

Въ толкованіи на 53-е пр. того же святаго: „Рабыня овдовѣвшая можетъ быть не много согрѣшила, согласясь на второй бракъ, подъ видомъ восхищенія“ Зонара, между прочимъ, пишетъ: „... А поелику правило наименовало ее рабою, то должно разумѣть, что господинъ ея послѣ этого притворнаго похищенія согласился на бракъ; иначе бы случившееся было блудомъ, по 40-му правилу сего св. отца“⁴⁾. Вальсамонъ несогласенъ съ такимъ толкованіемъ своего предшественника: „... А о вдовѣ не скажи, возражаетъ онъ Зонарѣ, что она раба, но что была нѣкогда рабою, а теперь свободна; ибо таковая можетъ вступать и въ первый и во

1) Тамъ же, стр. 732.

2) Правила св. Отець, стр. 30.

3) Тамъ же, стр. 272.

4) Тамъ же, стр. 319.

второй бракъ, но не раба, не признаваемая закономъ (за лицо) и не способная къ законнымъ соглашеніямъ. А поелику нѣкоторые, понявъ правило о рабѣ, сказали, что послѣ притворнаго похищенія господинъ ея согласился на второй бракъ, и думали, что можетъ быть, такимъ образомъ она избѣжала (вины) любодѣянія, такъ какъ бракъ былъ утвержденъ согласіемъ господина, то пусть выслушаютъ, что поелику первый бракъ былъ съ свободнымъ, и въ этомъ случаѣ по необходимости послѣдовало и согласіе господина, то излишне, или, лучше сказать, невозможно утверждать, чтобы она во время притворнаго похищенія была рабою; ибо посредствомъ перваго брака, состоявшагося съ согласія господина, раба тѣмъ самымъ сдѣлалась уже свободною и не нуждалась въ согласіи на второй бракъ бывшаго нѣкогда ея господина...“¹⁾

Въ толкованіи 55-го пр. того же святаго: „Разбойниковъ взаимно поражающіе, аще не суть въ церковномъ служеніи, да будутъ отлучаемы отъ причастія святыхъ Таинъ: аще же клирики, да низлагается со своего степени. Ибо речено: всякъ пріемшій мечъ, мечемъ погибнетъ“ Вальсамонъ указываетъ на неправильность взгляда „нѣкоторыхъ“ о необходимости настоящаго правила и аналогичнаго съ нимъ 13-го пр. Василия В.²⁾ „... Поелику нѣкоторые, пишетъ онъ, говорили, что 13-е пр., какъ изложенное въ видѣ совѣта, не обязательно (Вальсамонъ имѣетъ въ виду, между прочимъ, Зонару, который въ толкованіи на 13-е пр. Василия В. пишетъ: „... я думаю, что это предложеніе Василия В. никогда не дѣйствовало...“³⁾, и потому можетъ быть не соблюдаемо,

1) Тамъ же, стр. 320.

2) 13-е пр. св. Василия В. гласитъ: „Убіеніе на брани Отцы наши не виѣняли за убійство, извиняя, какъ мнится мнѣ, поборниковъ цѣломудрія и благочестія. Но можетъ быть добро было бы совѣтовати, чтобы они, какъ имѣющіе нечистыя руки, три года удержались отъ пріобщенія токмо святыхъ таинъ“.

3) Правила св. Отець, стр. 211.

то мы утверждаемъ, что изъ настоящаго правила, которое безъ ограниченія наказываетъ всѣхъ, кто защищаясь убиваетъ разбойниковъ, открывается, что и то правило обязательно“¹⁾. Вальсамонъ при этомъ забываетъ, что въ толкованіи на 13-е пр. св. Василия Великаго онъ самъ раздѣлялъ высказанный Зонарою взглядъ; вотъ подлинныя слова Вальсамона: „...Хотя правило это изложено достойно святолѣпія божественнаго отца, но оно не дѣйствуетъ“²⁾. (Такимъ образомъ, возражая „нѣкоторымъ“, Вальсамонъ возражаетъ самому себѣ).

Наконецъ, въ толкованіи на 82-е пр. св. Василия Великаго: „...Безъ нужды же предавшіе вѣру свою, два лѣта да будутъ плачущими, и два слушающими, въ пятое да молятся съ припадающими, и еще на два лѣта да будутъ приняты къ общенію въ молитвѣ, безъ причащенія, и тако показавъ достойное покаяніе, наконецъ возведутся къ приобщенію Тѣла Господня“ Вальсамонъ говоритъ, что нарушившіе клятву безъ крайней необходимости подвергаются 12-лѣтней епитиміи (онъ слѣдуетъ такимъ образомъ Синопису, въ которомъ читаемъ: „Нарушившій клятву по насилію принимается послѣ шестилѣтія; а безъ нужды — черезъ двѣнадцать лѣтъ“); между тѣмъ Зонара, согласно съ полнымъ текстомъ правила, утверждаетъ, что они подлежатъ 11-лѣтней епитиміи³⁾

Сравнивая толкованія Зонары съ толкованіями Вальсамона, мы должны указать также на то, что нѣкоторыя статьи канонической Синтагмы, оставленныя Зонарою безъ толкованій, истолкованы Вальсамономъ, а именно: 1) 85-е и 86-е пр. св. Василия Вел.; 2) Каноническіе отвѣты св. Тимоѳея, епископа Александрійскаго, на предложенные ему вопросы нѣкоторыхъ епископовъ и клириковъ; 3) Ѳеофила, архіепископа Александрійскаго, наставленіе данное Аммону; 4) Его

1) Тамъ же, стр. 324.

2) Тамъ же, стр. 212.

3) Мнѣніе Зонары раздѣляетъ и Аристинъ, истолковавшій Синописъ настоящаго правила тоже согласно съ полнымъ его текстомъ.

же къ Афингію епископу о Чистыхъ; 5) Его же къ Агаеону; 6) Его же къ Минѣ; 7) св. Кирилла Александрійскаго посланіе къ Домну, патріарху Антіохійскому; 8) Его же къ епископамъ Ливіи и Пентаполиса; 9) Св. Григорія Богослова „о томъ, какія подобають читати книги Ветхаго и Новаго Завѣта“; 10) Посланіе Тарасія къ Адріану.

Опредѣливши взаимныя отношенія обоихъ толкователей, перейдемъ теперь къ характеристикѣ самыхъ толкованій Вальсамона. Обратимъ сначала вниманіе на внѣшнюю сторону его толкованій.

Любимою формою рѣчи Вальсамона является обращеніе къ читателю въ повелительномъ наклоненіи; слова — „замѣть“ (σημειώσασι), „смотри“ (ὄρα), „знай“ (γινώσκει), „ищи“ (ζήτησι), „не говори“ (μὴ εἶπε), „прочти“ (ἀνάγνωθι), и т. п. — можно встрѣтить въ любомъ изъ его толкованій. — Иногда изложеніе толкованія прерывается отступленіемъ, въ которомъ толкователь обращается съ молитвою къ Богу, преимущественно за Константинопольскаго патріарха и императора¹⁾ — Тамъ, гдѣ надо было объяснить смыслъ правила и разрѣшить нѣкоторые вопросы, которые могли возникнуть у читателя, жившаго нѣсколькими вѣками позднѣе, когда правило всецѣло не могло уже быть примѣнимымъ къ жизни, Вальсамонъ обыкновенно прибѣгаетъ къ такому приему: отъ лица читателя или, вообще, третьяго лица онъ задаетъ себѣ эти вопросы и даетъ на нихъ отвѣты, съ надписью „рѣшеніе“ (λύσις²⁾),

1) См. толков. Вальсамона на 2-е пр. втораго всел. соб. и 28-е пр. Халкид. собора.

2) Апост. 29-е и 30-е, 45-е, 77-е и 78-е, 83-е; Никейск. 1-го 8-е, 17-е, 19-е; Халкид. 9-е; Трул. 7-е, 30-е, 48-е, (два рѣшенія), 51-е, 64-е, 87-е (два рѣшенія), 88-е, 91-е, 92-е (два рѣшенія), 93-е, (четыре рѣшенія), 94-е (два рѣшенія), 98-е, 99-е; 7-го всел. 2-е, 3-е (два рѣшенія), 4-е, 5-е, 9-е, 12-е (два рѣшенія), 13-, 14-е, 17-е (два рѣшенія), 18-е, 19-е (три

(иногда въ одномъ толкованіи такихъ рѣшеній нѣсколько), или же безъ этой надписи ¹⁾).

Если содержаніе правила является сходнымъ съ правиломъ истолкованнымъ раньше, Вальсамонъ, подобно Зонарѣ, отсылаетъ читателя къ этому предыдущему толкованію ²⁾; нѣкоторыя же правила онъ оставляетъ совершенно безъ толкованій (указывая обыкновенно причины этого) ³⁾.

За то есть и такія правила, на которыя Вальсамонъ не удовольствовался написаніемъ одного толкованія. Весьма серьезно относясь къ своему труду, столь обширному по объему, толкователь, по окончаніи его, не могъ не замѣтить въ немъ нѣкоторыхъ недосмотровъ и пробѣловъ: кромѣ того, уже написавши толкованіе на извѣстное правило, онъ могъ встрѣтить во время дальнѣйшей работы новый, неизвѣстный ему прежде, матеріалъ, по отношенію къ изъясняемому предмету весьма важный — всѣ эти дополненія Вальсамонъ прямо приписывалъ къ своему прежнему комментарию, — и вотъ такимъ то образомъ на нѣкоторыя правила получилось по два толкованія (именно на пр. Апост. 8-е, 14-е, 17-е, 31-е, 52-е, 74-е; Никейск. 15-е; Халкид. 25-е, 28-е; Трул. 2-е, 34-е, 59-е, 65-е, 98-е; 7-го всел. 4-е; Анкир. 12-е; Неокес. 7-е; Антиох.

рѣшенія); Анкир. 4-е, 7-е, 12-е, 15-е (два рѣшенія), 16-е, 25-е; Неокес. 2-е, 5-е, 8-е (два рѣшенія); Антиох. 10-е, 12-е; Сардик. 1-е, 3-е, 7-е, 11-е; Карѣ. 12-е (два рѣшенія), 13-е (два рѣшенія), 15-е (15-е — 18-е), (четыре рѣшенія), 45-е (54-е), 55-е (66-е) (три рѣшенія), 71-е (82-е) (два рѣшенія), 104-е (117-е), 120-е (134-е) (три рѣшенія), 132-е (147-е); Константиноп. въ хр. св. Апост. предислов., прав. 2-е (два рѣшенія), 3-е, 6-е (четыре рѣшенія), 7-е, 9-е, 10-е (два рѣшенія), 13-е; Григорія Неокес. 1-е (2-е); Василия В. 26-е (два рѣшенія), 27-е, 40-е, 43-е, 48-е, 51-е, 53-е, 77-е, 78-е и 79, 80-е (два рѣшенія), 88-е.

1) Никейск. 1-го всел. 6-е, 20-е; Халкид. 7-е, 24-е и др.

2) Халкид. 19-е, 20-е, 21-е; Трул. 3-е, 5-е, 10-е, 25-е, 28-е, 36-е, 49-е и др.

3) Халкид. 5-е; Карѣ. 85-е (96-е), 88-е (99-е), 92-е (103-е), 93-е (104-е), 97-е (109-е и 110-е), 100-е (113-е), 117-е (131-е), 118-е (132-е), 127-е (141-е); св. Василия В. 15-е и 16-е.

3-е, 16-е; Лаодик. 50-е; Сардик. 18-е и 19-е (18-е); Карф. 4-е, 18-е (25-е); Констант. въ хр. св. Апост. 16-е; св. Василия В. 10-е, 83-е).

Что дополнительныя толкованія Вальсамона образовались указаннымъ путемъ, видно изъ самаго ихъ содержанія.

Такъ, въ первомъ толкованіи 17-го Апост. пр.: „Кто по святомъ крещеніи двумя браками обязанъ былъ, или наложницу имѣлъ, тотъ не можетъ быть Епископъ, ни пресвитеръ, ни діаконъ, ниже вообще въ спискѣ священнаго чина“ Вальсамонъ замѣчаетъ: „... Но не знаю, какимъ образомъ многіе чтецы, бывшіе въ двухъ бракахъ, оставались на своихъ мѣстахъ и архіерейскими указами возведены на высшія степени“¹⁾. Во второмъ толкованіи онъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: „Въ настоящемъ (т.е. первомъ) толкованіи 17-го пр. мы написали, что не знаемъ, какимъ образомъ двубрачные чтецы не извергаются, но еще возводятся и на высшія степени архіерейскими указами. А теперь, *обстоятельство* разсмотрѣвъ содержаніе законовъ и правилъ, мы пришли къ заключенію, что настоящее 17-е правило и 18-е разсуждаютъ объ архіереяхъ, священникахъ, діаконахъ и иподіаконахъ, а не о чтецахъ. Ибо тѣ, если вступятъ два раза въ бракъ, прежде ли рукоположенія, или послѣ рукоположенія, подлежатъ изверженію, а чтецы, вступившіе въ два брака прежде поставленія, извергаются, а послѣ поставленія — удостоиваются прощенія, но не допускаются къ восхожденію на другую, высшую церковную степень...“²⁾.

Въ дополнительномъ толкованіи на 31-е Апост. правило, написанномъ, какъ видно изъ его содержанія, нѣсколько времени спустя послѣ перваго толкованія, Вальсамонъ еще разъ возвращается къ вопросу о правѣ Константинопольскаго патріарха учреждать ставропигіи въ чужихъ предѣлахъ. Вопросъ этотъ, повидимому, весьма интересовалъ Вальсамона:

1) Прав. св. Апост. съ толков., стр. 31.

2) Тамъ же, стр. 31 и 32.

„Послѣ написанія толкованія на настоящее правило, говорить онѣ во второмъ толкованіи, я имѣлъ разговоръ съ нѣкоторыми изъ архіереевъ, негодующихъ на патріаршія ставропигіи и утверждающихъ, якобы онѣ посылаются въ ихъ предѣлы въ противность правиламъ, и пришелъ къ мысли, что это дѣлается справедливо и съ правилами согласно, и что напрасно мѣстные епископы порицають устройство ставропигіи; ибо Божественными правилами область дана не митрополиту и не епископу, но всѣ области четырехъ странъ вселенныя раздѣлены между пятью патріархами, почему въ сихъ областяхъ и имена ихъ возносятся всѣми епископами ихъ“¹⁾

Дополнительное толкованіе на 2-е правило Трул. соб. было вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что Вальсамонъ увидѣлъ у одного великаго челоуѣка старый Номоканонъ въ 50 тит., содержащій въ себѣ, между прочимъ, „правила святыхъ Апостоловъ, собранныя Климентомъ (т. е. Апостольскія Постановленія) и различныя новеллы императора Юстиніана, не принятыя въ очищенный сводъ законовъ“ (т. е. въ Базилики). Вальсамонъ предостерегаетъ отъ пользованія этого рода Номоканонами и указываетъ на то, что дѣйствующее значеніе въ Восточной церкви долженъ имѣть только одинъ Номоканонъ въ 14 тит. патріарха Фотія: „...я предупреждаю всѣхъ, кто будетъ читать Номоканоны, чтобы не обращались къ древнѣйшимъ спискамъ Номоканоновъ, а читали тотъ, который обработанъ патріархомъ Фотіемъ и дѣлится на 14 титуловъ. А тотъ Номоканонъ, въ которомъ въ 50 титулахъ помѣщены законы и правила и прочее, содержащія новеллы Юстиніана, потерявшія дѣйствіе, не принятыя въ Базилики, и нѣкоторые другіе законы изъ Кодексовъ и Дигестъ, и который представляется болѣе богатымъ по содержанію вслѣдствіе многословія (я видѣлъ множество такихъ книгъ у многихъ достоуважаемыхъ мужей), не должно

1) Тамъ же, стр. 57.

удостоивать и слова, какъ небезопасный и отмѣненный, а должно приказывать истреблять таковыя книги“¹⁾).

Во второмъ толкованіи на 18-е и 19-е пр. Сардик. соб. Вальсамонъ разрѣшаетъ вопросъ о томъ, дѣйствительно-ли крещеніе, совершенное лицомъ непосвященнымъ. Въ первомъ толкованіи на это правило онъ оставляетъ этотъ, по-видимому, весьма интересовавшій современниковъ Вальсамона вопросъ безъ разрѣшенія: „...А относительно крещенныхъ непосвященными лицами ничего не могу сказать тебѣ несомнѣннаго“²⁾. Но когда митрополитъ Ираклійскій Мануиль возбудилъ этотъ вопросъ на Константинопольскомъ синодѣ, Вальсамонъ, какъ хартофилаксъ Константинопольской церкви, долженъ былъ высказать относительно его свое мнѣніе. Въ дополнительномъ толкованіи онъ подробно приводитъ данный имъ отвѣтъ и тѣ соображенія, на основаніи которыхъ онъ пришелъ къ заключенію о недѣйствительности крещенія, совершеннаго лицомъ непосвященнымъ.

Снабженный дополнительными толкованіями, комментарій Вальсамона является, такимъ образомъ, какъ бы вторымъ исправленнымъ и дополненнымъ изданіемъ его труда.

Перейдемъ, затѣмъ, къ разсмотрѣнію самаго содержанія толкованій Вальсамона.

Какъ мы знаемъ, цѣль Вальсамона, при толкованіи каноническаго кодекса, состояла, главнымъ образомъ, въ устраненіи противорѣчія, съ одной стороны, между канонами, которые казались несогласными другъ съ другомъ, съ другой — между канонами и гражданскими законами. Преслѣдуя эту цѣль, Вальсамонъ въ тѣхъ случаяхъ, когда у читателя можетъ возникнуть мысль о противорѣчій канонѣвъ, представляющихся лишь на первый взглядъ несогласными между собою, старается доказать, что противорѣчіе это кажущееся,

1) Прав. св. всел. соб. съ толкованіями, стр. 451.

2) Прав. св. помѣст. соб., стр. 350.

и указываетъ, при какомъ пониманіи текста несогласныхъ правилъ, оно можетъ быть устранено ¹⁾. Стремясь къ этой цѣли и высказавъ въ толкованіи на 90-е пр. Трул. соб. положеніе: „Соблюдай каноническія постановленія, гдѣ бы и какъ бы они ни были изречены, и не говори, что между ними есть противорѣчіе, ибо во всѣхъ глаголахъ Всесвятый Духъ ²⁾), Вальсамонъ старается примирить несходныя правила даже тамъ, гдѣ отъ примиренія ихъ отказался Зонара.

Такъ, Зонара допускаетъ противорѣчіе между 25-мъ (34-мъ) пр. Карѳаг. соб. и 21-мъ Лаодик. соб. Напротивъ, Вальсамонъ противорѣчія между ними не видитъ. „... Не скажи, замѣчаетъ онъ, что настоящее правило противорѣчитъ 21-му пр. Лаодик. соб., которымъ опредѣляется, что иподіаконны не имѣютъ мѣста въ діаконикѣ и не прикасаются къ священнымъ сосудамъ, но скажи, что одно значеніе имѣетъ греческое слово $\phi\eta\lambda\alpha\varphi\acute{\alpha}\nu$, а другое слово: $\acute{\alpha}\pi\tau\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$; ибо $\phi\eta\lambda\alpha\varphi\acute{\alpha}\nu$, т. е. переставлять съ мѣста на мѣсто, означаетъ служеніе, и дѣлать это не воспрещается служителю ($\delta\iota\acute{\alpha}\kappa\omicron\nu\omicron\varsigma$), а $\acute{\alpha}\pi\tau\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ (прикастаться) предоставлено однимъ священникамъ и служащимъ при церкви, т. е. діаконамъ. А по настоящему правилу, не только прикасающіеся ($\acute{\alpha}\pi\tau\acute{\omicron}\mu\epsilon\nu\omicron\iota$) къ священнымъ сосудамъ, но и переносящіе ихъ ($\phi\eta\lambda\alpha\varphi\acute{\omega}\nu\tau\epsilon\varsigma$) должны воздерживаться во время своей чреды...“ ³⁾.

Оригинально разрѣшено Вальсамономъ несогласіе 12-го пр. Карѳаг. соб. съ 4-мъ Антиох. „Когда 4-е пр. Антиох. соб. постановляетъ ясно, что изверженія пресвитеровъ и діаконѳовъ совер-

1) См. толков. Вальсамона на Апост. пр. 67-е, 79-е; 1-го всел. 15-е; 2-го всел. 6-е; Ефес. 6-е; Халкид. 3-е, 7-е, 16-е, 20-е, 23-е, 26-е; Трул. 7-е, 9-е, 10-е, 13-е, 20-е, 21-е, 44-е, 51-е, 87-е, 90-е; 7-го всел. 19-е; Анкир. 4-е, 12-е, 25-е; Неокес. 2-е; Антиох. 4-е, 14-е; Лаодик. 34-е; Сардик. 1-е, 7-е; Карѳ. 6-е, 10-е, 12-е, 25-е (34-е), 33-е (42-е), 80-е (91-е); 120-е (134-е); въ храмѣ св. Апост. 4-е, 10-е; Григ. Неокес. 1-е и 2-е; св. Василия В. 27-е, 28-е и 29-е, 32-е, 53-е, 58-е и 59-е, 60-е, 77-е, 78-е и 79-е, 81-е, 83-е.

2) Прав. св. всел. соб., стр. 732.

3) Правила св. помѣст. соб., стр. 460.

шаются однимъ епископомъ, а изверженія епископовъ — соборомъ, то кажется противорѣчить ему настоящее правило, опредѣляющее, что по меньшей мѣрѣ двѣнадцать епископовъ судятъ епископа по дѣлу о преступленіи, пресвитера — шесть и діакона — три. Но эти правила не противорѣчатъ одно другому, но первое, т. е. Антиохійскаго соб., опредѣлило производить такіе суды иначе, а настоящее правило, много позднѣйшее, предписало, чтобы такіе суды совершались много осторожнѣе, *а законоположеніе болѣе осторожное не есть противорѣчіе* 1)...

Въ случаѣ же дѣйствительнаго несогласія между канонами, Вальсамонъ, при разрѣшеніи вопроса о томъ, какому канону должно быть отдано предпочтеніе, руководствуется слѣдующими соображеніями: а) на основаніи общаго юридическаго правила, онъ *отдаетъ предпочтеніе тому канону, постановленіе котораго является болѣе мягкимъ по отношенію къ виновному;*²⁾ б) слѣдуя основному положенію римскаго права „lex posterior derogat priori“, *позднѣйшему канону отдаетъ преимущество передъ болѣе раннимъ*³⁾.

1) Тамъ же, стр. 401.

2) Въ толкованіи на 6-е Апост. пр. Вальсамонъ пишетъ: „...Какъ это Апост. пр. говоритъ, что клирикъ поступающій такимъ образомъ извергается, а 81-е Апост. пр. и другія правила говорятъ: или да престанетъ, или да извержется, то иной можетъ спросить: *чему мы должны слѣдовать? И я думаю тому, что болѣе человекъ юбиво*, потому что св. синодъ и пречестнаго онаго великаго эконома Аристина въ теченіе тридцати дней чрезъ тоекратное напоминаніе приглашалъ удержаться отъ свѣтской, судейской должности“. Правила св. Апостоль съ толков., стр. 11.

3) Такъ, въ толкованіи на 39-е (48-е) пр. Карѣ. соб., запрещающее первенствующему епископу именоваться экзархомъ, Вальсамонъ замѣчаетъ: „9-е пр. Халкид. соб. и 6-е и 7-е Сардик. экзархами областей называютъ епископовъ метрополій, и *держись правила Халкидонскаго собора, какъ позднѣйшаго...*“ Прав. св. помѣстн. соб., стр. 498. — См. также Апост. пр. 54-е; 1-го всел. 17-е; Трул. 50-е; Анкир. 22-е; Карѣ. 102-е (115-е), 126-е (140-е).

Иногда Вальсамонъ дѣлаетъ выводы изъ правилъ на основаніи противоположенія. Такъ, въ толкованіи на 1-е пр. Гангр. соб. онъ пишетъ: „... Прочти еще 51-е пр. св. Апостоловъ и скажи, что, *по противоположенію*, не наказываются тѣ, которые гнушаются и изгоняютъ прелюбодѣйца и невѣрныхъ женъ своихъ“¹⁾.

Далѣе, при изъясненіи Синтагмы, Вальсамонъ не упускаетъ изъ виду дѣйствующаго гражданскаго законодательства (Базиликъ) и въ толкованіяхъ правилъ или приводитъ содержаніе гражданскихъ законовъ, къ нимъ относящихся и не утратившихъ практическаго значенія²⁾, или только указываетъ, гдѣ именно въ Базиликахъ можно ихъ найти³⁾, стараясь при этомъ, по возможности, каноны согласовать съ

1) Правила св. помѣст. соб., стр. 109.

2) Апост. пр. 5-е, 16-е, 17-е, 20-е, 28-е, 38-е, 48-е, 67-е, 75-е; Халкид. 3-е, 16-е, 17-е, 24-е; Трул. 8-е, 24-е, 26-е, 34-е, 41-е, 47-е, 62-е, 64-е, 70-е, 73-е, 76-е, 86-е, 87-е, 92-е, 93-е, 94-е, 97-е; 7-го всел. 4-е, 5-е, 8-е, 17-е, 18-е; Неокес. 8-е; Антиох. 12-е; Лаодик. 36-е, 42-е; Сардик. 5-е; Карѣ. 13-е, 15-е (15-е—18-е), 20-е (29-е), 26-е (35-е), 35-е (44-е), 44-е (53-е), 48-е (59-е), 64-е (75-е), 81-е (92-е), 96-е (107-е и 108-е), 120-е (134-е), 122-е (136-е), 129-е (144-е), 130-е (145-е), 131-е (146-е); въ хр. св. Апост. 1-е, 5-е, 6-е, 17-е; Григ. Неокес. 2-е, 3-е, 5-е, 8-е, 9-е, 10-е; св. Василия В. 6-е, 22-е, 24-е, 25-е, 27-е, 30-е, 32-е, 33-е, 39-е, 41-е, 43-е, 48-е, 55-е, 61-е, 62-е и 63-е, 67-е и 68-е, 69-е, 71-е. — Въ толкованіи на 4-е пр. св. Василия Вел. Вальсамонъ приводитъ полное содержаніе „тома единенія“ (τόμος ἐνώσεως), составленнаго при императорѣ Константинѣ Порфирородномъ и Романѣ въ 6428 (920) г. Въ виду важности этого акта, укажемъ на главныя его положенія: 1) 4-й бракъ совершенно запрещается; 2) вступившіе въ 3-й бракъ, послѣ 40 лѣтъ, если нѣтъ дѣтей отъ первыхъ браковъ, подвергаются пятилѣтнему отлученію отъ св. причащенія; 3) если у лицъ, перешедшихъ 40-лѣтній возрастъ, есть дѣти, то 3-й бракъ вовсе не дозволяется; 4) вступившіе въ 3-й бракъ въ 30-лѣтнемъ возрастѣ подвергаются — имѣющіе дѣтей отлученію отъ св. причащенія на 4 года, а не имѣющіе дѣтей на 3 года.

3) Апост. пр. 17-е, 21-е, 37-е, 40-е и др.

законами ¹⁾ (также часто отсылаетъ читателя къ Номоканону ²⁾).

Выполняя указанную выше задачу, Вальсамонъ въ то же время старается въ своихъ толкованіяхъ, по возможности, со всѣхъ сторонъ освѣтить содержаніе изъясняемыхъ правилъ. Онъ объясняетъ смыслъ и значеніе нѣкоторыхъ употребленныхъ въ текстѣ правила словъ и выраженій ³⁾; вы-

1) Апост. 67-е; Халкид. 3-е, 9-е; Трул. 21-е, 41-е, 48-е; Сардик. 5-е; Карѣ. 15-е (15-е—18-е); въ хр. Апост. 6-е; св. Василія В. 26-е, 43-е.

2) Апост. 6-е, 17-е, 18-е, 21-е, 29-е и 30-е, 37-е и др.

3) Такъ, въ толкованіи на 61-е пр. Трул. соб. Вальсамонъ говоритъ: . . . Настоящее правило опредѣляетъ, чтобы никто не обращался къ колдунамъ или гадалеямъ, ни къ такъ называемымъ стоначальникамъ, ни къ тѣмъ, которые водятъ медвѣдицъ, ни къ облакогонителямъ, ни къ обоятелямъ, ни къ тѣмъ, которые даютъ предохранительные талисманы . . . Колдунами (*μάγταις*) называются гадающіе по ладони руки, смотрящіе въ сосудъ, жертвами спрашивающіе о чемъ нибудь отца своего сатану, и вообще всѣ тѣ, которые какими нибудь знаками демонскаго наученія желаютъ прозрѣвать въ будущее и предають себя демону. — Стоначальниками (*ἐκατόνταρχοι*) у насъ называются первенствующіе *πρῶτοι*, а въ древности это были люди старые, то есть, болѣе разсудительные, стоящіе выше прочихъ по уму, которые, обольщая простѣйшихъ своими гнусными занятіями, получали почитаніе, какъ ложные боги. — Водящими медвѣдей называются тѣ, которые ихъ кормятъ. Они къ головѣ животнаго и на всемъ тѣлѣ его привязываютъ сосуды съ жидкостью, и отрѣзывая волосы отъ него даютъ ихъ вмѣстѣ съ жидкостью, какъ предохранительные талисманы, и какъ имѣющіе сему помогать въ болѣзняхъ и противъ завистливыхъ глазъ. Другіе носятъ въ пазухѣ змѣй (это такъ называемые асинганы), и говорятъ, что одинъ рожденъ въ злополучный день, а другой, напротивъ, подъ счастливою звѣздою, предвѣщаютъ будущее счастье и несчастье, выдумываютъ и другое, о чемъ нельзя даже и писать. — Облакогонителями называются по облакамъ предъугадывающіе для многихъ невѣдомое. Разсматривая облака, и особенно, когда при заходженіи солнца они дѣлаются огневидными, выдумываютъ, будто по нимъ узнають истину. По облаку, похожему на голубя, говорятъ, что спрашивающему угрожаетъ опасность, по другому, похожему на человѣка, заносащаго мечъ, предвѣщаютъ войну;

сказываетъ предположеніе относительно мотивовъ и обстоятельствъ, которые могли вызвать появленіе правила ¹⁾; указы-

по иному, похожему на льва, предсказываютъ о дѣйствіи императорскихъ указовъ, предрекаютъ и нѣкоторыя другія странныя и пустыя вещи. — Обоятелей — сколько можемъ увидѣть: они говорятъ нѣкоторыя божественныя псалмопѣнія, упоминаютъ и мученическія имена, или даже и саму Пресвятую Богородицу. — Дѣлателями предохранительныхъ талисмановъ называются тѣ, которые по демонскому обобщенію даютъ обманываемымъ ими какія — то плетеня, сдѣланныя изъ шелковыхъ нитокъ, и называемыя мешечками (*πουγγία*), внутри которыхъ иногда находится записки, а иногда какая нибудь другая пустая вещь, какая случится, и говорятъ, что получающіе ихъ должны непрестанно носить ихъ, повѣсивъ ихъ на шею, для предохраненія отъ всякаго зла... Таковы же и такъ называемыя *κρίτριαι*, которыя сидятъ у церквей и у святыхъ иконъ и проповѣдуютъ, что отъ нихъ узнаютъ будущее, и предрекаютъ будущее, какъ будто бы имѣли духъ Писона...“ Правила св. вселен. соб. съ толков., стр. 642—644. — См. также толкованія на правила Апост. 34-е; 1-го всел. 3-е; Трул. 71-е, 76-е; Анкир. 21-е; Антиох. 16-е; Лаодик. 22-е, 27-е, 55-е и др.

1) Такъ, въ толкованіи на 29-е пр. Халк. соб., запрещающее „низводитъ епископа на пресвитерскій степенъ“, Вальсамонъ заимствуетъ изъ соборныхъ актовъ свѣдѣнія о событіяхъ, вызвавшихъ данное правило, послужившихъ поводомъ къ его установленію: „Въ концѣ дѣяній IV собора, говоритъ онъ, написано, что Фотиємъ, епископомъ Тирской митрополіи, донесено было императору Маркіану, что епископъ города Берита, воспользовавшись случаемъ, отторгъ отъ Тирской церкви различныя епископіи Вивль, Вотрій, Триполь, Ореосіаду, Арки и Антарадъ, и, низложивши епископовъ, поставленныхъ имъ, Фотиємъ, низвелъ ихъ на степенъ пресвитера...“. Этотъ случай и далъ поводъ къ постановленію, чтобы епископъ не низводился во пресвитера“. Правила св. всел. соб., стр. 265.

101-е пр. Трул. соб. запрещаетъ устраивать для принятія Божественнаго дара вмѣстилища изъ злата или инаго вещества и употреблять ихъ вмѣсто руки. Вальсамонъ въ толкованіи своемъ поясняетъ, что послужило мотивомъ къ такому запрещенію. „Въ тѣ времена, говоритъ онъ, нѣкоторые богатые люди изъ презрѣнія, какъ кажется, къ бѣднѣйшимъ, приготавливая изъ золота или изъ какого-нибудь другого вещества вмѣстилища подъ видомъ благоговѣнія и страха Божія, пользовались ими какъ бы руками и принимали въ нихъ во время святаго приобщенія пречистое тѣло Господа

ваетъ, какое современное практическое значеніе имѣетъ изъясняемое правило ¹⁾; для большей наглядности иллюстрируетъ правила извѣстными ему примѣрами ²⁾; приводитъ нѣкоторые изъ наиболѣе замѣчательныхъ случаевъ, восходившихъ на разрѣшеніе Константинопольскаго синода ³⁾ и рассказываетъ

и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. Въ началѣ можетъ быть это и было придумано нѣкоторыми изъ благоговѣнія, такъ какъ могли думать, что рука, касающаяся нѣкоторыхъ неприличныхъ и недостойныхъ предметовъ, недостойна для принятія Господняго тѣла. Но съ теченіемъ времени это благоговѣніе обратилось въ душевную пагубу, поелику дѣлавшіе это искали предпочтенія предъ бѣднѣйшими и иначе какъ нибудь тщеславились...". Тамъ уже стр. 770—771. — Подобные же примѣры приведены въ толкованіяхъ на правила Трул. соб. 43-е и 88-е; Антиох. 16-е; Лаод. 26-е, 47-е; Карс. 47-е (57-е—58-е), 54-е (65-е), 71-е (82-е) и нѣк. друг.

1) Такъ, доказывая въ толкованіи на 78-е Апост. пр., что не должно исключать изъ священнаго чина того, кто послѣ полученія священства получить тѣлесную болѣзнь и не можетъ совершать служенія, Вальсамонъ указываетъ, что на практикѣ такъ и дѣлается, что „...многіе архіереи, священники и діаконы, потерявшіе зрѣніе, или подвергнушіеся какой либо другой неисцѣльной болѣзни и лишившіеся возможности совершать какое-либо архіерейское служеніе, до конца ихъ жизни не были исключаемы изъ священнаго чина...". Правила св. Апост. съ толков., стр. 145.

Въ толкованіи на 79-е пр. Трул. соб., запрещающее готовить въ день, слѣдующій за праздникомъ Рождества Христова, хлѣбное печеніе и передавать его другъ другу, какъ бы въ честь болѣзней рожденія Пресвятой Дѣвы Маріи, Вальсамонъ замѣчаетъ: „...Вслѣдствіе сего (запрещенія) благодатью Христовою съ того времени въ семь царствующемъ градѣ никто не дерзалъ дѣлать ничего такого; но послѣ неизреченнаго Рождества Христа и Бога нашего всѣ вѣрные божественными псалмопѣніями и церковнымъ пѣснопѣніемъ празднуютъ рожденіе Пресвятою Дѣвою". Правила св. всел. соб., стр. 696.

См. также толкованія на правила Трул. 72-е; 7-го всел. 13-е; Анкир. 7-е; Лаодик. 15-е; въ хр. св. Апост. 8-е, 15-е и др.

2) Апост. 3-е, 51-е, 60-е; 1-го всел. 15-е; 2-го всел. 3-е; Халкид. 4-е, 16-е; Трул. 7-е и мн. др.

3) Такъ, въ толкованіи на 33-е пр. св. Василия Вел. Вальсамонъ пишетъ: „...А о томъ, наказывать, или нѣтъ, тѣхъ женщинъ, кото-

случаи изъ собственной практики ¹⁾. Эта часть труда Вальсамонъ заключаетъ въ себѣ весьма много интереснаго каноническаго и юридическаго матеріала, не потерявшаго этого интереса и въ настоящее время.

Такъ, въ толкованіи на 23-е пр. Трул. соб. ²⁾ Вальсамонъ пишетъ: „Остановившись довольно времени тому назадъ, въ одномъ селеніи, по имени Кологихъ, лежащемъ въ Херсонесскомъ округѣ, на святой великій день Пасхи Христова Воскресенія, я увидѣлъ, что сельскія женщины и мужчины послѣ утренней божественной службы стекались въ храмъ соборной церкви съ птичьими яйцами, положенными на квасномъ хлѣбѣ, съ вялеными мясами и съ другими нѣкоторыми веществами годными для пищи, или употребляемыми и для другого чего, и спросилъ, для чего это дѣлается? Мнѣ отвѣтствовано было, что каждый привѣтствуетъ священника, проповѣдающаго народу божественное освященіе, чѣмъ можетъ; ибо иначе никому нельзя явиться къ священнику и принять святыню. И тогда я выразилъ порицаніе этому обычаю. А нынѣ, нашедши настоящее правило, я возблагодарилъ его за то, что оно запрещаетъ требовать себѣ денегъ, или чего-

---

рья повергаютъ своихъ младенцевъ при входахъ въ божественные храмы, нѣсколько разъ возбуждаемъ былъ вопросъ въ собраніяхъ синода, и было рѣшено, чтобы таковыя подвергались наказанію, какъ убійцы, хотя бы младенцы и были кѣмъ-либо сохранены въ живыхъ“. Правила св. Отець, съ толков., стр. 274. См. также толкованія на правила Апост. 14-е; Трул. 84-е; Анкир. 3-е, 12-е и др.

1) Трул. 23-е, 44-е, 60-е, 61-е и др.

2) Правило это гласитъ: „Никто изъ Епископовъ, или пресвитеровъ, или діаконовъ, преподавая пречистое причастіе, да не требуетъ отъ причащающагося за такое причащеніе денегъ, или чего инаго. Ибо благодать не продается и мы не за денги преподаемъ освященіе Духа, но неуничиженно должно преподавать оное достойнымъ сего дара. Аще же кто изъ числящихся въ клирѣ усмотренъ будетъ требующимъ какого-либо рода воздаянія отъ того, кому преподаетъ пречистое причастіе: да будетъ изверженъ, яко ревнитель Симонова заблужденія и коварства“.

нибудь другаго отъ пріемлющихъ святыню, потому, говорить, что освященіе не продается и не раздается за деньги, но даромъ раздаются святыя дары достойнымъ...“¹⁾).

Въ толкованіи на 61-е пр. Трул. соб., относительно существовавшихъ въ то время разнаго рода суевѣрій даже среди духовенства и монашества, Вальсамонъ пишетъ: „... Если бы я имѣлъ время рассказать, сколько я видѣлъ такихъ случаевъ въ синодѣ на судѣ, я составилъ бы объ нихъ большую повѣсть. Скажу немного. Одинъ игуменъ монастыря Осіи, бывъ обвиненъ въ нѣкоторыхъ такихъ суевѣріяхъ, носилъ за пазухую, какъ оказалось на самомъ дѣлѣ при освидѣтельствovanіи, сорочку новорожденнаго младенца, и сказалъ, что она дана ему одною женщиною для отвращенія и загражденія устъ тѣмъ, которые покусились бы говорить противъ него. Посему и подвергся осужденію. Одинъ священникъ былъ обвиненъ въ томъ, что святыи хлѣбъ великаго четвертка давалъ разнымъ женамъ и мужамъ, чтобы тѣмъ обличить похитившаго какуюнибудь вещь, въ томъ случаѣ, ежели не скоро потребить оный; и испилъ чашу изверженія. И другой священникъ, обвиненный въ томъ, что Евангеліемъ, привязаннымъ къ дереву и вращаемымъ вокругъ, дѣлалъ вопросы о нѣкоторыхъ дѣлахъ по псалмамъ Давидовымъ и чрезъ это на многихъ безвинно навлекъ большія хлопоты, не удостоенъ былъ прощенія. — И изъ монаховъ многіе, и при томъ начальствующие, синодомъ были подвергаемы наказанію за то, что ходили къ какимъ-то женщинамъ, которыя по ячменнымъ зернамъ возвѣщали неизвѣстное другимъ...“²⁾).

Въ толкованіи на 84-е пр. Трул. соб.³⁾ Вальсамонъ приводитъ извѣстный ему случай, восходившій на разрѣшеніе

1) Правила св. вселенск. соб., съ толков., стр. 519—520.

2) Тамъ же, стр. 643—644.

3) Правило это читается такъ: „Послѣдую каноническимъ постановленіямъ Отець, опредѣляемъ и о младенцахъ: каждый разъ,

Константинопольскаго синода, изъ котораго видно, что крещеніе, совершенное не съ добрымъ расположеніемъ и не съ православнымъ намѣреніемъ, а ради какихъ либо постороннихъ цѣлей, должно быть признано недѣйствительнымъ : „... Во дни святѣйшаго патріарха Киръ-Луки, рассказываетъ Вальсамонъ, явились въ синодѣ агаряне и, когда отъ нихъ потребовали, чтобы они приняли крещеніе, то они сказали, что уже прежде были крещены въ своихъ странахъ; а когда ихъ спросили, какимъ образомъ могло это случиться, то они отвѣчали, что есть обычай крестить всѣхъ дѣтей агарянскихъ у православныхъ священниковъ. Но это не было принято въ уваженіе, ибо они должны были услышать, что крещеніе, какого ищутъ невѣрные у христіанъ, ищется не съ добрымъ расположеніемъ и не съ православнымъ намѣреніемъ, а ради тѣлеснаго врачеванія. Ибо у агарянъ есть повѣрье, что дѣти ихъ подвергаются бѣснованію и имѣютъ запахъ свойственный псамъ, если не примутъ христіанскаго крещенія; и поэтому ищутъ крещенія не какъ средства, очищающаго отъ всякой душевной скверны и подающаго божественный свѣтъ и освященіе, но какъ врачества, или заклинанія...“¹⁾,

Въ толкованіи на 69-е пр. св. Василия Вел. Вальсамонъ приводитъ примѣры, изъ которыхъ видно, что высказанный имъ въ дополнительномъ толкованіи на 98-е пр. Трул. соб. взглядъ о томъ, что обрученіе имѣетъ во всемъ одинаковую силу съ совершеннымъ бракомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ не былъ раздѣляемъ Константинопольскимъ синодомъ : „... А когда, говорить онъ, достопочтенный и великій друнгарій, господинъ Стефанъ Комнинъ, хотѣлъ вступить въ бракъ съ

когда не обрѣтаются достовѣрные свидѣтели, несомнѣнно утверждающіе, яко крещены суть, и когда сами они, по малолѣтству, не могутъ дать потребный отвѣтъ о преподанномъ имъ таинствѣ, должно безъ всякаго недоумѣнія крестити ихъ: да таковое недоразумѣніе не лишитъ ихъ очищенія толикою святынею“.

1) Прав. св. всел. соб. съ толков., стр. 708—709.

госпожею Евдокією, дочерью достопочтеннаго и великаго доместика господина Іоанна, и встрѣтилъ препятствіе въ томъ, что родная ея сестра госпожа Ирина была обручена съ достопочтеннымъ господиномъ Алексіемъ, сыномъ перваго изъ достопочтенныхъ протосебастовъ господина Іоанна, сына приснопамятнаго самодержца, бывшимъ двоюроднымъ братомъ великаго друнгарія, и оказалось невозможнымъ, чтобы два двоюродныхъ брата сочетались съ двумя сестрами, то въ синодѣ, во дни святѣйшаго патріарха господина Николая Музалона, происходили разсужденія о томъ, препятствуетъ ли это браку великаго друнгарія, и было рѣшено, что не препятствуетъ, потому что обрученіе не замѣняетъ полного брака. И святѣйшій патріархъ господинъ Θεодосій позволилъ месопотамиту господину Михаилу, который былъ обрученъ съ нѣкою Маріей и, послѣ ея смерти, взялъ другую до (совершенія) брака, безъ предосужденія вступить въ новый бракъ послѣ смерти этой (жены), несмотря даже на то, что онъ имѣлъ и дѣтей и переступилъ за 30-лѣтній возрастъ, каковое позволеніе патріархъ основывалъ на томъ, что послѣдній бракъ нельзя считать троebraчіемъ, такъ какъ обрученіе не равно полному браку...". Хотя, по мнѣнію Вальсамона, „это было допущено потому, что не было извѣстно, что между обрученными произошло и совокупленіе; ибо если бы было совокупленіе, то непослѣдовало бы и такого (разрѣшенія на бракъ), дабы не допустить явнаго кровосмѣшенія и беззаконнаго брака“, однако, замѣчаетъ онъ, и „то, что было дозволено такимъ образомъ, не безопасно“¹⁾.

Въ толкованіи на 74-е пр. того же святаго²⁾ Вальсамонъ приводитъ извѣстный ему случай наказанія архіерея за злоупотребленіе правомъ смягчать и увеличивать епитиміи:

1) Прав. св. Отецъ съ толков., стр. 343—344.

2) Правило это гласитъ: „Аще кто бы то ни былъ изъ падшихъ въ вышеписанные грѣхи исповѣдавшись, содѣлается ревностнымъ въ исправленіи: то пріявшій отъ челоуколюбія Божія власть разрѣшати и связывати, не будетъ достоинъ осужденія, когда, видя крайне усерд-

„... Когда нѣкоторый воинъ, читаемъ мы въ его толкованіи на это правило, впалъ въ преступленіе вольнаго убійства и былъ однимъ архіереемъ письменно разрѣшенъ послѣ весьма непродолжительнаго времени, державный и святой нашъ императоръ, огорчившись этимъ случаемъ, повелѣлъ во дни свѣтѣйшаго патріарха господина Луки разсмотрѣть въ синодѣ, правильно ли дано воину разрѣшеніе отъ епитиміи съ такою поспѣшностью и, такъ сказать, не по состраданію, а по страсти. И когда архіерей ссылался на настоящее правило и другія, которыя, повидимому, оправдывали его во взводимой на него чрезмѣрной мягкости наказанія, святой синодъ, разсмотрѣвъ, по присущему ему озаренію отъ всесвятаго Духа, истинный смыслъ правилъ, снова подвергнувъ воина несокрушимымъ узамъ каноническихъ епитимій, а архіерея наказавъ умѣреннымъ отлученіемъ отъ священнослуженія, сказавъ, что хотя архіереямъ и дозволяется увеличивать и уменьшать каноническія епитиміи, но связывать паутинными нитями то, что должно быть связано тройными канатами, не дано“¹⁾.

Разматривая съ особою подробностью вопросы, волновавшіе тогдашнее общество, Вальсамонъ разбираетъ господствовавшія въ то время мнѣнія по этимъ вопросамъ, отдавая взглядамъ однихъ (обыкновенно болѣе гуманнымъ) предпочтеніе передъ взглядами другихъ²⁾. Въ этихъ, приведенныхъ Вальсамономъ, контраверзахъ относительно пониманія нѣкоторыхъ каноновъ заключается также немало интереснаго каноническаго матеріала.

Укажемъ для примѣра на толкованія 14-го пр. 7-го всел. ное исповѣданіе согрѣшившаго, содѣлается милостивѣе и сократитъ епитимію. Поелику повѣствованія священнаго Писанія показываютъ намъ, яко съ большимъ подвигомъ исповѣдующіеся скорѣе получаютъ Божіе милосердіе“.

1) Прав. св. Отецъ съ толков., стр. 356.

2) Апост. 8-е, 74-е; Никейск. 1-го всел. 3-е, 6-е, 19-е, 20-е; 2-го всел. 3-е, 6-е и др.

соб., 17-го пр. Констант. соб. въ хр. св. Апост. и 38-го пр. св. Василия Вел.

Въ первомъ изъ этихъ толкованій Вальсамонъ входитъ въ разсмотрѣнiе ряда возникающихъ при чтенiи правила вопросовъ, интересовавшихъ современныхъ ему канонистовъ, и, приведя существовавшiя по этимъ вопросамъ мнѣнiя, высказываетъ также и свой собственный взглядъ. Вопросы эти слѣдующiе:

1) Должно ли считать лицъ, имѣющихъ постриженiе чрезъ архiерейское руковозложенiе, но еще не причтенныхъ къ клиру, клириками? Вальсамонъ несогласенъ со взглядомъ тѣхъ, которые отвѣчали на этотъ вопросъ отрицательно: „На основанiи настоящаго правила ¹⁾, пишетъ онъ, разрѣшается великое возраженiе тѣхъ, которые говорятъ, будто лица, имѣющiя только постриженiе чрезъ архiерейское руковозложенiе и еще не причтенныя къ клиру, не суть клирики, такъ что они имѣютъ право опять обращаться въ мiрское званiе. Ибо совершенно ясно открывается, что какъ скоро кто приметъ руковозложенiе постриженiя отъ архiерея, онъ тотчасъ дѣлается клирикомъ, такъ какъ ему дозволяется и читать на амвонѣ“ ²⁾.

2) Въмѣстѣ съ производствомъ во игумена, даетъ ли этому игумену право дѣлать чтецами монаховъ въ своемъ монастырѣ, безъ особаго на то разрѣшенiе архiерея? Вопросъ

---

1) Въ 14-мъ пр. 7-го всел. соб., между прочимъ, читаемъ: „... понеже видимъ, яко нѣкiе, безъ руковозложенiя, въ дѣтствѣ принявъ причетническое постриженiе, но еще не получивъ Епископскаго рукоположенiя, въ церковномъ собранiи на амвонѣ читаютъ, и сiе дѣлаютъ несогласно съ правилами: то повелѣваемъ отнынѣ сему не быти. Сiе же самое соблюдати и въ разсужденiи монаховъ. Рукоположенiе же чтеца творити позволяется каждому игумену въ своемъ, и токмо въ своемъ монастырѣ, аще самъ игумень получилъ рукоположенiе отъ Епископа въ начальство игуменское, безъ сомнѣнiя уже будучи пресвитеромъ...“

2) Прав. св. всел. соб. съ толков., стр. 860.

былъ спорный. Нѣкоторые полагали что, „...поелику и чтець есть клирикъ, то онъ необходимо долженъ быть поставляемъ съ руковозложеніемъ епископа, или съ его дозволенія; почему и игумень тогда можетъ совершать въ своемъ монастырѣ производство во чтеца, когда и это будетъ ему дозволено архіереемъ его. Ибо если не скажемъ этого, то по необходимости признаемъ за нимъ право безъ архіерейскаго дозволенія принимать и исповѣдь монаховъ своихъ и другихъ, что невозможно. Ибо только архіереямъ и тѣмъ священникамъ, которые отъ нихъ получаютъ дозволеніе, предоставлено свыше вязать и рѣшить. А когда съ противной стороны сказали, что если требуется на это для игумена еще особенное дозволеніе мѣстнаго епископа, то предоставленное игумену правиломъ обращается въ ничто; тѣ, съ своей стороны, отвѣчали, что и такимъ образомъ дается игумену большое право; ибо когда ни одинъ священникъ не можетъ совершать производства во чтеца, хотя бы было дозволено это архіереемъ, указанные игумены, по архіерейскому опредѣленію, совершаютъ это, что и есть особенное преимущество. А мнѣ, замѣчаетъ съ своей стороны Вальсамонъ, думается, что правиломъ предоставлено это игуменамъ безъ ограниченія...“¹⁾

3) Можетъ ли быть игуменомъ лицо, не имѣющее священства? Относительно этого вопроса существовали также два мнѣнія. Приведа мнѣнія нѣкоторыхъ, отвѣчавшихъ на него утвердительно, и другихъ, державшихся противоположнаго взгляда, Вальсамонъ отдаетъ предпочтеніе первымъ; онъ пишетъ: „...Еще, когда возникло пререканіе относительно того, бывають ли игуменами лица не имѣющія священства, нѣкоторые говорили, что, поелику они производятся по испытанію отъ епископа, то конечно епископъ изберетъ того, кто искусенъ въ дѣлѣ врачеванія душъ, хотя бы это было лицо и не имѣющее священства; а ни какъ не того, кто хотя

¹⁾ Тамъ же, стр. 861.

имѣть рукоположеніе, но не имѣть сказаннаго искусства; точно также какъ и болящій тѣлесно не избретъ для врачеванія себя человекъ не свѣдущаго во врачебномъ искусствѣ на томъ основаніи, что этотъ избранъ въ званіе главнаго врача, и не обойдетъ человекъ умнаго и свѣдущаго, но не избраннаго въ сіе званіе, потому что не избраніе, а хорошее знаніе дѣла даетъ исцѣленіе. А другіе, напротивъ, полагали, что поелику правило опредѣляетъ, что имѣютъ это право произведенные во игуменовъ отъ епископовъ, то-есть, уже имѣющіе священство, то изъ этого открываются, что кто не священникъ, тотъ не производится и въ игумена. Но это, по моему мнѣнію, замѣчаетъ Вальсамонъ, не такъ. Ибо не для игуменства прибавлено святыми отцами, что игумены непременно суть священники, а для производства чтеца, такъ какъ невозможно, чтобы чтець былъ поставленъ отъ игумена, не имѣющаго священства. И такъ, на основаніи настоящаго правила и на основаніи 19-го, говори, что правильно производятся въ игумены и лица не имѣющія священства, потому что игуменствуютъ и женщины...“¹⁾).

Въ толкованіи на 17-е пр. Константиноп. соб. въ храмѣ св. Апост., въ которомъ, между прочимъ, говорится: „...правильно рукополагаемый да пройдетъ чрезъ всѣ степени священства, исполняя въ каждомъ положенное закономъ время“, Вальсамонъ, приведя два мнѣнія относительно того, какъ продолжительно должно быть это положенное закономъ время (оба мнѣнія были совершенно различны: одни говорили, что она равняется недѣлѣ, другіе —15 годамъ), присоединяется къ первому изъ нихъ: „...я склоняюсь къ тому, пишеть онъ, что указано св. отцемъ нашимъ Григоріемъ Богословомъ относительно совершенія священниковъ, и говорю, что рукоположеніе на каждую степень по необходимости должно совершаться чрезъ семь дней; и тѣмъ болѣе, что это при-

1) Тамъ же, стр. 861--862.

нимаєть неписанный церковный обычай, допуская такія рукоположенія на каждую степень...“¹⁾).

Въ толкованіи на 38-е пр. св. Василя Вел.¹⁾ Вальсамонъ входитъ въ обсужденіе весьма важнаго на практикѣ вопроса о незаконныхъ бракахъ, заключенныхъ съ нарушеніемъ условій, которыя въ послѣдствіи могутъ быть восполнены, именно: 1) когда бракъ совершенъ надъ несовершеннолѣтними и 2) когда бракъ совершенъ надъ лицами подвластными, безъ согласія на то лицъ, власть имѣющихъ. По мнѣнію однихъ, въ обоихъ случаяхъ бракъ долженъ считаться абсолютно недѣйствительнымъ и благословеніе на бракъ, по прекращеніи препятствія, должно быть въ обоихъ случаяхъ повторено; по мнѣнію другихъ (между прочимъ, Никейскаго митрополита Константина), вторичное благословеніе брака необходимо только въ первомъ изъ этихъ случаевъ, во второмъ же оно не повторяется. Въ толкованіи Вальсамона читаемъ: „... По случаю несостоятельно совершеннаго благословенія надъ несовершеннолѣтнею дѣвицею, когда получившіе брачное благословеніе пожелали неразлучно оставаться въ бракѣ, возбужденъ былъ вопросъ, законны-ли рождающіяся отъ нихъ дѣти? Нѣкоторые говорили, что поелику бракъ былъ недѣйствителенъ изъ начала, по причинѣ несовершеннолѣтія дѣвицы — а что недѣйствительно изъ начала, тому, какъ говорить законъ, не дають силы послѣдующія за тѣмъ обстоятельства, — то по необходимости нужно сказать, что пока не совершенно вторичное молитвословіе, они не состоятъ въ законномъ бракѣ. Точно также, говорили, должно поступать и съ подвластною, принявшею благословеніе на бракъ безъ согласія отца, именно: хотя бы послѣ того и далъ свое согласіе (на бракъ подвластной) тотъ, кто

1) Прав. св. помѣст. соб. съ толков., стр. 864.

2) Правило это гласитъ: „Отроковицы, безъ соизволенія отца посягшыя, блудодѣйствуютъ. Но примиреніемъ съ родителями дѣло сіе мнѣти врачеваніе. Впрочемъ онѣ не тотчасъ допускаются къ приобщенію, но запрещаются на три лѣта“.

имѣть власть надъ нею, бракъ не можетъ состояться, если не будетъ совершено и молитвословіе. А блаженной памяти господинъ Константинъ, (митрополитъ) Никейскій, говорилъ, что по отношенію къ подвластной не требуется, чтобы совершалось вторичное молитвословіе изъ-за пренебреженія только къ лицу, т. е. къ отцу, и что эта (причина) устраняется (послѣдующимъ его) согласіемъ; а по отношенію къ несовершеннолѣтней онъ хотѣлъ, чтобы молитвословіе повторялось по той причинѣ, что тутъ нарушенъ общій законъ, и дѣло врачуется не иначе, какъ по приведеніи его въ законное состояніе“. Самъ Вальсамонъ не раздѣляетъ ни того, ни другого взгляда: по его мнѣнію и въ первомъ, и во второмъ случаѣ благословеніе брака не повторяется „изъ уваженія къ молитвословію“¹⁾.

Далѣе, въ своихъ толкованіяхъ Вальсамонъ не упускаетъ случая объяснить смыслъ нѣкоторыхъ церковныхъ обрядовъ²⁾; знакомить читателя съ нѣкоторыми фактами изъ гражданской и церковной исторіи³⁾, и, при всякомъ удобномъ случаѣ, старается сообщить ему нѣкоторыя изъ нужныхъ и полезныхъ свѣдѣній⁴⁾. О важности и необходимости для современниковъ Вальсамона этихъ свѣдѣній можно судить на основаніи собственныхъ словъ Вальсамона. Такъ, въ толкованіи на 53-е пр. Трул. собора, приведя содержаніе 24-ой новеллы императора Льва Философа, запрещающей усыновленнымъ вступать въ бракъ съ дѣтьми усыновителя, онъ замѣчаетъ: „... И держи это въ памяти; ибо объ этомъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не упоминается, и посему для многихъ

1) Прав. св. Отецъ съ толков., стр. 284—285.

2) Трул. 32-е; Антиох. 2-е и др.

3) Трул. 24-е, 81-е и др.

4) Апост. 69-е; Халкид. 6-е; Трул. 11-е, 19-е, 32-е, 33-е, 53-е; 7-го всел. 7-е, 14-е; Неокес. 14-е; Карѣ. 56-е (67-е), 73-е (84-е) и др. Въ толкованіи на 73-е (84-е) пр. Карѣ. собора Вальсамонъ учитъ, какимъ образомъ можно отыскать день Пасхи и день заговѣнья передъ Пасхою.

остається это неизвѣстнымъ...“¹⁾. По этимъ словамъ Вальсамона можно заключить, что многіе въ его время не знали о существованіи даже столь важнаго для брачнаго права закона.

Въ комментаріи Вальсамона мы находимъ также замѣчанія относительно характера и сферы дѣйствія самыхъ церковныхъ правилъ. Какъ хорошій юристъ, онъ всегда отличаетъ общія нормы отъ частныхъ и мѣстныхъ правилъ²⁾, законы отъ проектовъ закона³⁾; относительно нѣкоторыхъ правилъ замѣчаетъ, что они представляютъ собою лишь дополненіе и болѣе подробное объясненіе другихъ правилъ⁴⁾, или являются лишь повтореніемъ другихъ правилъ⁵⁾; отмѣчаетъ правила, потерявшія силу⁶⁾; указываетъ на исключеніе изъ правила⁷⁾; даетъ нѣкоторымъ правиламъ ограничительное толкованіе⁸⁾; другія, наоборотъ, толкуетъ распространительно⁹⁾.

Критическихъ замѣчаній относительно самыхъ правилъ въ комментаріи Вальсамона на Каноническую Синтагму очень немного. А именно, по поводу 14-го правила Сардикійскаго собора¹⁰⁾ онъ замѣчаетъ: „..Я удивляюсь, какъ отцы не

1) Прав. св. всел. соб. съ толков., стр. 622.

2) Трул. 30-е; Карѳ. 17-е (24-е), 88-е (99-е), 93-е (104-е), 117-е (131-е), 118-е (132-е) и др.

3) Карѳ. 62-е (73-е) и др.

4) Св. Василия В. 52-е и др.

5) Лаодик. 46-е и др.

6) Апост. 5-е, 85-е; Халкид. 15-е; Лаодик. 53-е и др.

7) Апост. 14-е, 16-е, 20-е, 28-е, 64-е, 69-е и др.

8) Халкид. 7-е; Трул. 46-е; 7-го всел. 18-е и др.

9) Апост. 38-е, 54-е; Халкид. 18-е; Трул. 92-е и др.

10) Въ правилѣ этомъ говорится: „Аще обрящется нѣкій Епископъ, склонный ко гнѣву (что въ такомъ мужѣ не должно имѣти мѣста), и внезапно бывъ раздраженъ на пресвитера, или діакона, восхочетъ изринуть нѣкоего изъ Церкви: подобаетъ предохраненіе употребити, да не тотчасъ таковой будетъ осуждаемъ и лишаемъ общенія. Всѣ Епископы рекли: извергаемый да имѣетъ право прибѣ-

опредѣлили, какъ поступать въ томъ случаѣ, если, напримѣръ, папа отлучитъ своего клирика неблагословно, и клирикъ жалуется на отлученіе, но не можетъ обратиться къ большому собору и предложить обвиненіе...“¹⁾. — Относительно 13-го правила св. Василия Вел.²⁾, слѣдую Зонаръ³⁾, говоритъ: „... Хотя правило это изложено достойно святолюбія божественнаго отца, но оно не дѣйствуетъ, потому что можетъ случиться, если оно будетъ принято, что войны, находясь постоянно на войнѣ и убивая непріятелей, никогда не будутъ причащаться, что невыносимо...“⁴⁾. — Наконецъ, въ толкованіи на 3-е правило Теофила Александрійскаго (относительно одного пресвитера, обвиняемаго въ томъ, что онъ до рукоположенія изнасиловалъ женщину, отлучившуюся отъ живого мужа) Вальсамонъ пишетъ: „... Спрошенный объ этомъ, Теофиль сказалъ, что должно произвести изслѣдованіе и, если истинно то, что онъ изнасиловалъ женщину, не допускать его быть пресвитеромъ; ибо какимъ образомъ будетъ пресвитеромъ тотъ, кому не дозволяется входить въ церковь

гвуги къ Епископу митрополіи тоя же области. Аще же Епископа митрополіи нѣтъ на мѣстѣ, прибѣгнути къ сосѣдственному Епископу и просити, да со тшачіемъ изслѣдуется дѣло. Ибо не должно заграждати слуха отъ просящихъ. А Епископъ оный, праведно или неправедно извергшій такового, благодушно сносити долженъ, да будетъ изслѣдованіе дѣла, и приговоръ его или подтвержденъ будетъ, или получить исправленіе. Но прежде нежели тщательно и вѣрно изслѣдованы всѣ обстоятельства, отлученный отъ общенія до разсмотрѣнія дѣла, не долженъ присвояти себѣ общенія...“.

1) Правила св. помѣсти. соб., стр. 340—341.

2) Правило это гласитъ: „Убіеніе на брани Отцы наши не вмѣняли за убійство, извиняя, какъ мнится мнѣ, поборниковъ цѣломудрія и благочествія. Но можетъ быть добро было бы совѣтовати, что бы они, какъ имѣющіе нечистыя руки, три года удержалися отъ пріобщенія токмо святыхъ таинъ“.

3) Въ своемъ толкованіи на это правило Зонара говоритъ: „... я думаю, что это предложеніе Василия Великаго никогда не дѣйствовало...“.

4) Тамъ же, стр. 212.

даже въ качествѣ мірянина, такъ какъ онъ подвергается за грѣхъ отлученію? Ибо церковь изгоняетъ таковыхъ и отлучаетъ отъ вѣрныхъ. Но это сказано у Теофила несогласно съ канонами; ибо 25-е правило св. Апостоловъ, Василія Великаго 3-е и 32-е и Карѳагенскаго собора 27-е (36-е) не отлучаютъ отъ общенія клириковъ, согрѣшившихъ и изверженныхъ...“¹⁾.

Вальсамонъ не проходитъ молчаніемъ весьма спорнаго, но въ тоже время весьма важнаго вопроса о границахъ свѣтскаго и церковнаго суда и разрѣшаетъ этотъ вопросъ такъ: Духовное лицо можетъ быть привлечено къ суду гражданской власти по дѣлу, собственно его касающемуся, а никакъ не по церковному вопросу; когда является какой-нибудь церковный вопросъ, тогда гражданскій судья не долженъ имѣть участія въ его разрѣшеніи²⁾ — положеніе безспорное; его можно назвать аксіомой каноническаго права. Установивъ такое правило, Вальсамонъ указываетъ далѣе на то, что принципъ строгаго отдѣленія свѣтскаго суда отъ духовнаго въ его время не соблюдается: область церковнаго суда все болѣе и болѣе суживается; наоборотъ, сфера суда гражданского безнаказанно расширяется на счетъ суда церковнаго. „... А нынѣ, говоритъ Вальсамонъ, не знаю, по какой причинѣ опредѣленіе правила (объ изверженіи клирика, обращающагося къ суду гражданскому, вмѣсто суда церковнаго) остается въ небреженіи; ибо многіе не только міряне, но и посвященные, привлекаютъ въ гражданскія судилища епископовъ, клириковъ и монаховъ, даже и не имѣя на то царскаго указа, и привлекаемымъ къ суду не приносятъ пользы даже отводъ ненадлежащаго судьи, ибо ихъ принуждаютъ судиться и противъ воли; и ни привлекшіе ихъ къ суду посвященные не терпѣли никакого вреда, ни монахи и клирики, которыхъ призывали къ суду въ церковномъ судилищѣ, но которые,

1) Правила св. Отець, стр. 542.

2) Прав. св. помѣст. соб., стр. 418.

отрекшись отъ сего, потребовали себѣ свѣтскаго слѣдствія, не подверглись никакому наказанію, а равно и клирики или монахи, привлеченные въ свѣтское судилище и согласившіеся въ немъ судиться“. Въ подтвержденіе сказаннаго Вальсамонъ приводитъ такой примѣръ. „Настоятель монастыря Всевиद्याщаго, монахъ Мелетій, будучи привлеченъ къ соборному суду, отказался отъ него, потому что судъ этотъ ему не нравился и перенесъ дѣло по царскому повелѣнію въ судъ свѣтскій. Не смотря на то, что святѣйшій патріархъ Кирь-Лука, оскорбившись этимъ обстоятельствомъ, употреблялъ много усилій къ исправленію случившагося, онъ долженъ былъ выслушать отъ гражданскаго суда отвѣтъ, что царская власть можетъ дѣлать все, и какъ могла первоначально назначить гражданскаго судью, чтобы судить епископа или другое посвященное лицо, привлекаемое къ суду, такъ и вполнѣ, по законному усмотрѣнію, церковный судъ можетъ замѣнить свѣтскимъ“¹⁾.

Говоря о необходимости строгаго разграниченія областей свѣтскаго суда и духовнаго, Вальсамонъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что и по преслѣдуемымъ цѣлямъ существуетъ полное различіе между свѣтскимъ законодательствомъ и церковнымъ. Объясняя, почему церковное законодательство иногда строже относится къ виновному, чѣмъ гражданское, подвергаетъ епитиміи даже за тѣ преступленія, за которыя по закону гражданскому не полагается никакого наказанія, Вальсамонъ говоритъ: „церковная епитимія не есть наказаніе, но очищеніе и врачеваніе, а гражданскій законъ наказываетъ, а не врачуетъ“²⁾. „... Есть различіе замѣчаетъ онъ, между судьями, назначающими тѣлесное наказаніе тѣмъ, кто сдѣлался виновнымъ въ преступленіи, и епископами, которые опредѣляютъ церковныя епитиміи исповѣдующимъ душевные грѣхи. Ибо тѣ безъ царскаго повелѣнія не могутъ ни увеличивать, ни уменьшать опредѣленные закономъ наказанія,

1) Тамъ же, стр. 417.

2) Прав. св. Отецъ съ толков., стр. 294.

а эти, принимая на себя тягость нашихъ грѣховъ, какъ имѣющіе при томъ отдать за насъ отчетъ Богу, по своему разсужденію и увеличиваютъ, и уменьшаютъ епитиміи; поэтому то они имѣютъ власть не только сокращать сроки епитимій, но и замѣнять одну епитимію другою ...“¹⁾).

Время, въ которое жилъ Вальсамонъ, было весьма тяжелымъ и безотраднымъ для Византійской имперіи. Тѣсняемая извнѣ варварами, отрывавшими одинъ за другимъ лучшіе куски имперіи, Византія того времени представляла печальную картину и въ своей внутренней жизни: роскошь и разнузданность нравовъ немногихъ избранниковъ высшихъ классовъ общества²⁾, нищета большинства населенія, обремененнаго безчисленными поборами, не считавшаго себя обезопасеннымъ отъ нападенія враговъ даже въ стѣнахъ столицы — Константинополя; вмѣстѣ съ нищетой неизбежное огрубѣніе этой массы, коснѣвшій въ предразсудкахъ и суевѣріяхъ³⁾, эксплуатируемой разными чародѣями и волхвователями, проникавшими даже ко двору⁴⁾ — все это не предвѣщало въ будущемъ ничего хорошаго; нѣкогда славное государство замѣтно разрушалось и близилось къ паденію. Вальсамонъ, по своей должности хартофилакса, близко соприкасавшійся съ жизнью и людьми, видѣвшій, что общая порча нравовъ не миновала и духовенства, не могъ не замѣтить этого печальнаго явленія и въ своемъ трудѣ громко высказывается противъ суевѣрія, корыстолюбія и другихъ пороковъ духовнаго сословія, которое должно было подавать другимъ примѣръ нравственности⁵⁾, и жалуется на полное пренебреженіе въ его время церковными правилами⁶⁾

1) Тамъ же, стр. 355—356.

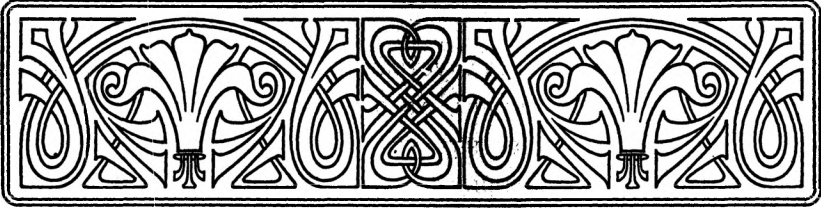
2) Трул. 100-е.

3) Трул. 61-е, 62-е, 65-е и др.

4) Св. Василя В. 83-е.

5) Св. Василя В. 43-е и др.

6) Трул. 33-е, 60-е и др.

III.

Комментарій Вальсамона на Фотіевъ Номоканонъ.

Опыты матеріальной переработки Фотіева Номоканона черезъ замѣну содержащихся въ немъ Юстиніановыхъ законовъ соотвѣтствующими мѣстами изъ Базиликъ. Работа Феодора Веста. Комментарій Феодора Вальсамона на Фотіевъ Номоканонъ. Внѣшняя сторона его. Характеристика содержанія комментарія. Разрѣшеніе вопроса о взаимномъ отношеніи канонѣвъ и законовъ, въ случаѣ коллизіи между ними. Нѣкоторыя другія особенности комментарія Вальсамона. Критика существовавшихъ по нѣкоторымъ каноническимъ вопросамъ взглядовъ.

Появленіе комментарія Вальсамона на Фотіевъ Номоканонъ было вызвано слѣдующими обстоятельствами:

Немного времени спустя послѣ изданія Фотіева Номоканона (по мнѣнію Геймбаха, въ началѣ царствованія Льва Философа — въ 888 или въ 889 г.)¹⁾ вышли въ свѣтъ такъ наз. Базилики (царскія книги). Въ обнародованномъ, по поводу изданія этого законодательнаго кодекса, эдиктѣ, который самъ императоръ называетъ предисловіемъ къ Базиликамъ, содержится указаніе причины и цѣли новаго изданія. Левъ Философъ порицаетъ здѣсь знаменитаго Юстиніана за то, что тотъ, раздѣливъ законодательный матеріалъ по четыремъ частямъ — Институціямъ, Дигестамъ и Кодексу, при которыхъ самостоятельное мѣсто заняли еще его Новеллы, — тѣмъ самымъ затруднилъ пользованіе имъ на практикѣ; этотъ

---

1) Ersch und Gruber. Allgemeine Encyclopädie. Ч. 86, стр. 313.

недостатокъ онъ думаетъ устранить, собравъ разбитые по четыремъ книгамъ законы въ одинъ сводъ, въ 60 книгахъ, при чемъ все вышедшее изъ употребленія, устарѣлое, отмѣненное или просто излишнее должно быть выпущено, а всѣ положенія по одному и тому же вопросу, разбросанныя раньше по разнымъ книгамъ, должны быть соединены въ однихъ и тѣхъ же титулахъ. — Хотя авторитетъ Юстиніанова законодательства былъ настолько великъ, что и послѣ изданія этого новаго оффиціального кодекса, законныя книги Юстиніана еще долгое время примѣнялись на практикѣ (даже въ XII в. между юристами были сторонники того взгляда, что Юстиніаново законодательство имѣетъ одинаковую силу съ Базиликами ¹⁾, тѣмъ болѣе, что новое изданіе законовъ являлось, главнымъ образомъ, лишь ревизіей Юстиніанова законодательства, съ отмѣной и исключеніемъ изъ него законоположеній, потерявшихъ силу и сдѣлавшихся поэтому бесполезными; однако само собою понятно, что представлявшія болѣе удобствъ для пользованія и заключавшія въ себѣ *дѣйствующее* законодательство Базилики мало-помалу должны были совершенно вытѣснить изъ употребленія старыя законныя книги Юстиніана. Дѣйствительно, во второй половинѣ XII в., когда Вальсамонъ писалъ свой комментарий на Фотіевъ Номоканонъ (1166—1177), за Базиликами былъ признанъ уже исключительный авторитетъ не только въ свѣтскихъ судахъ, но и въ церковной практикѣ ²⁾. — На ряду съ реформой Юстиніанова законодательства, шла дальнѣйшая законодательная дѣятельность византійскихъ императоровъ, выразившаяся въ изданіи значительнаго числа новеллъ, изъ которыхъ большая часть касается церковнаго, и преимущественно, брачнаго, права (такихъ новеллъ одинъ Левъ Мудрый издалъ до 1113).

1) Тамъ же, стр. 334.

2) Мнѣніе о дѣйствительности однихъ только Базиликъ всего опредѣленнѣе выражено въ этомъ комментарий Вальсамона. Тамъ же, стр. 335.

Такимъ образомъ, дѣйствующимъ законодательствомъ въ Византійской имперіи были **Базилики** и новеллы позднѣйшихъ императоровъ, и въ **Фотіевомъ Номоканонѣ** оказалось не мало такихъ опредѣленій, которыя, съ точки зрѣнія гражданскаго права, потеряли всякое практическое значеніе, такъ какъ не были приняты въ **Базилики** или были замѣнены новыми постановленіями. Необходимо было поэтому пересмотрѣть гражданскую часть **Номоканона** и исправить находившіяся въ немъ ссылки на гражданскія постановленія, согласно съ **Базиликами**. И вотъ уже въ XI в. являются опыты матеріальной переработки **Номоканона** черезъ замѣну содержавшихся въ немъ **Юстиніановыхъ** законовъ соотвѣтствующими мѣстами изъ **Базиликъ**. По дошедшимъ до насъ рукописямъ можно прослѣдить постепенный ходъ этой работы, которая началась съ того, что на поляхъ рукописей **Номоканона** стали выписывать мѣста изъ **Базиликъ**, соотвѣтствующія мѣстамъ изъ **Юстиніанова** законодательства¹⁾. Въ 1090 году, по порученію нѣкоего **Михаила Севаста**²⁾, чиновникъ суда **Θеодоръ Вестъ** дѣлаетъ попытку уже прямо замѣнить содержавшееся въ **Номоканонѣ Юстіаніанова** законодательство соотвѣтственными мѣстами **Базиликъ**. Эта работа не получила однако общаго признанія и осталась трудомъ частнымъ, неофициальнымъ. Между тѣмъ потребность въ такого рода работѣ, по возможности, полной и совершенной, для церковной практики становилась все болѣе и болѣе настоятельною и была, наконецъ, удовлетворена во второй половинѣ XII в. знаменитымъ **Вальсамонемъ**³⁾.

1) Biener. Das kanon. Recht. Krit. Zeitschrift für Rechtwiss. und Gesetzgeb. d. Ausland. B. 28, 1856, стр. 198 и 199.

2) Ersch. Encycl. Ч. 86, стр. 463.

3) Не входя въ разсмотрѣніе вопроса о взаимномъ отношеніи трудовъ **Θ. Веста** и **Θ. Вальсамона** — вопросъ этотъ подробно изслѣдованъ г. **Нарбековымъ**, представившимъ въ своемъ сочиненіи: „Толкованіе **Вальсамона** на **Фотіевъ Номоканонъ**“ (Казань, 1889) весьма основательныя доказательства полной самостоятельности комментарія

Въ комментарий на Фотіевъ Номоканонъ Вальсамонъ, какъ мы видѣли изъ предисловія къ его труду, поставилъ себѣ цѣлью указать и примирить противорѣчія гражданскихъ постановленій, помѣщенныхъ въ Номоканонѣ, какъ между собою, такъ и съ правилами церковными, точно отмѣтить тѣ извлеченія изъ Юстиніанова законодательства, встрѣчающіяся въ Номоканонѣ, которыя приняты были въ Базилики, слѣдовательно, сохраняли и въ XII в. силу дѣйствующаго закона,

Вальсамона — сдѣлаемъ здѣсь лишь нѣсколько замѣчаній, относящихся къ этому вопросу, на основаніи осмотрѣнной нами рукописи Мюнхемской королевской библиотеки (Cod. Monac. № 122), содержащей въ себѣ, между прочимъ, Фотіевъ Номоканонъ, въ переработкѣ Θ. Веста (на листахъ 23, — 492₁).

Важныхъ отличій въ текстѣ выписокъ изъ Базиликъ у Веста и Вальсамона, при сравненіи означенной рукописи, содержащей трудъ Веста, съ печатнымъ изданіемъ комментарія на Номоканонъ Вальсамона *Ῥάλλη καὶ Ποτλή* (Т. I), оказывается очень немного, при чемъ нѣкоторыя выписки изъ Базиликъ, отмѣченныя у г. Нарбекова, какъ различныя у Веста и Вальсамона, на самомъ дѣлѣ являются совершенно сходными. Такъ, сравнивая выписки изъ Базиликъ, помѣщенные въ *κείμενον* 23 гл. I тит., съ соотвѣтствующими мѣстами въ комментарий Вальсамона, г. Нарбековъ пишетъ (стр. 156): „Затѣмъ Вестъ передаетъ содержаніе 1, 2 и 17 пост. I тит. нов. и потомъ буквально приводитъ 47 и 48 гл. изъ Coll. 87 сар.; Вальсамонъ же приводитъ буквально изъ Василикъ постановленія 123 и 137 нов.“. На самомъ дѣлѣ никакого различія у Веста и Вальсамона здѣсь не находимъ: все, что приведено у Вальсамона, помѣщено и у Веста, на листахъ 138₁, 135₂ и 136₁. Далѣе, г. Нарбековъ, сравнивая комментарий на 2 гл. V тит. Веста съ комментариемъ Вальсамона, пишетъ (стр. 168): „Вестъ приводитъ 3 пост. 12 тит. I кн. код. изъ Василикъ (5 кн. тит. I гл. 11); Вальсамонъ приводитъ оттуда же болѣе обширное мѣсто, чѣмъ Вестъ. Между тѣмъ, при сравненіи рукописи съ печатнымъ комментариемъ Вальсамона (*Ῥάλλη καὶ Ποτλή* т. I), оказывается, что мѣсто Базиликъ, выписанное у Вальсамона, безъ всякихъ пропусковъ помѣщено и въ рукописи, содержащей трудъ Веста (на 249₂ л.). — Главное основаніе, по которому смѣло можно утверждать самостоятельность труда Θ. Вальсамона, заключается въ томъ, что числовыя указанія мѣстъ Базиликъ у Веста и Вальсамона болѣею частью совершенно не сходны.

и тѣ, которыя не приняты въ Базилики и потому должны быть признаны утратившими практическое значеніе, и, наконецъ, дополнить Номоканонъ на основаніи позднѣйшихъ императорскихъ новеллъ и синодскихъ и патріаршихъ опредѣленій.

Какъ Вальсамонъ выполнилъ эту задачу, можно судить на основаніи изученія самаго его труда.

Съ внѣшней стороны комментарий Вальсамона на Номоканонъ ничѣмъ не отличается отъ его толкованій на каноническую Синтагму: та же форма рѣчи, съ постоянными обращеніями къ читателю — „замѣтъ“, „прочти“ и т. п.; тѣ же отступленія, въ которыхъ толкователь обращается съ молитвою къ Богу ¹⁾; тотъ же способъ рѣшенія могущихъ возникнуть у читателя вопросовъ, въ видѣ отвѣтовъ на эти вопросы. Далѣе, какъ при толкованіи Синтагмы на одно и то же правило Вальсамонъ иногда даетъ два толкованія, такъ поступаетъ онъ по отношенію къ нѣкоторымъ главамъ Номоканона ²⁾, а въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится повторять то, что уже было сказано раньше, отсылаетъ читателя къ предыдущимъ толкованіямъ ³⁾, (иногда, впрочемъ, онъ отсылаетъ читателя и къ послѣдующимъ толкованіямъ ⁴⁾).

Переходя, затѣмъ, къ разсмотрѣнію самаго комментарія на Номоканонъ, прежде всего замѣтимъ, что Вальсамонъ даетъ толкованія только на тѣ главы Фотіева Номоканона, которыя содержатъ *κείμενα* — извлеченія изъ свѣтскаго права, — главы же Номоканона, не имѣющія *κείμενα*, оставляетъ вовсе безъ толкованій ⁵⁾.

1) Тит. I гл. 24, 30.

2) Тит. I гл. 2, 3 и 28.

3) Тит. XIII гл. 18 (2 отд.), гл. 23; тит. XIV гл. 7 и др.

4) Тит. I гл. 31; тит. II гл. 1 (1 отд.); тит. IX гл. 1 (2 отд.) и др.

5) Именно, главы 4, 7, 12, 13, 15, 16, 17, 18, 19, 21, 25, 27, 29, 33, 35, 37 и 38 тит. I; гл. 3 тит. II; гл. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20 и 21 тит. III; гл. 1, 2, 3, 5, 6, 8, 9, 11, 12, 14, 15, 16 и 17 тит. IV; гл. 1 и 3 тит. V; гл. 2 тит. VI; гл. 2, 3 и 5 тит. VII; гл. 3,

Точно слѣдуя указанной выше программѣ, Вальсамонъ отмѣчаетъ, какъ устарѣвшія и потерявшія значеніе, тѣ гражданскія постановленія Номоканона, которыя не вошли въ Базилики (толков. на гл. 2 и 24 тит. I; гл. 1 (отд. 1) тит. II; гл. 14 (отд. 2) тит. III; гл. 10 тит. VIII и др.)¹⁾; указываетъ, гдѣ именно въ Базиликахъ находятся мѣста, соотвѣтствующія мѣстамъ Юстиніанова законодательства, помѣщеннымъ въ Номоканонѣ, при чемъ, если гражданское постановленіе, помѣщенное въ Номоканонѣ, вошло въ Базилики безъ всякаго измѣненія, онъ не выписываетъ его текста, а только замѣчаетъ, что это постановленіе въ Базиликахъ читается такъ, какъ оно изложено въ *κείμενον* Номоканона (толков. на гл. 1 (отд. 1, 3, 5, 7, 8, 9, 12) тит. II; гл. 14 (отд. 1), 15, 22 тит. III и др.). Въ случаѣ же различія между текстомъ Номоканона и соотвѣтствующимъ текстомъ Базиликъ, выписываетъ текстъ послѣднихъ буквально (толков. на гл. 2, 5, 14,

4, 5, 6, 9, 11, 12, 15, 16, 17, 18 и 19 тит. VIII; гл. 3, 4, 5, (*κείμενον* 5-ой главы содержитъ ссылку на 1-ю главу того же титула и въ толкованіи не нуждается), 7, 8, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 28 и 38 тит. IX; гл. 3, 4, 6 и 7 тит. X; гл. 2, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 15 и 16 тит. XI; гл. 1, 4 (приведенное въ *κείμενον* этой главы гражданское постановленіе не принято въ Базилики, на что указано въ самомъ *κείμενον*) 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 17 и 18 тит. XII; гл. 1, 6, 7, 8, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 20, 24, 25, 26, 27, 28, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40 и 41 тит. XIII; гл. 1, 2, 3, 4, 5 и 6 тит. XIV.

1) Такъ напр., въ толкованіи на 24 гл. I тит. читаемъ: „Конст. 30 и 41 тит. III кн. I Кодекса не приняты въ Базилики и потому потеряли силу“. *Ῥάλλη καὶ Ποτλή. Συντάγμα κανόνων*. I, стр. 61.

Въ толков. на гл. 28 тит. I, указывая на противорѣчіе между содержаніемъ помѣщенной въ Номоканонѣ 123-ей новеллы императора Юстиніана, въ которой сказано, что чтець не можетъ быть моложе 8 лѣтъ, и соотвѣтствующимъ мѣстомъ Базиликъ, гдѣ сказано, что чтець долженъ быть не моложе 18 лѣтъ, Вальсамонъ замѣчаетъ, что должно слѣдовать „тому, что написано въ Базиликахъ, а не тому, что заключается въ книгахъ, которыя пользовались авторитетомъ раньше Базиликъ, а теперь утратили его“.

20, 23, 28, 30, 31, 32 и 34 тит. I и др.)¹⁾; или же, если это различіе является незначительнымъ, только указываетъ, въ чемъ оно состоитъ (толков. на гл. 1 (отд. 4) II тит., I VIII тит.), (отд. 3 и 4), 25 (отд. 5), 27 (отд. 4 и 5), 29 (отд. 2) IX тит., на гл. 13 XII тит., на гл. 5 (отд. 1), 9, 29 XIII тит.

1) Такъ напр., въ *κείμενον* 2 гл. I тит. Номоканона сказано: „Постановленіе 3 тит. 2 Новеллы опредѣляетъ, чтобы правила семи соборовъ и ихъ ученія имѣли такую же силу, какъ Священное Писаніе“. Въ толкованіи Вальсамонъ пишетъ: Постанов. 3 тит. 2 Новеллы есть 131-я Юстиніанова новелла, помѣщенная въ 5 кн. Базиликъ, тит. 3, гл. 1, полож. 1, которое содержитъ слѣдующее: И такъ мы объявляемъ, чтобы имѣли силу государственныхъ законовъ св. церковныя правила, изложенныя или утвержденныя святыми семью соборами, именно Никейскимъ соборомъ изъ 318 отцевъ, на которомъ преданъ анаемъ Арій; соборомъ Константинопольскимъ изъ 150 отцевъ, на которомъ обезславленъ Македоній — духоборецъ; Ефесскимъ первымъ, на которомъ осужденъ Несторій; Халкидонскимъ, на которомъ преданы анаемъ Евтихій съ Несторіемъ; далѣе — Константинопольскимъ вторымъ, на которомъ опозоренъ Оригенъ съ своими сочиненіями и другіе нечестивые; Константинопольскимъ третьимъ, который, восторжествовавъ надъ разными ересями, утвердилъ божественныя ученія прежнихъ святыхъ соборовъ; наконецъ, Никейскимъ вторымъ, на которомъ противники священныхъ изображеній, наравнѣ съ прежними еретиками, отвергнуты отъ Церкви Божіей. Догматы упомянутыхъ соборовъ мы принимаемъ, какъ Св. Писаніе, и правила сохраняемъ, какъ законы государственныя“. — Вальсамонъ выписываетъ здѣсь буквальный текстъ Базиликъ потому, что замѣчается различіе между текстомъ Номоканона и соответствующимъ текстомъ Базиликъ: въ Номоканонѣ сказано, что и ученія, и правила семи соборовъ имѣютъ силу, какъ Св. Писаніе; въ Базиликахъ же сдѣлано разграниченіе между правилами и ученіями; здѣсь сказано, что силу Св. Писанія имѣютъ только ученія семи соборовъ, т. е. догматическія вѣроопредѣленія, правила же имѣютъ силу только государственныхъ законовъ. Въ концѣ толкованія Вальсамонъ дѣлаетъ замѣчаніе относительно приведенной новеллы, что она признаетъ силу законовъ за правилами, не только изложенными семью соборами, но и утвержденными ими, т. е. за правилами помѣстныхъ соборовъ. Нарбековъ В. „Толкованіе Вальсамона на Номоканонъ Фотія“, Казань, 1889, стр. 65—67. Ср. его же: „Номоканонъ Константинопольскаго.

и др.)¹⁾. Вальсамонъ также выписываетъ буквально изъ Базиликъ текстъ тѣхъ постановленій Юстиніанова законодательства, которыя только поцитированы въ Номоканонѣ цифрами, но не приведены въ текстѣ (толков. на 1, 5 гл. I тит. и др.). — Далѣе, вмѣсто гражданскихъ постановленій Номоканона, непринятыхъ въ Базилики, онъ иногда выписываетъ другія, относящіяся къ данному вопросу, мѣста изъ Базиликъ, или дѣлаетъ цифровыя ссылки на нихъ (толков. на гл. 1 (отд. 1) тит. II; гл. 32 (отд. 1 и 2) IX тит. и др.²⁾), а въ тѣхъ слу-

патріарха Фотія съ толкованіемъ Вальсамона. Часть 2-я. Русскій переводъ съ предисловіемъ и примѣчаніями“. Казань 1899, стр. 46—48.

1) Напр., въ пятомъ толкованіи на 25 гл. (отд. 5) IX тит., *κελευσων* которой гласить: „Кн. 1 тит. 9 постанов. 18 говоритъ, что іудей, обратившій иновѣрца въ свою вѣру, подвергается конфискаціи имущества и смертной казни“, Вальсамонъ пишетъ: „... Постановл. 18 тит. 9. кн. 1 Кодекса есть 41 гл. тит. 1 кн. 1 Базиликъ, которая содержитъ то, что изложено въ сокращеніи, *за исключеніемъ того, что іудей подвергается смертной казни*, такъ какъ это въ Базиликахъ не помѣщено“.

Во второмъ толкованіи на 29 гл. (отд. 2) IX тит., въ *κελευσων* которой сказано: „2 постановл. 1 тит. Новелль, между прочимъ, говоритъ: ... тѣ, которые похищаютъ или обольщаютъ, или растлѣваютъ подвижницу, или монахиню, или діакониссу, или ведущую иной благочестивый образъ жизни, и сообщники ихъ подвергаются смертной казни, и имущества ихъ чрезъ епископа, или эконома и чрезъ начальниковъ и когорты передаются церкви или монастырю поруганной женщины“, Вальсамонъ замѣчаетъ: „... О тѣхъ, которые похищаютъ женъ, посвященныхъ Богу, или похищаютъ ихъ, или растлѣваютъ, учить 2 постанов. 1 тит. Новелль, которое есть 63 гл. 123-ей Юстиніановой новеллы, или 12 гл. 1 тит. 4 кн. Базиликъ, которая говоритъ тоже самое, что изложено въ сокращеніи, *исключая наказанія*. Ибо Базилики говорятъ, что совершающіе такое преступленіе и ихъ сообщники въ преступленіи подлежатъ отвѣтственности по закону; составитель же Номоканона говоритъ, что они наказываются смертію. Но ты обращай вниманіе больше на Базилики“.

2) Напр., въ *κελευσων* 32 гл. IX тит. — о епископахъ и клирикахъ, которые дѣлаются мірянами, или переходятъ на свѣтскія должности, или поступаютъ въ военную службу — приводится по данному вопросу 37 постановл. 3 тит. 1 кн. Кодекса и постановл. 52 того

чаяхъ, когда гражданскія постановленія Номоканона приняты въ Базилики, но недостаточно полно опредѣляютъ предметъ,

же титула и книги. Въ первомъ толкованіи Вальсамонъ пишетъ: „Постановленіе 37 тит. 3 кн. і Кодекса не помѣщено въ Базиликахъ; нѣтъ и 52 постановленія. Ищи же 4 кн. Базиликъ тит. і гл. 11 полож. 3, которое такъ говоритъ: Если монахъ оставитъ монастырь и перейдетъ къ свѣтской жизни, онъ, лишенный сначала должности, если имѣетъ какую нибудь, чрезъ мѣстнаго епископа и начальника провинціи возвращается въ монастырь, и имущества, какія послѣ этого окажутся у него, переходятъ къ тому монастырю, въ который онъ посылается. Если же онъ опять оставитъ монастырь, тогда начальникъ провинціи, въ которой онъ будетъ найденъ, пусть задерживаетъ его и причисляетъ къ подчиненной ему когорть. Ищи и 3 главу той же книги и титула, которая содержитъ слѣдующее: Если кто пожелаетъ принять монашество, мы повелѣваемъ, чтобы въ случаѣ, если извѣстно будетъ, что онъ не подлежитъ никакимъ повинностямъ, начальникъ монастыря, когда ему заблагоразсудится, удостоивалъ его постриженія. Если же неизвѣстно, подлежитъ ли онъ какимъ повинностямъ, то въ продолженіи 3-хъ лѣтъ онъ не получаетъ монашескаго постриженія, но въ это время начальникъ монастыря пусть испытываетъ его, не желаетъ ли онъ возвратиться назадъ. И если въ продолженіи этихъ 3-хъ лѣтъ кто нибудь явится и объявитъ, что тотъ — рабъ его или колонъ, или приписной, и что онъ поступилъ въ монастырь или во избѣжаніе труда земледѣльческаго, или по случаю какой нибудь кражи, или по причинѣ какого либо проступка, и это будетъ доказано, тотъ пусть возвращается къ своему господину съ имуществами, какія, окажется, онъ внесъ въ монастырь, получивши напередъ обѣщаніе отъ господина своего, что тотъ не сдѣлаетъ ему никаго зла. Если же въ продолженіи 3-хъ лѣтъ никто не предъявитъ иска противъ кого-нибудь изъ означенныхъ лицъ, начальникъ монастыря по истеченіи 3-хъ лѣтъ пусть постригаетъ его, если сочтетъ такого человѣка достойнымъ; и послѣ этого во все время пребыванія его въ монастырѣ пусть никто не беспокоитъ его касательно повинностей. Имущества же, какія, окажется, онъ внесъ въ монастырь, пусть возвращаются тому господину, который докажетъ свое на нихъ право. Но если кто изъ означенныхъ лицъ оставитъ монастырь и перейдетъ къ свѣтской жизни, по городамъ ли будетъ бродить, по деревнямъ ли, пусть возвращается съ свое положеніе. Ищи и 10 главу того же титула, которая говоритъ: равнымъ образомъ мы воспрещаемъ родителямъ отвлекать своихъ

приводить относящіяся сюда мѣста Базиликъ (толков. на гл. 13 тит. IV; гл. 27 (отд. 4), 30 (отд. 3) тит IX и др.)¹⁾, церковныя правила (толков. на гл. 2, 10, 26 тит. I и др.)²⁾ и свои собственныя разсужденія (толков. на гл. 2 (отд. 2) тит. II; гл. 27 (отд. 2 и 3) тит. IX и др.)³⁾. Въ толкованіи

дѣтей отъ святыхъ монастырей, коль скоро они избрали монашескую жизнь“. Нарбековъ В: „Толкованіе Вальсамонъ на Номоканонъ Фотія“, стр. 81—83. Ср. его же: „Номоканонъ Константинопольскаго патріарха Фотія. Русскій переводъ“, стр. 366—367.

1) Напр., въ (3-мъ) κεφάλαιον 30 гл. IX тит. читаемъ: „Диг. 39 тит. 2 кн. 47 говоритъ: кто похитилъ блудницу — чужую рабу или скрылъ ее, не подлежитъ суду, какъ воръ или какъ похититель чужихъ рабовъ, такъ какъ сдѣлалъ это не для воровства, а для наслажденія. Относительно этого постановленія, принятаго въ Базилики (39 гл. 12 тит. 60 кн), Вальсамонъ замѣчаетъ: „Однако знай, что хотя такой не подлежитъ суду, какъ воръ или похититель чужихъ рабовъ, но денежнымъ образомъ наказывается и вразумляется“. Вальсамонъ приходитъ къ такому заключенію на основаніи послѣдняго положенія 37 тит. 60 кн. Базиликъ, которое въ концѣ гласитъ: „Блудодѣйствующій съ чужою рабою, если богатъ, пусть отдаетъ за проступокъ 36 золотыхъ господину рабыни; если же человекъ бѣдный, пусть будетъ битъ палкою и дать, сколько можетъ, пропорціонально 36 монетамъ“. Ράλλη καὶ Πολιτῆ Σ. I, стр. 219.

2) Напр., въ первомъ толкованіи на 2 гл. 1 тит. Номоканона Вальсамонъ дополняетъ гражданскую часть Номоканона 2-мъ правиломъ Трулльскаго собора. Сдѣлавши выводъ изъ 131-ой новеллы Юстиніана, что силу законовъ должны имѣть не только правила, изложенныя семью св. соборами, но и утвержденныя ими, т. е. правила помѣстныхъ соборовъ, Вальсамонъ прибавляетъ: „... читай еще 2 пр. 6 собора, которое утверждаетъ не только правила помѣстныхъ соборовъ, но и писанія другихъ святыхъ Отцевъ“. Тамъ же, стр. 37.

3) Напр., въ толкованіи на 2 гл. II тит. Номоканона, въ которой сказано: Кн. 10 тит. 2 Диг. фраг. 4 говоритъ, что „приобрѣтенное чрезъ святотатство наслѣдники не дѣлятъ между собою“, Вальсамонъ пишетъ: „Дигеста 4 тит. 2 кн. 10 есть 42 кн. Базиликъ тит. 3 гл. 4 полож. 2, которое говоритъ: за исключеніемъ долговыхъ обязательствъ остальныя имущества представляются въ судъ, раздѣляющій наслѣдство между фамиліей, (представляются) и вредныя медикаменты, и магическія книги и тому подоб.; но судья обязанъ немедленно унич-

Проф. Н. К. Грунскій.

Очерки

ПО

**ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ СИНТАКСИСА
СЛАВЯНСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ.**

I. Синтаксисъ славянскихъ языковъ въ трудахъ Миклошича, Ягича и Вондрака.

I.

Опредѣленіе синтаксиса у Миклошича создаетъ особую область грамматики, соединяющую элементы того, что мы понимаемъ подъ именемъ синтаксиса и подъ именемъ семазіологіи. „Тотъ отдѣлъ грамматики, говоритъ Миклошичъ, который имѣетъ задачей представить значеніе словесныхъ разрядовъ и словесныхъ формъ, называется синтаксисомъ“ (I). Подъ словесными разрядами разумѣются части рѣчи, подъ словесными формами измѣненіе этихъ частей рѣчи (падежи, глагольн. формы).

Прежде всего подобное опредѣленіе совершенно не соотвѣтствуетъ этимологіи слова „синтаксисъ“ и тому традиціонному пониманію, которое создалось относительно этой части грамматики. Затѣмъ, что самое главное — синтаксисъ подобнаго рода оставляетъ безъ вниманія многое, для чего слѣдовательно потребовалась бы какая нибудь новая грамматическая система. Съ другой стороны, синтаксисъ при такомъ его пониманіи долженъ взять въ свои рамки то, что отнести можно при другомъ его опредѣленіи къ другой области грамматики.

Не соглашаясь, так. обр., съ даннымъ опредѣленіемъ, я, въ то же время, не могу согласиться и съ той черезчуръ отрицательной критикой системы Миклошича, которую мы находимъ въ соч. Риса „Was ist Syntax“ (Marburg 1894.,

19—45). Важно прежде всего выдвинуть точку зрѣнія, съ которой приступилъ Миклошичъ къ изученію языка въ своемъ Синтаксисѣ — исходить изъ данныхъ формъ языка къ ихъ значенію, а не наоборотъ — подыскивать создавшемуся значенію извѣстныя языковыя формы. Эта точка зрѣнія, проведенная замѣчательно послѣдовательно, и создала Миклошичу такихъ ярыхъ послѣдователей въ нѣмецкой наукѣ, какъ, напр., Эрдманнъ (*Grundzüge d. deutschen Syntax I Stuttgart 1886*, Ср. Рисъ 20). И вотъ Миклошича Эрдманнъ называетъ своимъ образцомъ, къ удивленію Риса, который выставляетъ въ качествѣ болѣе ранняго борца съ Беккеровской системой Ферналекена (*Vernaleken, Deutsche Syntax, Wien 1861*) (63). Не совсѣмъ вѣрно сравненіе (25) грамматиковъ, пользующихся системой Миклошича, съ зоологами или ботаниками, которые бы описывали отдѣльныя части животныхъ или растеній, не давая, въ то же время, цѣльнаго представленія объ этихъ животныхъ: у Миклошича во многихъ мѣстахъ мы найдемъ упоминанія о формахъ, видахъ предложенія, присутствіе послѣдняго всегда чувствуется, какъ источникъ того богатаго матеріала, который приводится изслѣдователемъ. Миклошичъ не стремился дать опредѣленіе предложенія, а между тѣмъ одному виду предложеній онъ посвятилъ цѣлый отдѣлъ 1-й главы во 2-й части (*subjectlose Sätze*). И этотъ отдѣлъ говоритъ намъ о томъ, что самого Миклошича должно было стѣснять данное имъ опредѣленіе синтаксиса и онъ невольно вышелъ изъ рамокъ этого опредѣленія. Иныя формы прямо-таки заставляли Миклошича разсматривать ихъ въ связи съ тѣмъ или инымъ придаточнымъ предложеніемъ.

Естественно, что не занимаясь предложеніемъ, какъ таковымъ, Миклошичъ не занимался въ своемъ Синтаксисѣ такими вопросами, какъ разстановка словъ, музыкальное удареніе, въ недостаткѣ чего Рисъ находилъ слабыя стороны его синтаксиса. Для нѣмецкаго изслѣдователя важенъ былъ вопросъ о разстановкѣ словъ, для изслѣдова-

теля славянскихъ языковъ — не такъ важенъ; музыкальное удареніе Миклошичъ, вѣроятно, относилъ къ области риторики. Относительно же отсутствія *Parataxe* и *Hypotaxe* Рись (31) не особенно правъ уже потому, что нѣкоторыя паратактическія сочетанія Миклошичъ разбиралъ (другой вопросъ — вѣрно или нѣтъ).

Сказанное здѣсь мною опредѣляетъ уже нѣсколько иное освѣщеніе отношенія Риса къ Миклошичу, чѣмъ то находимъ у ак. Ягича (*Beiträge . . . 6*). Ак. Ягичъ находилъ, что Рись совершенно иначе отнесся, чѣмъ Дельбрюкъ къ труду Миклошича, а Дельбрюкъ далъ несправедливую оцѣнку Миклошича какъ ученаго: онъ характеризуетъ его въ общемъ лишь какъ собирателя матеріала.

Не только въ общемъ своемъ воззрѣніи на область синтаксиса былъ неправъ Миклошичъ, неправъ онъ былъ и во многихъ проводимыхъ имъ взглядахъ на различныя явленія языковъ славянскихъ, но все это не уничтожаетъ того огромнаго значенія, которое имѣетъ и теперь, будетъ имѣть и для будущаго его сравнительный синтаксисъ. Конечно, прежде всего, значеніе это обуславливается глав. образомъ тѣмъ матеріаломъ, который собралъ и сгруппировалъ Миклошичъ, матеріаломъ, который можетъ во многихъ своихъ частяхъ служить исходнымъ началомъ для новыхъ изслѣдованій. Затѣмъ во многихъ пунктахъ приходится считаться съ воззрѣніями Миклошича, который, безусловно, не былъ только собирателемъ матеріала.

Vergleichende Syntax der slavischen Sprachen, составляющій 4-й томъ *Vergl. Grammatik d. sl. Sprachen*, изданный въ 1868—74 г. г., представляетъ собой огромный томъ (XII—896) убористой печати. Стоитъ только взглянуть на стр. 881—896, гдѣ Миклошичъ даетъ перечисленіе литературы (источники и пособія), чтобы убѣдиться, какой богатый матеріалъ послужилъ основаніемъ этого солиднаго труда. Синтаксисъ раздѣляется на 2 части: 1 ч. — о значеніи частей рѣчи и 2-я — о значеніи словесныхъ формъ. 1-я часть

распадается на 7-мъ главъ, трактующихъ объ отдѣльныхъ частяхъ рѣчи: 1-я гл. о существительномъ, 2-я гл. о прилагательномъ — сюда же прибавленіе: родъ и число; 3-я гл. о числительномъ, 4-я гл. о мѣстоименіи, 5-я гл. о нарѣчіи, здѣсь же о предлогахъ; 6-я гл. о союзѣ, 7-я гл. о глаголѣ; 2-я часть распадается на 2 большія главы, изъ которыхъ каждая въ свою очередь дѣлится на отдѣлы (1-я глава о падежахъ, 2-я о глагольныхъ формахъ).

Уже съ первыхъ строкъ опредѣляется одна очень характерная черта труда Миклошича; это своеобразная краткость, категоричность. „Слово это есть для говорящаго и слушающаго одинаково признаваемые звуковые знаки опредѣленнаго ограниченнаго представленія“. „Соотвѣтственно съ этимъ междометіе — не слово“. И затѣмъ ссылка на Гейзе. Затѣмъ въ такой же формѣ идетъ дѣленіе словъ на 2 группы, причѣмъ простѣйшіе элементы словъ — корни сообразно дѣленію распадаются на качественные и указательные. Опять ссылка на Штейнталя. Замѣтно какое-то нежеланіе останавливаться долго на подобныхъ общихъ опредѣленіяхъ, поскорѣе избавиться отъ нихъ. Всякое слово, говоритъ далѣе Миклошичъ, происходящее отъ качественного корня, является обозначающимъ дѣятельность какъ энергію извѣстнаго лица или обозначающимъ эту дѣятельность не какъ энергію. Первое — глаголь, второе — имя. Но оказывается, что всѣ имена первоначально обозначали дѣятельность; это положеніе должна доказать этимологія, или ученіе объ образованіи темъ, и основывается оно на томъ, что мы представляемъ себѣ всѣ вещи дѣйствующими. Всякое слово, обозначающее свойство, не обозначаетъ ничего болѣе, какъ свойство это или носителя свойства. Всѣ имена происходятъ отъ глаголовъ. Все это небольшое предисловіе является, конечно, совершенно неудовлетворительнымъ; эти общія положенія, мало говорящія въ сущности, выведены не Миклошичемъ, а приняты имъ на вѣру, положенія бездоказательныя.

Въ 1-й главѣ Миклошичъ прежде всего опредѣляетъ существительное: оно отличается отъ прилагательнаго по значенію тѣмъ, что обозначаетъ носителя свойства, а прилагательное не обозначаетъ послѣдняго; по формѣ же различіе состоитъ въ неодинаковыхъ суффиксахъ; впрочемъ, нѣкоторые суффиксы употребляются для выраженія существительныхъ и прилагательныхъ; существительныя не имѣютъ (за немногими исключеніями) степеней сравненія и такъ послѣдовательно проведеннаго измѣненія по родамъ, какъ имена прилагательныя, и не имѣютъ сложнаго склоненія. Существительныя, впрочемъ, являются замѣстителями прилагательныхъ (дано довольно примѣровъ на подобіе: волкъ-хищникъ, человѣкъ-грѣшникъ, старина Новаче, дѣвота джевојка и пр.), при чемъ смыслъ выраженія при замѣнѣ не измѣняется ощутительно, и измѣненіе вообще трудно выяснить. За этими болѣе общими положеніями слѣдуетъ у Миклошича (§§ 2—5) изложеніе такихъ частныхъ случаевъ: § 2 — когда существительное въ качествѣ атрибута (вмѣсто прилагательнаго и причастія) соединяется посредствомъ *и* со словомъ, къ которому относится (особенно въ сербскомъ яз.): кита и сватови (вмѣсто: кидени сватови); далѣе, § 3 — существительныя, сопровождаемыя предлогомъ или рѣже прилагательными, употребленныя для выраженія понятія прилагательнаго, могутъ стоять на мѣстѣ этого послѣдняго: три од злата трепезе, *lehké a bez všeho rozumu kvíti*; § 4: въ этомъ § немногочисленные примѣры изъ древне-церковно-славянскаго яз. такихъ выраженій, какъ: б е с п е ч а л и, передающихъ греческое прилагательное съ аргивативумъ — *ἀμερίμους*; § 5 — когда существительное абстрактное употребляется для обозначенія лица; опять нѣсколько примѣровъ, главнымъ образомъ изъ древне-ц. сл. яз.: рабоу и свободѣ — *servo et libero*.

Эта первая глава поражаетъ уже своею отрывочностью. Разница между существительными и прилагательными не представлена ясно и рельефно. Для послѣдняго нужно

было бы обратиться къ исторіи вопроса, а этимъ Миклошичъ не занимается, и, конечно, исторической точки зрѣнія нельзя видѣть въ томъ, что къ примѣрамъ изъ современныхъ славянскихъ языковъ примѣшиваются примѣры изъ языка древне-ц. славянскаго. Насколько же отрывоченъ и недостаточенъ матеріаль, на это могло бы указывать сравненіе съ тѣмъ, что находимъ у Потебни (въ III т.) по вопросу объ атрибутивности имени существительнаго. Замѣчу также, что Потебня, останавливаясь на вскользь брошенныхъ словахъ у Миклошича — о замѣнѣ прилагательнаго существительнымъ, устанавливалъ совершенно иную точку зрѣнія: за оборотами типа: волкъ-хищникъ признавалась ббльшая давность, эти обороты считались первоначальными, выдвинута была ихъ наглядность (130 стр. III). Можно опредѣлить также и разницу между употребленіемъ оборотовъ съ прилагательными и существительными, разницу, которая Миклошичу казалась неуловимой: ббльшая субстанціальность атрибута ведетъ, конечно, къ большей наглядности выраженія.

Во 2-й главѣ, говоря о томъ, что прилагательное въ славянскихъ языкахъ въ отличіе отъ нѣкоторыхъ другихъ языковъ не обозначаетъ носителя свойствъ, Миклошичъ замѣчаетъ, что правило это все болѣе и болѣе ограничивается исключеніями (Въ данномъ случаѣ изложеніе мысли Миклошича въ Рус. Филолог. В. 79 г. № 3, 72, невѣрно). Прилагательное, переходя въ существительное, принимаетъ суффиксы *икъ*, *ьць*, *ка* и пр. Употребленіе прилагательнаго въ славянскихъ языкахъ шире, чѣмъ въ родственныхъ языкахъ: прилагательное употребляется для обозначенія тѣхъ отношеній, каковыя въ другихъ языкахъ выражаются существительными въ родительномъ или въ другомъ падежѣ съ предлогомъ или безъ предлога (прилаг. на -овъ, инъ, ь, ьнь, ій, ьскъ, ьнъ: оученици Іоаннови *οἱ μαθηταὶ Ἰωάννου*, сынъ Владиміровъ, дѣшти Иродиѣнина *ἡ θυγάτηρ Ἰροδιᾶδος* и пр.), хотя нужно замѣ-

тять, что самъ же Миклошичъ даетъ рядъ примѣровъ, гдѣ и въ другихъ языкахъ, выступаетъ подобное употребленіе прилагательныхъ (напр. *Νεστορέη παῖς*, domus paterna и пр.), а также оказывается, что родительный принадлежности все болѣе и болѣе распространяется особенно въ письменности славянской. Исходя уже изъ этихъ данныхъ можно сказать, что неособенно былъ правъ Миклошичъ, давая ранѣ приведенное положеніе (такъ какъ, можетъ быть, въ той же латыни или греческомъ языкѣ были болѣе распространены обороты съ прилагательными не въ письменной рѣчи). Интересны приводимые Миклошичемъ случаи подобныхъ соединеній въ древнихъ славянскихъ памятникахъ: въ домъ Маринь, матере Іоанновы; домъ Филипповъ, евангелиста и пр. и наряду съ этимъ: лоно авраамово патріархово, малор.-мене тивунови слуги Бутрымови и пр.; на такіе примѣры еще ранѣ обратилъ вниманіе Буслаевъ въ своемъ историческомъ синтаксисѣ. Подобные обороты объясняются, по всей вѣроятности, двумя причинами: для древнихъ переводныхъ памятниковъ могла играть значеніе въ образованіи нецѣльность перевода, непослѣдовательность, въ другихъ случаяхъ играло, повидимому, роль нецѣльность вообще соединеній: аппозиція „мать Іоанна“ и др. пріобрѣтали такую жизненность въ употребленіи языка, что сохранились и въ случаѣ перехода имени существительнаго, къ которому эти аппозиціи относились, въ прилагательное. Въ соотвѣтствіи съ ранѣ приведенными примѣрами несогласованія можно поставить приводимые у Миклошича примѣры изъ словацкаго и верхне-лужицкаго — *mojej mladšej sestrin muž, tohoto kralovu dceru; našeho nanovu a vašeho džedovu kozuch* и пр.

Родъ и способъ дѣйствія, замѣчаетъ далѣе Миклошичъ, для обозначенія коихъ соотвѣтственно правиламъ служить нарѣчіе, иногда выражаются прилагательными. Приводятся такія, напр., выраженія: падж на земли ници (*ἔπεσον χαμαί*), правъ сждилъ, но на ряду съ этимъ рус.

рѣка такая широкая. Беря общее положеніе и первые приведенные примѣры, скорѣе можно было бы провести здѣсь тотъ анализъ, который далъ Потебня, говорившій о замѣнѣ первоначальныхъ прилагательныхъ нарѣчіями въ приведенныхъ примѣрахъ.

Глава о прилагательномъ заканчивается у Миклошича двумя небольшими отдѣлами: о замѣнѣ причастія прошедшаго времени страдательнаго залога прилагательными, когда дѣйствіе этого причастія представляется какъ извѣстное свойство: славънъ буду — и указаніями на то, что прилагательное радъ, употребляющееся теперь только въ именительномъ падежѣ, какъ предикативное, употреблялось ранѣе въ другихъ падежахъ (и дальше, 130, Миклошичъ говоритъ, что радъ употребляется только въ номинальной формѣ въ славянскихъ языкахъ, что неправильно — припомнимъ форму въ языкѣ малорусскомъ: радый).

Какъ приложение къ 2 первымъ главамъ идетъ изложеніе вопроса о родѣ и числѣ, при чемъ приложение занимаетъ отъ 17 по 51 стран. Библиографическія указанія при первомъ приложеніи даютъ полную возможность сказать, что Миклошичъ воспользовался всѣми выдающимися трудами въ этой области (Гримма, Потта, Гейзе, Штейнталя, Шлейхера и др.). Согласно съ господствовавшей теоріей Миклошичъ происхожденіе грамматическаго рода относитъ къ олицетворенію всего окружающаго. Труднѣе дѣло обстояло съ объясненіемъ возникновенія средняго рода, и затѣмъ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторые языки не имѣютъ, въ сущности, родовъ (Миклошичъ не останавливается на объясненіи этого), или также тѣмъ, что имѣется 2 рода: мужескій и женскій. Здѣсь дается Миклошичемъ объясненіе, но неубѣдительное. Затѣмъ проводится мысль, что соотвѣтствіе опредѣленныхъ суффиксовъ извѣстному роду явленіе позднѣйшее. Для объясненія непонятнаго согласованія прилагательнаго съ существительнымъ (такъ какъ прилагательное обозначаетъ качество, свойство, не

имѣющія, конечно, родовъ) Миклошичъ выставляетъ два разныхъ объясненія: Потта, говорившаго о какомъ то въ данномъ случаѣ картинномъ изложеніи, о стремленіи къ единству представленія, и Штейнталя, ставившаго измѣненіе по родамъ прилагательнаго въ зависимость отъ измѣненія по родамъ указательнаго мѣстоименія, прибавлявшагося къ имени существительному. Соглашаясь съ взглядами, проводимыми Штейнталемъ, что первоначально обозначеніе рода не зависѣло отъ словеснаго выраженія, что лишь впоследствии образовалось стремленіе согласовать то и другое, и что наконецъ особенно сильно было значеніе аналогіи, Миклошичъ выставляетъ еще положенія: значительно позже обнаружилось стремленіе привести въ соотвѣтствіе грамматическій родъ и полъ; въ настоящее время, если есть разница между поломъ и грамматическимъ родомъ, то мы только можемъ догадываться, первоначальна ли эта разница или она коренится на стремленіи согласовать родъ и словесную форму (такъ, напр., слуга, потому ли женскаго рода, что съ понятіемъ связывалось и представленіе, или здѣсь вліяніе окончанія а). Затѣмъ указывается цѣлый рядъ несоотвѣтствій между выраженіемъ пола и грамматическимъ родомъ. Отмѣчается, что часты случаи, когда имена на а, обозначающія полъ мужескій, грамматически женскаго рода: сото́на сама, двѣ́ воеводѣ́ и пр. Въ послѣдующихъ §§ § § перваго приложенія разсматриваются различные случаи перехода изъ одного грамматическаго рода въ другой, различные случаи согласованій, при чемъ цѣлый рядъ параграфовъ можно было бы отнести непосредственно къ главѣ о прилагательномъ (вотъ, напр., содержаніе нѣкоторыхъ параграфовъ: о переходѣ именъ существительныхъ на ъ изъ и въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ изъ мужескаго рода въ женскій; о первоначально женскомъ родѣ нѣкоторыхъ именъ существительныхъ на ъ, обозначающихъ названіе городовъ — Іерусалимъ, Вавилонъ; объ окончаніи а въ имен. пад. мн. ч. именъ существи-

муж. р.: дома; о существительныхъ общаго рода и объ употребленіи прилагательнаго безъ существительнаго; объ обозначеніи мѣстностей прилагательными мужескаго, женск. и ср. рода — и пр.). Могу также сказать здѣсь относительно этого матеріала, что онъ долженъ былъ бы быть болѣе цѣльно сгруппированъ (такъ, напр., §§ 12, 17 и 22 могли бы быть объединены — во всѣхъ трехъ параграфахъ о прилагательныхъ для обозначенія мѣста: § 12 — Курскъ, § 17 немѣско, § 22 — dubrovačka; § 39, въ которомъ говорится объ окончаніи въ имен. пад. мн. ч., могъ бы быть сближенъ съ § 8, въ которомъ говорится о томъ же; затѣмъ §§ 18, 25 и пр.). Безусловно можно придавать при характеристикѣ труда указываемому недостатку: имъ обнаруживается, по крайней мѣрѣ, для указанныхъ случаевъ, извѣстнаго рода механичность работы.

Въ приложеніи „numerus“ Миклошичъ занимается прежде всего выясненіемъ цѣлесообразности происхожденія двойственнаго числа. Въ этомъ случаѣ М. идетъ за Штейнталемъ. Набросавъ схему постепеннаго паденія двойственнаго числа, М. даетъ примѣры сохраненія двойств. ч. вообще въ арійскихъ яз. и, въ частности, затѣмъ въ славянскихъ. Вслѣдъ за этимъ идутъ параграфы, трактующіе о замѣнѣ множественнаго числа именами существительными собирательными, объ употребленіи иногда собирательныхъ во множественномъ числѣ, о подобныхъ обозначеніяхъ, какъ изъ Грекъ, въ Перьсѣхъ и пр., о возможности образованія множественнаго числа отъ именъ существительныхъ абстрактныхъ, вещественныхъ (своихъ воль, дожди, зорь и пр.) о несогласованіи въ числѣ въ случаѣ постановки творительнаго предикативнаго (прим. изъ малорус. — удерживаю транскрипцію М. — vláduky roľockujuj i vytebskuji ruyvuľu sja archyepyskorom), то же при дательномъ предикативномъ (чешск.: aniž jim dej v mně tak silnu býti), о согласованіи мѣстоименія относительнаго съ тѣмъ словомъ, къ которому оно относится въ родѣ и числѣ, о постановкѣ

падежа этого мѣстоименія въ зависимости отъ отношеній въ томъ предложеніи, въ которомъ оно стоитъ. Въ дальнѣйшихъ параграфахъ рѣчь идетъ о согласованіи и несогласованіи въ извѣстныхъ отношеніяхъ, такъ что изложеніе ученія о числѣ постепенно переходитъ въ изложеніе ученія о фактахъ согласованія. Противъ подобнаго порядка опять можно возражать.

Въ 3-й главѣ (о числительномъ), въ первомъ отдѣлѣ (количественныя числительныя), интересъ автора сосредоточивается на различныхъ случаяхъ согласованія числительныхъ. Говоря о постановкѣ при числит. пять, шесть, единственнаго числа: осмь доушь спасена бысть . . . и исходя также изъ подобныхъ примѣровъ, какъ чешск.: *hromada jich tu bylo*, Миклошичъ заключаетъ, что при подлежащемъ, обозначающемъ множество, сказуемое ставится въ среднемъ родѣ, при чемъ не обращается вниманія на родъ подлежащаго. Это заключеніе, конечно, невѣрно, и тѣ данныя, которыя дальше приводитъ Миклошичъ, подрываютъ это заключеніе (пять ихъ рѣшл и пр.). Впрочемъ, въ дальнѣйшемъ (стр. 391) Миклошичъ видоизмѣняетъ это свое мнѣніе, считая въ данныхъ случаяхъ пять, шесть . . . . винительными падежами, а въ другихъ случаяхъ, какъ сербс. *сила се народа собрало*, именительный пад. считаетъ окаменѣвшимъ. Ту же мысль объ обращеніи извѣстнаго падежа въ нарѣчное выраженіе примѣняетъ онъ къ такимъ примѣрамъ, какъ *sakupi se stotinu svatova* (390 — 1). Процессъ перехода болѣе древнихъ оборотовъ: за всу (всю) осмь днь — въ болѣе поздніе: за всѣ восемь дней и пр. — остается невыясненнымъ. Для объясненія формъ въ польскомъ языкѣ при именахъ обозначающихъ лицо: *rięciu pauczycieli* Миклошичъ прибѣгаетъ къ указанію на вліяніе родительнаго пад. на *u* и затѣмъ безсубъектныхъ предложений (*było u mnie paę osób* и и пр.).

Во 2-мъ отдѣлѣ говорится объ употребленіи „distributiva“, къ коимъ Миклошичъ относитъ числительныя, какъ: *о*бое,

двое, трое . . . Изъ названія *distributiva* я вижу, что Миклошичъ лучше уловилъ основное значеніе этихъ числительныхъ, чѣмъ наши прежніе и современные грамматисты, называвшіе эти числительныя „собрательными“. Раздѣлительность сказывается во многихъ случаяхъ. Только перечисленіе тѣхъ случаевъ у Миклошича, гдѣ по его мнѣнію, высказывается эта раздѣлительность, мнѣ думается, не проливаетъ настоящаго свѣта на характерное употребленіе данныхъ числительныхъ. Такъ, напр., нѣкоторыя раздѣлительныя числительныя, безспорно, имѣютъ значеніе числительныхъ собирательныхъ, что и давало поводъ называть ихъ такимъ образомъ. Между тѣмъ, мнѣ думается, собирательность выражаемая раздѣлительными числительными, зависитъ не отъ основного характера ихъ, а оттого, что въ подобныхъ случаяхъ числительныя принимаютъ форму средняго рода ед. ч.: пятеро, шестеро и пр.; вотъ эта форма и привноситъ съ собою новыя черты въ отбѣнкахъ значенія. Въ § 6-мъ говорится о томъ, что раздѣлительныя числительныя употребляются при обозначеніи числа живыхъ существъ, когда не обращается вниманія на родъ или когда обозначаемыя имена различнаго рода. Опять здѣсь важенъ указываемый мною признакъ. Затѣмъ вообще необходимо замѣтить о смѣшеніи этихъ числительныхъ съ числительными количественными (что особенно показывается въ § 9-мъ), и характеръ этихъ числительныхъ вовсе не обуславливаетъ то, что говорится Миклошичемъ въ §§ 7—8.

Въ 3-мъ отдѣлѣ „*ordinale*“ говорится лишь объ употребленіи самъ и полъ при порядковыхъ числительныхъ (при чемъ во второй половинѣ отдѣла говорится и о соединеніяхъ самъ съ нечислительными, объ этомъ также дальше — въ отдѣлѣ мѣстоименій).

Общее опредѣленіе сущности мѣстоименія (глава IV) сдѣлано Миклошичемъ, какъ показываетъ его ссылка, по Шеману и Штейнталу. Миклошичъ связываетъ совершенно вѣрный признакъ, основу мѣстоименій — ихъ указательный

характеръ, съ признакомъ невѣрнымъ — служебностью, формальностью: не всѣ мѣстоименія обладаютъ этой чертой; въ этомъ случаѣ, можетъ быть, оказало вліяніе на Миклошича принятое грамматическое пониманіе данной части рѣчи — *дугавѣща*. Въ первомъ отдѣлѣ (группа *personale*), слишкомъ небольшомъ, 4 параграфа, при чемъ § 4-й помещенъ не особенно кстати (дѣло идетъ здѣсь объ отдѣленіи окончанія *те* во второмъ лицѣ мн. ч. настоящ. времени глаголовъ); въ 3-мъ параграфѣ, въ которомъ говорится о замѣнѣ личныхъ мѣстоименій притяжательными, также некстати въ числѣ примѣровъ приводится такой: мое дѣло вмѣсто „я“) небогатое. Неполнымъ является и второй отдѣлъ — группа *possessivum*, гдѣ Миклошичъ обращаетъ главное вниманіе на факты народной рѣчи, не говоря о выработавшихся литературныхъ данныхъ (впрочемъ, дальше Миклошичъ останавливается еще на групп. *poss.*) Правильно отмѣчая паратактической строй прежняго предложенія, Миклошичъ указываетъ на ту роль, которую сыграло здѣсь мѣстоименіе относительное (ранѣе бывшее указательнымъ или вопросительнымъ), хотя и не опредѣляетъ тѣхъ путей, которыми образовалась получившаяся форма согласованія относительныхъ мѣстоименій въ придаточномъ предложеніи. Интересно, что говоря о группа *relativum im allgemeinen* въ 4-мъ отдѣлѣ, Миклошичъ затрогиваетъ вопросы, исключительно касающіеся строя предложенія, когда отношеніе между предложеніями выражается и безъ мѣстоименія (посредствомъ вопросительныхъ формъ: чешск. *chce li člověk živ býti, musí pracovat*, или отношеніе не выражается: *тише ѣдешь, дальше будешь*; хотя въ примѣрахъ у Миклошича встрѣчаются здѣсь и такіе: *хоть я не пророкъ, но . . .*, стр. 78).

Большой 5-й отдѣлъ 4-й главы (78—116) посвященъ отдѣльнымъ мѣстоименнымъ основамъ, рассматриваетъ основныя мѣстоименныя формы и отъ нихъ производныя въ алфавитномъ порядкѣ. Основныхъ формъ Миклошичъ насчитываетъ

ваецъ 14, разсматриваемыя измѣненія въ значеніи происходятъ въ томъ или иномъ образованіи. Непосредственнымъ продолженіемъ даннаго отдѣла является отдѣлъ 6-й, въ которомъ Миклошичъ говоритъ о присоединяемыхъ къ мѣстоименіямъ частицахъ (116—124). Въ 7-мъ отдѣлѣ 4-й главы — artikel — (124—150) Миклошичъ говоритъ сначала объ общемъ значеніи члена (послѣдній обозначалъ нѣчто извѣстное, опредѣленное), затѣмъ объ употребленіи члена въ разныхъ языкахъ, о его сравнительно позднемъ развитіи, о томъ, что въ славянскихъ языкахъ употребленіе члена не достигло полного развитія. Въ славянскихъ языкахъ членъ ставится послѣ прилагательныхъ и образуется такъ называемая полная, опредѣленная форма; членъ и же, ка же, е же образовался подъ вліяніемъ греческимъ, членъ же въ болгарскомъ языкѣ даетъ возможность Миклошичу говорить о вліяніи романскомъ и албанскомъ, хотя тѣ данныя которыя приводитъ Миклошичъ изъ другихъ славянскихъ языковъ, особенно русскаго, могли бы дать ему возможность сдѣлать и совершенно другой выводъ (стоитъ сравнить въ данномъ случаѣ противоположныя приведенному заключенія въ специальныхъ статьяхъ проф. Милетича въ сборникѣ за народни умотворен. 901 г. XVIII и проф. М. Г. Халайскаго въ Извѣст. отд. русс. яз. и сл. ИМП. Ак. Н. 901 г. VI). Подробно останавливаясь на выясненіи разницы отъ присоединенія или неприсоединенія члена, Миклошичъ отмѣчаетъ разницу между формами простыхъ, или номинальныхъ, прилагательныхъ отъ сложныхъ, или опредѣленныхъ, въ томъ, что послѣднія обозначаютъ предметъ уже извѣстный, а первыя предметъ, который только теперь дѣлается извѣстнымъ: этимъ обстоятельствомъ онъ объясняетъ и легкость перехода прилагательныхъ опредѣленныхъ въ существительныя. Отсюда выходило также отрицательное отношеніе Миклошича къ утвердившемуся соединенію номинальности прилагательныхъ съ предикативностью, а опредѣленныхъ формъ прилагательныхъ

съ атрибутивностью, такъ какъ въ качествѣ предиката могли выступать и формы опредѣленныя, а въ качествѣ атрибута формы номинальныя. Съ теченіемъ времени благодаря большому и большому употребленію формъ опредѣленныхъ, границы употребленія формъ номинальныхъ все болѣе и болѣе суживались; болѣе всего эти формы удержались въ предикативныхъ сочетаніяхъ, хотя въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ (польскомъ и чешскомъ) и здѣсь употребляется форма опредѣленная, въ сербо-хорватскомъ же отъ нѣкоторыхъ прилагательныхъ нѣтъ уже и формы номинальной; малорусскій и великорусскій языки сохраняютъ въ народной поэзіи еще во многихъ случаяхъ номинальныя формы прилагательныхъ въ атрибутивномъ значеніи: бѣль шатеръ . . . Но изъ послѣдняго не слѣдуетъ, какъ справедливо замѣчаетъ Миклошичъ, чтобы чувствовалась разница по значенію въ такихъ случаяхъ между бѣль и бѣлыи. При этомъ Миклошичъ обращаетъ вниманіе на мнѣніе Востокова, дѣлающаго различіе между бѣль въ качествѣ атрибута и въ качествѣ предиката и обращающаго вниманіе въ данныхъ случаяхъ на разницу въ удареніяхъ: бѣлы руки . . . руки бѣлыи. По Миклошичу, здѣсь не было исконной разницы, а причины различнаго ударенія необходимо искать въ особенностяхъ народной поэзіи. При объясненіи же вообще опредѣленныхъ прилагательныхъ Миклошичъ особенно выдвигаетъ значеніе древне-церковно-славянскаго языка, указывая въ данномъ случаѣ тотъ ошибочный путь, по которому пошелъ Штейнталь въ своихъ замѣчаніяхъ относительно природы опредѣленныхъ прилагательныхъ въ славянскихъ языкахъ. Въ дальнѣйшемъ Миклошичъ перечисляетъ случаи употребленія номинальныхъ формъ прилагательныхъ и причастій.

Въ общихъ замѣчаніяхъ объ *adverb* (глава 5-я) Миклошичъ выдвигаетъ вполне правильную точку зрѣнія, что разница въ неизмѣняемыхъ частяхъ рѣчи „*partikeln*“ — нарѣчіяхъ, предлогахъ и союзахъ обуславливается синтакси-

ческимъ отношеніемъ. Это примѣняется прежде всего, конечно, къ предлогамъ и нарѣчіямъ. Говоря же о синтаксическихъ отношеніяхъ, мы по необходимости должны выдвинуть значеніе вообще предложенія, т. е. то, чѣмъ Миклошичъ спеціально не занимается. вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не отмѣтить проводимаго здѣсь (вслѣдъ за Поттомъ) правильнаго взгляда на предлоги, каковому вполне не удастся войти въ нашу не только учебную, но и ученую литературу, что предлоги вовсе не управляютъ падежами.

Въ богатомъ матеріалѣ, который приводитъ Миклошичъ въ отдѣлѣ „нарѣчія“, мы видимъ, въ сущности, разнообразныя элементы: здѣсь находятся слова, яркія по своему значенію, и частицы, потерявшія сами по себѣ уже прежнюю яркость значенія и придающія лишь извѣстный оттѣнокъ значенія тѣмъ словамъ, къ которымъ эти частицы присоединяются (напр.: бы, ли, чи и пр.). Поэтому представлялась бы необходимой другая, какая либо болѣе объясняющая классификація. Такимъ образомъ и само общее примѣненіе термина „частицы“ врядъ ли можно принять, имѣя въ виду весь тотъ матеріалъ, который приведенъ у Миклошича. Особенное вниманіе удѣляетъ Миклошичъ отрицательной частицѣ (170—95). Перечисляя различные случаи употребленія, затрогивая даже вопросъ о мѣстѣ постановки отрицанія, такимъ образомъ входя и въ область предложенія, Миклошичъ приводитъ здѣсь много матеріала и изъ неславянскихъ языковъ. Трудно, конечно, согласиться съ этимологизаціей Миклошича — нѣ кто изъ не вѣмъ кто: скорѣе нѣ — одинъ изъ видовъ отрицанія (ср. Brugmann *Kurze vergl. Grammatik*, 614, Vondrak *V. sl. Gram.* II, 399). Вполнѣ правильно отмѣчается свойство отрицанія — не только отрицать, но отрицая создавать изъ значенія глагола и существительнаго новое значеніе, противоположное основному.

Около 60 страницъ посвящено Миклошичемъ предлогамъ (195—257). Согласно съ его точкою зрѣнія на синтаксисъ, задачей послѣдняго является и изслѣдованіе зна-

ченія формальныхъ словъ. Предлоги онъ дѣлитъ на подлинныя и неподлинныя, подразумѣвая подъ послѣдними такіе, какъ: прямо, близъ и пр., т. е. сохраняющіе свое матеріальное значеніе. Предлоги встрѣчаются въ разныхъ положеніяхъ: они выступаютъ въ качествѣ нарѣчій (правильнѣе было бы сказать, что нарѣчія сохраняютъ въ подобныхъ случаяхъ свой первоначальный характеръ), они могутъ выступать въ качествѣ префиксовъ (значеніе префиксальное и превербiальное) или предъ косвенными падежами (значеніе предложное). Стремясь выяснитъ значеніе разныхъ предлоговъ, Миклошичъ разсматриваетъ прежде всего употребленіе предлоговъ въ префиксальномъ и превербiальномъ положеніи, такъ какъ это употребленіе имѣетъ болѣе важное значеніе, чѣмъ предложное — въ послѣднемъ случаѣ главнымъ является падежъ. Выдѣляя извѣстныя функціи падежей, Миклошичъ приходилъ къ отрицательному отношенію къ такъ называемому синтаксическому ученію объ „управленіи“. Если падежъ являлся уже самъ по себѣ чѣмъ то самостоятельнымъ, то естественно было, что онъ не долженъ былъ зависѣть отъ другого слова. Отсюда особенно ясно должно быть для насъ и отрицательное отношеніе къ ученію о томъ, что предлоги управляютъ тѣмъ или инымъ падежомъ. Благодаря такой точкѣ зрѣнія, у Миклошича получается и своеобразное распредѣленіе матеріала: у него при каждомъ падежѣ разсматривается и соединеніе падежа съ предлогами (а не отдѣльно — управленіе предлоговъ).

Шестая глава о союзахъ (257—61) представляется гораздо менѣе разработанной, чѣмъ предыдущая. Мѣняется какъ то даже характеръ изложенія: отправною точкой выступаются союзы латинскіе, матеріала дается сравнительно очень мало. Само опредѣленіе, даваемое въ началѣ, что союзами обозначается только отношеніе сочиненія (паратаксиса), а что для подчиненія употребляются мѣстоименія относительныя или нѣкоторыя другіе способы (о чемъ

раньше), — противорѣчить тому, что у насъ теперь принято: для паратакиса вовсе и не необходимы союзы, безспорно также необходимо дѣлать разницу между союзами въ паратактическихъ предложеніяхъ и союзами въ предложеніяхъ гипотактическихъ.

Ученіе о глаголѣ (глава 7-я, 261—340) Миклошичъ начинаетъ выясненіемъ разницы между абстрактными и конкретными глаголами въ отношеніи ихъ функцій. Оказывается, что первые имѣютъ своимъ назначеніемъ только формальное соединеніе субъекта и предиката, вторые сами являются предикатомъ (содержать предикатъ). Эта мысль характеризуетъ отношеніе Миклошича къ анализу предложенія, анализъ сдѣланъ поверхностно. Понятія о сказуемости какъ о свойствѣ глагола такимъ образомъ у Миклошича нѣтъ (дальше, напр., на стр. 408-9, Миклошичъ говоритъ, что винительный пад. съ предлогомъ за обозначаетъ сказуемое при такихъ глаголахъ, которые въ латинс. яз. имѣютъ при себѣ два именительныхъ или два винительныхъ, а также творительн. съ *pro*, въ греч. яз. родительный съ *ἀντί*). Абстрактные глаголы относятся, по мнѣнію Миклошича, къ конкретнымъ такъ, какъ мѣстоименія къ именамъ, хотя самъ же Миклошичъ замѣчаетъ, что въ послѣднемъ случаѣ разница основана на различныхъ корняхъ, въ то время какъ абстрактные глаголы развиваются изъ конкретныхъ (не удается, замѣчаетъ Миклошичъ, доказать этого по отношенію такихъ глаголовъ, какъ древн. индус. *as*, хотя, самъ Миклошичъ въ дальнѣйшемъ приводитъ данныя изъ русскаго языка, гдѣ глаголъ *есть* имѣетъ конкретное значеніе).

Въ отношеніи субъекта дѣятельности, какъ замѣчаетъ Миклошичъ, дѣлятся глаголы на активные и пассивные; въ первыхъ субъектъ самъ дѣятеленъ, въ послѣднихъ субъектъ составляетъ цѣль дѣятельности другого субъекта. Послѣднее опредѣленіе не совсѣмъ точно передаетъ сущность страдательнаго залога, напр., столъ сдѣ-

ланъ и пр. Не особенно удобно и дальнѣйшее дѣленіе глаголовъ дѣйствительнаго залога на субъективные и объективные, уже потому прежде всего, что глаголы субъективные часто являются какъ бы входящими въ область глаголовъ болѣе широкаго термина — объективныхъ (какъ то именно видимъ у Миклошича). Неудобство это вытекаетъ особенно ясно изъ слѣдующаго. Миклошичъ дѣлитъ субъективные глаголы на средніе и возвратные; если въ субъективныхъ глаголахъ, по опредѣленію Миклошича, дѣятельность ограничивается самимъ субъектомъ, то въ возвратныхъ это дѣйствіе возвращается на него. Но спрашивается, развѣ это будетъ чисто грамматическое дѣленіе: дѣленіе дѣлается уже не по формѣ, а по значенію. Миклошичъ выдѣляетъ медиальные глаголы изъ тѣхъ, которые будучи первоначально возвратными, мало по малу теряютъ свой характеръ и показываютъ дѣйствіе только въ сферѣ субъекта. Раздѣляя объективные глаголы на переходные и непереходные, Миклошичъ выдѣляетъ особый родъ переходныхъ (по ошибкѣ въ данномъ случаѣ — *intransitiva* вм. — *transitiva*) — каузальные, послѣднее выдѣленіе нарушаетъ принципъ дѣленія, легшій въ основу дѣленія на переходные и непереходные глаголы. При дѣленіи же страдательнаго залога, который также представляетъ собою энергію и обозначаетъ лишь измѣненный активъ, нужно, по Миклошичу, брать за основу формальныя особенности, коими этотъ залогъ выражается.

Подъ угломъ этихъ общихъ положеній разсматриваетъ дальше Миклошичъ фактическій матеріалъ. Говоря о выраженіи пассива глаголами средними (здѣсь важно, конечно, значеніе), возвратными (при потемнѣніи основнаго значенія *ся*), Миклошичъ устанавливаетъ, между прочимъ, въ исторіи развитія залоговъ такую схему переходовъ: возвратный — медиальный — страдательный, при чемъ замѣчаетъ, что для многихъ случаевъ, въ силу затемнѣнія этимологическаго начала, трудно установить этотъ переходъ.

Замѣчая, что возвратные глаголы иногда образовывались изъ соединенія глагола съ дательнымъ падежомъ мѣстоименія *си*, Миклошичъ не соглашался съ Буслаевымъ, проводящимъ это положеніе и для такихъ оборотовъ въ народной поэзіи, какъ ѣдаючись, пиваючись и пр. О возможности присоединенія формы *си* для образованія возвратнаго залога указывалъ и Аксаковъ въ своей рецензіи на грамматику Буслаева.

Отдѣлъ 3-й главы 7-й, посвященный *verba perfectiva* и *imperfectiva*, представляетъ главнымъ образомъ интересъ по матеріалу и его классификаціи (по степенямъ совершенности и несовершенности). Устанавливаются различныя степени длительности. О нѣкоторыхъ свойствахъ русскаго глагола Миклошичъ говоритъ, пользуясь трудами Востокова, Буслаева, Аксакова, Павскаго и др. (между прочимъ опровергаетъ неправильное мнѣніе Павскаго объ отношеніи глагола къ обозначенію пространства и находитъ причину послѣдняго въ обозначеніи глаголомъ времени).

II часть синтаксиса Миклошича дѣлится на 2 части: 1. ученіе объ именахъ и 2. ученіе о глаголахъ. На первыхъ страницахъ снова затрогивается вопросъ о согласованіи, затѣмъ слѣдуютъ замѣчанія объ именительномъ падежѣ. Изъ послѣднихъ я укажу на то, что въ подобныхъ выраженіяхъ, какъ стѣна пройти, малор. да ваты міра (мѣру) Миклошичъ совершенно справедливо не видитъ здѣсь постановки именительнаго падежа вмѣсто винительнаго, такимъ образомъ видитъ здѣсь подлежащія. Подобныя обороты отмѣчались и въ древнерусскихъ памятникахъ и въ современныхъ русскихъ нарѣчіяхъ, при чемъ обыкновенно говорилось о постановкѣ именительнаго падежа вмѣсто винительнаго.

Интересъ перваго отдѣла первой главы заключается не въ немногихъ замѣчаніяхъ объ именительномъ падежѣ, содержащихъ нѣсколько болѣе двухъ страницъ, а въ своего рода приложеніи — въ изложеніи ученія о безсубъектныхъ предложеніяхъ (346—369). Этимъ вопросомъ Миклошичъ

спеціально займався: сначала онъ посвятилъ этому вопросу статью въ *Denkschriften* Вѣнской Академіи Наукъ (т. 14), затѣмъ эта статья была вторично изд. въ 83 г. въ переработанномъ видѣ. Включая въ свой синтаксисъ изложеніе о безсубъектныхъ предложеніяхъ, при томъ въ такомъ сравнительно подробномъ изложеніи, Миклошичъ тѣмъ самымъ нарушалъ основную точку зрѣнія, которую онъ выставлялъ въ началѣ своего труда. Но въ данномъ случаѣ это уже не является важнымъ. Беря во вниманіе важность затронутаго вопроса, я позволю себѣ высказать слѣдующія замѣчанія. Въ своихъ замѣчаніяхъ я буду имѣть въ виду находящееся въ синтаксисѣ Миклошича о безсубъектныхъ предложеніяхъ въ связи съ данными указаннаго спеціального его изслѣдованія.

Изслѣдованіе Миклошича безсубъектныхъ предложеній далеко не исчерпываетъ вопроса. Оно важно, конечно, по собранному матеріалу относительно разработки вопроса и относительно самихъ разсматриваемыхъ оборотовъ, поскольку эти обороты находятъ себѣ отраженіе въ современныхъ славянскихъ языкахъ. Важно это изслѣдованіе, потому что указало на непослѣдовательность въ ученіи различныхъ философовъ и грамматиковъ, но въ то же время и само изслѣдованіе не можетъ претендовать на разрѣшеніе поставленныхъ вопросовъ, оно не лишено и черезчуръ поспѣшныхъ заключеній, не находящихъ себѣ обоснованія въ данныхъ различныхъ языковъ. Главные вопросы, которые поставлены здѣсь: 1. первоначальны или непервоначальны безсубъектныя предложенія, 2. какъ нужно классифицировать ихъ. Миклошичъ рѣшаетъ вопросъ въ пользу первоначальности безсубъектныхъ предложеній. Онъ говоритъ о томъ, что сужденія могутъ быть одночленны (къ каковымъ и принадлежатъ безсубъектныя предложенія), двучленны и трехчленны. Для того, чтобы разрѣшить вопросъ о томъ, первоначальны или непервоначальны безсубъектныя предложенія, нельзя ограничиваться извѣстными общими сужденіями, построенными часто на нашемъ традиціонномъ

пониманіи языка, нужно заглянуть глубже въ факты языка, посмотрѣть, нѣтъ ли среди этихъ фактовъ такихъ, которые указывали бы въ настоящемъ своемъ на исторію прошлаго. Если, напр., можно было бы прослѣдить возникновеніе нѣкоторыхъ безсубъектныхъ предложеній теперь, то естественно, что путь ихъ возникновенія можно было бы перенести на прошлое. Но тутъ не нужно забывать и того, что извѣстнаго рода безсубъектныя предложенія не могутъ служить образцомъ для другихъ. Если „говорять“, „слушаютъ“ и пр. ясны по своему происхожденію, то нельзя того же сказать, примѣняя къ „разсвѣтаетъ“, „тошнить“ и пр. Сама классификація должна быть построена на созданной уже путемъ научнаго мышленія исторіи возникновенія и развитія этихъ предложеній. Самъ Миклошичъ понималъ недостатки созданной имъ классификаціи, недостатки этой классификаціи были позже отмѣчены проф. Овсяннико-Куликовскимъ. Совершенно правъ Овс. Куликовскій, замѣчая, что Миклошичъ въ своей классификаціи безсубъектныхъ предложеній главное вниманіе удѣляетъ чисто матеріальному значенію классифицируемыхъ предложеній, оставляя совершенно въ сторонѣ и не выясняя выставленную прежде всего формально грамматическую точку зрѣнія, Дѣйствительно, въ дѣленіи Миклошича выдвинута прежде всего формальная сторона: 1-съ глаголомъ активнымъ, 2-съ глаголомъ возвратнымъ, 3-съ глаголомъ пассивнымъ, 4-съ именемъ и глаголомъ быть; затѣмъ уже идутъ подраздѣленія (предложенія обозначающія существованіе предмета, относящіяся къ явленіямъ природы, обозначающія физическія и душевныя состоянія и пр.) и на этихъ то, въ сущности, подраздѣленіяхъ основана классификація, и не установлено, какая же связь между безсубъектностью предложеній возвратностью или пассивностью глагола.

Нельзя не согласиться съ указаніями г. Іовановича (*Die Impersonalien*, В. 96 г., 3—4), что въ окончательныхъ

выводахъ у Миклошича замѣтна какая то непослѣдовательность. Именно — Миклошичъ примыкаетъ къ мнѣнію Брентано (*Psychologie I, 276* и сл.), что нѣтъ нужды искать двучленности для всякаго сужденія, что сужденіе въ основѣ своей есть утвержденіе или отрицаніе чего-либо, такимъ образомъ все сводится къ такъ называемымъ *existentialsätze*; съ другой стороны, Миклошичъ называетъ безсубъектныя предложенія предикативными, слѣдовательно, примыкаетъ уже къ точкѣ зрѣнія Тренделенбурга.

Представлять себѣ, что безсубъектныя предложенія въ томъ видѣ, какъ онѣ существуютъ теперь, могли быть первоначальными сужденіями, изъ которыхъ возникали субъектныя предложенія, какъ думали Тренделенбургъ и Миклошичъ, конечно, нельзя. Нельзя думать, чтобы явленія природы представлялись древнему человѣку въ видѣ какой то дѣятельности безотносительно отъ дѣятеля. Но тутъ только является вопросъ, можно ли говорить о первоначальности или непервоначальности образованія того или иного предложенія, беря новѣйшую его форму. Если древній человѣкъ видѣлъ во всемъ нѣчто живущее, если онъ къ проявленіемъ внѣшняго міра примѣнялъ тѣ же волевыя управленія, которыя чувствовалъ въ себѣ, то естественно, что представлять себѣ какую либо дѣятельность безъ дѣятеля онъ не могъ. Всѣ предметы окружающаго міра одухотворялись. Эти предметы такъ же могли дѣйствовать, желать, какъ и человѣкъ. Но тутъ нужно имѣть въ виду, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти дѣятели могли быть неясны, иногда ихъ боялись назвать, это были злые духи, демоны (ср. у Потебни III, 410). Такимъ образомъ могъ безспорно подготавливаться путь къ образованію безсубъектныя предложенія — путемъ неупоминанія, путемъ стиранія подразумѣваемыхъ субъектовъ. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что для древняго человѣка многое могло казаться болѣе понятнымъ, чѣмъ для его отдаленнаго потомка: онъ многое объяснялъ олицетвореніемъ. Видя молнію и оли-

цетворяя небо, онъ необходимо долженъ былъ говорить и думать, что небо-богъ производитъ молнію и пр. Нужно прийти такимъ образомъ къ выводу, что первоначальные періоды мышленія не давали основы для созданія безсубъектныхъ оборотовъ. Вопросъ теперь лишь можетъ быть въ слѣдующемъ. Если періодъ анимизма, а потомъ и періодъ миѳической не могли выработать безсубъектности оборотовъ, если существованіе послѣднихъ возможно въ періодъ болѣе трезваго взгляда на міръ, когда безсубъектные обороты могутъ обозначать одну лишь дѣятельность или состояніе, то спрашивается, почему мы находимъ безусловно безсубъектные обороты въ періодъ миѳической, именно въ оборотахъ классическихъ языковъ или даже въ оборотахъ нашей народной славянской рѣчи (несмотря на то, что періодъ миѳическихъ воззрѣній не миновалъ еще для простыхъ слоевъ нашего славянскаго міра)? Вѣдь признается искусственность подразумеваемой *Zeús* при *δοτράπτε* Jupiter — при *topuit* и пр. Лишь отчасти правъ былъ Миклошичъ, когда говорилъ о дѣйстви классическихъ языковъ въ смыслѣ извѣстной преграды для развитія безсубъектныхъ оборотовъ: именно строй литературнаго двучленнаго предложенія благодаря классической традиціи строго хранить свои рамки. Говорить же о томъ, что въ славянскихъ языкахъ, въ которыхъ менѣе вліяніе классическихъ языковъ, сильнѣе распространены въ зависимости отъ этого безсубъектныя предложенія, не приходится. Въ этомъ случаѣ правъ былъ ак. Ягичъ (*Beiträge z. sl. Syntax*, 15—16), указывая, что въ русскомъ языкѣ болѣе развиты безсубъектныя предложенія, чѣмъ въ сербскомъ, хотя синтаксисъ послѣдняго языка былъ также чуждъ вліянію классическихъ языковъ, что въ польскомъ языкѣ (въ которомъ сильно было вліяніе латинскаго яз.) встрѣчаются такіе безсубъектные обороты, напр., *gdzie go przyjeło*, каковыхъ оборотовъ не встрѣчается въ томъ же сербо-хорватскомъ языкѣ.

Какъ мы уже видѣли, на проводимую Миклошичемъ

теорію оказала вплив теорія, розвита Brentano, сводившая безсуб'єктные обороти къ *existentialsätze*. Безсуб'єктное предложєніє создаєтся по формулѣ предложєнія: такой то предметъ существуетъ; при чемъ послѣднее сужденіє понимается какъ одноклєнное: въ немъ признаєтся опредѣленный предметъ. Разъ мы называемъ предметъ, тѣмъ самымъ мы признаемъ его существованіє, слѣдовательно предикату здѣсь мѣста нѣтъ. То же мы находимъ въ безсуб'єктныхъ предложєніяхъ: морозитъ = морозъ существуетъ. Претендовать на убѣдительность теорія эта, какъ справедливо указывалъ Іовановичъ, не можетъ. Построєнныя такимъ образомъ предложєнія во всякомъ случаѣ непервоначальны по своей природѣ, и въ томъ видѣ, какъ онѣ представлєны, онѣ двучлєнны. Однако и со взглядомъ Іовановича трудно согласиться. По его мнѣнію, безсуб'єктные обороти являютъся созданиємъ періода болѣе трезвыхъ воззрѣній на міръ, при чемъ въ этихъ оборотахъ является одноактное сужденіє. Трудно согласиться уже потому, что изслѣдователь, проводя свою мысль, стремится какъ бы отмѣтить сознательное давлєніє мысли въ данномъ случаѣ на языкъ. Можно было бы здѣсь выставить такую гипотезу. Нѣкоторыя личныя предложєнія, создавшіяся въ періодъ анимизма, могли при переходѣ въ періодъ миеологическій, терять свое непосредственное подлежащее, которое не могло быть вполнѣ замѣнено новымъ миеологическимъ образомъ. Небо могло дождитъ, но Зевсъ могъ только ниспосылать дождь . . . Интересно то, что уже греческіє грамматикѣ замѣтили отгѣнокъ, отличающій „безличныи“ глаголъ отъ глагола вообще: *χοῦ, δεῖ* и пр. относились ими не къ глаголамъ, а къ нарѣчіямъ.

Кромѣ 3-го лица, отличающаго безсуб'єктные обороти, есть также одна черта, характеризующая многіє изъ этихъ оборотовъ, это — средній родъ, въ которомъ ставится иногда мѣстоимєніє или форма прошедшаго времени глаголовъ. Еще древній грамматикъ Августинъ Сатурнинъ

обратилъ на послѣднее вниманіе и предупредилъ въ данномъ случаѣ подобное же наблюденіе Гримма, что въ случаяхъ, какъ *procursum*, нельзя подразумѣвать *procursum* (т. е. нельзя подразумѣвать имя существительное муж. рода; по замѣчанію Гримма, польское *grzmiąco*, нѣмец. *es donnerte* говорятъ противъ подразумѣванія въ *tonuit* — *Jupiter*, см. у Миклошича *Syntax* 348—9, *Subjectl. S.*, 9, 3). Миклошичъ обращалъ вниманіе на слѣдующее: если безсубъектность зависитъ отъ средняго рода, отъ неопредѣленности послѣдняго, то безсубъектныхъ предложеній не должно быть въ тѣхъ языкахъ, въ которыхъ нѣтъ средняго рода. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что безсубъектныя предложенія имѣются въ романскихъ и семитическихъ языкахъ, а также въ литовскомъ и латышскомъ. Оказывается, впрочемъ, что ранѣе эти языки имѣли средній родъ. Относительно мадьярскаго и финскаго языковъ, какъ замѣчалъ Миклошичъ, вопросъ въ данномъ отношеніи остается невыясненнымъ. Можно сказать, что въ исторіи развитія безсубъектныхъ предложеній средній родъ игралъ и могъ играть важную созидающую роль: въ этомъ случаѣ имѣла большое значеніе именно неопредѣленность средняго рода, общность его значенія. Средній родъ могъ содѣйствовать переходу оборота субъектнаго въ безсубъектный. Въ этомъ случаѣ нагляднымъ доказательствомъ, думается, могли бы послужить поговорки, пословицы, загадки. Мнѣ кажется, что средній родъ долженъ отличать настоящіе безсубъектные обороты. Что неопредѣленность, свойственная этому роду, примѣнима къ такимъ выраженіямъ, какъ *свѣтаетъ*, *морозитъ* и пр., указываетъ прошедшее время: *свѣтало . . .*, между тѣмъ, какъ „*тише ѣдешь, дальше будешь*“ и пр., при случаѣ тотчасъ выказываютъ свою личную, опредѣленную форму, и поставитъ подобные обороты въ среднемъ родѣ не представляется возможнымъ.

Указаніе Штейнталя, съ которымъ не соглашается Миклошичъ, что всякій глаголъ, поставленный въ 3-мъ

лицѣ, долженъ относиться къ лицу, указаніе это (сдѣланное противъ мнѣнія Гейзе) не лишено основанія. Здѣсь, мнѣ кажется, можно было бы привести только то соображеніе, что глаголъ въ данномъ случаѣ теряетъ свой характеръ, онъ постепенно переходитъ въ область имени вообще.

Миклошичъ объясняетъ появленіе въ ниже-лужицкомъ нарѣчьи вон о: vono se bŭzka и пр. вліяніемъ нѣмецкаго es. Но если взять приводимый Поповымъ (Синт. изсл., 305, ср. также объ этомъ у Миклошича въ Subjectl. S., 5) примѣръ изъ говоровъ харьковской губерніи, то можно еще нѣсколько усумниться относительно заимствованія, а думать и о возможности самостоятельнаго появленія въ подобныхъ случаяхъ оно, воно.

Спорнымъ пунктомъ являются предложенія въ такомъ родѣ: двоимъ панамъ тяжело служить. Вопросъ въ томъ, являются ли подобныя предложенія субъектными или безсубъектными, или болѣе общій вопросъ: можетъ ли неопредѣленное наклоненіе выступать въ качествѣ подлежащаго? Мнѣ здѣсь придется зайти впередъ относительно порядка изложенія у Миклошича: данный вопросъ у него трактуется на стр. 847-9 синтаксиса. Миклошичъ оспариваетъ здѣсь возможность въ подобныхъ и другихъ случаяхъ считать неопредѣленное наклоненіе подлежащимъ, выдвигая глагольность неопредѣленнаго наклоненія, и появленіе мнѣнія грамматиковъ о неопредѣленномъ наклоненіи какъ подлежащемъ объясняетъ возможностью замѣны этихъ предложеній другими, при чемъ въ послѣднихъ вмѣсто неопредѣленнаго наклоненія выступаетъ имя существительное. Потебня, относя неопредѣленное наклоненіе „къ категоріи сказуемаго въ обширномъ смыслѣ“, отрицалъ такимъ образомъ возможность для неопредѣленнаго наклоненія выступать въ качествѣ „настоящаго“ подлежащаго или „настоящаго“ дополненія. Я подчеркиваю — „настоящаго“, потому что, очевидно, и для Потебни все же было трудно опровергнуть, что неопредѣленное наклоненіе является на мѣстѣ

подлежащаго и дополненія. По Потенбѣ, неопредѣленное наклоненіе выдвигается лишь вмѣсто подлежащаго, а имѣетъ все же глагольное значеніе. *Irgen ist menschlich* Потенбня уравнивалъ, слѣдуя Штейнталу — *das man irrt*. Но подобныхъ уравниній нельзя проводить здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ (Изъ зап. по рус. грам. II, 350 и др.). Въ стремленіи Потенбни подогнать неопредѣленное наклоненіе даже къ свойству обладать своимъ собственнымъ лицомъ (тамъ же, 348) находится искусственность, и стремленіе это объясняется желаніемъ изслѣдователя сблизить неопредѣленное наклоненіе съ другими наклоненіями въ смыслѣ главной особенности глагола. Признавая нѣкоторую близость неопредѣленнаго наклоненія къ имени существительному, я думаю, что неопредѣленное наклоненіе въ синтаксическомъ отношеніи можетъ овладѣвать и функціями имени существительнаго. Беря вышеприведенную фразу: тяжело служить двумъ господамъ, и выдѣляя „служить“ логическимъ удареніемъ, мы тѣмъ самымъ сблизимъ это предложеніе съ предложеніемъ: служба двумъ . . . Правда, подстановка еще не говоритъ о равнозначности оборотовъ, но мы можемъ изъ параллельныхъ фразъ уловить и роль неопредѣленнаго наклоненія.

Въ очень небольшой 2-й главѣ (менѣе страницы, 369-70) — *von vocativ* Миклошичъ даетъ слишкомъ поверхностное ученіе о звательномъ падежѣ. Въ параграфѣ 1 онъ говоритъ о нѣкоторомъ подобіи этого падежа междометію, въ § 2 о замѣнѣ звательнымъ падежомъ именительнаго, при чемъ сущность изложеннаго здѣсь сводится къ отрицанію мнѣнія о возможности въ данномъ случаѣ объяснить подобныя замѣны въ пѣсняхъ народныхъ требованіями размѣра. Уже до выводовъ Миклошича относительно даннаго вопроса существовала извѣстная литература (мнѣнія Боппа, Шлейхера, Бенфея, Курціуса и Ягича). Миклошичъ, въ сущности, примыкалъ къ мнѣнію Шлейхера (*Compendium* § 263), между тѣмъ, какъ дальнѣйшія изслѣ-

дованія (напр., Попова) указывали на бѣльшую обоснованность мнѣнія Бенфея, признававшего близость звательнаго падежа къ падежу именительному. Основы чисто внутренняго характера замѣны именительнаго падежа звательнымъ были указаны Потемнею и могли здѣсь сказываться также указанныя Ягичемъ требованія метрики.

При выясненіи причинъ замѣны формы винительнаго падежа формою родительнаго падежа Миклошичъ выставляетъ положеніе, что родительнымъ падежомъ выражается болѣе энергично переходящее дѣйствіе, что такимъ образомъ и необходимо было при обозначеніи одушевленныхъ предметовъ, такъ какъ винительный падежъ, будучи сходенъ съ именительнымъ, могъ быть принятъ за обозначателя самого дѣйствителя. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, посвященномъ винительному падежу, классифицируется матеріалъ по отдѣльнымъ случаямъ употребленія даннаго падежа. Какъ отмѣчено ранѣе, здѣсь же приводятся частичныя поправки къ нѣкоторымъ ранѣе высказаннымъ мнѣніямъ.

Говоря о винительномъ падежѣ, Миклошичъ затрогиваетъ и оборотъ *accusativus cum infinitivo* (стр. 394-5, затѣмъ — 870-1). Нужно замѣтить, что сказанное здѣсь представляетъ сокращеніе спеціальной статьи Миклошича, посвященной данному вопросу, помѣщенной въ *Sitzungsberichte d. ph. hist. Cl. вѣнской академіи наукъ* (за 1868 г.). Статья эта прежде всего обнаруживаетъ въ Миклошичѣ прекрасное знакомство съ предыдущей разработкой вопроса, его умѣнье ясно представить картину этой разработки, какъ то было и въ другихъ случаяхъ. Естественно, что эта часть статьи не нашла себѣ мѣста въ синтаксисѣ славянскихъ языковъ, такъ какъ даннаго вопроса Миклошичу пришлось коснуться лишь вскользь. Миклошичъ не даетъ въ концѣ концовъ какого-либо совершенно новаго взгляда на рассматриваемый оборотъ, а какъ замѣчаетъ въ началѣ изслѣдованія, стремится дать новыя доказательства для одного изъ

ранѣ проводимыхъ взглядовъ. Мнѣ представляется важнымъ обратить на это вниманіе уже потому, что Jolly въ своемъ специальномъ изслѣдованіи, разбираясь въ данномъ вопросѣ, представляетъ отношеніе Миклошича къ разработкѣ вопроса не совсѣмъ правильно (*Geschichte d. Infinitivs* М. 1873 — стоитъ сравнить сдѣланную классификацію мнѣній ученыхъ здѣсь и у Миклошича, чтобы увидѣть разницу, и не оправдать искусственно сдѣланное отдѣленіе Миклошича отъ тѣхъ, которыхъ онъ самъ считалъ своими предшественниками: у Jolly совершенно несправедливо Миклошичъ занялъ вполне независимое, обособленное положеніе, см. 250 стр.). Извѣстная самостоятельность въ выводахъ Миклошича заключалась въ сближеніи оборотовъ винительнаго съ неопредѣленнымъ и дательнаго съ неопредѣленнымъ. Миклошичъ, опредѣляя природу послѣдняго, переносилъ объясненіе и на оборотъ первый. Но въ этомъ была его ошибка, и нельзя не согласиться съ Jolly, что результатъ, къ которому онъ пришелъ при объясненіи оборота *accusativus cum infinitivo*, неудовлетворителенъ. Винительный падежъ въ данномъ случаѣ Миклошичъ считалъ, какъ и его предшественники, самостоятельнымъ подлежащимъ при неопредѣленномъ наклоненіи, въ то время, какъ другими изслѣдователями высказывался болѣе раціональный взглядъ на данные обороты, какъ возникшіе изъ объекта при сказуемомъ главнаго предложенія. Послѣдній взглядъ, дѣйствительно, могъ объяснить происхожденіе оборота, а при объясненіи подобномъ приводимому у Миклошича приходилось прибѣгать къ гипотезамъ объ особомъ первоначальномъ значеніи винительнаго падежа, приходилось въ качествѣ лишняго аргумента прибѣгать къ аналогіи съ оборотами дательный пад. съ неопредѣленнымъ. И болѣе правъ былъ Jolly, устанавливая разницу въ этихъ оборотахъ: въ оборотѣ вин. съ неопр. винительный зависитъ отъ сказуемаго главн. предложенія, въ оборотѣ дат. съ неопр. дательный пад. зависитъ отъ неопредѣленнаго наклоненія. Если

въ послѣднемъ оборотѣ дательный пад., повидимому, иногда относится къ *verbum fin.*, то это зависитъ отъ свойства дательнаго пад., каковой въ качествѣ косвеннаго дополненія не имѣлъ прямого отношенія и къ неопредѣленному наклоненію. Правда, въ древне-ц. сл. яз. и въ слав. яз. Миклошичъ указываетъ вполне справедливо цѣлый рядъ примѣровъ, изъ которыхъ ясна связь дательнаго пад. съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, но все же необходимо считаться съ той разницей, которая сказывается въ данномъ случаѣ между славянскими яз. и языками другими, родственными. И если указанія Миклошича нельзя назвать убѣдительными относительно происхожденія винительнаго пад. при неопредѣленномъ изъ номинальности неопредѣленнаго наклоненія, то, можетъ быть, онъ дѣйствительно былъ отчасти правъ, указывая на появленіе дательнаго пад. при неопредѣленномъ изъ номинальности этого послѣдняго (Миклошичъ указываетъ цѣлый рядъ отглагольныхъ существительныхъ, требующихъ послѣ себя дательнаго падежа).

Говорю „отчасти“, потому что въ нѣкоторыхъ случаяхъ безспорно дательный падежъ могъ образоваться въ зависимости отъ *verbum finitum* (Ср. объ этомъ у Потебни II, 393 и слѣд.).

Нѣкоторую непослѣдовательность въ методическомъ отношеніи у Миклошича можно было бы отмѣтить и въ слѣдующемъ. Примѣры съ оборотами *accusativus cum infinitivo* въ др. ц. сл. и славян. языкахъ Миклошичъ считаетъ заимствованными изъ классическихъ языковъ, оригинальнымъ же слав. оборотомъ, по его мнѣнію, является дательный при неопредѣленномъ. И вотъ при объясненіи перваго оборота Миклошичъ пользуется тѣми данными, которыя объясняютъ оборотъ второй. По всей вѣроятности, тѣмъ обстоятельствомъ, что Миклошичъ въ синтаксисѣ не задавался цѣлями продолжать свой специальный трудъ, объясняется то, что мы не видимъ привлеченія вышедшаго въ Прагѣ въ 71 г. труда Людвигъ — *Der Infinitiv im Veda.*

Mit einer Systematik d. litauisch. und slavischen Verbs (изслѣдованіемъ Jolly Миклошичъ воспользовался въ синтаксисѣ, ср. 852, 858 и 870—2 стр.).

Родительный падежъ разсматривается Миклошичемъ какъ бы подъ двойнымъ угломъ зрѣнія — со стороны его аблятивныхъ функцій и функцій чисто генетивныхъ. Миклошичъ исходитъ изъ того, что сущность прежняго аблятива была усвоена родительнымъ падежомъ. Для опредѣленія того или иного оттѣнка значенія въ славянскихъ языкахъ Миклошичъ говоритъ о необходимости сравненія съ данными древне-индусскаго языка и въ этомъ случаѣ пользуется какъ пособіемъ сочиненіемъ Дельбрюка (*Ablativ, localis, instrumentalis. Berlin 1867*) и Зике (*Siecke. De genetivo in lingua sanscritica. В. 1869*). Подгоняя всѣ случаи употребленія родительнаго падежа въ два указаннаго направленія, Миклошичъ считаетъ сомнительнымъ только родительный „мѣры, времени и игры“. Какъ изъ дальнѣйшаго выясняется, Миклошичъ, оставляя этотъ вопросъ нерѣшеннымъ и считая его задачей будущихъ изслѣдователей, причислялъ этотъ родительный все же къ родительному принадлежности (ср. 507 и сл.). При объясненіи родительнаго времени Миклошичъ прямо указываетъ на объясненія Зике. Последній выдвигалъ особенно предположеніе, что этотъ родительный первоначально былъ прикрѣпленъ къ субъекту предложенія. Родительный „игры“ Миклошичъ относилъ къ партитивному родительному (511). Въ распредѣленіе матеріала, разобраннаго у Миклошича, можно было бы внести болѣе внутренней цѣльности, особенно еще и потому, что самъ М. выдвигаетъ вначалѣ принципы для дѣленія, между тѣмъ фактически матеріалъ разбивается механически (отдѣльныя мѣста вполнѣ говорятъ о положенной въ основу дѣленія системѣ карточекъ, подогнанныхъ иногда даже въ алфавитной порядокъ, какъ то было, напр., съ предлогами).

Указывая на такіе случаи сочетанія, какъ хотѣти чему и болѣе позднее хотѣти что, Миклошичъ опре-

дѣляетъ въ постановкѣ дательнаго падежа условіе сохраненія глаголами большей живости, такимъ образомъ отмѣчаетъ бѣольшую конкретность въ дательномъ падежѣ, а абстрактность въ винительномъ. Изъ основного значенія винительнаго падежа, показывающаго, что предметъ какъ бы охватывается субъектомъ, трудно сдѣлать переходъ къ абстрактности этого падежа. И во всемъ развитіи приведенныхъ положеній замѣчается какая то беспочвенность. Основной функціей дательнаго падежа Миклошичъ считаетъ цѣль (предметъ, къ которому стремится движеніе); это падежъ цѣли, при чемъ послѣдняя иногда оказывается достигнутой (здѣсь получается сходство съ мѣстнымъ и винительнымъ, обознач. мѣсто: стрѣлы іемоу не касаахоу, косаѣ са іемъ) или достигаемой. Къ этимъ основнымъ функціямъ можетъ быть, по Миклошичу, приведенъ всякій дательный падежъ (затрудняется Миклошичъ только относительно дательнаго самостоятельнаго и дательнаго падежа съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ). Самъ Миклошичъ высказываетъ, впрочемъ, насколько трудно опредѣлить основныя функціи падежей. Прежде всего, конечно, основныя функціи опредѣляются здѣсь признаками, присущими разнымъ падежамъ (напр., мѣстный и винительный для обозначенія мѣста), затѣмъ къ выведеннымъ функціямъ приходится иногда прямо — что называется — натаскивать различные факты языка, напр., послѣднее приходится сказать относительно соединеній съ такими глаголами, какъ у бѣжати, и скупити, болѣти и пр. (соудоу оубѣжати, искоупи са длъгоу, кому болятъ кости и пр). Въ § 13 говорится, напр., что дательный падежъ обозначаетъ то, чему другое соотвѣтствуетъ (подобно, достойно, пріятно, необходимо и пр., такимъ образомъ объемъ понятія „ange-messenheit“ очень обширенъ); относительно дательнаго обозначающаго принадлежность (§ 14), Миклошичъ не выясняетъ его внутренней связи съ основными функціями дательнаго падежа.

Эти напрасныя старанія втиснуть нѣкоторые факты языка въ рамки выставленныхъ функцій падежей обнаруживаютъ полную свою несостоятельность. Миклошичъ не обратилъ вниманіе на то, что функціи того или другого падежа въ различныхъ примѣрахъ часто получаютъ въ илу вліянія однихъ оборотовъ на другіе. Немудрено, поэтому, что для выраженія одного и того же логическаго отношенія употребляются различныя падежныя формы. Вотъ здѣсь то особенно должно чувствоваться отсутствіе изученія предложенія въ его историческомъ развитіи. Только восстановленіе исторіи развитія формъ въ предложеніи и можетъ ознакомить съ тѣми извилистыми развѣтленіями, который предложеніе принимало, пользуясь для выраженія того или другого отношенія уже сложившимися формами.

Миклошичъ высказывался за оригинальность оборота дательный самостоятельный, возражалъ противъ возможности заимствованія даннаго оборота изъ греческаго языка, при чемъ приводилъ примѣры изъ неславянскихъ языковъ, въ которыхъ находилъ нѣчто подобное и къ которымъ уже ни въ коемъ случаѣ нельзя было примѣнить мысль о подобномъ заимствованіи. Объясненіе дательнаго самостоятельнаго Миклошичъ ищетъ прежде всего въ дательномъ времени и только въ концѣ своихъ замѣчаній объ этомъ оборотѣ задается вопросомъ, нельзя ли примѣнить къ части этихъ оборотовъ (выраженныхъ причастіемъ прошедшаго времени) другого объясненія, а именно, что дѣйствіе главнаго предложенія какъ бы примыкаетъ къ тому, что высказано совершившимся въ оборотѣ дательный самостоятельный. Самъ Миклошичъ замѣчаетъ въ концѣ, что подобное объясненіе несходно съ предыдущимъ. Потенія примыкаетъ ко второму объясненію Миклошича, доказывая ошибочность перваго (II, 340—2). Отсюда и вытекаетъ воззрѣніе Потенни на дательный самостоятельный, какъ на оборотъ, возникшій изъ простаго дательнаго падежа, непосредственно дополняющаго сказуемое главнаго предложенія.

Заканчивается настоящая глава, какъ и предыдущая, рассмотрѣніемъ употребленія падежа съ предлогами.

Сказанное относительно изложенія дательнаго падежа можно примѣнить и къ изложенію о мѣстномъ. Въ рамкахъ выведенной функціи далеко не вмѣщается самъ матеріаль — многочисленные примѣры употребленія даннаго падежа. Мѣстный падежь обозначаетъ не только мѣсто, время, но и образъ, способъ дѣйствіи и др. отношенія. Употребленіе мѣстнаго безъ предлога Миклошичъ считалъ паннонизмомъ (654) и въ немъ видѣлъ остатокъ древности, такъ какъ древне-индус. яз. своими примѣрами мѣстнаго безъ предлога указываетъ въ данномъ случаѣ, какъ на исходный пунктъ — синтаксисъ арійскаго языка (подобные же примѣры приводитъ Миклошичъ и изъ другихъ древнихъ языковъ).

Ясно и опредѣленно заявляетъ Миклошичъ, говоря о творительномъ падежѣ, что онъ держится локалистической теоріи: „какъ въ остальныхъ падежахъ, такъ и при объясненіи творительнаго, я выхожу изъ пространственной его функціи“ (683). Локализмъ, какъ теорія, стремящаяся выяснитъ основное значеніе падежей исключительно пространственными отношеніями, вызвала вскорѣ послѣ своего появленія справедливыя возраженія. Я не буду здѣсь ссылаться на отдѣльныя нѣмецкія сочиненія, сошлюсь на русскій трудъ — Попова (Синтаксич. изслѣдованія . . .), который также принадлежалъ къ противникамъ этой теоріи. Въ изложеніи творительнаго падежа у Миклошича наиболѣе ясно сказалось стремленіе изслѣдователя опредѣлитъ основныя функціи падежа и этимъ функціямъ придано особенное значеніе. Болѣе отдаленнымъ отъ основныхъ функцій творительнаго падежа Миклошичъ считалъ творительный предикативный, при объясненіи котораго онъ, какъ и Буслаевъ, впалъ въ крупную ошибку — считая творительный болѣе первоначальнымъ, чѣмъ именительный, и въ употребленіи его видя лишь остатки древности (ошибочность даннаго взгляда вполне наглядно выяснена Потемнею).

Во 2-й главѣ (относительно глагольныхъ формъ) прежде всего бросается въ глаза то, что отчасти сказывалось и раньше: Миклошичу приходится повторяться, говорить о томъ, о чемъ онъ говорилъ въ I половинѣ своей книги (такъ, напр., въ первыхъ раздѣлахъ 1-й главы снова говорится о согласованіи, о гл. *естъ*, употребляемомъ при разныхъ лицахъ и пр.). Отсюда уже можно сдѣлать заключеніе о неудобствѣ плана изложенія и дѣленія синтаксиса у Миклошича.

Говоря прежде всего въ общихъ чертахъ о временахъ глагола, Миклошичъ отрицательно относится къ мысли, высказанной Аксаковымъ, что въ русскомъ глаголѣ время нѣтъ, и здѣсь же высказывается за болѣе правильный взглядъ относительно того, что глаголы разныхъ видовъ въ сущности разные глаголы. Миклошичъ оправдываетъ далѣе свой синтаксисъ въ томъ, что послѣдній не заключаетъ въ себѣ ученія о сложномъ предложеніи (769—770). Происходитъ это въ силу основнаго воззрѣнія Миклошича на синтаксисъ, которое было высказано имъ въ началѣ труда. Элементы сложнаго предложенія, части его, рассматриваются въ извѣстныхъ отдѣлахъ, сложное предложеніе сводится къ простому, простое къ своимъ элементамъ. Придаточныя предложенія не отличаются, по Миклошичу, отъ главныхъ: союзы не производятъ никакого измѣненія, роль союзовъ подобна роли предлоговъ; слѣдовательно, тѣ же наклоненія, которыя связываются съ придаточными предложеніями, употребляются и въ самостоятельныхъ предложеніяхъ (изъ коихъ вышли придаточныя). Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ, правильныхъ въ своей основѣ, забыто только то, что сложное предложеніе имѣло долгое время уже самостоятельное существованіе; въ этомъ періодѣ самостоятельнаго существованія происходили разнообразныя измѣненія, объяснять которыя ранѣе существовавшими основными элементами невозможно. Въ силу этого является полная необходимость и въ самостоятельномъ изученіи сложнаго предложенія.

Говоря о настоящемъ времени глаголовъ, Миклошичъ въ § 2 замѣчаетъ, что нерѣдко настоящее время глаголовъ *durativ*'ныхъ имѣетъ значеніе будущаго времени и значеніе этого основывается не на существѣ глагола, а на живости представленія. Подобное объясненіе вовсе ничего не объясняетъ, да и въ существѣ своемъ оно невѣрно: причину необходимо искать въ томъ, что нѣкоторые глаголы, въ настоящее время *durativ*'ные, могли быть не таковыми раньше. Такія выраженія, какъ прыгъ, скокъ и пр., употребляющіяся для живости, Миклошичъ сближаетъ съ повелительнымъ наклоненіемъ.

На дальнѣйшемъ изложеніи глагольныхъ формъ останавливаться не буду. Нельзя сказать, чтобы отдѣлъ этотъ былъ особенно разработанъ у Миклошича. На неполноту этого отдѣла обратилъ вниманіе въ своей рецензій на синтаксисъ Ягичъ въ *Archiv*'ѣ für slavische Philologie I, 420—1, находя причину этого (не совсѣмъ правильно) въ самомъ славянскомъ глаголѣ. На нѣкоторыхъ особенностяхъ этого отдѣла я останавливаюсь въ очеркѣ, посвященномъ разсмотрѣнію трудовъ по русскому синтаксису А. А. Потебни.

Разсмотрѣніе синтаксиса Миклошича вполне можетъ убѣдить, что трудъ этотъ далеко не является только собраніемъ матеріала. Каждый затронутый вопросъ освѣщается прежде всего данными имѣвшейя научной литературы. Изложеніе нѣкоторыхъ вопросовъ и ихъ разработка придастъ труду видъ отдѣльныхъ изслѣдованій. Недаромъ же Миклошичъ и внесъ въ свой синтаксисъ эти частичныя изслѣдованія, чѣмъ отчасти нарушилъ внѣшнюю гармонію, перспективу общей синтаксической схемы. Крупной ошибкой Миклошича было именно пренебреженіе, или, лучше сказать, игнорированіе предложенія и какое то стремленіе къ детальной классификаціи частныхъ. Мы не видимъ поэтому здѣсь какъ бы жизни языка, не дается такого конкретнаго представленія языковыхъ явленій, какъ, напр., то находимъ у Потебни. Какъ ни старался Миклошичъ вообще избѣ-

жать анализа предложенія, какъ ни старался обосновать свое подобное отношеніе, но прибѣгать иногда къ предложенію онъ вынужденъ былъ, хотя и невольно. Не только по матеріалу, но и по изложенію различныхъ вопросовъ синтаксисъ Миклошича важенъ до сихъ поръ. Я бы не сказалъ, впрочемъ, какъ высказался ак. Ягичъ, что матеріаль, приводимый Миклошичемъ еще надолго будетъ основой для дальнѣйшихъ изслѣдованій. По моему, этотъ матеріаль можетъ быть лишь исходною точкою, но не болѣе: самъ матеріаль при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ необходимо долженъ быть значительно увеличенъ, что и доказали уже изслѣдованія А. А. Потебни, въ которыхъ мы находимъ не только углубленіе въ тотъ или иной вопросъ, но и значительное расширеніе матеріала (въ послѣднемъ отношеніи особенно нужно указать на III ч. „Изъ зап. по рус. грам.“). Нельзя не замѣтить и того, что въ трудѣ Миклошича есть все же, несмотря на стремленіе М. къ классификаціямъ, какая то въ общемъ и въ частностяхъ неупорядоченность: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, между отдѣльными параграфами, сказывается чисто механическая связь; само общее дѣленіе синтаксиса на 2 половины внесло въ изложеніе повторяемость. Если и теперь синтаксисъ Миклошича имѣетъ значеніе особенно въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ, то нечего и говорить о его историческомъ значеніи. Это историческое значеніе тѣмъ болѣе отгѣняется, если мы вспомнимъ, какими часто началами руководились общіе труды по грамматикѣ, предшествовавшіе труду Миклошича.

Кромѣ отмѣченныхъ чертъ синтаксиса Миклошича, можетъ обращать на себя вниманіе еще одна черта — предпочтеніе, которое онъ отдавалъ матеріалу изъ народнаго творчества. Самъ Миклошичъ обращаетъ вниманіе на то, что въ этомъ матеріалѣ могло менѣе сказаться заимствованіе, такимъ образомъ данный матеріаль болѣе оригиналенъ и слѣдовательно болѣе цѣненъ для изслѣдователя. Не менѣе, впрочемъ, цѣненъ въ данномъ случаѣ

и матеріаль литературной рѣчи, и если Миклопичъ не использовалъ во многомъ имѣющаго здѣсь матеріала, то простекало это, по всей вѣроятности, изъ той вполне понятной причины, что подобный матеріаль требовалъ предварительнаго анализа, а этого анализа еще не было сдѣлано.

Признавая за трудомъ Миклошича большое значеніе, я не думаю, однако, чтобы въ настоящее время изслѣдователь, берущійся за задачу составленія труда, подобнаго труду Миклошича, пользовался бы только тѣми приемами и общимъ методомъ изслѣдованія, каковыя находимъ у Миклошича. Какъ я сказалъ вначалѣ, огромное значеніе Миклошича предъ наукой въ его отношеніи къ изслѣдованію языковыхъ явленій — исходить изъ формъ. Подобный приемъ въ связи съ большимъ сравнительнымъ матеріаломъ далъ возможность Миклошичу дѣлать частныя очень цѣныя наблюденія и выводы, но вмѣстѣ съ тѣмъ этого было совершенно недостаточно для построенія огромнаго зданія славянскаго синтаксиса. Для этого прежде всего недоставало послѣдовательнаго проведенія въ работу того проникновенія въ психику языковъ отдѣльныхъ народностей, которое замѣчается въ позднѣйшихъ частичныхъ трудахъ по синтаксису. Недоставало также послѣдовательно проведеннаго анализа съ исторической точки зрѣнія измѣненій различныхъ языковыхъ явленій. Только соединеніе постановки синтаксическаго изслѣдованія на психологической почвѣ съ широкимъ сравнительно-историческимъ методомъ могло бы придать полную жизненность дѣлаемымъ выводамъ. Только пониманіе синтаксическаго явленія въ его настоящемъ можетъ пролить свѣтъ на данное явленіе въ прошломъ. Высказывая это, я долженъ прибавить, что и теперь для построенія синтаксиса на указанныхъ широкихъ началахъ даны лишь частичные матеріалы.

Изъ сказаннаго мы можемъ уже видѣть, что подъ „исторіей разработки синтаксиса“ приходится подразумѣ-

вать не только труды, трактующие о строѣ предложенія, о законахъ сочетанія отдѣльныхъ словъ, но и трактующие о разрядахъ словъ, о формахъ и значеніи послѣднихъ. Если до сихъ поръ нѣтъ прочно установленнаго пониманія термина „синтаксисъ“, то немудрено, что изслѣдователи часто не ограничиваютъ строго рамокъ своихъ трудовъ, да и часто трудно бываетъ сдѣлать подобное ограниченіе. Конечно, систематика — дѣло огромной важности. Всякая наука должна начинаться съ самоопредѣленія. И если „синтаксисъ“ не можетъ указать свои строго ограниченные предѣлы, то причина этого прежде всего въ томъ, что синтаксисъ лишь часть болѣе обширной науки — языкознанія, части какового, слишкомъ близкія между собою, могутъ не только соприкасаться, сливаться, но какъ бы и входить другъ въ друга. Думается, что при разъясненіи понятія „синтаксисъ“ не такъ важны точныя границы подлежащаго матеріала, а важно опредѣленіе той точки зрѣнія, каковой долженъ руководиться синтаксисъ. И Беккеръ изучалъ предложеніе, и новѣйшіе ученые изучаютъ то же предложеніе, но какая разница! Прежде всего главное отличіе послѣднихъ, что они исходятъ при изученіи изъ самого языка, отъ слова, а не отъ абстракцій. Миклошичъ иначе ставитъ свои синтаксическія изслѣдованія, чѣмъ Потебня, а между тѣмъ точекъ соприкосновенія у нихъ очень много, потому что изученіе языка у нихъ основывается только на языкѣ, а не на различныхъ отвлеченіяхъ. Если обратимся къ упомянутому ранѣе труду Риса „Was ist Syntax“, то увидимъ, что изслѣдователю, специально занявшемуся систематикой грамматики, не удалось выработать яснаго и отчетливаго представленія о синтаксисѣ. Отыскивая для cadaго отдѣла грамматики извѣстный центръ, своего „героя“, Рись дѣлитъ грамматику на три большихъ отдѣла: 1. ученіе о звукѣ, 2. о сочетаніи звуковъ, 3. о сочетаніи словъ. И въ сущности, для „сочетанія словъ“ мы не находимъ у Риса особаго „героя“,

какъ въ первыхъ двухъ отдѣлахъ. Если первый отдѣлъ совершенно ясенъ — фонетика, если разсматривая детальное разграниченіе второго отдѣла, мы также ясно представляемъ, что вкладываетъ изслѣдователь въ создаваемыя рамки, то этого совершенно нельзя сказать о третьемъ отдѣлѣ. Вотъ сдѣланное Рисомъ разграниченіе (стр. 83—84):

Ученіе объ отдѣльномъ словѣ: 1. О формѣ словъ: разряды словъ (съ формальной точки зрѣнія); ученіе о флексіи. 2. О значеніи: словъ (сюда входятъ синонимика и лексич. семазіологія), разрядовъ словъ и формъ словъ.

Изъ этого можно ясно представить, чѣмъ должно заниматься ученіе объ отдѣльномъ словѣ, хотя здѣсь уже замѣчается переходъ и въ дальнѣйшую область. Теперь, если посмотримъ на задачи синтаксиса — ученія о сочетаніи словъ, то его область: 1. о формѣ сочетаній словъ, 2. о значеніи сочетаній словъ. Получается безграничное поле. Другое дѣло, если бы Рисъ сказалъ, что „героимъ“ синтаксиса является предложеніе, то получилась бы опредѣленность, цѣльность, но самъ онъ противъ этого, противъ пониманія синтаксиса какъ ученія о предложеніи. Рисъ замѣчаетъ (47), что нельзя сдѣлать такое сопоставленіе: звукъ — слово — предложеніе, что это сопоставленіе подобно такому: Wohnraum — Haus — Stadt (an Stelle von „bewohnter Ort“ überhaupt, хотя на самомъ дѣлѣ это сравненіе нѣсколько невѣрно) и приходитъ къ такому сопоставленію: звукъ — слово — сочетаніе словъ (Laut — Wort — Wortgefüge). Считаая, что опредѣленіе предложенія взято изъ логики, Рисъ замѣчаетъ, что уже признана невѣрность этого опредѣленія, и необходимо отказаться отъ пониманія синтаксиса какъ ученія о предложеніи. На это можно возразить, что стремятся дать и опредѣленіе предложенія болѣе грамматическаго характера (насколько вѣрно — другой вопросъ). Съ другой стороны, трудно замѣнить пониманіе синтаксиса какъ ученія о предложеніи — ученіемъ о сочетаніи словъ, вотъ еще почему.

Куда мы отнесем „безсубъектныя“ предложенія, вѣдь въ нихъ сочетанія словъ вѣтъ. Иногда одно слово служить „предложеніемъ“, опять куда отнести подобное слово? Удовлетвориться черезчуръ простымъ разрѣшеніемъ данныхъ недоумѣній: не принимать подобные обороты при дѣленіи грамматики въ расчетъ, какъ совѣтуетъ Рисъ, конечно, нельзя. Отсюда выходитъ, что выдвигаемое Рисомъ „сочетаніе“ словъ не можетъ играть исключительной роли.

II.

Beiträge zur slavischen Syntax (Wien 1899) ак. Ягича представляютъ неоконченныя, къ сожалѣнію, лекціи. Въ этомъ своемъ трудѣ съ присущей себѣ живостью авторъ излагаетъ главнѣйшіе вопросы синтаксиса простого предложенія. Прежде всего ак. Ягичъ даетъ очень краткое обзорѣніе трудовъ по синтаксису славянскихъ языковъ, въ общихъ чертахъ характеризуетъ нѣкоторые изъ нихъ. Ак. Ягичъ выбираетъ совершенно вѣрный путь, слѣдуя принципу, выставленному Потребнею, въ противоположность Миклошичу, о необходимости при изученіи синтаксиса исходить изъ изученія предложенія. Ягичъ защищаетъ эту точку зрѣнія, выставленную также уже древними грамматиками. Въ сравнительномъ синтаксисѣ Дельбрюка онъ видитъ отступленіе къ точкѣ зрѣнія Миклошича, несмотря на то, что Дельбрюкъ смотрѣлъ на синтаксисъ Миклошича лишь какъ на собраніе матеріала. Въ то же время Дельбрюкъ измѣнилъ здѣсь тѣмъ основамъ, которыя были заложены въ его синтаксисѣ древне-индусскаго языка. Основой предложенія ак. Ягичъ считаетъ *verbum finitum* и согласно съ Потребнею такіе примѣры, какъ *хочу* и *пр.*, считалъ безсубъектными (строго грамматически). Такіе примѣры, какъ „п о ж а р ь!“ онъ считаетъ образовавшимися благодаря особымъ причинамъ — возбужденному состоянію, испугу и *пр.*, при чемъ отсутствующій глаголь замѣняется жестомъ, мимикой и *пр.*

Видѣть въ подобныхъ предложеніяхъ своего рода предложенія первоначальнаго типа, какъ выставлялъ то Поповъ въ своихъ синтаксическихъ изслѣдованіяхъ, Ягичу не позволяютъ совершенно справедливыя соображенія о томъ, что цѣлый рядъ другихъ подобныхъ предложеній вполне ясно указываетъ на позднѣйшее происхожденіе. Такъ можно привести примѣры, гдѣ не только въ подобномъ положеніи находится падежъ именительный, но и падежи косвенные, напр.: „чаю!“ — ясно говорящіе о томъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ сокращеніями прежде полныхъ предложеній. Такимъ образомъ во всемъ этомъ разсужденіи мы находимъ изложеніе мыслей Потебни. Въ вопросѣ о безсубъектныхъ предложеніяхъ ак. Ягичъ придерживается мнѣнія Бенфея, что съ теченіемъ времени число безсубъектныхъ оборотовъ въ индоевропейскихъ языкахъ увеличивается. Въ этомъ случаѣ Ягичъ приводитъ соображенія общаго и частнаго характера противъ мнѣнія Миклошича. Приведя примѣры наиболѣе характерныхъ безсубъектныхъ предложеній изъ различныхъ славянскихъ языковъ, Ягичъ не задается вопросомъ объ анализѣ происхожденія того или иного оборота.

Замѣчая наклонность въ русскомъ языкѣ къ развитію безсубъектныхъ предложеній, Ягичъ проводитъ въ данномъ случаѣ параллель съ развитіемъ предложеній, выраженныхъ номинальными формами и предложеній, выраженныхъ неопредѣленнымъ наклоненіемъ. Конечно, можно подмѣчать аналогію съ безсубъектными предложеніями въ предложеніяхъ — быть по сему и пр., аналогію въ наклонности языка къ устраненію обозначенія лицъ, но подобное сходство трудно признать съ оборотами, въ которыхъ въ качествѣ прошедшаго времени выступаютъ формы бывшаго такъ называемаго 2-го причастія прошедшаго времени: это причастіе врядъ ли въ настоящее время, принимая во вниманіе его синтаксическое употребленіе, можно относить къ номинальнымъ формамъ.

Ягичъ затрудняется назвать безсубъектными предло-

женіями предложенія типа: есть люди, зубы. Онъ не соглашается также видѣть въ формахъ люди, зубы и пр. винительный падежъ, не соглашается такимъ образомъ съ мнѣніемъ Миклошича, не принимаетъ его предположенія, что отрицательныя предложенія, какъ нѣтъ сестры и данныя польскаго языка *jest para osób* и пр., могли бы указывать на первоначальность оборотовъ съ винительнымъ падежомъ въ оборотахъ утвердительныхъ. Наряду со всѣмъ этимъ Ягичъ выдвигаетъ любопытный матеріалъ по употребленію глагола имѣти въ формахъ *има* и *нема*. Послѣ *нема*, какъ и послѣ *нѣтъ*, употребляется родительный падежъ, послѣ же формы *има* въ сербскомъ яз. употребляется винительный и именительный падежи, т. е. форма эта сохраняетъ свои основныя функціи управленія, а затѣмъ вторгается и въ область вспомогательныхъ глаголовъ. Это даетъ возможность, мнѣ кажется, выставить и такое предположеніе, не заимствовалъ ли вспомогательный глаголъ въ формахъ *своихъ* *есть*, *је* въ свою очередь функціи глагола имѣти? Рѣдкіе примѣры, какъ сербс. *ниједна корист није*, могли бы указывать на возможность первоначальныхъ оборотовъ съ отрицаніемъ и постановкой именительнаго падежа. Правильное замѣчаніе дѣлаетъ Ягичъ, что такія формы, какъ *надобно*, *надо*, *должно*, *слѣдуетъ*, *подобаетъ*, *можно*, *naležu*, *wyрада*, *trzeba* и пр. нельзя относить къ безсубъектнымъ, потому что сами по себѣ эти формы не образуютъ предложенія, требуютъ для дополненія инфинитивъ, къ которому собственно являются вспомогательными глаголами, своего рода глаголомъ быть. Но, въ то же время, какъ замѣчаетъ Ягичъ, глаголъ *быть* въ значеніи существованія, владѣнія является безсубъектнымъ. Какъ мы видѣли, однако, и по отношенію къ послѣднимъ значеніямъ приходится отмѣчать случаи, когда этотъ глаголъ не является безсубъектнымъ.

Говоря о подлежащемъ и вполне правильно указывая на сохраненіе мѣстоименій въ качествѣ подлежащаго

благодаря главнымъ образомъ прошедшему времени (гдѣ подобныя мѣстоименія были нужны), ак. Ягичъ замѣчаетъ, что обороты съ подлежащимъ мѣстоименіемъ 2-го лица замѣняютъ иногда обороты пассивныя, напр.: *на до хвалить*, а то *обидишь*; *на до думать*, о чемъ говоришь и пр. Здѣсь правильнѣе было бы говорить о безсубъектныхъ предложеніяхъ, выработавшихся изъ личныхъ оборотовъ.

Въ отдѣлѣ *vom Substantiv*, мнѣ кажется, не особенно ясно представлена разница между существительнымъ и прилагательнымъ. Причина этой неясности заключается въ привнесеніи въ совершенно правильный взглядъ на исторію происхожденія этихъ частей рѣчи взгляда отражающаго обыкновенныя грамматическія представленія о прилагательномъ или, можетъ быть, лучше сказать привнесеніе понятія о современномъ прилагательномъ какъ части рѣчи. Древности не всегда удавалось различеніе существительнаго отъ прилагательнаго, это было вполне понятно. Происхожденіе было общее и говоря о первоначальности нельзя сказать, примѣняясь къ современнымъ частямъ рѣчи, что существительное было первоначальнѣе, чѣмъ прилагательное, которое де уже представляло изъ себя извѣстную абстракцію. Въ нашемъ прилагательномъ, конечно, дѣйствіе этой абстракціи неоспоримо. Само же первоначальное существительное-прилагательное имѣло въ своей основѣ отчасти свойство прилагательнаго, т. е. обозначеніе предмета посредствомъ какого либо его болѣе или менѣе постояннаго качества, свойства, поражающаго впечатлѣніе человѣка. Отсюда станетъ понятнымъ существованіе существительныхъ, измѣняющихся по родамъ, станетъ понятнымъ измѣненіе по родамъ именъ прилагательныхъ, на первый взглядъ вызывающее недоумѣніе. Не останавливаясь подробно на выясненіи вопроса о родѣ именъ существительныхъ, Ягичъ даетъ рядъ любопытныхъ примѣровъ и сопоставленій изъ славянскихъ языковъ относительно выраженія того

или другого рода въ существительныхъ. Останавливаетъ вниманіе давное здѣсь объясненіе женскаго рода въ словѣ слуга. Миклошичъ затруднялся, что примѣнить въ данномъ случаѣ — зависѣлъ ли родъ отъ того, что со словомъ связывалось представленіе женскаго рода или этотъ родъ образовался въ силу позднѣйшей аналогіи съ другими существительными на а. Ягичъ обращаетъ вниманіе на то, что слово это первоначально обозначало *Bedienung*, какъ и показываетъ русс. при слуга, сербо-хорв. послуга. Ягичъ въ параллель приводитъ такіе примѣры, какъ: добрыня, глупыня, старина, лепота, *mladota*, *chudoba* и пр. Особенно подходятъ такіе, какъ указ. чешск. *mladota* въ значеніи юности, *holota* въ смыслѣ бѣднаго люда, и нѣк. др. въ такомъ же родѣ. Отмѣтить необходимо, что ак. Ягичъ, пользуясь матеріаломъ, приводимымъ у Миклошича, даетъ и новые примѣры. Эта сторона, т. е. новизна матеріала, отличаетъ и другіе отдѣлы настоящаго труда, такъ, между прочимъ, Ягичъ вводитъ и матеріалъ изъ нѣкоторыхъ произведеній новой русской литературы (напр. Островскаго, Гончарова, Тургенева и др.).

Относительно прилагательныхъ Ягичъ опровергаетъ неправильное мнѣніе Миклошича, что прилагательныя переходятъ въ имена существительныя только посредствомъ извѣстныхъ суффиксовъ. Указывается цѣлый рядъ примѣровъ, когда прилагательныя имѣютъ значеніе именъ существительныхъ. Особенно характерны примѣры здѣсь даетъ польскій языкъ. Въ данномъ случаѣ мнѣніе Ягича приближается къ тому, что высказано Потебнею въ III т. „Изъ зап. по рус. грам.“, гдѣ Потебня сильнѣе отдѣляетъ субстанціанальность такихъ примѣровъ, какъ битъ деби-таго везетъ, въ противоположность ранѣе высказанному своему мнѣнію во II т. „Изъ зап.“.

Сначала о существительномъ, прилагательномъ, затѣмъ въ отдѣлѣ vom Numerale не только о числительномъ, но и

о другихъ частяхъ рѣчи Ягичъ говоритъ подѣ угломъ зрѣнія „субъекта въ предложени“. Изложеніе въ концѣ является крайне скомканнымъ, такъ, напр., о мѣстоименіи говорится почти въ самомъ концѣ и лишь въ нѣсколькихъ словахъ. Подобный планъ изложенія, принимая именно уголъ зрѣнія, подѣ которымъ разсматривается вопросъ, трудно признать правильнымъ. Затѣмъ и числительное и мѣстоименіе должны были бы быть разсортированы между существительными и прилагательными, да и послѣднія части рѣчи должны были бы быть какъ либо объединены той субстантивностью, которая требуется отъ подлежащаго.

Употребленіе звательнаго падежа въ качествѣ имени-тельного въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ Ягичъ объяснялъ еще ранѣе (въ *Knjževnik* II, 180) требованіями метрики. Это мнѣніе вызвало возраженіе Миклошича, а затѣмъ другое еще объясненіе было дано Потебнею, основывавшееся на психологической почвѣ. Послѣдній, разбирая подобную же замѣну въ поэзіи малорусской, указывалъ, кромѣ требованій метрики, на особое чувство, чувство пѣвцовъ къ воспѣваемому предмету, заставлявшее ихъ пѣть о немъ, какъ о близкомъ предметѣ. Ягичъ не соглашается съ данными соображеніями Потебни, хотя нельзя сказать, чтобы въ доказательство своего несогласія привелъ онъ сильные доводы (такими, по моему, не являются указанія на то, что въ звательномъ падежѣ ставились не только имена, названія тѣхъ предметовъ, которые дѣйствительно могли почему-либо вызывать симпатіи пѣвцовъ, что въ звательномъ падежѣ, или, вѣрнѣе, въ формѣ звательнаго падежа, ставились и названія предметовъ, которые не вызывали никакихъ чувствъ у пѣвцовъ; въ подобныхъ случаяхъ могли дѣйствовать и иные факторы: вліяніе аналогіи, требованія той же метрики, на вліяніи которой такъ настаиваетъ ак. Ягичъ).

Въ отдѣлѣ „*das Prädicat im Satze*“ ак. Ягичъ останавливается на употребленіи ф. есть въ примѣненіи къ различнымъ лицамъ, даетъ довольно много примѣровъ упо-

требленія двойственного числа въ славянскихъ языкахъ, говоритъ о согласованіи по значенію. Въ такихъ сочетаніяхъ, какъ пять ихъ сгорѣло, онъ не видитъ потери согласованія, потому что на форму пять смотритъ какъ на винительный падежъ; въ этомъ случаѣ онъ не соглашается съ Миклошичемъ, который замѣчаетъ, что признанію подобныхъ предложеній безсубъектными и признанію формы пять винительнымъ падежомъ препятствуютъ такіе примѣры, какъ *hromada jich tu bylo*. Ак. Ягичъ возражаетъ противъ послѣдняго, что и *hromada* это позднѣйшій именительный падежъ вмѣсто винительнаго. Относительно послѣдняго врядъ ли можно согласиться съ Ягичемъ (впрочемъ, какъ и съ мнѣніемъ Миклошича): вѣроятно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ измѣненіемъ *byla* въ *bylo*, а не съ измѣненіемъ *hromadu* въ *hromada*. Въ то же время Ягичъ очень кстати говоритъ здѣсь о близости винительнаго и именительнаго падежей, такъ во множ. ч.: есть травы, есть цвѣты и пр. (на то же указываютъ и нѣкоторыя другія данныя).

Здѣсь необходимо отмѣтить приведенный матеріалъ, самостоятельно извлекаемый Ягичемъ изъ различныхъ памятниковъ. Здѣсь же дается слѣдующее объясненіе вопроса, надъ выясненіемъ котораго останавливались многіе — о появленіи подобныхъ сочетаній, какъ три, четыре человека. *Dieser Uebergrieff steht im Zusammenhang mit der Auffassung der Zahlwörter три-четыре als echter Adjectiva auf gleicher Linie mit два (38)*. Я думаю, что подобный переходъ случился уже въ то время, когда два понималось не въ смыслѣ прилагательнаго, а уже въ смыслѣ существительнаго, извѣстной субстанціи, приближаясь въ данномъ отношеніи къ числительнымъ пять, шесть и пр. Трудно считать въ настоящее время окончаніе въ словѣ раба при три, четыре остатками двойственного числа. Необходимо, думается, выдвинуть здѣсь слѣдующее соображеніе, которое можетъ освѣтить этотъ до сихъ поръ необъясненный пере-

ходъ. Числительныя три, четыре ранѣе согласовывались съ послѣдующимъ существительнымъ; заимствуя изъ другихъ сочетаній постановку падежа безъ согласованія, эти числительныя тѣмъ самымъ выигрывали въ субстантивности, изъ области прилагательныхъ переходили въ область существительныхъ. Тѣ измѣненія, которыя происходили съ числительными два, оба въ отношеніи ихъ соединеній съ послѣдующими существительными, показывали, что и эти числительныя завоевывали постепенно субстантивность.

Считая правиломъ для прежняго строя предложенія въ славянскихъ языкахъ постановку предиката-прилагательнаго и причастія въ именной формѣ, Ягичъ указываетъ рядомъ примѣровъ на тѣ отклоненія, которыя произошли особенно въ чешскомъ и польскомъ языкахъ, гдѣ предпочитаютъ въ данныхъ случаяхъ сложныя формы. То объясненіе, которое нашелъ Ягичъ въ нѣкоторыхъ польскихъ грамматикахъ относительно получающейся разницы въ смыслѣ при употребленіи сложнаго или простаго прилагательнаго въ предложеніи, вполне можетъ быть примѣнимо и къ русскому языку (форма именная обозначаетъ нѣчто болѣе преходящее, форма сложная — качество болѣе постоянное). Вполнѣ, поэтому, можно согласиться съ ак. Ягичемъ, когда онъ примѣняетъ данное объясненіе къ такимъ примѣрамъ, какъ походка его небрежна и походка его небрежная (т. е. онъ имѣетъ небрежную походку). Въ то же время, такіе примѣры, какъ платье у нея бѣлое, можно объяснить вліяніемъ фразы: у нея бѣлое платье. Въ данномъ случаѣ неправъ былъ Потеня (II, 175—6), исходя изъ необходимости предположенія подобныхъ процессовъ: руки у нея бѣлыя изъ: руки у нея — руки бѣлыя. Справедливо было сомнѣніе самого Потеня въ возможности доказать подобное предположеніе. Въ дальнѣйшемъ, затрогивая вопросъ о случаяхъ несогласованія предиката съ субъектомъ (несклон. прилаг. соугоубъ, близъ; сравнитель-

ная степень и пр.), Ягичъ останавливается и на такихъ любопытныхъ примѣрахъ, какъ умъ хорошо, а два лучше, и объясняетъ изъ умъ хорошая вещь. Но это краткое объясненіе не можетъ удовлетворить насъ, особенно если вспомнимъ тѣ возраженія, которыя были представлены противъ подобнаго объясненія, находившаго себѣ приверженцевъ и до ак. Ягича.

Въ *Prädicativer Zusatz im Instrumental* Ягичъ даетъ картину разнаго употребленія номинальнаго предиката въ славянскихъ языкахъ, отмѣчаетъ неправильность взгляда Миклошича на взаимоотношеніе предиката въ именительномъ падежѣ къ предикату въ падежѣ творительномъ. Ягичъ въ этомъ случаѣ примыкаетъ къ Потební; онъ говоритъ о постепенномъ развитіи творительнаго падежа по аналогіи съ такими оборотами, какъ онъ летитъ орломъ и пр. Миклошичъ былъ совершенно неправъ, по мнѣнію Ягича, когда говорилъ, что употребленіе творительнаго падежа вытѣснялось постепенно употребленіемъ падежа именительнаго подѣ вліяніемъ классическихъ языковъ. Особенно противъ этого говоритъ польскій языкъ, находившійся подѣ сильнымъ вліяніемъ „европеизма“ и между тѣмъ особенно сильно развитый творительный предикативный.

Совершенно правильнымъ представляется мнѣ развитіе мысли, что предложенія, какъ онъ добръ и пр., безъ связки, не были первоначально таковыми; убѣдительною является параллелизація въ данномъ случаѣ употребленію прошедшаго времени съ вспомогательнымъ глаголомъ и безъ вспомогательнаго глагола и затѣмъ вполне понятно предпочтеніе въ смыслѣ первоначальности отдаваемое современнымъ сербскимъ оборотамъ со связкою.

Проводимая мысль въ „*Particip als Prädicat*“ о предикативности причастій является заимствованной Ягичемъ у Потební. Ягичъ указываетъ на совершенно неправильное освѣщеніе у Миклошича тѣхъ предложеній, въ которыхъ причастіе выступаетъ въ качествѣ самостоятельнаго сказуе-

маго. Ягичъ стоитъ за полную оригинальность оборотовъ, въ которыхъ частью предиката выступаютъ причастія (бѣ бо оуча и пр.; такимъ образомъ Ягичъ и здѣсь высказывается противъ мнѣнія Миклошича). Мнѣ кажется, что для выясненія исторіи образованія оборотовъ типа — бѣ оуча важны такіе обороты, какъ: прѣ бы трѣ пм, ста ша около гра да бѣ ю че се и пр., т. е. такіе обороты, въ которыхъ нѣтъ вспомогательнаго глагола и въ которыхъ глаголь-сказуемое начинаетъ постепенно по значенію приближаться къ вспомогательному глаголу. При глаголахъ съ конкретнымъ значеніемъ постановка причастной формы вполне понятна; вполне понятно, если эта форма остается, когда глаголь постепенно переходитъ въ область глаголовъ вспомогательныхъ. Рѣдкое употребленіе причастій на вѣ, вѣ ши вѣ подобныхъ случаяхъ, мнѣ кажется, также легко можетъ быть объяснено тѣмъ, что обозначеніе времени причастіемъ при выраженіи этого времени формой глагола-сказуемаго было, въ сущности, лишнимъ. На отсутствіи необходимости обозначать причастными формами въ подобныхъ случаяхъ временные оттѣнки основывается, мнѣ думается, смѣшеніе въ древне-ц. слав. языкѣ причастій на *мъ* и *нъ*, а также и потеря въ причастіи прошедшаго времени страдательнаго залога его причастнаго характера и обращеніе въ прилагательное.

Остановливаясь на развитіи подобныхъ предложеній, какъ нѣсть про см — нѣсть къ то про см, Ягичъ замѣчаетъ, что древне-церк. сл. яз. пошелъ въ этомъ случаѣ далѣе греческаго, а именно придаточныя предложенія греч. яз., имѣющія глаголь въ изъявительномъ наклоненіи, передаются въ др. ц. сл. также иногда предложеніями съ причастными формами: *αἴρεις δὲ οὐκ ἔθνησας* — вѣ землеша его же не положь . . .

Въ послѣднемъ отдѣлѣ „das Verbum voller Aussage im Prädicat“ ак. Ягичъ уже болѣе входитъ въ область морфологии и семасіологии, именно останавливается на вопросѣ

о видахъ глагола. Терминъ „виды“. Ягичъ не употребляетъ. Въмѣсто „вида“ у него выступаютъ перфективность и имперфективность глаголовъ. Это свойство, эту категорию онъ называетъ самой общей изъ свойствъ глагола. Ueber diesen Kategorien (т. е. залогами, временемъ, лицомъ, числомъ) schwebt eine allgemeinere, die Art des Thuns oder Seins, das durch die Bedeutung des Verbuns zum Ausdrucke gelangt bezeichnende Eigenschaft . . . (72). Безспорно, что видовые отгѣнки глаголовъ являются чертой, возникшей въ праславянскую эпоху, на что указываетъ различеніе видовъ во всѣхъ славянскихъ языкахъ въ глаголахъ безсуффиксныхъ. Однако, я не могу согласиться съ приведеннымъ мнѣніемъ ак. Ягича, что перфективность и имперфективность представляется болѣе общей категоріей, болѣе общимъ свойствомъ, чѣмъ другія особенности глагола.

Совершенно правильно указывается, что видовые отгѣнки глаголовъ съ теченіемъ времени измѣнялись. Такъ несовершенный видъ могъ выражать длительность простую или интенсивную, поэтому и глаголъ читати при существованіи ранѣе глагола чѣсти обозначалъ длительность интенсивную, теперь же онъ обозначаетъ длительность обыкновенную. Разницей въ видовыхъ отгѣнкахъ теперь и ранѣе въ данномъ глаголѣ объясняется и разница въ видовыхъ отгѣнкахъ современнаго и прежняго глагола прочитати (то же и въ др. глаголахъ сложныхъ). Раньше глаголъ прочитати, какъ образовавшійся изъ глагола интенсивной длительности, сохранялъ видъ несовершенный и былъ конечно аналогиченъ нашему — прочитывати, теперь же прочитать, какъ образовавшійся изъ глагола длительности обыкновенной, представляетъ уже видъ совершенный. Интересны вообще приводимые здѣсь Ягичемъ примѣры колебанія того или другого глагола относительно вида. Въ приводимыхъ данныхъ, сличеніяхъ изъ текстовъ, дается прекрасный матеріалъ, разбираться въ которомъ ак. Ягичъ выказывалъ и выказываетъ замѣчательное умѣніе.

Въ нѣкоторыхъ глаголахъ въ древне-ц. сл. яз. обнаружилась несомнѣнная видовая двойственность, т. е. однимъ и тѣмъ же глаголомъ выражался совершенный и несовершенный видъ. Въ данномъ случаѣ Ягичъ высказываетъ несогласіе съ мнѣніемъ проф. Ульянова, приписывавшаго указанную двойственность такимъ глаголамъ, какъ глаголати, работати, творити, мѣрити, слышати, бѣжати и нѣк. др. Ягичъ указываетъ на то, что Ульяновъ пользуется въ данномъ случаѣ выраженіями въ зависимыхъ предложеніяхъ (именно приводятся примѣры употребленія данныхъ глаголовъ въ формѣ настоящаго времени для обозначенія будущаго времени въ зависимыхъ предложеніяхъ, чего не наблюдается въ предложеніяхъ независимыхъ). Но подобное указаніе ак. Ягича не можетъ подорвать возможности для нѣкоторыхъ изъ указанныхъ глаголовъ обладанія хотя не въ равной степени двойственностью видовъ. И самъ Ягичъ, доказывая двойственность по отношенію видовъ въ древ. ц. сл. яз. глаголовъ пить и ѣсть, прибѣгаетъ къ указаніямъ на употребленіе этихъ глаголовъ въ зависимыхъ предложеніяхъ. Кажется, болѣе правъ Ягичъ, въ другомъ случаѣ не соглашаясь съ проф. Ульяновымъ. Последній оспариваетъ, по крайней мѣрѣ по отношенію др. ц. сл. языка, что глаголы несоверш. вида (простой длительности) при сложении съ предлогами переходятъ въ степень перфективности. Приводимые примѣры Ульяновымъ, въ которыхъ греческому настоящему соотвѣтствуетъ настоящее же подобныхъ сложенныхъ съ предлогами глаголовъ, немногочисленны и объясняются Ягичемъ ошибками, неточностями, извѣстнаго рода даже измѣненіями. Въ дальнѣйшемъ Ягичъ даетъ цѣлую картину переходовъ одного вида въ другой посредствомъ извѣстныхъ суффиксовъ. Въ заключеніе Ягичъ указываетъ на необоснованность мнѣнія Миклошича, что система глагольныхъ формъ ранѣе была болѣе совершеннѣе, чѣмъ теперъ, что настоящія формы представляются какими то остатками прежняго богатства, между тѣмъ несомнѣнно,

что нѣкоторыя формы не только не являются остатками, а результатомъ дальнѣйшаго развитія. Послѣ этого слѣдуютъ еще болѣе частныя замѣчанія на неудачное опредѣленіе у Миклошича перехода глагола изъ одного видоваго отгѣнка въ другой.

Оцѣнивая въ общемъ Beiträge . . . ак. Ягича я бы выдвинулъ прежде всего сказавшуюся и здѣсь способность автора овладѣть излагаемымъ предметомъ, которымъ онъ сравнительно мало занимался, умѣнье живо и ясно представить затронутые вопросы. Взять хотя бы § 7, въ которомъ онъ говоритъ о простѣйшей формѣ предложенія. До чрезвычайности просто излагаются такіе важные вопросы, какъ разница между отношеніемъ логики и грамматики къ предложенію, значеніе глагола въ образованіи предложенія. Стоитъ сравнить этотъ параграфъ и другіе параграфы, напр., съ изложеніемъ подобнаго же въ извѣстной книги Вундерлиха *Der deutsche Satzbau*, чтобы вполне оцѣнить преимущества славянскаго ученаго, чтобы яснѣе представить выставленныя мною характерныя черты труда Ягича. При разсмотрѣніи синтаксическихъ вопросовъ Ягичъ, какъ я уже сказалъ, пошелъ по пути, проложенному Потевнею; для него совершенно ясны были преимущества этого пути предъ той дорогой, которую указывалъ Миклошичъ. Выводы, къ которымъ приходилъ Потевня, которые онъ доказывалъ, пользуясь наблюденіями нѣкоторыхъ своихъ предшественниковъ, нѣмецкихъ ученыхъ, легли въ основу нѣкоторыхъ параграфовъ въ данномъ изслѣдованіи Ягича. Частныя наблюденія, какъ мы видѣли, внесъ Ягичъ и отъ себя. Можно пожалѣть только, что трудъ этотъ остался безъ перевода на русскій языкъ: онъ былъ бы прекраснымъ пособіемъ для студентовъ и преподавателей.

III.

Сравнительно недавно изданъ трудъ проф. Вондрака, посвященный синтаксису славянскихъ языковъ — въ его *Vergleichende slavische Grammatik. 2. Band. Formenlehre und Syntax. Göttingen. 1908.* (стр. 260—541).

Въ небольшомъ введении проф. Вондракъ опредѣляетъ задачи синтаксиса и части послѣдняго. Задачей синтаксиса является прежде всего изученіе простаго предложенія и его частей, разсмотрѣніе предложенія съ внутренней его стороны (роды предложеній), затѣмъ сложное предложеніе (паратаксисъ, гипотаксисъ) и наконецъ разсмотрѣніе тѣхъ особенностей, которыя свойственны вообще предложению какъ цѣлому въ формальномъ отношеніи: порядокъ словъ, удареніе въ предложеніи, энклитики и тѣ видоизмѣненія, которыя происходятъ со всѣми частями предложенія. Согласно этому синтаксисъ дѣлится на 3 части: 1. о простомъ предложеніи и его частяхъ, 2. о сложномъ предложеніи, 3. о предложеніи какъ цѣломъ въ формальномъ отношеніи.

По моему, третій раздѣлъ свободно можетъ быть помѣщенъ въ первый и то дѣленіе, которое находится въ другомъ трудѣ проф. Вондрака, синтаксисѣ др. церк. слав. яз. (въ *Altkirchenslav. Grammat.*, 265 стр.), представляется болѣе цѣльнымъ. Здѣсь дѣленіе такое: 1. ученіе о частяхъ предложенія, 2. ученіе о предложеніи и 3. ученіе о сочетаніи предложеній.

Естественно, что говоря о синтаксисѣ, какъ объ ученіи о предложеніи, Вондракъ долженъ былъ дать и опредѣленіе предложенія. И вотъ, разбивая свое небольшое введеніе вставкой, онъ въ этой вставкѣ даетъ опредѣленіе. Опредѣленіе предложенія у Вондрака является видоизмѣненіемъ опредѣленія „выраженія“ у Дельбрюка (Д. дѣлаетъ разницу между „выраженіемъ“ и „предложеніемъ“). И вотъ какой видъ получаетъ у Вондрака видоизмѣненная формулировка

Дельбрюка: предложіе есть послѣдовавшее въ членораздѣльной рѣчи выраженіе, которое содержитъ *verbum finitum*, или послѣднее легко и при томъ вполне опредѣленно (позволяю такъ вольно перевести: *in unzweideutiger Weise*) восполняется, и которое говорящему и слушающему представляется связнымъ, законченнымъ цѣлымъ.

Прежде всего опредѣленіе это невѣрно. Если возьмемъ даже сказанное относительно внѣшней стороны предложія, то увидимъ, что заключающееся здѣсь не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Если исторія развитія рѣчи человѣческой предполагаетъ возникновеніе предложія только въ обществѣ, *minimum* котораго является, конечно, два лица, то для проявленія предложія теперь вовсе не требуется два говорящихъ лица. Далѣе, относительно того, что предложіе должно заключать *verbum finitum* явно или неявно, — но вѣдь можно указать цѣлые ряды предложій, въ которыхъ нѣтъ и нельзя въ настоящее время подразумѣвать *verbum finitum*.

Вондракъ возражаетъ противъ мысли, проводимой Дельбрюкомъ, о двучленности предложія, указывая на безсубъектныя предложія, первоначальную двучленность которыхъ будто бы невозможно доказать. А между тѣмъ, Вондракъ въ спискѣ трудовъ, коими онъ пользовался, обозначаетъ и Ш т. „Изъ зап. по рус. грам. „Потебни, который для нѣкоторыхъ безсубъектныхъ предложій указалъ первоначальную двучленность и проводилъ мысль вообще о двучленности въ первоначальномъ строѣ позднѣйшихъ безсубъектныхъ предложій. Если съ послѣднимъ можно не соглашаться, то, во всякомъ случаѣ, нельзя быть догматичнымъ и говорить о невозможности первоначальной двучленности безсубъектныхъ предложій.

„Нормальное предложіе содержитъ обыкновенно субъектъ и предикатъ; первый можетъ иногда отсутствовать (безсубъектныя предложія), послѣдній не можетъ отсутствовать, въ крайнемъ случаѣ можетъ отсутствовать только

часть послѣдняго (связка)“. „Субъектъ. Это часть предложенія, о которой что-либо высказывается; это основа высказаннаго“ (261).

И эти опредѣленія снова указываютъ, насколько трудно поддаются обобщенію наблюденія надъ составомъ рѣчи, насколько прежнія ошибки повторяются въ новыхъ трудахъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли примѣнять, ставъ на научную почву, примѣнять къ тому или иному предложенію понятія „нормальности“ или „ненормальности“? Затѣмъ, какъ согласовать отсутствіе подлежащаго и то, что подлежащее — основа предложенія, слѣдовательно, безсубъектныя предложенія — предложенія безъ основы? Получается логическая путаница. Болѣе естественны по отношенію къ предложенію термины „полное“ и „неполное“. Въ синтаксисѣ древне-церк. сл. яз. Вондракъ употреблялъ терминъ „полное“, идя, очевидно, вслѣдъ за Шмальцемъ, но въ общемъ и тамъ дается непріемлемое ученіе о предложеніи.

Безсубъектныя предложенія состоятъ, по Вондраку, изъ одного *verbum finitum* 3-го лица, но относительно нѣкоторыхъ безсубъектныхъ предложеній этого совершенно нельзя сказать. Системы въ классификаціи безсубъектныхъ предложеній у Вондрака нѣтъ, такъ: 1. выраженія относительно явленій природы, 2. физическія или психическія состоянія, 3. при возвратныхъ или пассивныхъ глаголахъ (хотя возвратн. глаголы входятъ въ 1 подраздѣленіе — сербск. *magli se, oblađi se* и пр.), 4. при есть въ значеніи находится или просто быть въ соединеніи съ числительными и другими словами, 5. при нѣкоторыхъ глаголахъ, которые трудно объединить, 6. при прилагательныхъ (нарѣчійхъ) или существительныхъ въ соединеніи съ глаголомъ быть.

Такъ какъ трудно искать чего-либо особенно новаго въ смыслѣ матеріала на тѣхъ немногихъ страницахъ, которыя посвящены у Вондрака безсубъектнымъ предложеніямъ (262—267), то можно было бы ожидать извѣстнаго исполь-

зованія предыдущей разработки даннаго вопроса. Но этого мы не находимъ. Уже изъ указателя тѣхъ пособій, который приложенъ вначалѣ (XII—XIV), мы могли бы дѣлать нѣкоторыя заключенія о незнакомствѣ проф. Вондрака со многими трудами по синтаксису, впрочемъ указатель даетъ перечисленіе тѣхъ пособій, которыя авторъ не цитируетъ въ силу болѣе частаго пользованія ими. Поэтому въ своемъ замѣчаніи я не опираюсь на этотъ указателѣ, а на самомъ содержаніи труда, на которомъ во многомъ не отразились результаты предыдущей научной разработки, и это я долженъ сказать прежде всего относительно вопроса о безсубъектныхъ предложеніяхъ. Предыдущая разработка безсубъектныхъ предложеній могла бы свободно дать возможность поставить изученіе этого вопроса на болѣе широкую почву. Въ дѣлѣ классификаціи, напр., можно было бы выдвинуть ту попытку которую даетъ въ своей спеціальной статьѣ проф. Овсяннико-Куликовскій. Важно указаніе послѣдняго на существованіе абсолютно-безсубъектныхъ, относительно-безсубъектныхъ предложеній и переходныхъ формъ. Это дѣленіе прежде всего считается съ исторіей языка, съ его жизнью. Правда, данная классификація не лишена недостатковъ, но она выше предыдущихъ, и Вондраку слѣдовало бы обратить на указываемую статью свое вниманіе, слѣдовало бы, если онъ не пытался продолжить разработку разсматриваемаго вопроса, воспользоваться хотя тѣмъ, что было уже выработано.

Поддерживая мнѣніе Миклошича, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ глаголы соверш. вида удерживаютъ въ формѣ настоящаго времени обозначеніе наступающаго дѣйствія, Вондракъ не даетъ, по моему, удовлетворяющаго объясненія этого. Такъ, объясняя выраженіе: Двина изъ . . . лѣса течетъ и идетъ на полуноштіе и вѣнидетъ въ море, Вондракъ говоритъ, что здѣсь по аналогіи съ и деть появляется в ѣ н и деть. Если потребовалась бы внутренняя причина появленія подобной формы (въ приведенномъ же объясненіи своемъ Вондракъ видитъ указаніе на внѣшнія причины появленія

разсматриваемой формы), то этой причиною могла бы быть нужда въ формѣ, которая бы выразила наступающее въ настоящемъ дѣйствіе. Мнѣ же думается, что время глагола въ подобныхъ случаяхъ вполне опредѣляется текстомъ фразы. Для Нестора, писавшаго приведенную фразу, въ нидетъ сохраняло извѣстный оттѣнокъ будущаго времени, особенно если строить извѣстную градацію — и детъ — внидетъ, а затѣмъ необходимо считаться и съ тѣмъ, что оттѣнки видовые теперь и ранѣе въ нѣкоторыхъ случаяхъ неодинаковы. Еще бы можно отчасти согласиться съ тѣмъ, что на пониманіе внидетъ въ качествѣ настоящаго времени могло вліять и детъ.

Говоря о такихъ предложеніяхъ, какъ онъ бухъ въ воду, Вондракъ не считаетъ ихъ грамматическими предложеніями (274), потому что здѣсь вмѣсто *verbum finitum* только извѣстный корень. Послѣдній взглядъ, конечно, невѣренъ, потому что онъ опять-таки вноситъ нормы, искусственно созданныя. Стремясь установить разницу между имперфектомъ и аористомъ, Вондракъ указываетъ общіе признаки того и другого (въ прошломъ продолжающееся или повторяющееся дѣйствіе; или что произошло, что наступило), и даваемые также частные признаки не представляются рельефными (напр., имперфектъ — въ рассказѣ по большей части въ эпизодѣ, „рисуеть привычки, нравы и пр., — что было“; аористъ — напротивъ, въ главномъ дѣйствіи — что произошло), излишне, мнѣ думается, различаетъ Вондракъ (идя за Мусичемъ, *Rad jugosl.-Ak.*, 112, *Indogerm. Forschun.* V 91 и Дельбрюкомъ *Syntax II*, 286, 343) гиперболическій и гномическій аористы.

На современное прошедшее время нельзя, конечно, переносить значеніе, которое имѣлъ ранѣе перфектъ: „выражаетъ въ настоящемъ результатъ дѣйствія, которое . . .“ (279).

Относительно наклоненій Вондракъ говоритъ, что ими

придается предложенію „психическая окраска“, что въ модальности находитъ себѣ выраженіе душевное состояніе говорящаго, его душевное отношеніе къ дѣйствію. Это старое, въ сущности, опредѣленіе modī въ настоящее время представляется болѣе узкимъ, не охватывающемъ того матеріала, который понимается у насъ подъ терминомъ „наклоненія“. Въ самомъ дѣлѣ, и ранѣе уже начали исключать изъ наклоненій неопредѣленное и изъявительное. И Вондракъ находитъ, что изъявительное наклоненіе не носить на себѣ характерныхъ признаковъ модальности, потому что оно просто что-либо высказываетъ или утверждаетъ, не выказывая психическаго отношенія говорящаго къ дѣйствію. А затѣмъ, пользуясь другимъ, хорошо извѣстнымъ матеріаломъ, который приводится и у Вондрака, мы можемъ указать на многіе примѣры, когда повелительное наклоненіе выступаетъ вмѣсто прошедшаго времени лишь для живости разсказа, слѣдовательно лишается основныхъ чертъ своихъ какъ наклоненія. Вся эта неукладываемость значеній наклоненій въ тѣ рамки, которыя были созданы наблюденіемъ надъ основнымъ значеніемъ, объясняется развитіемъ нѣкоторыхъ сторонъ въ наклоненіяхъ. Въ повелительномъ наклоненіи, кромѣ воли, желанія лица говорящаго, замѣчался еще оттѣнокъ быстроты, живости, и этимъ то воспользовался языкъ при замѣнѣ прошедшаго времени повелительнымъ наклоненіемъ. На выдѣленіи извѣстныхъ оттѣнковъ и основано смѣшеніе, замѣна одного наклоненія другимъ. Для изслѣдователя здѣсь открывается богатый матеріалъ. Возьмемъ, напр.: завтра ты воротись домой; поставимъ удареніе на словѣ „воротись“ и получится форма повелительнаго наклоненія. Здѣсь важенъ, оказывается, тонъ, удареніе: языкъ пользуется тѣмъ тономъ, который сопровождаетъ повелительное наклоненіе и для образованія новой формы, отвлекаетъ этотъ тонъ на форму такъ называемаго изъявительнаго наклоненія и получается сильнѣе выраженное повелительное наклоненіе. То

же происходит и съ неопредѣленнымъ наклоніемъ, которое выступаетъ вмѣсто наклонія повелительнаго. Тонъ дѣлаеть и сербскую форму проклео біо по значенію равною повелительному наклонію. Интереснымъ случаемъ замѣны повелительнаго наклонія является форма „понелъ“.

Говоря объ употребленіи условнаго наклонія въ зависимыхъ предложеніяхъ, Вондракъ указываетъ на то, что въ такихъ случаяхъ оно обозначаетъ неувѣренность въ изложеніи, оттѣнокъ сомнительности, и сближаетъ съ основой возникновенія условнаго въ предложеніяхъ, выражающихъ невозможность въ прошедшемъ. Если же мы возьмемъ приводимый далѣе матеріалъ, то онъ намъ укажетъ на иное объясненіе: въ видѣ же помышленіе въ нѣмъ, кѣто ихъ въ ште би былъ — здѣсь никакого оттѣнка сомнѣнія, а прямо значеніе возможности . . .

Вондракъ различаетъ 4 рода простыхъ предложеній: 1. повѣствовательныя, 2. вопросительныя, 3. восклицательныя, 4. повелительныя. Принципъ дѣленія не выдержанъ: повелительныя вмѣстѣ съ тѣмъ и восклицательныя; затѣмъ, — если внесень принципъ модальности, то почему бы не установить наряду съ повелительными условныя, желательныя. Въ синтаксисѣ древне-ц. сл. языка Вондракъ устанавливаетъ 3 рода предложеній: утвердительныя, вопросительныя и повелительныя. По моему, дѣйствительно, лучше установить три, но только слѣдующія: повѣствовательныя, вопросительныя и восклицательныя.

Переходя къ разсмотрѣнію такъ называемыхъ второстепенныхъ частей предложенія, Вондракъ не разбираетъ ихъ въ цѣломъ, а разбираетъ, разсматривая въ цѣломъ способы ихъ выраженія, по грамматическимъ категоріямъ. Касаясь распредѣленія матеріала, я выставилъ бы здѣсь то, что у Вондрака въ изложеніи подѣлъ-отдѣловъ какъ-то блѣднѣетъ главная мысль, которая должна была бы ярко выступить. Такъ говоря въ первомъ отдѣлѣ о выраженіи второстепенныхъ членовъ предложенія посредствомъ именъ

и проведя это послѣдовательно въ первомъ подѣлѣ, въ которомъ говорится объ атрибуѣ и аппозиціи, Вондракъ въ дальнѣйшемъ, при изложеніи способовъ выраженія посредствомъ косвенныхъ падежей, сосредоточивается на существѣ послѣднихъ, беретъ ихъ объектомъ своего изложенія. Поэтому, напр., упомянувъ мелькомъ въ первомъ подѣлѣ о томъ, что родительный падежъ выступаетъ въ качествѣ опредѣленія, онъ этимъ вопросомъ не занимается въ отдѣлѣ, посвященномъ родительному падежу; получается такимъ образомъ болѣе ученіе о падежахъ, а не о членахъ предложенія. Интересно было бы обоснованіе той точки зрѣнія, которою руководился въ данномъ случаѣ Вондракъ, удерживая прежнее ученіе и не затронувъ даже мнѣнія Потевни, съ трудомъ котораго у Вондрака здѣсь ужъ обнаруживается отчасти знакомство.

Затрогивая прежде всего атрибуѣ и аппозицію, Вондракъ выясняетъ атрибуѣ какъ такое опредѣленіе, которое образуетъ вмѣстѣ съ частью предложенія — типа существительнаго одно цѣлое, а аппозицію — какъ тотъ же атрибуѣ, но выраженный именемъ существительнымъ. Получается въ цѣломъ не особенно удачное опредѣленіе. Является также невыясненнымъ, въ какомъ внутреннемъ отношеніи находится аппозиція къ атрибуѣ. Въ данномъ случаѣ Шмальцъ, которому въ нѣкоторыхъ пунктахъ Вондракъ слѣдовалъ, былъ болѣе послѣдовательнымъ: въ § 30 своей *Lateinische Grammatik* онъ называетъ атрибуѣмъ опредѣленіе существительнаго прилагательнымъ (мѣстоименіемъ, числительн., причастіемъ), а въ § 36 аппозиціей — опредѣленіе существительнаго другимъ существительнымъ, поставленнымъ въ томъ же падежѣ. Тотъ же Шмальцъ справедливо замѣчаетъ, что неправильно говорятъ о переходныхъ и непереходныхъ глаголахъ (тамъ же, стр. 229, изд. 1900 г.), а нужно говорить о переходномъ или непереходномъ употребленіи глагола или признать опредѣленіе Дельбрюка, по которому транзитивный глаголъ связывается *gewöhnheitsmässig* съ винительнымъ

падежомъ дополненія. Послѣднее проводить и Вондракъ. Но устанавливая такую точку зрѣнія, спрашивается, какъ можно дѣлать подобнаго рода разграниченія: Богъ сотворилъ свѣтъ — внутренній объектъ, празднуемъ праздникъ — внутр. об., что меня бьетъ — внѣшній об.? Затруднился бы я также сблизить винительный пад. протяженія и вин. времени съ винительнымъ пад. содержанія (какъ: думу думати). Впрочемъ, въ данномъ случаѣ Вондракъ былъ несамостоятеленъ. Я долженъ также сказать, что не приходится придавать особеннаго значенія подобнаго рода разграниченіямъ: часто подобныя разграниченія не только не выясняютъ вопроса, а затемняютъ его. Если и устанавливать терминъ „внутренній объектъ“, то этотъ терминъ скорѣе можно было бы отнести къ тому подраздѣленію внутренняго объекта, который носить у Вондрака названіе „винительный пад. содержанія“ или „винительный внутренняго объекта въ болѣе узкомъ значеніи этого слова“ (разница скажется нагляднымъ образомъ, если мы поставимъ отрицаніе — я спалъ всю ночь, я не спалъ всю ночь, не праздновать праздника и пр).

Относительно *accusativus cum infinitivo* Вондраку слѣдовало бы обратить вниманіе на тѣ замѣчанія, которыя были сдѣланы Потребнею по поводу мнѣнія Миклошича (II, 386 — 8). Тогда бы онъ, можетъ быть, не былъ такъ категориченъ, признавая данный оборотъ неславянской конструкціей, а только заимствованіемъ изъ греч. и латинскаго. Въ данномъ случаѣ безспорно предпочтительна та осторожность, которую отмѣчаемъ во мнѣніи Потребни.

Говоря о родительномъ падежѣ, Вондракъ не упоминаетъ, чего мы прежде всего могли бы ожидать, о синтаксической роли этого падежа. Какъ показываетъ предыдущее, родительный при существительномъ Вондракъ считаетъ атрибутомъ. Можетъ быть, само неупоминаніе объ этомъ здѣсь явилось результатомъ того колеблющагося нѣсколько взгляда, который сказывается у Вондрака отно-

сительно родительного падежа. Въ своемъ синтаксисѣ древн.-ц.-сл. языка Вондракъ замѣчалъ, что иногда совершенно яснымъ представляется, какъ родительный падежъ при существительныхъ развился изъ родительнаго при глаголахъ. Такимъ образомъ проводилась точка зрѣнія, выставленная Дельбрюкомъ. Та же мысль, но уже съ поясненіями, ограниченіями, проводится и здѣсь, хотя въ дальнѣйшемъ указывается и примѣры при именахъ первоначальныхъ родительныхъ падежей. Вообще же выясненіе употребленія родительнаго падежа при именахъ считается затруднительнымъ. Какъ основное значеніе родительнаго падежа Вондракъ считаетъ значеніе *partitiv'*ное. Даже въ такихъ случаяхъ, какъ дай мнѣ твоей книги, пива наварю, *vidiš čuda velikoga* и пр., Вондракъ видитъ выраженіе партитивности. Этимъ своимъ значеніемъ родительный падежъ отличается отъ винительнаго, какъ говоритъ Вондракъ. Можно пожалѣть только, что Вондраку остались неизвѣстными изслѣдованія проф. Томсона (конечно, позднѣйшими, помѣщенными въ Изв. отд. р. яз. и сл. ИМП. Ак. в. 1908 г., Вондракъ воспользоваться еще не могъ, но могъ воспользоваться вышедшими ранѣе — Къ синтаксису и семасіологіи рус. яз. Одес. 1903 г., его же — Винит. пад. . . . Варшава 1902 г.). Если проф. Томсонъ вполне убѣдительно доказалъ, что ученіе о *genetivus partitivus* построено на ложномъ освѣщеніи, то тѣмъ болѣе это можно было бы сказать по отношенію къ мнѣнію объ основномъ значеніи родительнаго падежа какъ обозначателя части. Прямое дополненіе съ представленіемъ ограниченнаго цѣлага выражается винительнымъ падежомъ, при обозначеніи представленія неограниченнаго въ пространственномъ отношеніи — родительнымъ падежомъ. На этихъ основныхъ значеніяхъ строятся частичныя значенія. Вполнѣ можно согласиться, что съ винительнымъ падежомъ соединяется переходъ дѣйствія полностью, а съ родительнымъ только обозначеніе перехода дѣйствія частичнаго, извѣстнаго какъ бы при-

косновенія. На это указывалъ еще Гриммъ. Идя за Шмальцемъ, Вондракъ выдѣляетъ *genetivus definitivus*. Впрочемъ, у Шмальца мы не находимъ такого выдѣленія, какъ у Вондрака, хотя Шмальць по отношенію латинскаго языка имѣлъ на то болѣе основаній, Вондракъ же не имѣетъ въ сущности матеріала для этого падежа въ славянскихъ языкахъ. *Genetivus definitivus*, какъ замѣчаетъ Шмальць (235), вытекаетъ изъ любви латинскаго языка ставить при понятіи родовомъ понятіе видовое въ родительномъ падежѣ: *arbor fici* и пр. Также напрасно выдѣляетъ Вондракъ, идя за Шмальцемъ, родительный объективный и субъективный (нужно было бы ввести предикативный, какъ дѣлаетъ то Шмальць). Само уже названіе падежей указываетъ на иной принципъ дѣленія, чѣмъ ранѣе, и нецѣльность дѣленія сказывается тотчасъ, если мы взглянемъ на примѣры, которые отнесены къ родительному принадлежности. Опредѣляя дальше *genetivus qualitatis* какъ *genetivus possessivus*, Вондракъ причисляетъ сюда такіе примѣры: литов. *triju metu kudikis*, т. е. ребенокъ 3-хъ лѣтъ, и др. И хотя подобные родительные падежи замѣняются прилагательными, но отношеніе послѣднихъ по смыслу получается иное, чѣмъ при соединеніи имени существительнаго съ родительнымъ падежомъ принадлежности. Я бы затруднился возводить къ *genetivus separationis* нѣкоторые приводимые на стр. 333 примѣры. Особенно это долженъ также сказать о приведенныхъ тамъ же и на стр. 334 примѣрахъ съ родительнымъ при восклицаніяхъ. Идя въ данномъ случаѣ въ изложеніи за Миклошичемъ (ср. 465 стр. *Syntax*), Вондракъ опускаетъ то объясненіе, которое даетъ Миклошичь, именно объясненіе непонятнаго сразу родительнаго падежа предположеніемъ пропуска глаголовъ: смотри, слушай, гле, виш и пр: ето, царе, лијене дјевојке (Ср. подобныя же мысли у Потебни, II, 80).

Шмальць (238) коротко и ясно опредѣляетъ *genetivus relationis*: *Der Gen. nach den Adj. relat. dient lediglich zur*

Determination des im Adj. liegenden nominalen Begriffs. По Вондраку: Gen. der Beziehung oder respectiver Gen., in welchen dasjenige kommt, hinsichtlich dessen einen Gegenstand ein Attribut beigelegt oder vom ihm etwas prädicirt wird . . . So konnte nun die Vorstellung auftauchen, dass der Sinn eines Adj. durch ein im Gen. stehendes Subst. näher bestimmt wird (337). Примѣровъ для этого родительнаго оказывается очень мало. Въ числѣ примѣровъ особенно фигурируетъ достоинъ съ род. пад., хотя постановка при этомъ прилагательномъ родительнаго падежа является подѣ влияніемъ постановки при соотвѣтствующемъ глаголѣ, такимъ образомъ „достоинъ“ въ сущности и не можетъ служить примѣромъ. Характернымъ является лишь примѣръ: *siv je junak brade*. Съ большимъ удобствомъ могъ бы Вондракъ отнести сюда нѣкоторые примѣры, приведенные на стр. 328 къ родительному субъективному, *romljiv prejetich dobrot* и др.

Затрогивая вопросъ о замѣнѣ первоначальной формы винительнаго падежа формою падежа родительнаго въ такихъ словахъ, какъ рабъ-раба и пр., Вондракъ излагаетъ то, что онъ говорилъ по этому поводу въ *Archiv für sl. Phil.* 98 г. 20 т. и въ грамматикѣ др. ц. сл. яз., съ нѣкоторыми, впрочемъ, измѣненіями частнаго характера. Основной взглядъ Вондрака таковъ. Первоначально замѣна формы винительнаго падежа формою падежа родительнаго, основанная на близости этихъ формъ по синтаксическому употребленію, произошла въ мѣстоименіи кѣто. Формы винительнаго падежа отъ кѣто древне-ц. сл. языкъ уже не знаетъ, а имѣется тамъ форма кого. Появленіе въ древне-ц. сл. яз. замѣны объяснялось прежде всего тою необходимостью, что вопрошавшій долженъ былъ указать, спрашиваетъ ли онъ о субъектѣ или объ объектѣ. Затѣмъ, по аналогіи отъ вопросительныхъ замѣна перешла на мѣстоимѣнія личные, указательныя, прилагательныя опредѣленныя и наконецъ на существительныя. Въ разбираемомъ трудѣ нѣсколько измѣняется картина постепеннаго развитія

употребленія формы родительнаго падежа вмѣсто формы падежа винительнаго: изъ общей цѣпи исключены мѣстоименія личныя, которыя прежде всего подчинялись аналогіи. Подобное исключеніе вполне естественно, такъ какъ у мѣстоименій личныхъ имѣлись двѣ формы и при томъ формы *мѣ*, *тѣ*, *сѣ* употреблялись чаще мене, тебе, себе, такимъ образомъ мѣстоименія личныя не могли служить въ пользу созданной градаціи. Затѣмъ вмѣсто прилагательныхъ опредѣленныхъ выставлены прилагательныя простыя. Новая градація такова: кѣто — кого — указательныя мѣстоименія — прилагательныя — имена существительныя съ основой на *о*. Не находимъ здѣсь проведенія характерной черты, которую выдвигали другіе изслѣдователи, что *а* въ винительномъ падежѣ именъ существительныхъ на *о* не во всѣхъ, а въ тѣхъ, которыя были обозначателями лицъ одушевленныхъ предметовъ. Это наблюденіе дѣйствительно какъ то не вяжется съ основнымъ взглядомъ Вондрака. Насколько взглядъ Вондрака о вліяніи кѣто-кого показался неудовлетворительнымъ, на это показываетъ прежде всего то несогласіе, которое высказалъ Бернекеръ. Возраженія Бернекера опровергались Вондракомъ, но неособенно убѣдительно.

Позволю себѣ здѣсь коснуться нѣсколько взглядовъ другихъ изслѣдователей на данный вопросъ. Раньше (Добровский, затѣмъ Миклошичъ, Лескинъ) думали, что здѣсь высказалось желаніе отличить отъ род. пад., множ. числа, имѣвш. то же окончаніе. Затѣмъ (Дельбрюкъ) объясняли это тѣмъ, что форма род. пад., обозначая меньшую пассивность, начала употребляться прежде всего въ именахъ собственныхъ, дабы так. обр. обозначить именно меньшую подчиненность глаголу, что распространилось и на другія имена одушевленныхъ (но тогда спрашивается, почему это не распространялось и на имена женскаго рода?). Наконецъ въ послѣднее время (Meillet. *Recherches sur l'emploi du genitif-accus. en vieux-slav.* P. 1897 г., Мюлленбахъ. Объ употр. род. п. Изв. отд. р. яз. 99, IV) начали усматривать здѣсь

вліяніе формъ личныхъ мѣстоимѣній, именно: ф. мене, тебе, себе. По Меллье, эти формы сначала повліяли на замѣну формой род. падежа формы винительнаго въ указат. мѣстоименіяхъ и сложномъ склоненіи, а затѣмъ на существительныя. По Мюлленбаху, это вліяніе сказалось непосредственно.

Упомянутыя попытки объяснить фор. вин. п. раба вм. рабъ вліяніемъ мѣстоим. форм. мене — мѣ, тебе — тѣ, себе — сѣ, объясняются тѣмъ, что эти формы разсматриваются нѣкоторыми изслѣдователями какъ одинаковыя первоначально формы. Мене — (лит. *šepė*, авест. *šapa*) разлагаются на двѣ части: *me* + *ne*, при чемъ это *ne*, *ne*, разсматривается какъ суффиксъ или даже частица для усиленія (какъ латинск.: *egone*, *tibine* . . .), а *me* собств. форма вин.-род. пад. Послѣдній первоначально предполагается имѣвшимъ двѣ формы: *mem *tuem *sem (отсюда санскр. *mām*, *tūām*, др.-прус. *mīen*, *tīen*, *sīen*, др.-ц.-сл. мѣ, тѣ, сѣ), *eme, *me, *tuē, *te, *se, *se, (гр. *ἐμέ*, *μέ*). Въ склоненіи личныхъ мѣстоименій мы отмѣчаемъ также употребленіе въ винит. пад. множ. числа *нѣ* и *на сѣ*. Слѣдовательно, здѣсь проникновеніе одного падежа въ область другого. При чемъ въ этихъ примѣрахъ съ ф. *на сѣ* вм. *нѣ* мы не отмѣчаемъ какой-либо особой выразительности, каковой объясняютъ причины подобныхъ замѣнъ (Ср. Мюлленбахъ объ употребленіи родит. п. вмѣсто винительн. Изв. Отд. р. яз. и сл. 99 г., IV т., 1195).

По Бернекеру (*Der genitiv-accusativ bei belebten Wesen im Slavischen. Zeitschrift f. vergl. Sprachforsch.* XXXVII, 1904, 364—86), на выработку данной формы повліяли отрицательныя предложенія, въ которыхъ ставился родительный падежъ. Въ русской научной литературѣ разсмотрѣніемъ этого вопроса специально занимались Н. П. Некрасовъ и А. И. Томсовъ., По мнѣнію Некрасова (Извѣст. отд. рус. яз. и сл. ИМП. Ак. Н. 905 г. № 2 „О замѣнительныхъ падежахъ: родительномъ и винительномъ въ современномъ

рус. яз.“), первоначально замѣна эта произошла въ собственныхъ именахъ (вызвана была необходимостью яснѣе отличать дополненіе, выраженное собственнымъ именемъ, отъ подлежащаго), при чемъ въ такихъ выраженіяхъ, какъ „я знаю Петра“, нужно подразумѣвать: „личность (Петра)“. Разсмотрѣніе большинства изъ поименованныхъ мною мнѣній мы находимъ въ статьѣ проф. Томсона (помѣщ. въ тѣхъ же Извѣст. за 1908 г.). Мнѣ не приходится теперь останавливаться подробно на критикѣ всей указанной литературы вопроса. Для меня было важно отмѣтить то разнообразіе мнѣній, которое сказалось относительно затронутого вопроса, затѣмъ мнѣ важно остановиться здѣсь нѣсколько и на статьѣ проф. Томсона уже потому, что она заключаетъ въ себѣ критику основнаго положенія проводимаго Вондракомъ (относительно же другихъ возраженій проф. Томсона, касающихся мнѣній Меллье, Мюленбаха . . . ., отвѣта также Н. П. Некрасова я пока касаться не буду). По мнѣнію А. И. Томсона, не было безусловной потребности въ замѣнѣ кѣто-кого, напр., въ предложеніи: кѣто видиши — ясно, что кѣто — объектъ, но если бы и была указываемая потребность, съ возможностью чего проф. Томсонъ готовъ согласиться, то все же неубѣдительнымъ для него представляется переходъ подобной замѣны на личныя мѣстоименія, гдѣ были особыя формы винительнаго падежа: мѣ, тѣ, сѣ. Вкратцѣ отмѣчу здѣсь только то, что проф. Томсонъ исходитъ при объясненіи процесса возникновенія родительнаго-винительнаго падежа изъ семасіологической точки зрѣнія. И бы сказалъ, что между взглядами проф. Вондрака и проф. Томсона, есть нѣкоторое сходство. Проф. Томсонъ не предполагаетъ, правда, никакихъ вліяній посредствующихъ аналогій, а тотъ процессъ, который проф. Вондракъ намѣчаетъ съ кѣто-кого, происходитъ, по Томсону, съ именами существительными на *o*, обозначающими одушевленный предметъ. Есть нѣчто общее, но въ то же время и огромное преимущество въ разсужденіяхъ проф.

Томсона уже потому, что обращено вниманіе на безспорно важное условіе въ данныхъ переходахъ, на которое проф. Вондракъ не обращаетъ вниманія — почему замѣна происходитъ прежде всего въ именахъ собственныхъ съ вполнѣ уже опредѣленнымъ значеніемъ. Въ дальнѣйшемъ я нѣсколько подробнѣе остановлюсь на ходѣ разсужденія А. И. Томсона.

При изложеніи творительнаго падежа Вондракъ отступаетъ отъ плана изложенія другихъ падежей: здѣсь уже нѣтъ раздѣленія на употребленіе падежа при глаголахъ и при именахъ, — между тѣмъ сохранить этотъ планъ и здѣсь представлялась бы полная возможность. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого отдѣла сказывается вліяніе Потебни, на котораго ссылается авторъ, признавая изслѣдованіе вопроса у Потебни основательнымъ; однако вліяніе это лишь частичное, и въ изложеніи Потебни и Вондрака кроется глубокая разница. Разработка вопроса о творительномъ падежѣ у Потебни (Изъ зап. по рус. грам. I, 443—553) составляетъ какъ бы отдѣльную монографію съ разсмотрѣніемъ исторіи разработки вопроса и изученіемъ матеріала въ различныхъ древнихъ памятникахъ и современной славянской рѣчи. Потебня задавался цѣлью разграничить форму повидимому одного падежа — творительнаго и въ то же время представить эти разграниченныя формы въ ихъ генетической связи, а если гдѣ нѣтъ послѣдней — констатировать ея отсутствіе. Такимъ образомъ здѣсь является стремленіе представить картину исторіи даннаго падежа. Углубленіе въ различныя значенія, связанныя съ этой формой, заставляло изслѣдователя неразъ обращаться къ сравненію съ другими падежами, повидимому употреблявшимися иногда для той же цѣли, какъ нѣкоторые творительные падежи. Мы видимъ, что изслѣдователю приходилось имѣть дѣло съ большими затрудненіями, обусловленными его желаніемъ строгаго отдѣленія падежа въ ту или другую сторону, въ тѣ или другія рамки. Потебня сумѣлъ дать на канвѣ

одного творительнаго падежа яркую страницу исторіи развитія языковыхъ формъ. И было бы очень хорошо, если бы сущность изслѣдованія Потебни, его приемы изслѣдованія были заимствованы Вондракомъ, но этого, къ большому сожалѣнію, сказать совершенно нельзя. Въ синт. проф. Вондрака, на стр. 342—357, мы видимъ группировку творительнаго падежа въ 11 подраздѣленійхъ: творительный соціативный, квалитативный, пространства, мѣста . . . Послѣднимъ является предикативный. Сопоставлять предикативный творительный съ творительнымъ соціативнымъ, мѣста и пр. нельзя уже потому, что самъ предикативный является образовавшимися по аналогіи съ творительнымъ образа дѣйствія (каковой занимаетъ у Вондрака 10-е мѣсто). Вполнѣ правъ былъ Потебня, когда, оставляя терминъ „предикативный“, употребляя вмѣсто него „творительный, замѣняющій вторые согласуемые падежи,“ говорилъ о немъ особо. Тотъ падежь (подраздѣленіе 2), который называется у Вондрака *instrumentalis qualitatis* или *dauernden Eigenschaften*, судя по примѣрамъ, отчасти могъ бы быть отнесенъ къ творительному соціативному; изъ примѣровъ приведу: чловѣкъ нечистомъ доухомъ. Говоря о творительномъ мѣста и творительномъ времени, необходимо было бы провести параллели между этими падежами и падежами: предложнымъ и винительномъ для обозначенія времени. Творительный употребляется въ качествѣ предложнаго на вопросъ гдѣ, но въ немъ сохраняется извѣстный оттѣнокъ. „Творительный мѣста, говоритъ Потебня (450), при глаголахъ пребыванія . . . отличается отъ мѣстнаго падежа тѣмъ, что въ послѣднемъ отношеніе предмета къ обнимающему его пространству можетъ быть изображено и независимо отъ предлога одной точкой внутри круга, а въ первомъ нѣсколькими точками. Ср. малор. „та туман полем . . . серб.“ брдом смиле, а доломъ босиле“ . . . значить не „на горѣ“, „въ долинѣ“, а по горѣ, въ разныхъ мѣстахъ горы . . .“ (450). Въ творительномъ времени необходимо

было бы обозначить ту разницу, которая сказывается въ позднѣйшихъ стадіяхъ языка между творительнымъ и винительнымъ времени: творительный обозначаетъ лишь извѣстную часть, между тѣмъ какъ ранѣе имъ обозначался и цѣлый періодъ времени. употреблеііе творительнаго падежа при такихъ словахъ, какъ довольнѣ, длѣлжнѣ, виннѣ Вондракъ ставитъ (350, прим.) въ отдѣлѣ творительнаго при страдательномъ залогѣ, отмѣчая этимологическое родство прилаг. на ѣнѣ съ причастіемъ страдательнаго залога. То же мы находимъ и у Миклошича. Только противъ этого приводились сильныя доказательства Потебнею (474).

Употребленіе дательнаго падежа проф. Вондракъ опредѣляетъ въ общихъ чертахъ: *Der Nominalbegriff kommt in den Dat., wenn die Handlung ihm gibt oder mit Rücksicht auf ihn vor sich geht* (357). Всѣ различныя функціи дательнаго падежа Вондракъ не считаетъ возможнымъ выводить изъ дательнаго движенія (напр., древне-ц. сл: ити гемуо; сначала Вондракъ называетъ этотъ дательный падежъ дательнымъ движенія съ недостигнутой еще цѣлью, а дальше, слѣдуя, очевидно, за Миклошичемъ, — дательнымъ цѣли). Различая дательный падежъ при глаголахъ, именахъ и дательный „свободный“ (*loser*), проф. Вондракъ для перваго выдѣляетъ лишь двѣ общія категоріи дательнаго — цѣли и „умственнаго движенія“ (*geistige Bewegung*, въ противоположность физическому движенію въ первой категоріи, напр.: хотѣть, надѣяться и пр.). Насколько опредѣленіе дательнаго падежа „цѣли“ общо, указываютъ тѣ многочисленные примѣры, которые приведены у Миклошича, и къ которымъ сразу даже какъ-то нельзя примѣнить этого термина (напр., долу блюди очима, стизаше мужьскому възрасту, *kadaž bož pustil me domu, gledoča domu* и др., 580 и сл.). Я говорю это къ тому, что данное опредѣленіе у Вондрака, основанное на немногихъ въ сущности примѣрахъ, не даетъ возможности обнять весь матеріалъ, который

подводится подъ это опредѣленіе. Такъ и вышло въ отдѣльныхъ случаяхъ: цѣлые ряды глаголовъ у Вондрака являются выпущенными. Стоитъ сравнить приведенный матеріалъ у Миклошича (стр. 579—614) съ матеріаломъ у Вондрака и при томъ даже не по количеству, а что особенно важно — какъ бы по отдѣльнымъ глагольнымъ представителямъ. Выраженіе „бѣда вамъ“, относимое Вондракомъ къ „дательному восклицанія“, свободно могло бы быть отнесеннымъ къ „свободному“ дательному, какъ и *je tu doibre* и др.; также могли бы быть распределены и другіе случаи дательнаго „восклицанія“, который самъ по себѣ могъ бы быть не выдѣляемъ.

Предлогамъ въ синтаксисѣ Вондрака посвящены стр. 372—392. Здѣсь проводится ученіе о зависимости косвенныхъ падежей отъ предлоговъ. Тѣмъ болѣе удивительно проведеніе подобнаго устарѣвшаго уже ученія, если вспомнимъ, насколько твердо и опредѣленно ученіе Миклошича о томъ, что падежи лишь точнѣе опредѣляются предлогами. Затѣмъ, если у Миклошича мы находимъ этимологизацію, то это понятно, такъ какъ по его взгляду, задачей синтаксисъ является также изложеніе значенія формальныхъ словъ, у Вондрака же подобная этимологизація не стоитъ въ связи съ основнымъ воззрѣніемъ его на синтаксисъ. И если задаваться цѣлью упомянутой этимологизаціи, то нельзя ограничиваться тѣмъ матеріаломъ, которымъ оперируетъ Вондракъ, а необходимо ставить дѣло шире, какъ ставилъ Миклошичъ, и, можетъ быть, предпочитать въ такомъ случаѣ исходить главнымъ образомъ изъ соединеній предлоговъ съ другими словами, т. е. когда предлоги дѣлаются префиксами и измѣняютъ значеніе словъ (въ частности глаголовъ).

Я не буду разсматривать остающагося матеріала въ 1 отдѣлѣ синтаксиса Вондрака, потому что интересное здѣсь относится къ морфологій. Относительно только причастія я долженъ сказать, что при изложеніи его Вондракъ не

воспользовался цѣнными наблюденіями Поттебни и не указалъ вполне на ту предикативную силу, которою обладала ранѣе эта часть предложенія. Отмѣчу также, что *dativus absolutus* связанъ съ аппозитивнымъ причастіемъ.

Впрочемъ и относительно 2-го отдѣла, посвященнаго сложному предложенію, мнѣ придется сказать лишь нѣсколько словъ. Говоря о сочиненіи и подчиненіи, Вондракъ сосредоточиваетъ свое вниманіе лишь на союзахъ, мѣстоименіяхъ, перечисляетъ ихъ, иногда говоритъ о ихъ этимологическомъ началѣ, о ихъ измѣненіяхъ. Само же развитіе сложнаго предложенія оставлено безъ вниманія. Достаточно сказать, что даже вопросъ о такъ называемыхъ „сокращенныхъ придаточныхъ предложеніяхъ“ не нашелъ себѣ мѣста въ синтаксисѣ Вондрака. Не установивъ исторіи сложнаго предложенія, невозможно, конечно, задаваться цѣлью дать картину извѣстной классификаціи постепеннаго развитія придаточныхъ предложеній. Попытку подобной картины находимъ въ слѣдующей классификаціи, предложенной Вондракомъ: I Предложенія паратактическія: 1. соединительныя; 2. противительныя; 3. заключительныя. II. Предложенія гипотактическія: 1. сдѣлавшіяся зависимыми самостоятельныя предложенія (повѣствоват., повелит., желательн. и вопрос.); 2. относительныя; 3. несамостоят. предложенія соединенныя съ самостоят. союзами (а. причинныя, в. послѣдовательныя, с. заключительныя, d. временныя, e. мѣстныя, f. модальныя, g. предположительныя, h. уступительныя).

Какъ я уже сказалъ вначалѣ, 3-й отдѣлъ можно было бы отнести къ первому, исходя изъ основъ дѣленія. И по данному матеріалу въ этомъ отдѣлѣ, занимающемъ всего 27 страницъ, видно, что созданный отдѣлъ совершенно неравномѣренъ сравнительно съ предыдущими. Выводы относительно разстановки словъ въ предложеніи, какъ и нужно было ожидать, являются, въ сущности, неопредѣленными. Общее замѣчаніе (которое мы находимъ и въ изслѣдованіи

Бернекера *Die Wortfolge in d. sl. Sprachen*), что постановка *verbum finitum* въ южно-слав. языкахъ начальная, а въ западно-сл. — конечная, нарушается многими примѣрами постановокъ обратныхъ. Главное значеніе имѣеть здѣсь, конечно, удареніе въ предложеніи, но не безъ того, что образовались и извѣстныя привычки въ соединеніяхъ словъ. Для болѣе точныхъ частныхъ выводовъ въ данныхъ вопросахъ необходима еще предварительная разработка, такъ какъ изслѣдованіе проф. Бернекера далеко не исчерпываетъ имѣющагося матеріала, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Вондракъ.

Сравненіе синтаксическаго труда проф. Вондрака съ ранѣе разсмотрѣнными трудами Миклошича и Ягича говоритъ далеко не въ пользу этого труда. Въ синтаксисѣ Вондрака мы не находимъ того богатства матеріала, которымъ прежде всего выдѣляется трудъ Миклошича, мы не видимъ такого же знакомства съ предыдущей разработкой синтаксическихъ вопросовъ, которое обнаруживалось въ томъ же трудѣ Миклошича. Сказать, напр., что извѣстные отдѣлы въ трудѣ Вондрака представляютъ какъ бы подведеніе, итоги того, что было уже сказано по тому или другому вопросу, конечно, невозможно. Слѣдовательно, мы не находимъ той огромной эрудиціи, которую отмѣчали, говоря относительно Миклошича. Если бы работу Миклошича перенести въ ту обстановку (по времени), въ которой работалъ Вондракъ, нужно думать, что трудъ Миклошича выросъ бы значительно и въ объемѣ, измѣнился бы и по приѣмамъ изслѣдованія нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ, измѣнился бы и по результатамъ, по многимъ выводамъ. Вондракъ, усвоивъ, повидимому, ту точку зрѣнія, что въ синтаксисѣ должно исходить изъ анализа предложенія, на самомъ дѣлѣ, какъ показываетъ изложеніе его труда, отступаетъ и въ сторону точки зрѣнія Миклошича. Въ данномъ

случаѣ эта шаткость, неустановленность объясняются тѣмъ, что Вондракъ неглубоко вошелъ въ изученіе тѣхъ трудовъ, которые послѣдовательно проводили эту точку зрѣнія. И прежде всего необходимо отмѣтить черезчуръ поверхностное знакомство Вондрака съ трудами Потебни. Уже съ первой страницы обвуживаются сказанные недочеты. Само введеніе это какіе то скачки. Опреждленіе Дельбрюка признается лучшимъ, но по существу оказывается оно невѣрнымъ, и вотъ Вондракъ заимствуетъ изъ него одну часть. Добавленіе къ этой заимствованной части объясняется тѣмъ (какъ то можно вывести изъ словъ автора), что и Ягичъ при опредѣленіи предложенія исходитъ изъ мысли о *minimum* предложенія *verbum finitum* (не говорю уже о томъ, что Ягичъ въ данномъ случаѣ былъ, конечно, несамостоятеленъ и не на него слѣдовало бы дѣлать указанія). Повидимому, это обстоятельство заставляетъ Вондрака сдѣлать добавленіе къ опредѣленію Дельбрюка и дать въ общемъ опредѣленіе составное и неудачное. Послѣ прочтенія труда ак. Ягича остаются яркія картины по извѣстнымъ отдѣламъ, авторъ вводитъ насъ и въ литературу вопросовъ и въ самый матеріаль, рисуетъ наглядно положеніе этихъ вопросовъ, пытается дать и собственныя частичныя дополненія; изложеніе же у Вондрака крайне сухо, безцвѣтно: жизни языка мы не видимъ здѣсь; о необходимости анализа предложенія только высказывается вначалѣ, фактически же проводится та изсушающая грамматическая анатомія, которая такъ хорошо извѣстна по трудамъ прежняго времени. Я думаю, что послѣ появленія синтаксиса проф. Вондрака историческое значеніе труда Миклошича должно ярче представляться: послѣдній былъ устойчивѣй въ проведеніи своихъ воззрѣній, къ разрѣшенію вопросовъ онъ подходилъ послѣ прекраснаго ознакомленія съ предыдущей разработкой, потому и до сихъ поръ не потеряли значенія нѣкоторые его выводы.

Если проф. Вондраку не удалось справиться съ поста-

вленной задачей въ названномъ трудѣ, то нѣтъ ничего удивительнаго, если и попытка его дать синтаксисъ древне-церковно-славянскаго языка въ его *Altkirchenslavische Grammatik* не можетъ считаться вполне удачною.

На синтаксисъ древне-церковно-слав. языка проф. Вондрака, конечно, нужно смотрѣть не предъявляя особенно строгихъ требованій, прежде всего потому что это одинъ изъ первыхъ опытовъ научнаго синтаксиса др. ц. сл. языка, во вторыхъ это учебникъ, и въ третьихъ авторъ еще менѣе тогда занимался спеціально синтаксисомъ. Подъ угломъ всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія и необходимо приступать къ разсмотрѣнію даннаго труда.

Прежде всего отмѣчу отрывочность изложенія: на первыхъ же страницахъ, напр., гдѣ говорится о главныхъ частяхъ предложенія, мы видимъ и отрывки изъ ученія о согласованіи, управленія, образованія формъ и пр. На тѣхъ же страницахъ можно отмѣтить неполноту въ изложеніи затронутыхъ вопросовъ. Взять хотя бы сказанное на стр. 268 о безсубъектныхъ предложеніяхъ, каковыхъ приведено самое незначительное количество, и сравнить хотя бы съ тѣмъ, что говоритъ проф. Вондракъ въ своемъ позднѣйшемъ трудѣ: въ послѣднемъ, хотя этотъ трудъ и посвященъ сравнительному слав. синтаксису, примѣровъ спеціально изъ древне-ц. сл. яз. мы видимъ больше. То же можно прослѣдить и въ другихъ случаяхъ: очевидно, сравнительный матеріалъ другихъ славянскихъ языковъ заставилъ автора расширить и матеріалъ изъ памятниковъ древне-ц. сл. языка. Изъ отдѣловъ самостоятельныхъ можно указать на *Anhang* (282—4), гдѣ говорится о родительномъ падежѣ вмѣсто винительнаго въ славянскихъ языкахъ, т. е. то о чемъ я уже имѣлъ случай говорить.

II. Изученіе синтаксиса въ русской научной и педагогической литературѣ со времени появленія трудовъ А. А. Потебни.

II.

Однимъ изъ немногочисленныхъ учениковъ А. А. Потебни, наиболѣе близко стоявшимъ къ своему учителю, считается рано умершій А. В. Поповъ. Ему принадлежитъ довольно большое изслѣдованіе, посвященное вопросу происхожденія и развитія трехъ падежей — именительнаго, винительнаго и звательнаго (Синтаксическія изслѣдованія. I Именительный, звательный и винительный въ связи съ исторіей заложныхъ значеній и безличныхъ оборотовъ въ санскритѣ, зевдѣ, греческомъ, латинскомъ, нѣмецк., литовс., латышск. и славянскихъ нарѣчіяхъ. Ворон. 81 г. изъ Филолог., Записокъ 79—81 г. г.) и двѣ небольшія работы (разборъ грамматики рус. яз. Гутникова — въ Филол. Зап. 78 г. VI — и объ оборотъ „что — за . . .“ Филол. Зап. 79 г. II).

Изслѣдованіе Попова посвящено главнымъ образомъ именительному и винительному падежамъ; звательный падежь лишь затрогивается. Древнѣйшимъ падежомъ Поповъ считаетъ винительный. Признавая вслѣдъ за Курціусомъ этотъ падежь съ суффиксомъ *m* древнѣйшимъ, Поповъ такимъ образомъ предполагаетъ, что функціи будущаго именительнаго падежа отправлялись первоначально падежомъ винительнымъ. Именительный падежь на *s* появляется позднѣе, его назначеніе — болѣе рѣзко указывать на ближайшее.

Когда появляется падежъ съ такимъ назначеніемъ, тогда винительный падежъ начинаетъ постепенно получать также новое назначеніе — обозначать болѣе отдаленное. Образовавшійся именительный падежъ начинаетъ постепенно занимать территорію винительнаго падежа. Основываясь на этомъ, Поповъ объясняетъ получавшееся иногда въ индоевропейскихъ языкахъ смѣшеніе именительнаго и винительнаго падежей: здѣсь такимъ образомъ остатки ихъ прежняго неразграниченнаго употребленія. Постепенно также роль подлежащаго выпадаетъ на долю именительнаго падежа: какъ указатель на ближайшее для чувства, этотъ падежъ дѣлается указателемъ ближайшаго для мысли, т. е. подлежащаго — главнаго предмета мысли; винительный же падежъ, какъ указатель дальнѣйшаго для чувства, дѣлается указателемъ на таковое же для мысли, т. е. дополненія. Поэтому первоначально винительный падежъ былъ вполне независимымъ; позднѣе только онъ сдѣлался зависимымъ. Винительный падежъ выступалъ въ качествѣ подлежащаго; въ качествѣ послѣдняго онъ образовывалъ одночленное предложеніе (одночленные предложенія Поповъ выводилъ изъ подлежащаго). Тѣ изъ одночленныхъ предложеній, которыя примкнули къ другимъ предложеніямъ, Поповъ называетъ второстепенными подлежащими или объектами въ широкомъ смыслѣ (т. е. дополненіемъ — пользуясь обыкновенной терминологіей). Такимъ образомъ роль винительнаго падежа въ настоящее время сильно разнится отъ роли этого падежа въ прежнее время. Прямое дополненіе предполагается существовавшимъ ранѣе въ видѣ самостоятельнаго одночленнаго предложенія. Винительный падежъ, теряя постепенно свое прежнее значеніе общаго косвеннаго падежа и дѣлаясь падежомъ объекта, мало по малу въ послѣднемъ случаѣ подвергался ограниченіямъ: изъ объекта въ широкомъ смыслѣ (не только при глаголахъ, но и при именахъ) онъ выступаетъ въ качествѣ объекта при части глаголовъ (переходныхъ дѣйствительныхъ).

Останавливаясь на исходномъ значеніи падежей, Поповъ особенно подробно опровергаетъ теорію локалистовъ (объяснявшихъ возникновеніе падежей изъ потребности обозначенія мѣста), считая теорію каузализма (падежи — логическія категоріи причины и слѣдствія) уже отжившимъ свое время воззрѣніемъ. Считая вслѣдъ за Штейнталемъ, что падежи не могутъ имѣть матеріальнаго значенія, а имѣютъ лишь грамматическій смыслъ, Поповъ, въ сущности, указываетъ на исходное матеріальное значеніе падежей, слѣдуя въ данномъ случаѣ за Курціусомъ (въ объясненіи возникновенія именительнаго падежа и различія этого падежа отъ падежа винительнаго; проф. Нетушилъ въ своей статьѣ „Локализмъ, страница изъ исторіи грамматическихъ наукъ“ — въ Журн. М. Н. П. 81 г. іюнь, 290 — называетъ Попова „однимъ изъ самыхъ выдающихся представителей хронологической теоріи Курціуса“).

Я старался выдвинуть основныя мысли изслѣдованія Попова. Эти мысли не обоснованы изслѣдователемъ научно; самъ процессъ работы далекъ отъ того, чтобы его признать вполне научнымъ. Строится гипотеза. Этой гипотезой объясняются факты языка, на самомъ дѣлѣ могущія быть объясненными иначе, если исходить именно изъ нихъ. Факты, часто многочисленныя, цѣнные сами по себѣ, будучи вгоняемы въ рамки готовой гипотезы, теряютъ свою цѣнность. Вполнѣ понятна, поэтому, та отрицательная рецензія, которая дана была Ф. Θ. Фортунатовымъ (Разборъ сочиненія А. В. Попова Синтакс. изслѣдованія . . . въ Отчетѣ о 26 присужденіи наградъ графа Уварова. СПб. 84 г.). Эта рецензія вполнѣ вѣрно устанавливаетъ, что изслѣдователь дѣлаетъ прежде всего ошибку въ томъ, что выставляя гипотезу относительно происхожденія именительнаго, звательнаго и винительнаго падежей въ индо-европейскомъ праязыкѣ, примѣняетъ эту гипотезу къ исторической эпохѣ. Саму гипотезу Курціуса Фортунатовъ называетъ ненаучною. Справедливо указывается, что въ трудѣ По-

пова нѣтъ цѣльности воззрѣнія на разбираемый вопросъ, потому мы встрѣчаемся съ противорѣчіями: то являются у него первоначальными падежъ нехарактеризуемый никакимъ падежнымъ окончаніемъ и падежъ на *m*, то оказывается, что первоначальнымъ падежомъ былъ единственно падежъ на *m*. Нѣтъ ясности въ пониманіи исторіи предложений и въ изложеніи самого взгляда на эту исторію. Авторъ, затрогивая вопросъ о грамматической зависимости, называетъ ее фикціей, такъ какъ это нужно ему для проведенія его же теоріи, но затѣмъ не выясняетъ вообще грамматическаго отношенія. То же отсутствіе ясности въ опредѣленіи отношенія между подлежащимъ и дополненіемъ. Въ послѣднемъ случаѣ я назвалъ бы теорію Попова какой-то механическою.

Увлеченія автора въ смыслѣ переопѣнки значенія и роли винительнаго падежа отмѣчаются въ рецензии проф. В. Шерцля на изслѣдованіе Попова еще въ рукописи (Зап. Харьковск. Ун., 79 г. т. II).

Я сказалъ вначалѣ, что Поповъ считается однимъ изъ ближайшихъ учениковъ Потебни, но въ приѣмахъ изслѣдованія, во взглядѣ на языкъ, на его исторію замѣчается у Попова и у Потебни большая разница. У Попова нѣтъ цѣльности воззрѣній. Его изслѣдованіе показываетъ въ авторѣ силу еще неустановившуюся, находившуюся подъ разными вліяніями и въ нѣкоторыхъ случаяхъ не сумѣвшую согласовать эти вліянія въ гармоническое цѣлое. Стоитъ, напр., прочесть на стр. 278 (и особенно примѣчаніе), что говоритъ Поповъ, ссылаясь даже на Потебню, о причастіи, чтобы увидѣть, какая разница въ пониманіи, въ проникновеніи въ исторію языка у Попова и у Потебни. („Такимъ образомъ, заключаетъ здѣсь Поповъ, существительныя и прилагательныя сводятся первоначально на причастія“; ср. у Потебни, Изъ зап. по рус. гр. I—II, 87—89). Какъ отличались воззрѣнія Потебни на исторію развитія предложенія, указываютъ особенно тѣ нѣсколько страницъ въ его

„Изъ зап. по рус. грамматики“ (2-е изд.), гдѣ Потєбня разсматриваетъ критическія замѣчанія Попова, выступившаго противъ теоріи своего учителя. Здѣсь дается настоящій методъ изслѣдованія — исходить изъ извѣстныхъ фактовъ, строить гипотезу, не выходя далеко за предѣлы этихъ фактовъ. Потєбня здѣсь выясняетъ, что такія предложенія, какъ: хорошо! пожаръ! и пр., не могутъ претендовать на древность, первоначальность образованія, и очень удачно отгѣняетъ значеніе законизмовъ, какъ обрывковъ реченій болѣе сложныхъ. Можно было бы привести еще мѣста, въ которыхъ Поповъ уклоняется отъ мнѣній своего учителя (напр. ср., что говорится о неопредѣленномъ наклоненіи — оно „есть собственно отглагольное существительное въ косвенномъ падежѣ“, 280, и др.).

Изслѣдованіе Попова представляетъ богатый матеріалъ. Правда, матеріалъ этотъ для разрѣшенія той широкой задачи, которую поставилъ себѣ авторъ, является, въ сущности, не такимъ большимъ. Въ подбораніи матеріала задача Попова была облегчена извѣстными трудами Даничича, Зигмунда, Миклошича и нѣк. др. Особенно синтаксисъ Миклошича послужилъ богатымъ источникомъ для Попова, хотя освѣщеніе матеріала у Попова иное, чѣмъ у Миклошича, но это освѣщеніе создано подъ вліяніемъ теоріи Курціуса.

Въ заключеніе я позволю себѣ остановиться еще на двухъ вопросахъ, затронутыхъ Поповымъ, вопросахъ, которые могли бы быть выдѣлены въ особую группу: о залогахъ и о „безличныхъ“ предложеніяхъ.

Опредѣленіе залога у Попова, мнѣ кажется, сдѣлано неудачно. „Залогъ есть извѣстнаго рода отношеніе между производителемъ дѣйствія, объектомъ и подлежащимъ. Слѣдовательно, заложное значеніе есть такое формальное значеніе глагола, которымъ обуславливается отношеніе между производителемъ дѣйствія, объектомъ и подлежащимъ“ (302). Неудачна прежде всего формулировка: производитель дѣй-

ствія и подлежащее это, какъ оказывается не два понятія, а одно; затѣмъ, въ формѣ глагола часто нѣтъ данныхъ, обуславливающихъ эти отношенія, а эти данныя заключаются часто въ значеніи глагола. Насколько неудачно по существу приведенное опредѣленіе, видно изъ дальнѣйшаго дѣленія. Поповъ признаетъ три залога: дѣйствительный, когда производитель дѣйствія подлежащее, при чемъ есть объектъ (переходные глаголы); медиальный, когда производитель подлежащее и въ то же время объектъ, бываетъ иногда и другой объектъ (перех. глаголы); страдательный, когда „производитель дѣйствія вполнѣ или въ значительной мѣрѣ игнорируется, а подлежащимъ является или второстепенный съ логической точки зрѣнія предметъ, на которомъ проявляется дѣйствіе . . . или грамматическаго подлежащаго вовсе нѣтъ, изрѣдка . . . возможенъ и винительный объектъ, особенно во второмъ случаѣ (страдательн. переход. глаголы)“ (303). Въ опредѣленіи страдательнаго залога уже ясно высказываются и логическія соображенія. И самъ Поповъ въ данномъ случаѣ испытываетъ затрудненіе относительно „безличныхъ“ предложений, изъ котораго онъ выходитъ, считая ученіе о „безличныхъ“ предложенияхъ какимъ-то дополненіемъ къ ученію о залогахъ (304 и прим. 61). „Безличные“ глаголы хотя и относятся такимъ образомъ къ тремъ залогамъ (тамъ же), но не могутъ по существу опредѣленія быть отнесены къ нимъ. Затѣмъ, если мы воспользуемся примѣрами, приводимыми дальше у Попова, напр.: является темнота, происходитъ шумъ, то спрашивается, гдѣ здѣсь производитель дѣйствія? темнота, шумъ — не производители дѣйствія, а подлежащія. Я касаюсь подробнѣе залоговъ потому что этотъ вопросъ можетъ быть выдѣленъ изъ изслѣдованія. Вопросъ этотъ и авторомъ выдѣляется въ заглавіи изслѣдованія. Въ такомъ же положеніи находится и другой вопросъ, котораго Поповъ еще болѣе слегка касается — вопросъ о „безличныхъ предложенияхъ“. Этотъ

сложный вопрос авторъ разрѣшаетъ, прибѣгая къ положеніямъ, высказаннымъ Гейзе и Штейнталемъ. Бѣгло высказанныя замѣчанія Попова и здѣсь обнаруживаютъ смутность, неясность пониманія. Обнаруживаются также и противорѣчія: въ самомъ дѣлѣ, говоря о древнѣйшихъ „безличныхъ“ глаголахъ, Поповъ замѣчаетъ, что эти глаголы не имѣютъ подлежащаго, послѣднее совершенно ненужно, что ими обозначаются лишь дѣйствія, а не предметы; а затѣмъ прибѣгаетъ къ мнѣнію Штейнтала, по которому въ безличныхъ глаголахъ „самому субъекту дана глагольная форма“. Поповъ правильно отмѣчаетъ древнѣйшіе и позднѣйшіе „безличные“ обороты, но вопросъ только въ томъ, являются ли послѣдніе, какъ думаетъ изслѣдователь, изъ независимаго употребленія падежей, преимущественно изъ независимаго винительнаго падежа.

Отмѣчу одну частность. Возникновеніе такихъ оборотовъ, какъ:

Меня станетъ на это дѣло,

Мене ње бити,

• Po vseh rōtīh jō je (собственно — есть ее по всѣмъ дорогамъ — словѣн.),

Jest mię z to,

Stane li te (чешск.)

Поповъ (128—9) объясняетъ уподобленіемъ предложеніямъ, обозначающимъ мѣру, количество. Дѣйствительно указываемая аналогія вполне можетъ объяснить появленіе приведенныхъ предложений, кромѣ развѣ 3-го.

Небольшая статья Попова: „Оборотъ что за . . .“ (Филол. Зап. 79 г. II) представляетъ, я бы сказалъ, какой-то набросокъ, наскоро собранныя бѣглыя соображенія по поводу заинтересовавшаго автора вопроса. Въ своемъ синтаксисѣ Миклошичъ остановился совсѣмъ кратко, какъ то даже вскользь на данномъ оборотѣ, назвалъ этотъ оборотъ германизмомъ, не входя въ его анализъ. Съ другой стороны еще ранѣе Гриммъ нѣмецкое *was für ein* объяснялъ возник-

шимъ путемъ извѣстнаго искаженія въ оборотахъ. Прежде всего необходимо отмѣтить тѣ справедливыя поправки, которыя дѣлаеть Поповъ, находя почву для возникновенія даннаго оборота независимо отъ заимствованія. Поправку къ положенію Гримма, мнѣ думается, необходимо принять съ нѣкоторымъ ограниченіемъ, такъ какъ Гриммъ, говоря объ „искаженіи“, „недорузумѣніи“, выдвигалъ главнымъ образомъ соединеніе предлога за съ мѣстоименіемъ что и образованіе такимъ образомъ одного слова. Опровергая Гримма, необходимо, конечно, было стать на его точку зрѣнія относительно „искаженій“: къ послѣднимъ могли относиться и результаты аналогій. Поповъ рѣшаетъ поставленный вопросъ о данномъ оборотѣ такимъ образомъ. Обороты съ что за ставятся въ параллель съ употреблявшимися такими оборотами: „и что языкъ . . .“ и пр.; на подобныя обороты, какъ мы знаемъ, обратили вниманіе Лавровскій Буслаевъ и др. Сравненіе съ подобными оборотами само собою напрашивается и вполне понятно, если считать обороты, въ которыхъ первымъ именительнымъ или винительнымъ выступало мѣстоименіе что, а вторыми имен. или винительн. выступали существительныя, прототипами для позднѣйшихъ оборотовъ съ что за. Только остается вопросомъ — процессъ образованія послѣдняго оборота. Для этого недостаточно указать, какъ сдѣлалъ это Поповъ, на стремленіе замѣнить вторые именительные и винительные падежи (мысль о чемъ Поповъ нашелъ въ освѣщеніи Гримма оборота was für ein), въ возможности употребленія предлога за какъ бы въ нарѣчномъ значеніи въ нѣкоторыхъ параллеляхъ изъ литовскаго и латышскаго языковъ. Все это лишь извѣстный частичный матеріалъ, матеріалъ, который требуетъ еще детальнаго разсмотрѣнія. Замѣчу, напр., что въ приводимыхъ примѣрахъ, въ которыхъ за употребляется и въ качествѣ предлога и въ качествѣ нарѣчія уже по аналогіи, мы замѣчаемъ извѣстные оттѣнки значенія, которые придаетъ это слово тѣмъ словамъ, съ которыми оно соеди-

няется. Возьмемъ для примѣра: за короля, за-ново и пр. Съ послѣднимъ необходимо считаться, послѣднее необходимо устранить, доказывая возможность того, что этотъ предлогъ послужилъ извѣстнымъ орудіемъ въ исторіи развитія предложенія въ томъ видѣ, какъ представлено то у Попова.

Мнѣ кажется, что для полной убѣдительности предположенія Попова необходимо было представить хотя гипотетически тотъ путь, которымъ постепенно образовывался новый оборотъ. Было бы, конечно, еще лучше, если бы былъ присоединенъ матеріаль изъ различныхъ памятниковъ, который бы могъ подтвердить эти предположенія. Такимъ образомъ на разсматриваемую статью я смотрю, какъ на подготовительную при разрѣшеніи поставленнаго вопроса. Вотъ для примѣра одно изъ заключительныхъ положеній автора: „Если употребленіе предлоговъ при именит. не представляетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, то нѣтъ достаточныхъ причинъ предполагать, что въ оборотахъ „что за . . .“ именительный сначала былъ превращенъ въ винительный, къ которому былъ прибавленъ предлогъ, а потомъ винительный по недоразумѣнію опять превращенъ въ именительный, напротивъ вѣроятнѣе предположить, что именит. вовсе не превращался въ вин., а предлогъ присоединился непосредственно къ имен.“. И вотъ такъ какъ предполагаемый процессъ не подтвержденъ примѣрами, которые представляли бы постепенное развитіе даннаго оборота, то съ одинаковой, если не большей вѣроятностью можно было бы выставить и такое предположеніе: данный оборотъ со вторымъ именительнымъ получаетъ предлогъ за изъ оборота со вторымъ винительнымъ; это заимствованіе происходитъ. можетъ быть, прежде всего особенно въ именахъ средняго рода, гдѣ именительный и винительный падежи сходны по окончанію, затѣмъ уже по аналогіи это распространяется и на другія слова. Выставляемое мною предположеніе потому можетъ быть болѣе убѣдительнымъ, что оно признаетъ въ основномъ

оборотъ употребленіе предлога и косвеннаго падежа, но, конечно, для убѣдительности и здѣсь необходимо было бы привести рядъ примѣровъ въ извѣстной послѣдовательности, но это не входитъ въ настоящее время въ мою задачу, а мнѣ важно было лишь отгнать высказанное мною мнѣніе о разбираемой статьѣ.

Несомнѣнную заслугу предъ разработкой русскаго синтаксиса проф. Овс. Куликовскій оказалъ въ стремленіи провести въ жизнь начала, выставленныя Потебнею. За грудой грамматическаго матеріала эти выводы трудно добываются при чтеніи трудовъ А. А. Потебни, при томъ выводы эти не являются сгруппированными. Необходимо при томъ имѣть въ виду и своеобразность языка въ трудахъ Потебни, чтобы понять, насколько цѣнными должны быть признаны сами попытки популяризовать данный цѣнный матеріалъ. Тѣмъ болѣе цѣнной является попытка сгруппировать наблюденія Потебни въ извѣстную систему изслѣдователемъ, который въ нѣкоторыхъ пунктахъ стремится самъ продолжить работу Потебни, не только въ расширеніи матеріала, но и въ болѣе детальной обработкѣ самихъ наблюденій. Безспорно талантливый изслѣдователь, но болѣе занимавшійся общими вопросами языкознанія, Овс. Куликовскій иногда не замѣчаетъ, въ какія противорѣчія впадаетъ онъ, проводя тотъ или иной взглядъ, придерживаясь той или иной теоріи. Это прежде всего сказывается въ нецѣльномъ проведеніи основныхъ взглядовъ Потебни, въ противорѣчіяхъ основнымъ выставленнымъ принципамъ при изученіи синтаксиса. Несоотвѣтствія между Потебнею и Овс. Куликовскимъ зависятъ, по моему, отъ того, что Овс. Куликовскій какъ то менѣе грамматиченъ, чѣмъ Потебня, и болѣе вдаётся въ глубины психологическаго изученія, болѣе руководится психологическимъ чутьемъ языка (послѣднее и дѣлаетъ его опредѣленія болѣе субъективными по харак-

теру; впрочемъ, здѣсь можетъ быть приведено также обстоятельство, нѣсколько извиняющее изслѣдователя: онъ стремится уловить своимъ чутьемъ извѣстную тонкость языка, въ такомъ случаѣ понятной является субъективизація, но вмѣстѣ съ тѣмъ это не уничтожаетъ того заключенія, что подобныя наблюденія требуютъ провѣрки чутьемъ другихъ лицъ, что даже одно и то же лицо въ разное время относится различно къ своимъ выводамъ въ такомъ направленіи). Несомнѣнной заслугой Овс. Куликовскаго нужно считать и то, что онъ въ своихъ попыткахъ показываетъ направление, въ какомъ необходимо работать, и нужно только пожалѣть, что работа его остановилась. Тѣ вопросы, которыми онъ болѣе спеціально занимался, особенно въ положительную сторону отгѣняютъ его общіе труды по синтаксису, но этихъ вопросовъ было сравнительно немного и потому общіе труды его далеко неравномѣрны по цѣнности въ отдѣлахъ. Послѣднимъ отчасти объясняется внесеніе въ общіе труды такихъ положеній, съ которыми наука не должна уже считаться, которыя отжили свое время, и если вносятся, то вносятся лишь по традиціи.

Нельзя сказать, чтобы не только спеціальныя, но и общіе труды Ов. К. по синтаксису отличались вполне доступнымъ изложеніемъ. Подчасъ въ нѣкоторыхъ своихъ положеніяхъ О. К. требуетъ такого же популяризатора, каковымъ онъ самъ является по отношенію къ Потемнѣ. Высказывая такой взглядъ, я руководствуюсь тѣми данными, которыя имѣются у меня изъ моей практики — изъ занятій со студентами. Я могу вполне увѣренно сказать, что не только для учениковъ старшихъ классовъ, но и для студентовъ-филологовъ требуются иной разъ прямо-таки комментаріи къ тому или иному положенію. Все это не исключаетъ, конечно, того интереса, который могутъ возбудить эти труды. И прежде всего, безспорно, однимъ изъ главныхъ стимуловъ, вызывающихъ интересъ къ даннымъ друдамъ, является то стремленіе перенести явленія языка въ область психики, ко-

торое отличает ихъ отъ предыдущихъ общихъ трудовъ по грамматикѣ, занимавшихся болѣе схоластическимъ изсушиваніемъ языковыхъ явленій. Психологическій анализъ толкаетъ мысль, онъ говоритъ о возможности извѣстнаго проникновенія въ загадочныя области, и въ такой работѣ, конечно, можетъ быть захватывающій интересъ. Тѣмъ болѣе это возможно отгнать, что въ названныхъ трудахъ О. К. есть страницы, составленныя вполнѣ по способу прежнихъ грамматикъ, гдѣ изслѣдователь не высказываетъ почти никакой самостоятельности и втискиваетъ свою работу въ давно извѣстныя рамки схоластической грамматики.

Я не буду подробно останавливаться на „синтаксисѣ“ Овс. Куликовскаго, ограничусь лишь слѣдующими общими замѣчаніями. Въ синтаксисѣ мы находимъ большой подобранный матеріалъ изъ древняго періода языка и произведеній новѣйшихъ русской литературы. Матеріала даже болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Въ синтаксисѣ мы замѣчаемъ какъ бы два теченія: стремленіе объяснить возникновеніе различныхъ оборотовъ путемъ историческимъ и стремленіе схватить путемъ психологическаго проникновенія данныя современнаго русскаго языка. Въ первомъ направленіи авторъ идетъ за Потемнею, во второмъ ему представляется широкое поле для личныхъ домысловъ. Последнее сказывается особенно въ опредѣленіяхъ. Критика отмѣтила уже и непослѣдовательности, отступленія отъ началъ, проводимыхъ Потемнею, неудачность нѣкоторыхъ положеній и пр. Я же позволю себѣ въ дальнѣйшемъ подробно останавливаться на разборѣ положеній другого труда О. Куликовскаго, болѣе поздняго „Руководства по изученію рус. синт.“

Уже изъ предисловія къ „Руководству . . .“ мы узнаемъ, что по отношенію къ болѣе раннему труду того же автора „Синтаксису русскаго языка“ „Руководство“ представляетъ собою въ большинствѣ главъ новый трудъ, и лишь часть „Синтаксиса“ вошла въ „Руководство“ въ сокращенномъ и нѣсколько измѣненномъ видѣ. Затѣмъ — „Учебная

Грамматика“ О. К. представляет уже во многом приспособленіе новаго труда къ преподаванію въ младшихъ и среднихъ классахъ. Тѣмъ большій интересъ, такимъ образомъ, должны представлять эти сравнительно недавно вышедшія книги для каждаго интересующагося изученіемъ русскаго языка, а также преподаваніемъ его въ средней школѣ.

Весьма вѣроятно, что авторъ „Руководства“ и не задался широкой постановкой своей задачи, какъ можно было бы этого желать. Но мнѣ кажется, что безъ такой широкой постановки потеряется основная цѣль „Руководства“ и послѣднее лишь обратится въ типъ учебника. Я поэтому, на примѣръ, и теперь ставлю „Синтаксисъ“ Овсянико-Куликовскаго выше его „Руководства“, несмотря на то что, очевидно, самъ авторъ въ изложеніи многихъ отдѣловъ своего „Синтаксиса“ разочаровался, и въ „Руководствѣ“ далъ новое изложеніе этихъ вопросовъ. Въ „Синтаксисѣ“ особенно хороша историческая часть, тотъ матеріалъ постепеннаго развитія языка, который можетъ, дѣйствительно, заинтересовать, заставить задуматься надъ разными явленіями языка. Благодаря вообще проникающему „Синтаксисъ“ историческому элементу, получается для многихъ явленій своего рода историческая точка зрѣнія, и явленія эти дѣлаются яснѣе, понятнѣе для изучающаго. Поэтому нѣкоторые отдѣлы „Руководства“ положительно требуютъ дополненій изъ „Синтаксиса“. И при обращеніи къ чутью языка именно важны матеріалы сравнительнаго и историческаго характера. И въ самомъ „Синтаксисѣ“, въ тѣхъ отдѣлахъ, гдѣ менѣе обращено вниманія на эту сторону, слышится какая-то неувѣренность выводовъ, недосказанность.

Перейду къ разсмотрѣнію спеціальныхъ изслѣдованій О. К., которыя въ извѣстной переработкѣ вошли, какъ я сказалъ, въ его общіе труды и въ которыхъ особенно ярко сказываются характерныя черты О. К., какъ изслѣдователя синтаксическихъ явленій языка.

Статья Овсянико-Куликовскаго „Очерки науки о языкѣ“

(Русск. Мысль. 96 г., кн. 12, 1—32) состоитъ изъ 2 главъ : 1. лингвистика и филологія (1—7) и 2. предложеніе (8—32). Цѣнность и интересъ имѣетъ вторая глава по своей идеѣ — представить эволюцію превращенія психологическаго сужденія въ грамматическое предложеніе и послѣдняго въ логическое сужденіе. Психологическое сужденіе — форма мысли „предшествующая языку и безъ него обходящаяся“; „вторая стадія или средній слой это предложеніе, т. е. психологическое сужденіе, уже переработанное и усовершенствованное тѣми умственными процессами, которые обусловлены даромъ слова, рѣчью; третья стадія или верхній слой это логическое сужденіе, процессъ отвлеченной мысли, созданный силой языка, т. е. возникшій изъ предыдущей стадіи — какъ результатъ ея дальнѣйшаго усовершенствованія, ея переработка въ сторону наибольшей отвлеченности мысли“ (8—9). При характеристикѣ психологическаго сужденія проф. Овсяннико-Куликовскій пользуется статьей проф. Сѣченова (Рус. В. 94 г., № 1). Мнѣ думается только, что характеризуя это такъ называемое предметное мышленіе, мышленіе образами, представленіями, нѣсколько опасно прибѣгать, какъ къ общей формулѣ, объединяющей все огромное разнообразіе матеріала — „трехчленное предложеніе, состоящее изъ подлежащаго, сказуемаго и связки“ (9). Устанавливая для подлежащаго и сказуемаго предметнаго мышленія соотвѣтствія въ реальныхъ фактахъ, проф. Сѣченовъ очень остроумно ищетъ связку въ функціи нашего органа мышечнаго чувства. Мнѣ думается, что все это расчлененіе, принимаемое и Овс. Куликовскимъ, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, а создано подъ вліяніемъ нашего обычнаго грамматическаго разбора предложеній, что само психологическое сужденіе не должно представляться такимъ расчлененнымъ. Вѣдь если бы въ дѣйствительности было такъ, то нельзя было бы провести непосредственно связующей нити съ тѣмъ, что представляетъ, по научнымъ гипотезамъ, первоначальное словесное предложеніе. Поэтому

я не могу согласиться и съ той картиною, которую рисуетъ проф. Овс. Куликовскій, относительно перехода психологическаго сужденія въ словесное предложеніе : „каждый членъ психологическаго сужденія (подлежащее, сказуемое, связка) въ словесномъ предложеніи приурочивается къ извѣстной категоріи и такимъ образомъ является какъ бы въ двойномъ видѣ. Именно, подлежащее психологическаго сужденія, превращаясь въ подлежащее словеснаго предложенія, наряжается въ форму имени существительнаго въ именительномъ падежѣ. Оно уже не просто — сумма извѣстныхъ впечатлѣній, не просто образъ, но образъ квалицированный, приуроченный къ категоріи вещи, понятый, какъ предметъ или субстанція . . .“ (13—14). Здѣсь слишкомъ много значенія въ смыслѣ дальнѣйшей выработки словеснаго предложенія придается психологическому сужденію. Затѣмъ, когда авторъ рисуетъ переходъ психологическаго сужденія въ словесное предложеніе, то повторяемъ, не представляется и ему возможнымъ дать картину постепеннаго перехода въ силу искусственнаго расчлененія психологическаго сужденія. Психологическія подлежащія и сказуемыя совпадаютъ у автора съ подлежащими и сказуемыми логическими, чего нельзя было бы никакъ ожидать, если бы строго была проведена принятая идея эволюціи выводимыхъ стадій. Самый древній типъ предложеній представленъ авторомъ врядъ ли вѣрно : „птица — летящая, камень — лежащій“ ; затѣмъ уже : „птица есть летящая“ и пр. (19). Если для первыхъ примѣровъ послужило, повидимому, основой ученіе Потемни, то въ примѣненіи этого ученія уже замѣтно сильное отклоненіе отъ первоисточника. Кромѣ того, получается механическая вставка вспомогательнаго глагола. Говоря о знаменательности первоначальной связки, О. К. приводитъ затѣмъ, основываясь на Потемнѣ, ряды глаголовъ, постепенно теряющихъ свою конкретность и переходящихъ въ роль глаголовъ вспомогательныхъ. Опредѣленіе грамматическаго предложенія О. К. даетъ, какъ онъ самъ приз-

наетъ, лишь правильно классифицирующее положеніе этого предложенія среди родственныхъ явленій (психологическаго и логическаго сужденій). „Грамматическое (словесное) предложеніе есть такое соединеніе грамматическихъ переработанныхъ представленій, которое можетъ быть претворено въ логическое сужденіе (или : которое можно, отвлекаясь отъ того, что специально вноситъ языкъ, и идя дальше въ направленіи отвлеченности, подготовленной грамматической мыслью, вновь повторить въ абстрактной формѣ логическаго сужденія)“. Выходя изъ своихъ положеній, О. К. не соглашается съ общимъ взглядомъ Потебни, что „языкознание и въ частности грамматика ничуть не ближе къ логикѣ, чѣмъ какая-либо изъ прочихъ наукъ“. Овс. Куликовскій совершенно правильно смотритъ на это мнѣніе, какъ на „крайнее выраженіе вполне законнаго протеста противъ смѣшенія грамматики съ логикой“ (31).

Въ „Синтактическихъ наблюденіяхъ“ (Ж. М. Н. П. 97 г. май, 98 г. май, 99 г. іюнь) проф. Овсянко-Куликовскій ставитъ своей задачей продолжить работу Потебни — его наблюденія надъ процессомъ усиленія сказуемости — расширеніемъ матеріала. „Этотъ постепенный, вѣками совершавшійся процессъ, приведшій къ „торжеству глагольности“ предложенія, Потебня прослѣдилъ въ исторіи языковъ славянскихъ, въ особенности — русскаго, а также и въ литовско-латышскомъ. Лишь изрѣдка дѣлаетъ онъ ссылки на соответственныя явленія въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ. Оттуда естественно возникаетъ мысль о необходимости произвести аналогичныя изысканія въ области хотя бы нѣкоторыхъ языковъ, незатронутыхъ Потебнею. Въ особенности настоятельными представляются мнѣ наблюденія надъ строемъ предложенія въ древнѣйшихъ памятникахъ индоевропейской семьи“. На самомъ дѣлѣ авторъ выходитъ изъ этой скромно намѣченной задачи своего труда и не только ставитъ одно изъ главныхъ положеній Потебни на болѣе широкую почву (дополняя примѣрами и изъ обла-

сти славянской), но и въ своихъ „посильныхъ объясненіяхъ“ стремится произвести болѣе тонкій психологическій анализъ разбираемыхъ явленій, продолжить такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ нѣкоторыя лишь въ общемъ намѣченныя мысли Потебни. И въ послѣднихъ попыткахъ Овсянико-Куликовскому приходится выступать уже въ качествѣ вполне самостоятельнаго изслѣдователя. Все это я говорю къ тому, что нельзя смотрѣть на разбираемыя статьи какъ на какое-то дополненіе къ изслѣдованіямъ Потебни: эти статьи имѣютъ вполне самостоятельное значеніе. Какъ показываетъ заключеніе къ третьей (послѣдней) статьѣ („мы находимся еще въ самомъ началѣ нашихъ посильныхъ изысканій . .“ . ., 443) изслѣдователь предполагалъ посвятить цѣлый рядъ очерковъ изучаемому вопросу, но, къ сожалѣнію, работа остановилась на этой статьѣ. Далеко не считая свою работу законченною, изслѣдователь далъ въ то же время нѣкоторыя новыя данныя для подкрѣпленія своихъ выводовъ по тому важному вопросу, который имъ въ общемъ развитъ въ „Очеркахъ науки о языкѣ“ (Русская Мысль 96 г., декабрь) — объ отношеніи мышленія грамматическаго къ логическому.

Первый очеркъ „Синтактическихъ наблюденій“ посвященъ вопросу о составномъ сказуемомъ изъ глагола-связки и предикативнаго атрибута въ формѣ причастія настоящаго (и будущаго) времени. Прежде всего здѣсь важенъ матеріалъ, который извлекается проф. Овсянико-Куликовскимъ изъ древне-ц. сл., древне-греч., санскритскихъ и готск. памятниковъ. Матеріалъ, этотъ вполне можетъ расширять наблюденія Потебни въ томъ отношеніи, что переносить его наблюденія на болѣе широкую почву и говорить о свойственности рассматриваемаго оборота греческому яз., готскому и санскриту. Отгънилъ бы я въ приведенномъ матеріалѣ данныя изъ греческаго классическаго яз. вполне естествененъ выводъ, къ которому приходитъ авторъ, что существованіе рассматриваемаго оборота нужно признать въ индоевропейскомъ праязыкѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя

согласиться съ тѣмъ, что дальше говорить объ этомъ предполагаемомъ въ праязыкѣ оборотѣ проф. О.-К.: онъ говоритъ о параллельномъ существованіи двухъ оборотовъ — даннаго и выраженнаго посредствомъ формы простого глагольнаго сказуемаго (*bhegō — несу, *esmi bherons — есмь несущій), при чемъ разница между этими оборотами была только формально синтаксическая: въ одной формѣ для сознанія было два момента, въ другой — одинъ. Если мы обратимъ вниманіе на то, что въ дальнѣйшемъ развиваетъ О. К., то увидимъ, что самъ же онъ даетъ матеріалъ для иного заключенія. Если такъ называемые вспомогательные глаголы имѣли ранѣе конкретное значеніе, то для говорящаго соединеніе такихъ глаголовъ съ причастными формами было и по смыслу отличавшимся отъ формъ простыхъ сказуемыхъ. Совершенно не могу согласиться съ тѣмъ также, что говоритъ авторъ въ слѣдующемъ: „Въ эту отдаленную эпоху сочетанія *bhegō — bheronts и *esmi — vehonts значили „росту (и живу) несущій“ и „дышу (и живу) везущій“. Настоящій предикатъ здѣсь заключался въ причастіи, связка же, не выходя изъ своей роли, не вторгаясь въ область сказуемаго, только вызывала въ сознаніи извѣстное представленіе (роста, дыханія, жизни), служившее грамматическимъ выраженіемъ (или, лучше, преобразованіемъ) связки психологическаго сужденія; это представленіе, отлитое въ форму глагола съ конкретнымъ значеніемъ, воспринималось мыслью не какъ цѣль рѣчи (то есть не какъ подлинный предикатъ), а какъ путь ведущій къ нему, какъ усиліе ума добратся до этой цѣли. Такой путь и пролагала себѣ младенческая мысль, еще не вооруженная отвлеченіями высшихъ ступеней (напримѣръ, понятіемъ становленія — werden, бытія — sein), улавливая доступныя ей или ею постулируемыя проявленія бытія и дѣятельности...“ Прежде всего при сдѣланномъ ранѣе заключеніи о тождественности оборотовъ данныхъ съ оборотами, выраженными простыми формами сказуемыхъ, и не нужно было

предположенія новыхъ путей, при томъ путей затрудненныхъ для образованія новыхъ оборотовъ. Напротивъ, существованіе разныхъ оборотовъ должно убѣждать въ томъ, что существовала первоначально разница въ смыслѣ, постепенно сгладившаяся благодаря постепенной утратѣ конкретности такъ называемыхъ вспомогательныхъ глаголовъ. Здѣсь же и въ другихъ мѣстахъ у О. К. слишкомъ отдѣняется предикативность причастія, входившаго въ составъ сложнаго сказуемаго. Мнѣ думается, что въ этомъ сказывается преувеличеніе. Если слѣдовать въ томъ направленіи, въ которомъ идетъ авторъ, то можно зайти и дальше: и прилагательнымъ, напр., приписать ту же самостоятельную предикативную силу, не считаясь съ тѣмъ, какъ получалась эта сила. О. К. прибѣгаетъ къ сравненіямъ съ современными оборотами, какъ „деньга покатна живетъ“, называя эти обороты архаизирующими (а не архаическими, такъ какъ подобные обороты составлены уже въ позднѣйшее время). Но и въ подобныхъ оборотахъ, если въ нихъ дѣйствительно „живетъ“ и под. имѣетъ полное конкретное значеніе, нельзя будетъ назвать предикатомъ „покатна“ и пр. Насколько неустойчивы въ данномъ случаѣ обобщенія О. К., показываютъ дальнѣйшія его заключенія. Такъ, говоря о плеонастическомъ составномъ сказуемомъ, напр., санскр. *sá n e m a m i t r ā v a g u ṇ ā s á n a n t o , ā b h ā v e m a d y ā v ā p t i v ī b h ā v a n t a h*, т. е. да стяжаемъ мы . . . стяжающіе, да процвѣтаемъ . . . процвѣтающіе, О. К. замѣчаетъ: „Невозможно, конечно, опредѣлить съ точностью, какъ распредѣлялась тяжесть предикативности между обѣими частями сказуемаго, — падала ли большая часть ея на причастіе или же на глаголь или, быть можетъ, равномерно между ними распредѣлялась. Вѣрнѣе всего, что въ разныхъ головахъ или въ одной и той же головѣ, но въ различное время, составное сказуемое этого рода могло отражаться различно“. Послѣдняя фраза очень характерна: она показываетъ, насколько изслѣдованія языка психологическаго характера отличаются непрочностью и не-

опредѣленностью, если эти изслѣдованія стремятся проникнуть въ глубь вѣковъ, основываясь на немногочисленныхъ примѣрахъ древнихъ предложеній, не освѣщенныхъ современнымъ употребленіемъ. Также чрезмѣрно гипотетическимъ является дальнѣйшее построеніе проэтническаго предложенія. Приведенные ранѣ тавтологическіе обороты, а также обороты синонимическіе (съ тавтологіей относительно: глаголь и причастіе синонимы — „боится трепещущее его“) обнаруживаютъ, по автору, характеръ древнѣйшаго построенія предложенія: въ нихъ сказывалось то состояніе умовъ, когда человѣкъ „долженъ дважды подумать и сказать одно и то же, чтобы постичь (а п е р ц е п и р о в а т ь) свою собственную мысль“. Предполагается, что рѣчь строилась парами необособившихся именъ. „Мысленное подчиненіе въ такихъ парахъ одного термина, въ качествѣ а т т р и б у т а, другому, выступавшему въ сознаніи какъ о п р е д ѣ л я е м о е, и было первымъ шагомъ къ образованію категоріи прилагательнаго“. „Тавтологическій или синонимный оборотъ съ причастіемъ былъ первоначально также п а р о ю, въ которой еще не было ни настоящаго — въ собственномъ и позднѣйшемъ смыслѣ — г л а г о л а, ни такового же причастія. На мѣстѣ перваго стояла форма, которую можно назвать прото-причастіемъ; это было архаическое „п р а и м я“, образовавшее потомъ темы (основы) глаголовъ; на мѣстѣ же втораго (причастія) могла уже находиться именная форма съ суффиксомъ — пѣ, которая впоследствии, когда глаголь организовался, вошла въ его систему въ качествѣ причастія, взявъ на себя миссію выражать то, что нѣкогда выражалось глагольными основами, когда онѣ были самостоятельными словами“. Такимъ образомъ строится любопытная картина первоначальнаго предложенія и выдѣленія постепенно частей предложенія (при чемъ ясно сказывается вліяніе III т. „Изъ зап. по рус. грам. „Потебни), однако для построенія подобной картины предварительнаго матеріала анализируется слишкомъ мало. Разобранные примѣры изъ

санскритскаго языка вовсе не даютъ достаточнаго матеріала для такихъ широкихъ построений. Переходя затѣмъ къ составному сказуемому съ причастіемъ настоящаго (и будущаго) времени и связкою полуотвлеченною или конкретною, О. К. стараетсяъ показать, что настоящій предикатъ заключается въ причастіи. Но то, что онъ говоритъ здѣсь, можетъ лишь свидѣтельствовать противъ его положенія. Если мы возьмемъ съ одной стороны б ѣ о у ч а м , съ другой — в ѣ с т а и с к о у ш а м , то скажется огромная разница, и эта разница будетъ сглаживаться, если мы будемъ переносить логическое удареніе на глаголь и с к у ш а т ь , постепенно будемъ переводить этотъ глаголь изъ формы причастной въ *verbum finitum*, дѣлая послѣдній, т. е. в ѣ с т а формою причастною. Во всякомъ случаѣ необходимо считаться съ той перемѣной, которая произошла съ подобнаго рода предложеніями. Въ самихъ слѣдующихъ словахъ О. К., представляющихъ его формулировку, я вижу уже нѣкоторое противорѣчіе: „Связка в ѣ с т а . . . не вторгаясь въ область предиката и оставаясь только связкою, воспроизводитъ предикативную связь не такъ „сухо“, не такъ отвлеченно, какъ б ѣ . . . , а какъ бы наглядно и образно ее обрисовываетъ . . .“ Вотъ эта обрисовка и указываетъ на прежде бывшее вполне самостоятельное значеніе даннаго глагола и на перенесеніе затѣмъ логическаго ударенія на послѣдующее причастіе. Мѣнялся строй предложенія, какъ то было и съ формою причастія прошедшаго времени на -ль.

Во второй статьѣ О. К. разсматриваетъ составное сказуемое съ знаменательною (конкретною) связкою и причастіемъ настоящаго и буд. времени въ двухъ отношеніяхъ: 1. когда означенное сказуемое выступаетъ въ роли предикативнаго атрибута и 2. — въ роли предикативной аппозиціи. Даваемый здѣсь матеріалъ прежде всего является почвою для развитія взгляда, высказаннаго Потемнею. Въ связи съ этимъ О. К. заняты вопросомъ выясненія синтаксической роли предикативности и атрибутивности и

выясненіемъ той затраты и сбереженія энергіи языка, каковыя проявляются въ разсматриваемыхъ оборотахъ. Такимъ образомъ настоящая статья должна представляться очень интересной какъ попытка психологическаго выясненія затронутыхъ вопросовъ, находящихся въ связи съ важнымъ вопросомъ о развитіи предложенія. Я бы не сказалъ, что эта статья вноситъ какіе-либо особо новые результаты сравнительно съ тѣми, которые были извѣстны уже на основаніи изслѣдованій Поттебни, но высказанныя наблюденія дѣлаютъ какъ-то болѣе ясными ранѣе только штрихами обозначенные законы языка. Но въ то же время, мнѣ думается, сама постановка изслѣдованія О. К. нѣсколько неправильна и въ силу этого имъ совершенно оставляется безъ вниманія одна очень важная сторона разсматриваемаго вопроса. Разсматривается составное сказуемое съ знаменательною связкою и причастіемъ въ двухъ роляхъ: предикативнаго атрибута и аппозиціи, и выясняется разница въ данномъ случаѣ между предикативнымъ атрибутомъ и аппозиціей. Эта разница должна была бы указывать, мнѣ кажется, что роль причастій здѣсь неодинакова: такъ называемое причастіе предикативно-атрибутивное не имѣетъ отношенія къ сказуемому — оно выступаетъ или въ качествѣ атрибута или зачаточнаго цѣлаго предложенія. Послѣднее — настоящее назначеніе этого причастія, если мы примемъ во вниманіе его предидирующую силу. На основаніи высказаннаго мною получается иное освѣщеніе данныхъ оборотовъ, чѣмъ то находимъ у О. К. Для поясненія я буду пользоваться приведенными у О. К. примѣрами. Возьму первый примѣръ, надъ которымъ производитъ наиболѣе детальное разслѣдованіе О. К. Правда, этотъ примѣръ не относится къ примѣрамъ изъ славянскихъ языковъ, но онъ наиболѣе характеренъ для нашей цѣли. *Ὁ δ'ἔγρετο ὄϊος Ὀδυσσεὺς εὐδῶν ἐν γαίῃ πατρίῃ, οὐδὲ μὲν ἔγνω ἦδη δῆν ἀπέων* т. е. и проснулся божественный Одиссей спящій на отечественной землѣ и не узналъ ее уже долго отсутствующій.

Овсянико - Куликовскій находитъ: спящій употреблено атрибутивно, такъ какъ если видѣтъ здѣсь аппозицію, то получилась бы нелѣпость (проснулся и продолжалъ спать), и въ то же время это причастіе не выходитъ изъ сферы предиката. Между тѣмъ, вовсе нѣтъ никакой необходимости относить хотя отчасти данное причастіе къ предикату, а тѣмъ болѣе говорить, что оно находится въ сферѣ сказуемаго. Въ то же время, можетъ быть, былъ извѣстный періодъ, когда это причастіе само по себѣ было близко къ *verbum finitum*, но не доразвилось до послѣдняго и постепенно перешло въ атрибутъ. Если же мы возьмемъ другой примѣръ: *τὴν Ὀδυσσεὺς γήθησεν ἰδὼν* — т. е. Одиссей обрадовался, увидѣвъ ее, — то здѣсь причастіе всецѣло относится къ глаголу, составляетъ какую то неразрывную по смыслу часть послѣдняго. Здѣсь такимъ образомъ картина мѣняется и, безспорно, причастіе входитъ въ составъ сказуемаго. Для подтвержденія того, что высказано мною по отношенію къ анализу перваго приведеннаго предложенія, я могъ бы сослаться и на тотъ матеріалъ, который приводится Потемнею, а затѣмъ О. Куликовскимъ относительно именительнаго самостоятельнаго, т. е. такого оборота въ которомъ причастіе выступаетъ уже въ самостоятельномъ предикативномъ значеніи. Я долженъ также добавить, что произведенный анализъ считается съ данными историческаго уже характера, не заходя въ область проэтническую, гдѣ не было еще такого расчлененія въ назначеніяхъ причастій. Повидимому, противъ произведеннаго мною анализа могли бы говорить тѣ сопоставленія, которыя дѣлаетъ О. К. относительно славянскихъ переводовъ съ греческими оригиналами и переводами готскими: въ слав. текстахъ мы видимъ употребленіе, напр., причастія вмѣсто обстоятельственнаго слова въ греческомъ и готскомъ яз., но на ряду однако съ этимъ мы въ такой же роли находимъ и употребленіе прилагательнаго. Конечно, и за послѣднимъ нельзя отрицать употребленія въ предикативномъ значеніи,

но только не въ приводимыхъ примѣрахъ, гдѣ оно выступаетъ въ качествѣ атрибута.

Въ связи съ сказаннымъ я не могу согласиться съ тѣми общими положеніями, которыя выводитъ О. К. послѣ анализа отдѣльныхъ примѣровъ изъ разныхъ языковъ. Вотъ что говоритъ онъ относительно синтаксическаго характера предикативно-атрибутивнаго причастія. „Мы знаемъ, что наше причастіе было само по себѣ въ значительной степени предикативно, такъ что могло замѣнять глаголь. Обладаніе собственною предикативностью мѣшаетъ ему быть въ предложеніи простымъ опредѣленіемъ: оно поневолю становится опредѣленіемъ предизирующимъ и тянетъ къ сказуемому. Присоединяя къ предикативности глагола и свою, оно значительно увеличиваетъ общій запасъ предикативной силы, собранной въ сказуемомъ . . .“ А я бы сказалъ слѣдующее: предикативное причастіе, не достигшее полной силы предикативности, постепенно переходитъ въ атрибутъ, при чемъ сила предизируванія вовсе и не переходитъ на настоящее сказуемое, а если и чувствуется связь этого причастія съ сказуемымъ, то эта связь образуется черезъ подлежащее. Такимъ образомъ мои послѣднія слова указываютъ на то, что я не согласенъ и съ послѣдующимъ заключеніемъ проф. О. Куликовскаго: „Это скопленіе предикативной энергіи въ сказуемомъ, дающее ему рѣшительный перевѣсъ надъ подлежащимъ, отчасти умѣряется тѣмъ тяготѣніемъ причастія (и предикативнаго имени) къ подлежащему, какъ его атрибуту, которое образуетъ специфическую черту предикативно-атрибутивнаго сочетанія въ противоположность аппозитивному . . .“ (Ж. М. Н. П. 98 г. май, 33—34).

Въ связи съ изложеннымъ стоитъ у О. К. попытка выяснить, что такое представляетъ собою предикативность. Въ виду важности затронутаго вопроса, я позволю себѣ цѣликомъ привести относящееся сюда мѣсто. „Предикативность принадлежитъ къ сферѣ мысли,

— она умственный актъ. Этотъ актъ не есть, какъ извѣстно, монополія языка: онъ образуетъ столь же неотъемлемую принадлежность сужденій психологическаго и логическаго, какъ и грамматическаго предложенія. Поэтому мы должны сперва отвѣтить на вопросъ: каковы общіе основные признаки предикативности, какъ умственнаго процесса, взятаго независимо отъ его постановки въ языкъ? Къ какимъ психологическимъ элементамъ можемъ мы свести явленіе предикативности, все равно — грамматической ли, психологической ли (доязычной), или логической (надязычной)? Когда предизирующий субъектъ беретъ извѣстное представленіе въ качествѣ предиката для другого представленія, то, прежде всего, самое содержаніе перваго (служащаго предикатомъ) выступаетъ въ сознаніи (въ „свѣтлой точкѣ“ сознанія) съ большею отчетливостью, съ большею яркостью, чѣмъ это бываетъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, съ представленіями, которыя берутъ на себя другія роли въ сужденіи. Далѣе, предизирующий субъектъ тратитъ извѣстную часть того умственнаго усилія и того вниманія, какія вообще потребны для фиксаціи представленій въ свѣтлой точкѣ сознанія, на апперцепцію специфическаго отношенія даннаго представленія, какъ предиката, къ его подлежащему: говоря, напримѣръ, „снѣгъ — бѣлъ“, я держу въ сознаніи не только само представленіе бѣлизны, но и спеціальное отношеніе его къ подлежащему „снѣгъ“ — я сознаю, я какъ бы отдаю себѣ отчетъ въ томъ, каково это отношеніе, какую именно роль въ предложеніи (или сужденіи) играетъ представленіе бѣлизны. Наконецъ, въ третьихъ, въ предизирующемъ субъектѣ возвышается родъ умственнаго самочувствія или самосознанія: предизируя — онъ сознаетъ или „мысленно ощущаетъ“ свое „я“, какъ виновника этого акта („снѣгъ

бѣль“ собственно значить: я думаю, знаю, вижу, чувствую, утверждаю и т. д., что представленіе бѣлизны можетъ или должно быть отнесено къ представленію снѣга, какъ его предикать). Укажу здѣсь также на то, что этимъ признакомъ явленіе предикативности и отличается отъ явленія атрибутивности: въ послѣднемъ умственное самочувствіе субъекта доведено до минимума, который можетъ считаться равнымъ нулю („бѣлый снѣгъ“ значить только, что если дано представленіе снѣга, то дано и представленіе его бѣлизны). Этотъ родъ мысленнаго самоощущенія, это невольное обращеніе къ „я“ субъекта, которое такъ или иначе даетъ себя чувствовать во всякомъ актѣ предикативности, можетъ быть понимаемо, какъ гомологъ волеваго акта: тому, что въ сферѣ психики проявляется въ формѣ волеваго акта, въ болѣе тѣсной и вмѣстѣ съ тѣмъ высшей ея области — умственной, отвѣчаетъ актъ предикативности. Какъ гомологъ волеваго акта, процессъ предикативности отличается отъ другихъ, какіе только участвуютъ въ образованіи сужденія, тѣмъ, что требуетъ болѣе сильной мысли, болѣе затраты умственной энергіи“ (тамъ же, 36). Итакъ намѣчается какъ бы три основныхъ элемента въ предикативности; на самомъ же дѣлѣ, первый и второй элементы образуютъ одно цѣлое, при чемъ одинъ элементъ относится къ другому, какъ причина къ слѣдствію. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что проводится въ этой первой половинѣ выясненія: съ предикативностью связывается дѣйствительно затрата умственной энергіи, благодаря чему выступаетъ ярче указанное содержаніе предиката. Зато нельзя согласиться со второй половиной, въ которой доказывается явленіе какого-то рода самосознанія въ предикатѣ, самоощущенія. Здѣсь психологическое чутье изслѣдователя даетъ, кажется, черезчуръ сомнительныя обобщенія: соединяя съ предикативностью актъ особаго самочувствія, О. К. противопоставляетъ въ данномъ случаѣ предикативности атрибутивности, какъ будто бы тамъ этого акта нѣтъ. На

самомъ же дѣлѣ, такъ противопоставить предикативность атрибутивности нельзя, потому что, какъ самъ же дальше О. К. замѣчаетъ, атрибутивность „есть ослабленная, смягченная предикативность“. И нельзя не согласиться съ дальнѣйшимъ разъясненіемъ подобнаго сравненія, только атрибутивность, все-же нельзя сравнивать съ какимъ-то бессознательнымъ заученнымъ движеніемъ, а предикативность съ сознательнымъ волевымъ движеніемъ. Говоря о большей или меньшей затратѣ умственной энергіи, нельзя говорить въ данномъ случаѣ только о разницѣ между предикатомъ и атрибутомъ, необходимо обратить вниманіе на то, что разница сказывается между тѣмъ или инымъ предикатомъ, иногда въ выраженіи одного или того же предиката. Совершенно правильно выдвигаетъ О. К. значеніе тѣхъ формъ, которыя онъ называетъ фикціями въ языкѣ. Я только предпочелъ бы говорить скорѣе о формальности, о переходѣ знаменательныхъ словъ въ слова формальныя, не прибѣгая къ термину „фиктивность“. Не прибѣгалъ бы я къ этому термину, потому что онъ, по моему, можетъ только вводить въ заблужденіе, тѣмъ болѣе, что О. К. считаетъ эту фиктивность, повидимому, переходной стадіей къ формальности.

На третьей статьѣ „синтактическихъ наблюденій“ оставаться не буду: эта статья касается составнаго сказуемаго съ причастіями перфекта и аористовъ (въ санскритѣ и греческомъ яз).

Небольшое изслѣдованіе проф. Овсяннико-Куликовскаго „Изъ синтактическихъ наблюденій I. Къ вопросу о классификаціи безсубъектныхъ предложений“ (СПБ. 1901 г. изъ Извѣстій отд. рус. яз. и слов. ИМП. Ак. Н. т. V, кн. 4) представляетъ собою, по словамъ автора, „введеніе въ дальнѣйшія историко-сравнительныя изслѣдованія, предпринятыя авторомъ въ области безсубъектныхъ предложений“, но, къ сожалѣнію, послѣ этого введенія О. К. не приступалъ къ печатанію своихъ изслѣдованій. Кромѣ главной задачи,

которую ставить себѣ здѣсь авторъ — установить синтаксическій процессъ классификаціи безсубъектныхъ предложений, мы видимъ въ данной статьѣ рядъ интересныхъ соображеній. Въ основу классификаціи О. К. кладетъ большее или меньшее отсутствіе подлежащаго, такимъ образомъ получаютъ прежде всего обороты абсолютно-безсубъектные и относительно-безсубъектные. Нельзя не выдвинуть цѣнности такого дѣленія сравнительно съ дѣленіемъ Миклошича, основанномъ на лексическомъ значеніи разсматриваемыхъ оборотовъ. Но, съ другой стороны, дѣленіе на абсолютно-безсубъектные и относительно-безсубъектные не есть, въ сущности, классификація разсматриваемыхъ оборотовъ. Это только предварительный анализъ матеріала. О. К. находитъ, что въ дѣленіи Миклошича выдвинуто содержаніе фразы, а не грамматическая форма. И при „оглядкѣ“ на подлежащее также выдвигается содержаніе фразы, но уже нѣсколько иначе: содержаніе даетъ возможность опредѣлить, апперцепируется только сказуемое или оставляется какъ бы мѣсто для отсутствующаго подлежащаго, и послѣднее находится какъ бы въ возможности. И не только О. К. устанавливаетъ, что существуютъ различныя ступени относительно-безсубъектныхъ оборотовъ, но стремится констатировать и нѣкоторые оттѣнки въ абсолютно-безсубъектныхъ предложенияхъ. „Нѣкоторый оттѣнокъ“ замѣчаетъ О. К. въ употребленіи *es* и *il*, которыя онъ называетъ псевдомѣстоименіями. Безсубъектные обороты въ нѣмецкомъ языкѣ съ *es*, во французскомъ съ *il* появляются позже оборотовъ безсубъектныхъ безъ этихъ мѣстоименій. *Es* и *il* не измѣняютъ содержанія оборотовъ, но въ смыслѣ синтаксическихъ отношеній, по О. К., они создаютъ новые обороты и являются средствомъ для извѣстной эволюціи. *Es* и *il* причисляются О. К. къ средствамъ экономіи языка въ данномъ случаѣ: это фикціи, на которыя наше мышленіе не затрачиваетъ энергіи и которыя нужны для устраненія подлежащаго. Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ я на-

хожу известную долю искусственности. Прежде всего изслѣдователю приходится предполагать, что въ древне-нѣмецкихъ и древне-французскихъ безсубъектныхъ оборотахъ еще чувствовалось присутствіе подлежащаго и затѣмъ уже въ дальнѣйшемъ начали прибавляться названныя мѣстоименія и получалось такимъ образомъ устраненіе субстанціи. Но мнѣ думается, что если существовали уже болѣе или менѣе безсубъектные обороты, то ихъ поступательный ходъ не могъ выразиться въ прибавкѣ мѣстоименій, которыя на первыхъ порахъ должны были быть вполне знаменательны. Насколько же субъективны вообще поясненія древнихъ оборотовъ, показываетъ слѣдующее: въ противоположность Миклошичу О. К. постановку *Zeús* при *ὕει, βροντᾶ* считаетъ доказательствомъ того, что эти обороты не были абсолютно безсубъектными и посему *Zeús* являлось возстановленіемъ прежняго подлежащаго (ср. сказанное также о *varšati*, гдѣ также можно подмѣтить искусственность въ объясненіи происхожденія оборота: явленіе это — дождь — приписывается разнымъ богамъ; подлежащимъ считается даже какое то обобщеніе этихъ боговъ — божество и вообще „тогда эллипсисъ пріобрѣтаетъ большее значеніе въ смыслѣ прецедента безсубъектности“). Мнѣ кажется болѣе естественнымъ то объясненіе, которое находимъ у Потевни.

Безсубъектность предложенія имѣетъ большое значеніе въ сохраненіи известной силы для расходованія ея на увеличеніе логическаго богатства. Справедливо указываетъ Овсяннико-Куликовскій, что „логическое мышленіе развивается и организуется на счетъ умственной силы сберегаемой въ мышленіи грамматическомъ“ (Изъ синтак. набл., 21). Нѣсколько искусственно, какъ видимъ, объясненіе того, что цѣнность такихъ мнимыхъ величинъ, какъ *es, il* — „сводится не только къ тому, что онѣ мало тратятъ, но также по преимуществу къ тому, что тратя мало, онѣ дѣлаютъ много“ (22). Искусственнымъ мнѣ кажется примѣненіе послѣдняго и къ употребляющимся у насъ

воно, оно: оно такъ и е и пр. и указаніе на то, что обороты эти обрываютъ всякую связь съ прежнимъ миѣическимъ дѣятелемъ. Прибавка этихъ мѣстоименій, мнѣ думается, помогаетъ дѣлать говорящему извѣстное обобщеніе. Я возьму примѣръ изъ Гоголя, приводимый и Потебнею: „оно, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводится всякому похвально“; или: „оно жаль, дѣйствительно, что ты не пріѣдешь . . . Здѣсь оно равняется частицѣ да, т. е. здѣсь уже заключается невысказанная мысль, которая подробнѣе развивается далѣе. Здѣсь обратное тому, что находимъ въ такихъ выраженіяхъ: выучиться хорошо говорить на чужомъ языкѣ, это дѣло нелегкое (замѣчу, что Овс.-Куликовскій не признаетъ передъ это запятой).

При „говорять“, „думаютъ“ легко возстановить подлежащій субъектъ, исчезнувшее подлежащее, при другихъ выраженіяхъ это бываетъ очень трудно, иногда даже невозможно. Иногда это востановленіе должно носить искусственный характеръ. Послѣдняго не избѣгъ Апполоній Дисколь возстановляя при *ἀσπράττει-Ζεῦς*. Поэтому совершенно нельзя согласиться съ тѣми возраженіями, которыя дѣлалъ Іовановичъ (*Die Impersonalien*. В. 96 г.) противъ теоріи, по которой отличительнымъ свойствомъ безсубъектныхъ предложеній является невозможность назвать подлежащее (т. к., по Іовановичу, невозможность назвать подлежащее еще не показываетъ его отсутствіе, а если можно назвать подлежащее, то это не значитъ, что подлежащее непременно содержится въ предложеніи). Въ безсубъектныхъ предложеніяхъ, безусловно, нужно прежде всего смотрѣть, дѣйствительно ли нѣтъ подлежащаго и невозможно его обозначить. Поэтому я признаю улучшение въ классификаціи проф. Овс.-Куликовскаго сравнительно съ классификаціей Миклошича, что О. К. прежде всего обращаетъ вниманіе на различную степень отсутствія подлежащаго и потому дѣлитъ безсубъектныя предложенія на абсолютно-безсубъектныя и относительно-безсубъектныя. Дѣй-

ствительно, рассматривая исключительно съ грамматической точки зрѣнія мы должны подвергать предложенія анализу со стороны, что и какъ въ предложеніи апперцепировано. И вотъ въ безсубъектныхъ предложеніяхъ подлежащее не апперцепировано. Но беря послѣднее за основу безсубъектныхъ предложеній, мы можемъ признать нѣкоторую непоследовательность въ дѣленіи Овс.-Куликовскаго. Разъ подлежащее не апперцепируется, то какъ же можно признавать относительно-безсубъектныя предложенія? Если мы будемъ признавать послѣднія, а также вообще степени безсубъектности, тогда въ основу дѣленія ляжетъ не только отсутствіе подлежащаго, а и его неопредѣленность. Тогда мы сблизимъ основныя точки зрѣнія Овс.-Куликовскаго и Іовановича, только для послѣдняго степени безсубъектности безразличны. Мнѣ и думается, что при классификаціи безсубъектныхъ предложеній нужно было бы выдвинуть болѣе рѣзко формальные признаки, при чемъ прежде всего признаки, конечно, синтаксическаго характера. На первый планъ я выдвинулъ бы предложенія, въ которыхъ нѣтъ подлежащаго и въ которыхъ нельзя его подразумевать, выдвинулъ бы такъ называемыя „абсолютно-безсубъектныя“ предложенія, при чемъ однако, не всѣ, а нѣкоторыя изъ нихъ. И по древности образованія и по процессу образованія большая разница между „свѣтаеть“, „меня мутить“ съ одной стороны, и „мнѣ было весело“, „пора итти“, „много прожито“ и др., подводимыми Овс.-Куликовскимъ подъ одну рубрику „абсолютно-безсубъектныхъ“ предложеній. Данныя многихъ языковъ указываютъ на общность въ выраженіи безсубъектными оборотами метеорологическихъ явленій или внутреннихъ состояній чело-вѣка. Въ такихъ выраженіяхъ ни грамматическаго ни логическаго подлежащаго нѣтъ. Эти предложенія, надо думать, служили однимъ изъ первыхъ элементовъ для образованія другихъ оборотовъ. Если можно задаваться вопросомъ о существованіи подлежащаго для такихъ предло-

женій, то этого не можетъ быть по отношенію другихъ предложеній, создавшихся уже по аналогіи. Въ такихъ предложеніяхъ, какъ „пора идти“, подлежащее еще нѣсколько чувствуется (А. И. Соболевскій въ своей замѣткѣ на Subjectlose Satz, Миклошича — Рус. Филолог. В. т. X, 152 — считаетъ, вопреки Миклошичу, такіе обороты, какъ „пора кофе пить“, „пора итти“ личными, сравнивая ихъ съ оборотами *tempus est bibendi* и под., при чемъ указываетъ, что при переходѣ въ отрицательные эти обороты не представляютъ перехода подлежащаго въ родительный падежъ: мнѣ еще не пора ѣхать и пр.; но самъ же рецензентъ замѣчаетъ, что „пора“, „время“, „досугъ“ въ подобныхъ оборотахъ кажутся намъ нарѣчіями, поэтому сказуемое глаголь въ прошедшемъ времени ставится въ среднемъ родѣ: тогда мнѣ не было еще пора и пр.). Въ такихъ выраженіяхъ, какъ „мало прожито“ и пр., я не согласенъ видѣть непременно винительный падежъ, потому что данная форма отвѣчаетъ на вопросъ: сколько — и здѣсь подлежащее потеряло часть своей силы, но предложеніе не можетъ быть сравниваемо съ оборотами „морозить“ и пр. По образу „много прожито“ слагается, напр., „прошло 3 года“; послѣднее предложеніе Овс.-Куликовскій относитъ къ „переходнымъ формамъ“, хотя, идя послѣдовательно, могъ бы отнести и къ группѣ „абсолютно-безсубъектныхъ“ предложеній, разъ здѣсь отрицаетъ подлежащее.

Въ формахъ пассива мы видимъ, дѣйствительно, одно изъ средствъ распространенія своего рода безсубъектности путемъ уменьшенія значенія подлежащаго, но путь образованія получающихся безсубъектныхъ предложеній посредствомъ пассива нѣсколько иной, чѣмъ въ такихъ случаяхъ, какъ „морозить“ и под.

Говоря объ условіяхъ появленія безсубъектныхъ оборотовъ (здѣсь поваго ничего не дается) О. К. приводитъ любопытные примѣры изъ грамотъ: оборотъ „пишетъ“ въ значеніи „пишутъ“, „написано“, „пишется“.

Очень удачно связываются съ безусубъектными оборотами въ отношеніи „убыли грамматической апперцепціи подлежащаго“ и перевѣса апперцепціи сказуемаго нѣкоторыя отличія новаго строя языка отъ древняго: 1. измѣненія въ составныхъ сказуемыхъ со вторыми именительными падежами въ формѣ причастія или имени (существ. и прилаг.), 2. исчезновение *medium' a* (*atmanepadam*), въ которомъ сказывалась „оглядка“ на подлежащее, 3. возникновеніи пассива, низводящаго производителя признака въ фиктивного дѣйствителя.

Лишь отчасти отразилось вліяніе изслѣдованій Потевни на изслѣдованіи, специально относящемся къ языку греческому, А. Добіаша — Опытъ симазіологіи частей рѣчи и ихъ формъ на почвѣ греческаго языка (Прага 1897 г.). Работа Добіаша имѣетъ отношеніе и къ синтаксису славянскихъ языковъ.

Книга Добіаша распадается на нѣсколько отдѣловъ. Въ первомъ отдѣлѣ, своего рода введеніи къ дальнѣйшему изслѣдованію, авторъ стремится обрисовать господствующія теоріи синтаксиса (начала синтаксиса у Гумбольдта; синтаксическая система Беккера; ученіе Штейнталя о языкѣ; теорія Потевни о грамматическомъ мышленіи; что такое синтаксисъ? — предварительныя замѣчанія къ симазіологіи частей рѣчи и ихъ формъ). Но, въ сущности, это небольшія отрывочныя свѣдѣнія, изложеніе неясное, изслѣдователь зачастую пользуется словами разбираемыхъ авторовъ, приводя ихъ или въ переводѣ или въ переложеніи. Въ большинствѣ получается только какое-то нагроможденіе изъ выборокъ. Немудрено, поэтому, что 87 страницъ, занимающихъ первый отдѣлъ, не рисуютъ передъ нами того, чего бы мы могли ожидать послѣ прочтенія многообѣщающаго оглавленія введенія. Задачей своего труда Добіашъ ставитъ семазіологическое изученіе разрядовъ словъ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

выходять съ 1893 г. въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученыя Записки распадаются на два отдѣла: оффиціальный и научный.

Въ оффиціальномъ отдѣлѣ помѣщаются годовоі отчетъ Университета, актовыя рѣчи, отзывы о диссертацияхъ, обзорныя лекціи и т. п.

Въ научномъ отдѣлѣ помѣщаются работы преподавателей Университета; изъ студенческихъ же работъ печатаются (по возможности въ извлеченіи) лишь сочиненія, удостоенныя золотой медали.

Научныя статьи **Ученыхъ Записокъ** печатаются какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на одномъ изъ болѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языковъ, а также на латинскомъ, по выбору автора.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб. въ годъ.

Редакторъ **Д. Вудрявскій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА СОБРАНИЕ
НЕИЗДАННЫХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ

Л. Н. ТОЛСТОГО.

ИЗДАНИЕ

АЛЕКСАНДРЫ ЛЬВОВНЫ ТОЛСТОЙ.

Слѣдую указаніямъ, даннымъ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ, дочь его, Александра Львовна, предприняла изданіе оставшихся послѣ него, еще не бывшихъ въ печати, его художественныхъ произведеній.

Чистый доходъ съ этого изданія
будетъ употребленъ издательницей
согласно воли Льва Николаевича.

Въ это изданіе войдутъ слѣдующіе повѣсти, рассказы, драмы, и неоконченныя произведенія:

Хаджи-Муратъ.

Отъ ней всѣ качества.

Отецъ Сергій.

Записки сумасшедшаго.

Дьяволь.

Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ.

Фальшивый купонъ.

Кто убійцы?

Послѣ бала.

Записки Ѳедора Кузьмича.

Что я видѣлъ во снѣ?

Вступленіе къ исторіи матери.

Алеша Горшокъ.

Дѣтская мудрость.

Живой трупъ.

Отецъ Василій и нѣкоторыя другія произведенія.

Ходынка.

Изданіе это выйдетъ въ свѣтъ по подпискѣ, въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, и будетъ состоять изъ трехъ изящныхъ томовъ большого формата, на лучшей бумагѣ, съ портретами и автографами **Л. Н. Толстого.** — I томъ выйдетъ 7 ноября 1911 г.; II — 2 декабря 1911 г. и III — 5 января 1912 г.

Цѣна за три тома ШЕСТЬ руб. Съ пересылкой 6 р. 50 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 руб. и при полученіи I тома — остальные 3 руб. — **Подписка принимается:** Москва, Кузнецкій мостъ, д. ки. Гагарина, кв. 5, контора изданій А. Л. Толстой, — и во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ.